

Санкт-Петербургские ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Выпуск 25

Икона Божией Матери «Знамение» (Нарвская-Ивангородская)

Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости

Главный редактор
Высокопреосвященнейший ВЛАДИМИР
Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский

Редактор И.В. Попов

Выпуск 25

СОДЕРЖАНИЕ

Тихий юбилей (к 80-летию окончания гражданской войны в России)	3
СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ	
<i>Прп. Анастасий Синаит. Слово о святом собрании и том, что не следует судить и злопамятствовать</i>	6
ПОДВИЖНИКИ ВЕРЫ И БЛАГОЧЕСТИЯ	
<i>О.И. Ходаковская. Монах и воин. Архимандрит Исаакий (Виноградов)</i>	10
<i>Блаженный странник Стефан Нарвский</i>	31
ПРОПОВЕДЬ	
<i>Архиеп. Аверкий (Таушев). Христос Воскресе!</i>	33
<i>Прот. Борис Старк. Узреть Бога</i>	35
<i>Архим. Исаакий (Виноградов). Слово о вмч. Георгии Победоносце</i>	36
<i>Собор Двенадцати Апостолов</i>	38
ПРАВОСЛАВИЕ И РОССИЯ	
<i>Викарии Нарвские и Ямбургские</i>	39
ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ	
<i>Архиеп. Аверкий (Таушев). О различении духов</i>	59
<i>Протопресв. Михаил Помазанский. Воскресение Христово</i>	62
НАШИ ХРАМЫ	
<i>Г.А. Синякова. Русская Нарва</i>	64
НЕБЕСНЫЙ ПОКРОВ НАД РОССИЕЙ	
<i>А.В. Иванен. Чудотворные иконы Божией Матери Одигитрии Нарвской и свт. Николая Чудотворца</i>	86
<i>Р.И. Рацевич. Икона Божией Матери “Знамение” (Нарвская-Ивангородская)</i>	88
<i>Явление вмч. Параскевы Пятницы в Ильешах</i>	91
РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА	
<i>Свящ. Владислав Кумыш. Священномученики Ивангородские</i>	
<i>Протоиерей Димитрий Чистосердов и иерей Александр Волков</i>	96
<i>Узник Везенберга. Протоиерей Сергей Флоринский</i>	102
<i>Иерей Иоанн Петтай, священномученик Валкский</i>	111
БЛАГОТВОРИТЕЛИ	
<i>А.В. Иванен. Барон А.Л. Штиглиц</i>	115
БЫЛОЕ	
<i>Архим. Алексей (Чернай). Из воспоминаний</i>	129
<i>Новомученики Северо-Западной армии</i>	139
СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ	
<i>А.В. Туркул. Баклажки</i>	161
<i>А.И. Куприн. Купол св. Исаакия Далматского</i>	166

Редакция благодарит за предоставленные для этого выпуска журнала архивные фотографии:
Нарвский музей (Эстония),
М.Ю. Мещанинова (Колпино, С.-Петербурга),
Н.П. Шмитт-Фогелевича (С.-Петербурга)

Издание Санкт-Петербургской митрополии

Ответственный секретарь Издательского отдела И.Н. Судоса

Техн. редактор И.А. Шумакова. Корректор Г.В. Шкатова. Компьютерный набор и верстка М.А. Сорокин

Фото Ю.П. Костыгова, И.В. Попова, С.Г. Зирина, В.П. Старка

Адрес редакции: 193167, С.-Петербург, наб. реки Монастырки, д.1; тел./факс. (812)-274-04-54; e-mail: vedy@mail.rcom.ru

Подписано в печать 16.04.2001. Формат 60х90¹/₈. Печ. л. 21. Тираж 999. Заказ

ТИХИЙ ЮБИЛЕЙ

К 80-летию окончания Гражданской войны в России

На рубеже 2000-2001 гг. на фоне юбилейных торжеств, посвященных 2000-летию Рождества Христова почти незамеченными ни властью, ни общественными организациями, ни прессой остались следующие друг за другом даты 80-летия начала и завершения Белой борьбы (1917-1920) на бескрайних просторах России. Ни день русской скорби 25 октября / 7 ноября, – под таким именем его ежегодно вот уже 80 лет отмечают во всех православных храмах Русского рассеяния служением панихид по всем погибшим в России в XX веке за годы безбожия (в современной России он объявлен днем примирения), ни последующие даты 80-летия сражений и битв, ознаменовавших трехлетнюю неравную борьбу русского и других народов России за христианские и национально-государственные ценности с воинствующим материализмом и безбожием, вероломно подчинившим себе на несколько десятилетий огромную страну, за немногими исключениями почти не вспоминаются в суете буден современной России.

На это, конечно, повлияло и утверждавшееся долгое время в нашей стране безбожие и идеологическая направленность воспитания. Сыграло свою роль и неумолимое время.

По свидетельству известного современного историка Церкви протоиерея Владислава Цыпина, катастрофа 1917 г. в России «затронула все стороны национальной жизни; она повлекла за собой коренной переворот в отношениях между государством и Церковью. Уже Временное правительство отменило обязательное преподавание Закона Божия и передало церковноприходские школы в ведение Министерства народного просвещения, сделав тем самым первый шаг к вневероисповедному государству. Возражения со стороны Поместного Собора и иерархии против этих мер не были приняты правительством. Делегация Собора во главе с архиепископом Кириллом безуспешно пыталась убедить премьер-министра Временного правительства А.Ф. Керенского отменить принятые законы. Глава правительства заявил, что Временное правительство исполнено решимости уничтожить те нити, которые мешают новому строю стать внеконфессиональным. Давая отчет Всероссийскому Поместному Собору 1917-1918 гг. о поездке в Петроград, член Собора Н.Д. Кузнецов сказал, что беседа оставила у него тяжелое впечатление: «Нить, связующая государство с Церковью в их заботах о христианском просвещении народа, теперь уже порвалась».

После Октябрьского переворота сразу же началась подготовка законодательства об отделении Церкви от государства, революционный процесс сопровождался эксцессами, жертвами которых становились православные храмы, монастыри, духовные лица. В Петербурге закрываются дворцовые церкви и конфискуется синодальная типография.

Тревожная атмосфера вокруг готовящегося декрета об отделении Церкви от государства нагнетается лекциями, которые в январе 1918 года читал И.А. Шницберг, привлекавшийся обер-прокурором В.Н. Львовым для работы в синодальной комиссии по пересмотру законов о разводе. В своих выступлениях Шницберг утверждал, что причащение будет запрещено как «колдовской акт», священные сосуды изъяты из храмов, а все духовенство объявлено контрреволюционным: «Попы – это виши на народном теле, это пособники мародеров и помещиков». Самым ударным местом в речах лектора был подстрекательский намек: «Патриарх еще жив».

Святой Патриарх Тихон в первом обращении к всероссийской пастве характеризовал переживаемую страной эпоху как «годину гнева Божия»: «В дни многоскорбных и многотрудных вступили мы на древнее место Патриаршее. Испытания изнурительной войны и гибельная смута терзают Родину нашу, скорби и от нашествия иноплемennых, и междоусобные брани. Но всего губительнее снедающая сердца смута духовная. Затмили в совести народной христианские начала строительства государственного и общественного; ослабла и сама вера, неистовствует безбожный дух мира сего».

Еще более резок обличительный тон послания Патриарха от 19 января (1 февраля) 1918 года: «Тяжкое время переживает наша святая Православная Церковь Христова в Русской земле: гонения воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины... Святые храмы подвергаются или разрушению... или ограблению и кощунственному оскорблению..., чтимые верующим народом обители святые захватываются безбожными властелинами тьмы века сего... Где же пределы этим издевательствам над Церковью Христовой? Как и чем можно остановить это наступление на нее врагов неистовых? Зовем всех вас, верующих и верных чад Церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне святой матери нашей... противостояйте им силою вашей, вашего властного всенародного вопля... А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою».

Захватившим власть, свергнувшим страну кровавую смуту он адресует свое архипастырское послание

(январь 1918 г.): «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это – поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной. Властью, данной нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной».

Когда большевиками 16 марта 1918 г. был подписан Брестский мир, по которому в пользу Кайзеровской Германии от России отторгались Польша, Финляндия, Прибалтика, Украина, часть Белоруссии, Крым, Закавказье, 5 (18) марта Святитель Тихон обратился к пастве с посланием, в котором осудил подписание Брест-Литовского договора: «Благословен мир между народами, ибо все братия, всех призывает Господь мирно трудиться на земле, для всех уготовал Он Свои неисчислимые блага... И несчастный русский народ, вовлеченный в братоубийственную кровавую войну, нестерпимо жаждет мира, но тот ли это мир, о котором молится Церковь, которого жаждет народ?... Этот мир, подписанный от имени русского народа, не приведет к братскому сожителству народов... В нем зародыши новых войн и зол для всего человечества».

И действительно, по всей России полыхала проходившая с обеих сторон с неимоверным ожесточением Гражданская война. В огне ее погибали не только военные люди, но и мирные жители. Жертвами междоусобицы стали и многие священнослужители, часто подвергавшиеся репрессиям по обвинению в контрреволюционной агитации или в поддержке Белого движения.

31 марта (13 апреля) Патриарх Тихон в храме Московской Духовной семинарии молился об упокоении рабов Божиих, за Веру и Церковь Православную убиенных. Он помянул имена митрополита Киевского Владимира, протоиереев Иоанна Кочурова, Петра Скипетрова, Иосифа Смирнова, Павла Дернова, игумена Гервасия, иеромонаха Герасима, священников Михаила Чаfranова, Павла Кушников, Петра Покрывало, диакона Иоанна Касторского и других служителей алтаря Господня, мученически завершивших свою жизнь к этому времени.

В 1918–1919 гг. – годы Гражданской войны, безбожниками были убиты: архиепископ Пермский Андроник, Воронежский Тихон, Тобольский Ермоген, Черниговский Василий (Богоявленский), Астраханский Митрофан, Вяземский Макарий (Гневушев), Енотаевский Леонтий (Вимпфен), Ревельский Платон (Кульбуш). Епископ Амвросий (Гудко) был убит в августе 1918 года по особому указанию Троцкого, нагрянувшего в Свияжск со своим штабом. В канун своей кончины на собрании Братства православных приходов епископ Амвросий говорил: «Мы должны радоваться, что Господь привел нас жить в такое время, когда можем за Него пострадать. Каждый из нас грешит всю жизнь, а краткие страдания и венец мученичества искупают грехи всякие». В эти годы погибли также настоятель Казанского собора в Петрограде сщмч. протоиерей Философ Орнатский, знаменитый на всю Россию московский протоиерей Иоанн Восторгов, осужденный за «антисемитскую пропаганду», протоиерей Николай Конюхов и священник Петр Дьяков из Пермской епархии, иеромонах Нектарий из Воронежа.

Петроградский протоиерей Алексей Ставровский после убийства Председателя Петроградского ЧК Урицкого был арестован как один из заложников, вывезен в Кронштадт и там расстрелян. Тело мученика было брошено в воды Финского залива.

Многие священнослужители, монахи и монахини были зверски замучены бандитами: их распинали на Царских вратах, варили в котлах с кипящей смолой, скальпировали, душили епитрахиями, «причащали» расплавленным свинцом, топили в прорубях.

13 (26) октября 1918 года Патриарх Тихон обратился с посланием к Совету народных комиссаров, в котором он выразил свою скорбь о бедствиях, переживаемых русским народом от братоубийственной смуты, страданиях, выпавших на долю мучеников и исповедников. Послание заканчивается призывом: «Отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лк. 11, 51) и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Мф. 26, 52)».

Сегодня, когда на Юбилейном Архиерейском соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 г. прославлен сонм свв. мучеников за Православную веру, пострадавших в годы безбожия, следует вспомнить и тех, кому Господь даровал узреть духовными очами и чистым сердцем истину жизни в Боге, и кому тогда же, в начале Смуты, открылись ложь и мерзость охватившего души многих русских людей в начале XX века соблазна жизни без Бога; тех, кто поднялся на неравную борьбу против насилия духовного и физического над русским народом, поругания всяческих гражданских и нравственных прав, на борьбу за поруганную Православную веру и Святую Русь.

Такие люди нашлись и в трагические дни позорного февраля 1917 г. в Петрограде и Пскове, когда у св. Стратотернца Императора Николая II было насильственно вырвано (исторгнутое изменой) отречение от престола, когда последовали драматические события на базах Балтийского флота в Кронштадте и Гельсингфорсе, давшие первые имена мучеников за Царя, Отечество и Веру в период Смуты. Находились они и позже, в дни событий на Дону и Кубани, в «Ледяном походе», в дни наступления Белых войск под командованием генералов Л.Г. Корнилова, П.Н. Краснова, а позднее генерала Н.Н. Юденича на Петроград, генерала

А.И. Деникина – на Москву, предпринятых с целью освободить обе столицы, изнывавшие под властью большевиков и платившие им кровавую дань жизнями лучших своих сыновей и дочерей, представителей практически всех сословий прежней России (вспомним здесь хотя бы синодики умученного в 1918-1920 гг. духовенства, – новых мучеников Российских). Нашлись они и в дни кровопролитных боев здесь, на Северо-Западе России – под Ямбургом и Нарвой (1919-1920), в дни белой борьбы в Сибири (под командованием адмирала А.В. Колчака) и на Дальнем Востоке (под командованием генерала М.К. Дитерихса), борьбы за Крым и северную Таврию (командующий – генерал П.Н. Врангель) и эвакуации Севастополя (2.11.1920), исхода русской эскадры в Бизерту (с 22.12.1920) и начала жизни русских изгнанников на чужбине (январь 1921). Минуло ровно 80 лет с того дня, как произошли эти исторические и героические в памяти православной христианской России события.

В эти годы лучшие сыновья России и, в значительной степени, молодежь – воспитанники гимназий, юнкерских, кадетских, коммерческих и иных училищ, дети городской интеллигенции и простых крестьян включились в борьбу за Белую идею, и добровольно положили свои жизни за Веру и Отечество. Идеалы нравственной чистоты, на которых воспитывалась за школьными и гимназическими партами эта лучшая часть русской молодежи, боль за оскорбленную Родину, разрушенные вековые устои жизни, за поруганные алтари и оскверненные святыни привели их к этому подвигу.

Белое движение не было идеальным, ему также были присущи многие болезни, поразившие русское общество к началу XX века, потому и попустил нам Господь эту жизнь без Него в плену материалистических иллюзий в течение нескольких десятилетий.

Но не взирая на иные язвы «Белого дела», с которыми пришлось столкнуться многим участникам движения, добровольно вставшим на путь защиты веры и родины, большинство из них остались верными Белой идее. Один из добровольцев Северо-Западной армии, бывший гимназист из Варшавы А.А. Ландышевский, столкнувшись на фронте с людьми, далекими от святых и высоких идеалов Белого дела, писал в своем дневнике: «Меня уговаривали ехать обратно в Варшаву, что здесь опасно, и раз у меня есть средства, чтобы жить в свое удовольствие. Вообще все грустно и прискорбно. Но я остаюсь и твердо пойду по намеченному мною пути...» Он погиб в двадцатых числах июля 1919 г. под Петроградом в бою возле деревни Килли Ямбургского уезда...

Сегодня мало у кого вызывает сомнение тот факт, что царская власть в России, свергнутая в 1917 г. в лице помазанника Божия – св. Страстотерпца Императора Николая II, была богоустановленной, и ниспровержение ее, и совершение революции стало бунтом против власти, а затем перешло в бунт против Творца.

Вспомним слова св. апостола Петра: «Итак будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, – ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, – как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии. Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите» (1 Петр., 2, 13-17), св. апостола Павла: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению; а противящийся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее; ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (Рим. 13, 1-4), а также одно из анафематствований чина Торжества Православия: «Помышляющим, что не по благоволению Божию царствуют православные государи и не приемлют, при помазании на Царство даров Духа Святаго, но дерзающим против них на бунт и измену – Анафема!»

Итак, в годину смуты XX века на Руси одна часть народа, поправ завет Евангелия, помрачившись и впад в соблазн, восстала против Царской власти и Бога, другая же часть русского народа, увидев нарушение заповеди Божией узурпировавшими власть большевиками и памятуя, что Богу должно повиноваться более, нежели человеку (Деян. 5, 21) (тем более восставшим против Бога), попыталась спасти свою Родину. И эти лучшие представители русского общества, исполнившие в страдную годину междоусобной брани свой долг перед Богом и Россией, заслуживают нашей благодарной молитвенной памяти.

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

Прп. Анастасий Синаит

СЛОВО О СВЯТОМ СОБРАНИИ И О ТОМ, ЧТО НЕ СЛЕДУЕТ СУДИТЬ И ЗЛОПАМЯТСТВОВАТЬ

В пятую неделю святой четырёхдесятницы

Преподобный Анастасий Синаит – один из выдающихся писателей-богословов и аскетов Православной церкви, живший в VII веке, между 640 и 700 гг. Известно, что в молодости он получил хорошее богословское образование. Еще будучи молодым человеком, он стал иноком Синайской обители и долго путешествовал по Сирии, Палестине и Египту для борьбы с различными еретиками – монофизитами, северианами, феодосианами и другими, примыкавшими к ереси Евтихия. Преподобный Анастасий написал ряд интереснейших богословских и аскетических трактатов, главным из которых является его полемический труд – «Путеводитель», своеобразный опыт руководства для борьбы с еретиками. В каждой из 24 глав этого труда опровергаются еретические мысли и высказываются наставления, как охранять свою душу от тонкостей ереси монофизитов. Из экзегетических трудов Анастасия Синаита первое место занимает «Изъяснение шестоднева» в 12 книгах, в котором весь шестоднев Анастасий толкует исключительно в отношении ко Христу и Его Церкви. Сочинение оканчивается гимном в честь Евы, которая, по мнению писателя, была первым прообразом Церкви. В другом обширном сочинении «Вопросы и ответы» предложено толкование различных мест Священного Писания по вопросам догматического и нравоучительного характера. Это сочинение пользовалось в свое время большим уважением, и уже в IX веке оно было переведено с небольшими сокращениями на славянский язык и вошло в состав сборника, составленного для болгарского царя Симеона. На Руси этот труд, озаглавленный как «Изборник», появился в XI веке и предназначался для русского великого князя Святослава. Из других сочинений преподобного Анастасия Синаита известны «Слово о святом собрании и о том, что не следует судить и злопамятствовать», которое и предлагается читателю, «Слово об усопших», «Беседа на шестой псалом», «Беседа о зловерности клеветы и хулы» и другие беседы назидательного характера. Некоторые сочинения Анастасия известны лишь в отрывках или только по названиям. Так, против монофелитов он написал три небольших сочинения, из которых третье излагает историю монофелитской ереси после Шестого Вселенского собора (680 г.). Сам преподобный Анастасий свидетельствует, например, что написал сочинение «Беседа против иудеев», которая напечатана в 89 томе греческой Патрологии Миня. Также изданы отрывки из не сохранившегося в полном виде сочинения Анастасия «Против Ариан». Память преподобного празднуется Православной Церковью 20 апреля по старому стилю (3 мая по новому).

Благодать Святого Духа через все священное Писание всегда побуждает нас к сохранению святых Божиих заповедей; в особенности же к сему побуждает нас наставление пророка Давида, которое ежедневно слышится в песнопениях церковных: книга псалмов научает нас благочестию, предписывает заповедь о вере, учит целомудрию, приводит в страх Божий, повествует о наказании, о сокрушении, о воздержании, о покаянии, о сочувствии, о любви и долготерпении Божиим, о непорочности, о посте и благодеянии, ибо попечение и забота о молитве и священных Писаниях служит матерью всех добродетелей. Через молитву получаем от Бога исполнение всякой просьбы и дарование: «В церквах благословите Бога» (Пс. 67, 27) и «Посреде церкви славлю Тя» (Пс. 21, 23). Итак, Пророк необходимо советует непрерывное попечение и общение с Богом, как бы от лица Божия говоря: «Упразднитесь и разумеите, яко аз есмь Бог» (Пс. 45, 11). Ибо без занятий многого пребывания в молитвах и божественном чтении Писаний нельзя получить ни исполнения просимого, ни истинно познать Бога.

Если кто-нибудь, долгое время проводя часто в переходчивых ремесленных школах, с трудом, наконец, научится обыкновенному ремеслу, то насколько более тот, кто хочет приобрести познание Бога и угождения Ему, должен проводить свое время в Боге и пламенно и горячо до конца жизни иметь свою душу окрыленную к Нему? Не видишь ли, как имеющие мирские и временные власти, нашедши какое-либо удобное время, как бы огнем побуждаемое, своими помышлениями подстрекаются и возбуждаются так, что каждый из них говорит: сколько я нашел времени! сколько власти я имею! как я могу приказывать и слушаться! как скоро слушаются меня житейские дела! я буду богатеть, буду строить, буду насаждать, буду похищать, буду расширять, буду предупреждать прежде чем случилась перемена времени; не буду ожидать, не буду медлить, ибо я не знаю, что принесет следующий день. Такими и подобными помышлениями многие люди, как бы демонами побуждаемые и подстрекаемые, в искушениях и житейских заботах торопятся, стеснясь, без всякого успеха, и вовсе не заботятся о душе, о смерти, о суде. Но мы почти не радим о себе и обманываем

себя, и если бы только это было, то зло было бы не так важно; но и друг друга мы не видим, и порицаем, и злоумышляем, и завидуем, и клеветаем, и насмехаемся; никто же из нас не внимает своим грехам, никто не печется о своей тяжести; но зато мы с любопытством смотрим на погрешности своих ближних, хотя сами переполнены грязью по горло, а вовсе об этом мы не печемся. До старости мы заботимся о чужих, и даже у самой старости не разыскиваем своих пороков. И малые преступления своих братьев мы видим, а бревна в своих глазах мы не видим. Мы под тяжестью своих прегрешений сгибаемся, а занимаемся преступлениями других; никак мы не стыдимся, не щадим ни одного, ни одного не уважаем, а всех мы терзаем; всех мы съедаем: малых, великих, виновных, невинных, священников, своих учителей, наставляющих и увещающих нас.

И поэтому постигает нас гнев Божий. Итак, мы получаем наказания и предаемся многим скорбям и обстоятельствам и по причине овладевающей нами бесчувственности. Велико наше ослепление; велика наша беспечность; велико наше нерадение. Нет у нас сокрушения, нет у нас страха Божия, нет улучшения, нет покаяния; весь же ум наш коснеет в злорадстве, удовольствиях и пьянстве. И часто мы, занимаясь целый день театрами и дурными разговорами и остальными диавольскими делами, не утомляемся, но ради них пренебрегаем и пищею, и домом, и другими необходимыми вещами; в церкви же Божией на молитве и чтении мы не хотим быть пред Богом даже и одного часа; но, как от огня, от церкви Божией спешим удалиться; и если очень продолжительно чтение святого Евангелия, мы негодуем и досадуем; и если священник немного дольше протягивает молитву, то мы делаемся мрачными и не обращаем внимания; и если тот, кто приносит Бескровную Жертву, немного замедлит, то мы, делаясь печальными и зевая, остаемся без внимания, и, как от суда, от молитвы вскоре спешим освободиться и побуждаемся диаволом идти на суетные дела и удовольствия. Велико наше бедствие, возлюбленные! Ибо, хотя мы и должны пламенеть духом во всякой молитве прощении, и в особенности мы должны это делать при божественном священнодействии святых тайн; именно со страхом и трепетом присутствовать пред Богом в таком собрании; тем не менее мы этого не приносим пред Ним с искренним прощением и с духом сокрушенным и смиренным; напротив, мы в таких собраниях совершаем свои суды и управляем многими и суетными своими делами. И некоторые заботятся не о том, с какой чистотою и покаянием приступать к святому престолу, но о том, какими одеждами украшаться, другие же пришедши, не считают приличным присутствовать до окончания, а через других особ спрашивают, что совершается в собрании и приближается ли время приобщения святых таинств; и тогда, как псы, бегом бросаются и, ухватывая таинственный хлеб, выходят. Другие же, пришедши в храм Божий, ни один час не остаются спокойными, болтая между собою и соединяясь болтовней более, чем молитвою. Другие, оставившие священную литургию, предаются плотским удовольствиям. Другие не вникают в свою совесть и не внимают ей, чтобы очистить ее покаянием от грязи прегрешений, но, собирая себе еще более тяжести грехов, смотрят на красоту и образы женщин, делая церковь Божию — своею неразумною похотью — непотребным домом. Другие в тот весьма страшный час совершают сделки о делах и имениях, делая церковь местом торговли. Другие занимаются в церкви клеветою друг на друга или даже на самих священников, приносящих жертву.

От этого оказываются несвободными и некоторые женщины, и даже те, которые служат дьяволу; не столько для молитвы посвящают себя церкви Божией, сколько для того, чтобы быть видимыми и обольщать многих из более простых. Посему, так как наше наставление имеет в виду оба пола, именно мужчин и женщин, то я возвращаюсь на

принятый вначале путь речи и говорю и рыдаю о том, что сделали нам, по видимому христианам, наша беззаботность и небрежность, ибо что может быть ужаснее того, когда мы, будучи переполнены лукавством, хищением и множеством других прегрешений, приступаем к святейшему телу и божественной крови, изливаемой за спасение мира, умывая мало руки водою, будучи же нечистыми, оскверненными?

Неужели ты не видишь, как Иуда, недостойно и лукаво причастившись тела Господня, в тот час был осужден и дал себе место лукавому? Ибо священное Писание говорит: «И по хлебе тогда вниде вонь (Иуду) сатана» (Ин. 13, 27), не презирая хлеба, а избличая приобщившегося в том, что он приобщался в осуждение свое. С какою совестью, с какою душой, с каким размышлением ты преступаешь к святым тайнам, будучи обличаем своею совестью? Скажи мне, дерзнул ли бы ты нечистыми руками прикоснуться к царским одеждам? Что же я говорю — царским? Ты и к своим одеждам не прикасаешься не омытыми руками, а, прежде омывши и отерши их, прикасаешься к своим одеждам. Почему же Богу не воздаешь почести, какую воздаешь тленным украшениям и одеждам? Какое же ты после сего получить прощение, скажи мне? Угождение Богу не в том одном состоит, чтобы приходить в церковь и прикладываться к честным иконам и святому кресту, и не в омовении рук состоит чистота, а в очищении греховных нечистот; их должно изгладить слезами, исповедью и тогда с душею сокрушенною приступить к пречистым тайнам.

Может быть, скажет кто-либо: не легко возбуждать в себе слезы и сетования. Но почему? Потому что ты не скорбишь о своих грехах, не чувствуешь их, не помышляешь о страшном дне суда. Если ты не можешь плакать, то хоть вздохни, и попечалься, и перестань смеяться, отвергни хоть свою надменность, и со страхом стой пред Господом Владыкою, опусти взоры на землю, и с сокрушенным сердцем приноси ему исповедание. Не видишь ли предстоящих пред земным царем, часто даже нечестивым, как стоят они пред ним со всяким уважением, с трепетом взирая на него, не двигаясь и не говоря ничего пред ним, и в спокойствии и со страхом предстоят пред ним? Мы же стоим в церкви Божией так, как в театре и бане, смеясь, разговаривая, болтая, обманывая себя и думая, что стоим в церкви.

Разве не знаешь, что церковь Божия есть врачевница и пристанище обуреваемых? Если же мы во врачевнице остаемся больными, не получая исцеления, когда же мы получаем оное? Если ты в пристани претерпеваешь бурю, то где же ты обретаешь истину? Стойте же, умоляю вас, стойте со страхом в страшный час возношения святых даров к Богу; ибо с таким расположением и с таким помышлением каждый из вас предстоит в этот час, с тем и возносится он к Владыке. «Возношение» называются святые тайны, потому что возносятся Богу. И так стой пред Богом тихо, с умилением, исповедуй пред Ним свои грехи через священника, осуди свои дела и не устыдись, ибо есть «стыд, наводящий грех и есть стыд слава и благодать» (Сир. 4, 25). Осуди себя пред людьми, чтобы Судия вселенной оправдал тебя пред ангелами. Проси у Господа милости, прощения и оставления прежних грехов, предостережения от будущих, чтобы надлежащим образом приступить к святым тайнам, чтобы с чистой совестью причаститься тела и крови, чтобы причащение твое послужило тебе не в осуждение, а в очищение. Послушай божественного Павла, говорящего: «Да искушает же человек себе, и тако от хлеба да яст, и от чаши да пьет, не рассуждая тела Господня. Сего ради в вас мнози немощни и недужливы, и спят довольны» (1 Кор. 11, 28-30). Видишь ли ты, что и болезнь и смерть, по большей части, наступают потому, что мы недостойно приступаем к святым тайнам?

Но, может быть, ты скажешь: кто же достоин? И я знаю это. Однако ты будешь достоин святых даров, если только захочешь: признай себя грешником, отвергни грех от себя, отыми от сердца своего гнев и лукавство, яви плоды, достойные покаяния; прими кротость, целомудрие, долготерпение и сострадание несчастным. От плодов правды и станешь достойным. Помолись Богу душой сокрушенной, и Он исполнит прошения твои. Если же сего не сделаешь, то всуе пребываешь в церкви. Это - не мои слова, а Господни: «Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, говорит Он, внидет в царствие небесное, но творяй волю Отца Моего; яко вера без дел мертва есть» (Мф. 7, 21. Иак. 3,20). Что же, скажет кто-либо: перестать ли молиться? Не ходить ли мне в церковь, потому что я имею злые дела? Нет, я не хочу сказать это и не позволяю этого; но только указываю тебе, как следует молиться Богу, с тем, чтобы мы предстояли при молитвах соответственно Божию достоинству, чтобы не сказал Христос и нам, как Иудеям: «Храм мой, храм молитвы наречется: вы же сотвористе и вертеп разбойником» (Мф. 21, 13). Если продающие и покупающие в иудейском храме, ударяемые Господом, - выгнаны, то укоряющие друг друга и злопамятствующие какого наказания и геенны достойными окажутся? Что же будем выносить мы, которые соединяемся с Богом, а подчиняемся диаволу?

Так как священник есть посредник между Богом и людьми и умиливает Бога за грехи народа, то смотри, как он всячески утверждает и умоляет, как бы говоря народу: так как я, возлюбленные, избран посредником между Богом и вами при сей таинственной трапезе, то умоляю вас: покажите прилежание и вы со мною, удалите от себя все житейские помышления, оставьте всякую телесную заботу, ибо теперь время не суетных занятий, но внимательной и прилежной молитвы. Слушайте, что диакон возглашает вам: «Станем добре, станем со страхом, вонмем святому возношению. Преклоним главы». Заклучим помыслы, заклучим язык, возвысим ум, возведем себя к небу. Горе имеем ум и сердца, взор души возвысим горе, к Богу. Прейдем небо ангелов, херувимов и приступим к самому престолу Владыки: емлемся за самые пречистые ноги Христовы, восплачем, умолим его благоутробие, принесем исповедание во святом, и пренебесном, и мысленном Его жертвеннике.

Это возвещает нам, к этому возбуждает нас священник, когда говорит: «Горе имеем сердца». Потом на это что мы отвечаем? «Имамы ко Господу». Что ты говоришь? что делаешь? ум твой привязан к суетному и телесному, занят деньгами, богатством, удовольствиями, судами, а ты говоришь: имею ко Господу. Размысли, умоляю, не долу ли - к диаволу, не горе - к Богу ты имеешь ум? Что ты делаешь, человек? Священник приносит за тебя Бескровную Жертву, а ты не радишь? Священник за тебя подвизается, предстоит как бы пред страшным судилищем, молится и ходатайствует, чтобы низвести на тебя свыше благодать Святого Духа, а ты не радишь о своем спасении? Оставь свое нечестие, взывая с подвизающимся за тебя священником, трудись с молящимся за тебя. Заботься о своем спасении. «Много бо может молитва праведного поспешествуема». (Иак. 5, 16). Молитва священника будет действительна, если ты свою соединишь с нею, и покажешь плоды покаяния, иначе «един созидай, а другой разорай, что успеет более, токмо труд». (Сир. 34, 23). Ибо какое разорение страшнее нам того, чтобы не только Христа обманывать в этот страшный час божественного собрания, но и на своих братьев злопамятствовать, не смотря на то, что мы говорим при молитве: «И остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим» (Мф. 6, 12)? Что ты говоришь, человек? Что дерзко и легкомысленно поступаешь по отношению к Богу? Злопамятствуешь ты против своего брата, изощряя нож против него и козни на него устраивая; питаешь

в своем сердце гибельный яд против ближнего, а между тем говоришь: оставь долги мои, как я оставил должнику моему. Молиться ты пришел в церковь Божию или обманывать? получить милость ты пришел или привлечь на себя гнев? достичь прощения грехов пришел ты в церковь Божию или прибавить прегрешения? спасение получить ты пришел или наказание? Не видишь ли ты, что мы обнимаем друг друга в этот страшный час для того, чтобы, сбрасывая всякий союз неправды (Ис. 58, 6) и жестокосердия, с чистым сердцем приступать к Владыке?

Что ты делаешь? Тогда как ангелы служат, покрывая таинственную трапезу своими крыльями, предстоят херувимы, воспевая Трисвятую песнь, серафимы с благоговением свои лица покрывают, архиерей приносит за тебя умиловительную жертву, все исполнены страха и трепета, агнец Божий закалается, Святой Дух свыше нисходит: ангелы невидимо обходят весь народ, знаменуют и записывают души верных, ты не трепещешь оставаться в нерадении и, лобзая иудиним лобзанием брата, скрываешь в своем сердце против него долговременное злопамятствование и яд змеиный? Как не боишься и не трепещешь ты Ведающему тайны сердца говорить: оставь мне, как и я оставляю брату? Чем такая твоя молитва отличается от проклятия? Твои слова осудят тебя самого. Если оставляю - оставь; если прощаю - прости; если милую - помилуй. Если я удерживаю злобу против собрата моего, то и Ты удержи; если гневаюсь, и Ты гневайся; какою мерою меряю, да возмерится и мне. Я на себя произношу суд. Господи! Ибо я слушал Твой страшный голос, говорящий: «Имже бо судом судите, судят вам; и аще ли не отпускаете человеком согрешения их, ни Отец ваш отпустит вам согрешений ваших» (Мф.7, 2). Итак я, поверив Твоим неложным изречениям, оставил и простил согревшим мне; итак прости, Владыко, как я простил собратьям. Будем говорить им, ежедневно молясь, в то время, когда мы предстоим при страшном и святом собрании, зная, что священник, после освящения той Бескровной Жертвы, поднимает хлеб жизни и всем показывает его. Потом диакон, возглашая, говорит: «Вонмем», т.е. внимайте себе, братие. Вот недавно согласились: «Имамы ко Господу сердца». И опять вы, исповедуя чистоту и незлопамятствование, сказали Богу: «Оставь нам, как и мы оставляем должникам нашим»; поэтому вы и друг друга лобзали. Но, так как и я человек, который не знаю ваших помышлений, то и отвергаю от себя осуждение; ибо я не знаю, кто из вас достоин, и кто не достоин приобщения святых тайн, и поэтому возвещаю вам внимать себе и познавать, пред кем вы предстоите.

Потом священник, присовокупляя, вскоре говорит: «Святая святых». Что же говорить? Видите, возлюбленные, как должно приступать к причащению божественных тайн, дабы кто-либо из вас, дерзая приступить к приобщению, не услышал: не прикасайся Меня, творящий неправду и беззаконие, стань вдали, не дающий прощения брату своему. Только когда простишь брата своего, приди, принеси дар твой и удостоишься приобщения. Отжени от себя всякую нечистоту злобы, и тогда приступи принять очищающий уголь. Скажи Богу: знаю, Господи, что я повинен многим грехам и долгам, но по Твоей заповеди я простил моим братьям, дабы и я от Тебя, Господи, удостоился прощения. Этому научает нас краткий возглас священника. Посему будем прощать братьям нашим, исторгнув из сердца нашего всякую злобу и лукавство, мы, желающие ходить достойно призвания, к чему призваны. Не говори: я часто прощал брата моего и он опять меня оскорбляет; ибо и Бог тебе то же может сказать. Не говори: он мне много сделал зла, именно: злоумышлял на мой дом, усвоил себе мое поле, убил моего сына, ввергнул меня в темницу, предал меня на смерть, и не могу простить его. Нет, возлюбленный, не так говори, умоляю: чем более ты простишь брату, тем более Бог тебе простит. Подражай и ты первомученику Стефану. Что он говорил, побиваемый камнями? «Господи

Иисусе, не постави им греха сего» (Деян. 7, 59).

Подражай Иакову, брату Господню, о котором и иудейские писатели свидетельствуют, что он, молясь за убийц своих, говорил: «Господи, отпусти им; не ведать бо, что ты творишь». Подражай самому Владыке, претерпевшему смерть за наше спасение, — и, если брат твой захочет повесить тебя на древе, скажи с Владыкою: «Отче, остави им грех этот» (Лук. 23, 34). Смотри на того, кто имел долг в десять тысяч талантов своему господину. Слушая же о десяти тысячах талантов, разумеи тяжести грехов. Так как он упал к ногам Владыки, умастил, просил, то он получил прощение всех тех грехов; но так как он злопамятствовал и не прощал своего брата; то и не достиг покоя, а предан на вечную геенну, и одно памятозлобие возмогло погубить его более, чем все те тяжелые прегрешения десяти тысяч талантов. Поэтому, умоляю, будем убегать сего лукавого и непростительного прегрешения! Если же желаешь научиться тому, что памятозлобие — хуже всякого другого греха, слушай: всякий грех совершается в короткое время и вскоре исполняется; сознавшись в тяжести своего греха, приходит в покаяние; а памятозлобие — страсть непрерывно кипящая. Ибо удерживаемый этою страстью и вставая, и ложась спать, и молясь, и путешествуя, имеет в своем сердце непрестанный и беспрерывный яд, так что зараженный сим не получает ни благодати Божией, ни удостоивается прощения прегрешений. Ибо — где памятозлобие насаждено, там ничто не приносит пользы, ни пост, ни молитвы, ни слезы, ни исповедание веры, ни прощение, ни девство, ни милостыня, ни иное что доброе дело; памятозлобие на брата все это уничтожает.

Будем же внимать и на это заботливо, ибо Он не сказал: «Аще принесеши дар твой ко алтарю, и ту памянешь, яко ты имеешь нечто на твоего брата»; а «помянешь яко брат твой имать нечто на тя: остави ту дар твой пред алтарем, и шед прежде смирися с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой» (Мф. 5, 23,24). Итак, если и злобу и лукавство брата мы должны исцелять, какое прощение мы получим, не только сего не делая, но и на своих братьев злопамятствуя и лукавый змеиный яд скрывая в себе? Я нередко слышу, что многие говорят: увы мне! как я могу спастись? поститься я не в состоянии, бодрствовать я не умею, в девстве остаться не могу, мир оставить не в состоянии; итак — как получит спасение? Как? Я покажу тебе. Вот единый легкий путь ко спасению: отпусти, и отпустится тебе; прости, и простится тебе. Покажу тебе и другой: «не судите, да не судимы будите» (Мф. 7, 1). Вот и другой путь спасения без поста, без бдения и труда! Посему не суди брата, хотя бы вы своими глазами видели согрешающего. Ибо един есть Судия и Господь, Который каждому воздаст по делам его, и один день суда, в который будем предстать открытыми по своим делам, для того, чтобы получить милость Божию. «Отец бо не судит никому, но суд весь даде Сынове» (Ин. 5, 22). Итак, кто судит прежде пришествия Христова, тот антихрист, потому что присволяет себе дело Христово. Итак, да не судим братьев, умоляю, чтобы удостоиться прощения. Ибо ты, может быть, видишь брата согрешающего, но не знаешь, как он окончит свою жизнь. Разбойник тот, распятый со Христом, был убийца и человекоубийца, Иуда же — апостол, ученик Иисусов и один из избранных учеников Его. Но в короткое время совершилась перемена. Разбойник вошел в царство небесное, а не ученик Иисусов и один из избранных учеников Его. Но в короткое время совершилась перемена. Разбойник вошел в царство небесное, а ученик Иисусов низринут в погибель. Положим, что брат и грешник; откуда ты знаешь остальные его дела? Ибо многие, часто согрешая явно, тайно приносят великое покаяние. Мы знаем грехи его, а не знаем покаяния и обращения его; и те, коих мы считаем грешниками, давно

оправданы уже пред Богом. Посему, умоляю, да не злопамятствуем и не судим ни одного человека до того времени, как придет справедливый Судия, «иже во святых приведет тайная тьмы, и объявит советы сердечная» (1 Кор.4, 5). Особенно же не суди священника за скрытые и неизвестные дела, которые ты слышал о нем. Не говори: грешник, приносящий святое возношение, осужден и недостоин и не нисходит благодать Святого Духа. Ничего подобного не помышляй. Судия и Испытатель скрыты — другой. Познай себя, ибо всякий — выше тебя, и предай суд справедливому Судье. Да будет же священником тот, кто не ошибается в божественных догматах. Не будь же судьей других, если ты не сошел с ума, а знаешь свою меру и должность. Что же говорить? Не подвергается ли архиерей суду и церковным правилам? Да, так. Но он не будет судим тобою, а Богом, если и нередко высшим архиереем. Как ты судишь пастыря, будучи овцою? Почему похищаешь ты, по обычаю фарисеев, суд Божий и священную должность, которая не вверена, не поручена тебе Богом.

Поэтому, умоляю, не судите ни одного, ни даже священника Божия, но с верою и с действительным покаянием и с чистою совестью приступите к Божественным Тайнам и достигнете освящения всего. Ибо приносящий бескровную жертву — хотя и ангел Божий, но так как ты преступаешь к ней недостойно, ангел никак не очистит тебя от грехов; а о том, что сказанное верно, сам Иуда свидетельствует. Хотя он принял Божественный хлеб от самих пречистых рук Владыки, однако потому, что он принял его недостойно, вскоре сатана вошел в него.

И послушайте один рассказ о том, как неосуждение другого освобождает человека от грехов, и, наоборот, осуждение утверждает грехи. Еще живут, при свидетельстве Христа и Владыки, во плоти те, которые увидели это. Один из отличающихся в монашеском чине, проводя свою жизнь во всяком нерадении и лености, подвергнут предсмертной болезни; когда же он дошел до последних издыханий, никак не побоялся своей смерти и со всяким удовольствием и готовностью разлучался со своим телом. Один из сидевших здесь боголюбнейших отцев спросил его, говоря: «Брат, поверь, мы смотрели, думали, что ты проводил свою жизнь во всякой праздности и нерадении; но не знаем теперь, откуда у тебя такая беззаботность в этот час?» На это брат ответил: «Действительно, честные отцы, поистине я проводил свою жизнь во всяком нерадении, а теперь ангелы Божий принесли и прочли предо мною запись всех моих грехов, сделанных мною после отречения от мира, и просили меня: признаюсь ли я в них? Я ответил: да, не могу отрицать; но со времени моего поступления в иночество я не памятовал обид, причиняемых мне, и не судил никого, почему я и просил Господа простить мне, по обетованию Его же: «Не судите, да не судимы будете, отпускайте, и отпустится вам». Едва я произнес эти слова, как ангелы разодрали запись грехов моих. Вот почему я отхожу ко Господу со всею радостью и беззаботностью; сказав же это отцам, брат в мире предал дух свой Господу, оставив предстоящим пред ним пример всякой пользы и назидания. Будем же и мы достойными участвовать в сей пользе и назидании и уделе сохранить себя не раненными всяким осуждением и памятозлобием, ибо Бог наш, будучи человеколюбивым и промышляя о нашем спасении, проложил нам много путей для того, чтобы мы, хотя немного их сохранивши, достигли великого. Что, скажи мне, легче тех заповедей? Все же так они имеют великое спасение, которого будем стараться и мы силою Господа нашего Иисуса Христа достигнуть, дабы удостоились и мы благ Его. Ибо Ему подобает слава, собезначальным Отцем и животворящим Духом, во веки веков. Аминь.

ПОДВИЖНИКИ ВЕРЫ И БЛАГОЧЕСТИЯ

О.И. Ходаковская

ВОИН И МОНАХ

Архимандрит Исаакий (Виноградов)

12.02.1895–12.01.1981

Тезоименитство 30.05/13.06. Память прп. Исаакия Далматского

О многих именах замечательного русского духовенства XX века довелось услышать в последнее десятилетие, но время – неустанный труженик – открывает новые, и среди них те, в судьбах которых не только просматривались деяния истинно пастырские, но завязывались неожиданные узлы и возникали переплетения, с трудом постигаемые теперь. Перед нами судьба служителя Церкви, и предстоит географически объять огромные пространства от Праги до Караганды, соприкоснуться с контрастными мирами: от духовно-академического до полевого, офицерского, от художественных и научных кругов до жителей железнодорожного захолустья в казахстанских степях и лагерной уголовщины, от нечистоты и смрада войны до благоухания алтарей. Предстоит всмотреться в людей одной и той же эпохи, пребывавших как бы на разных ее полюсах: одни просветленной жертвенностью, другие кровными бессознательными ее антиподами..

Об отце Исаакии помнят в Ельце и Алма-Ате, в Праге, в зауральском степном Актюбинске...

Чистые ручьи благодарности и любви успели влиться в глубокие воды, имя которым – церковная память. И в них предстоит в первую очередь омыться соприкоснувшись с удивительной жизнью, неповторимой судьбой. По неодолимому притяжению к личности отца Исаакия, по глубокой симпатии, переданной теми, кто знал его, составлен этот очерк.

Когда-то в Алма-Ате, прежде Верном, находилась кафедра самой обширной в России епархии – Турке-

Архимандрит Исаакий

станской. Начиная с 1872 года, для ее устройства потрудились выдающиеся деятели Синодальной Церкви: преосвященные Софоний (Сокольский), Александр (Кульчицкий), Димитрий (Абашидзе). Образ благородства и духовной красоты, оставшийся в народной памяти после их служения, был жив даже в советские послевоенные годы. В народном подсознании он служил эталоном в отношении к священнослужителям новых поколений. Полита была эта земля и кровью новомучеников российских. В 1918 году Верный был потрясен противостоянием большевизму и последующим расстрелом епископа Семиреченского и Верненского Пимена (Белоликова) – выдающегося урмийского миссионера, двоюродного брата петроградского новомученика протоиерея Философа

Орнатского. В последующие годы на имя его в городе было наложено грозное табу, и светлый облик сохраняли в сердце самые упорные во внутреннем противостоянии внешнему миру, самые стойкие. Осенью 1937 года здесь был приговорен к высшей мере наказания и верный сподвижник патриарха Тихона, поборник каноничного строя Православной Церкви в Польше епископ Тихон (Шарапов). Приговор исполнили в одном из горных ущелий близ города 17 октября 1937. В Алма-Ате отбывал ссылку епископ Андрей (Ухтомский), тайно приезжал митрополит Иосиф (Петровых). Его и митрополита Кирилла (Смирнова) расстреляли совсем неподалеку, в Чимкенте, в ноябре того же 1937 года.

Вот на этой-то земле десять лет спустя оказался 52-летний архимандрит Исаакий, известный и любимый пастырь русской эмиграции в Праге, выпускник Парижского Богословского Православного института,

постриженник митрополита Евлогия (Георгиевского), в миру – Иван Васильевич Виноградов.

Знал ли отец архимандрит о трагических тайнах города? Думается, знал, потому что жил в окружении тех, кому было известно о них не понаслышке, к тому же отец Исаакий внушал к себе особое доверие и биографией, и делами настоящего дня, и даже такой, казалось бы, простой деталью: не боялся называть город по-старому – Верным.

О пребывании архимандрита Исаакия в Алма-Ате с 1946 по 1958 год известно по разным источникам. Многие из знавших его были буквально захвачены его личностью.

После первой публикации в Алма-Ате биографических материалов об архимандрите Исаакии стали приходить письма: «Примите наши сердечную благодарность за то, что вы поместили сведения об архимандрите Исаакии. Он принадлежит к плеяде замечательных людей, но это по нашему определению. Сам же он, скромнейший человек, считал, что он служитель Божий, Господень слуга, и этим очень дорожил, но никогда не подчеркивал этого, а шло все так, будто он для этого рожден...»

Письма становились уже не просто откликом, а ценными документами-воспоминаниями.

«Как-то я купила в церковном киоске газету, совершенно не ожидая, что она принесет столько радостных волнений, дорогих воспоминаний. Листая страницы, я увидела необыкновенно дорогой, незабываемый прекрасный образ, неотрывно прочитала весь материал... С таким же интересом читали и мои сестры и потом сказали: «Вполне возможно, что архимандрита Исаакия причислят к лику святых, он и есть святой». Мне сразу вспомнились далекие годы детства, когда я ходила со своим отцом в Казанскую церковь, что в Малой станице Алма-Аты. Отец Исаакий служил там. Необыкновенное впечатление производил его голос во время церковной

Алма-Ата (Верный). Свято-Никольский кафедральный собор, настоятелем которого 10 лет в 1950-х гг. служил архимандрит Исаакий

службы. Он был такой умиротворяющий, доносился как будто откуда-то сверху и создавал атмосферу спокойствия, тихой радости. Большой след в жизни у меня оставили его проповеди. Говорил он с таким сильным чувством, так проникновенно, что у него на глазах появлялись слезы.

Было принято после службы провожать о. Исаакия домой. Обычно приходилось ждать. Он уже сделает шаг к выходу, а новые люди опять подходят. Он очень внимательно всех выслушивал и говорил не спеша. А мы ждали поодаль, нас всегда было много, и каждый старался идти поближе, чтобы лучше слышать его рассказы. Он улыбался, шутил, был очень доброжелательным, и все шло с необыкновенно радостным настроением. Создавалась легкая, теплая, приятная атмосфера. Он сближал людей. Шли мы по улице Кутузова, потом по Ташкентской и выходили на Джетысуйскую, где он жил.

Проводив архимандрита Исаакия до дома, люди небольшими группами расходились по разным направлениям. Шли, разговаривали чаще о его необыкновенной скромности, смирении, доступности, о том, кому и как он помог, что сказал. Его считали прозорливым человеком. Мой отец тоже часто убежденно говорил об этом.

Все удивлялись его широкой образованности, необыкновенной памяти. Он знал многих прихожан – и по имени, и как кто живет. Искренне жил заботами и тревогами за других людей. Многие приглашали его к себе домой, особенно к болящим. Он выбирал время и приходил, служил молебны. В этих домах, сколько я помню, всегда собиралась значительная группа людей. Он бывал и в нашем доме, тогда приходили соседи, знакомые, собиралась и вся наша большая семья. В доме мы бы не уместились, стол ставили в саду. Он, как всегда, был доброжелателен, разговорчив, улыбчив.»

Духовенство Алма-Атинской епархии в Свято-Никольском соборе. В центре – свт. Николай (Могилевский), архиепископ Алма-Атинский и Казахстанский (1877-1955).

Слева (по правую руку Владыки) – архим. Исаакий (Виноградов). Второй слева – иеромонах Владимир (Котляров). Начало 1950-х гг.

Архим. Исаакий
в своей келии.
Алма-Ата. 1955 г.

Из другого письма. «Отец Исаакий был необыкновенным проповедником, мы поражались его знаниям истории, литературы, говорил убедительно, часто плакал. У него была какая-то необыкновенная притягательная сила. Несмотря на то, что мы работали там, где нельзя было людям быть хоть как-то приобщенными к Церкви, мы тянулись к нему.»

«Мы не теряли связи с архимандритом Исаакием и Ниной Михайловной Штауде и тогда, когда они уехали в Елец. И что это была за переписка! Это было настоящее духовное питание, поддержка, воспитание, наставление, помощь... Во всякой беде, а бед было много, мы сразу писали в Елец и получали телеграмму: «усердно молимся», и это нам помогало.

А какая у него была келия! В ней чувствовалось как не в этом мире, все дышало чем-то неземным. У него были в миниатюре все церковные принадлежности, и в полном исполнении. И как он дома служил! Этого не передать: он плакал и так молился, что мы поражались. А стихи... Я собрала небольшой сборничек его стихов. Он говорил: «Когда я умру, чтобы список моих крестников положили мне в гроб». Что к этому добавить, если крестниками были муж и два моих сына. Одним словом, необыкновенный духовный пастырь, мы очень осиротели без него».

В письмах есть и такие строки: «Внешне казалось, будто все приходило к нему само по себе, а жизнь-то его была непрерывный подвиг до самой кончины».

Писавший о подвиге вряд не догадывался, что выдающаяся жизнь отца архимандрита вместила не только монашеское и пастырское подвижничество, не только лагерное крестоношение, а подвиг и другого дела. Батюшка Исаакий держался всегда очень прямо, много и легко ходил пешком. Уж не военный ли он в прошлом? – предполагали люди.

Адьютант его превосходительства

О том бое в причерноморских степях возле Гейдельберга – поселения немецких колонистов – генерал А. Туркул вспоминал: «Я сорвал голос, песок и пыль хрустят на зубах, мешаясь с соленым потом. Полковник Коньков во весь рост вышел вперед:

– Братцы, за мной, ура!

Все лежат и кричат ура. Не встать. Сильнее человеческих сил сила огня. Животное чувство жизни гнет нас всех к земле. В отчаянии я кричу:

– Вперед, вперед, ура!

Два стрелка, точно стопудовые, оторвались от земли, поднялись и, шатаясь, побежали вперед. И тогда с железным лязгом, ослепительно сверкнувши, поднялась вся цепь. Три-четыре минуты атаки. Красных погнали... Под Гейдельбергом офицерский полк разбил Первую советскую стрелковую дивизию, отборные войска, гарнизон красной Москвы. А. Е. Туркул свидетельствовал: «Этот бой звался у дроздовцев «боем адъютантов». Все полковые адъютанты были переранены или убиты: смертельно ранен адъютант второго батальона поручик Сараев, ранены адъютант второго батальона поручик Гичевский, мой штабной адъютант штабс-капитан Виноградов – теперь в изгнании принявший монашество».

«Мой штабной адъютант... принявший монашество... Виноградов...»

Никакого парадокса в том нет: адъютант его превосходительства легендарного офицерского имени Дроздовского полка Добровольческой армии и архимандрит Исаакий (Виноградов) – одно и то же лицо. Мало помалу собираются воедино все страницы замечательной биографии, вырастающей в правду истории России.

О том, что архимандрит Исаакий в прошлом был белым офицером, говорили шепотом в тесном кругу. Патриарх Алексий (Симанский) вручал ему высшие церковные награды и удостоил права служения с посохом, приглашал к себе в гости, угощал чаем, подарил натальный образок Божией Матери. Намеревался определить преподавателем Московской Духовной академии... Только не им было один раз и навсегда предрешено – в епископат и академию путь отцу Исаакию закрыт: уж очень «грязные» документы, «опасная личность».

После ареста отца Исаакия в Праге архиепископ Пражский Сергей (Королев) сумел сберечь кое-что из его личных вещей, среди них – пражские альбомы с фотографиями и алый лоскуток с эмблемой Дроздовского офицерского полка. Побывав в 1952 году в Казани у владыки Сергея, отец Исаакий привез и то и другое в Алма-Ату.

Иван Васильевич Виноградов стал дроздовцем не вдруг, и не в одночасье белый офицер с дроздовскими малиновыми погонами сделался иеромонахом.

Не случайное имя — Исаакий

Архимандрит Исаакий, в миру Иван Васильевич Виноградов, родился 12/25 февраля 1895 года в Петербурге. Он сам писал: «Рождение, детство и отрочество освящает образ Спаса Нерукотворного из домика Петра, во граде которого я родился». Всю жизнь отец Исаакий дорожил памятью о Петербурге, особенно подчеркивал, что он — петербуржец. С православным Петроградом, духовно сформировавшим Ивана Виноградова, мы соприкасаемся теперь через немногие сохранившиеся его святыни. Тот самый Спас Нерукотворный ныне покоится в Преображенском соборе Санкт-Петербурга, он — центральный образ из составленного отцом Исаакием «иконостаса-биографии», в котором святыми и святынями отмечены все главные вехи его жизни. При пострижении в монашество он был наречен в честь прп. Исаакия Далматского, небесного покровителя великого города.

Отец архимандрит увидел свет Божий в родильном отделении Александровской женской больницы на Надеждинской улице. Отец в Петербурге не служил — он был учителем в земской школе и одновременно регентом храма св. Екатерины села Калозицы Ямбургского уезда, что в двух километрах от железнодорожной станции Молосковицы. Родное гнездо находилось в соседних от Калозиц Хотовицах, в числе других пяти деревень составлявших сельский приход.

Виноградовы в церковных пластах Санкт-Петербургской губернии встречаются часто: большинство происходит как раз из Ямбургского уезда. Семья была каким-то образом близка св. прав. Иоанну Кронштадтскому, и неспроста в конце жизни у отца Исаакия появилась старенькая митра кронштадтского чудотворца: на это были, видимо, конкретные, уходящие к семье основания.

Под отчим кровом витал дух доброжелательности к миру, но господствовали церковные интересы, близко

*Ваня Виноградов —
ученик 1-го Реального
училища (1 класс)*

к сердцу воспринимались события, происходившие в церковной жизни России. На памяти была кульминация почитания преподобного Серафима Саровского: ему было 8 лет, когда произошло всероссийское прославление чудотворца. Отец Исаакий рассказывал, как в детстве пытался подражать его подвигу: в глубине сада повесил образок, придвинул камень и прибежал ночью в ночной рубашечке — молиться на нем, как преподобный Серафим.

Несмотря на такую не совсем обычную детскую религиозность, его отдали в Первое реальное училище, предоставив возможность свободно и сознательно сделать жизненный выбор в будущем. Закончив реальное, Иван Виноградов без колебаний подал документы в Санкт-Петербургскую Духовную академию и успешно выдержал вступительный экзамен. В реальных училищах греческого языка в программах не было, а вступительное сочинение писалось именно на греческом. Он справился с задачей, выдержав не только испытание в греческом, но и то, которое ему задали мудрые родители.

Через много лет отец Исаакий с гордостью вспоминал, что сидел на той скамье, на которой в свое время учился святой патриарх Тихон.

В 1914 году началась Великая война. Уходящая в прошлое императорская Россия пережила последний в своей истории национальный подъем — время, исполненное высоких настроений, единения, жертвенности, тон которому задавали женщины Царствующего Дома, надевшие косынки сестер милосердия. Восприимчивая, внутренне активная натура Ивана Виноградова побудила отложить до времени мечту о высшем духовном образовании и испытать себя в деле защиты православного отечества. Не случайно образ воина-христианина — один из излюбленных в житийной литературе. С ним в его детстве было связано увлечение, оставившее сильный

*С. Калозицы Ямбургского уезда С.-Петербургской губ.
(ныне Волосовского района). Церковь вмц. Екатерины.
Современный вид*

Прапорщик Иван Васильевич Виноградов – воин Добровольческой армии. 1919 г.

след. Он дружил с двумя мальчиками, одного из которых звали Мишей. Подрастая, все увлеклись чтением книг о рыцарях-крестоносцах, прониклись настолько сильно желанием подражать им, что договорились дать Богу письменную клятву посвятить свою жизнь только Ему Единому. Для этого тайно от взрослых собрались в беседке сада Мишиных родителей, кровь из проколотых иглой пальцев смешали в маленькой чашечке с чистой водой и подписались под клятвой Богу. Дружью этому обету значения не придали... А вот Иван... Он не доучился в Духовной академии и добровольно пошел в армию. Ускоренным курсом закончил Владимирское пехотное училище – школу прапорщиков, а в 1916 году 1 октября, на праздник Покрова Богородицы, был произведен в офицеры и отправлен в Новгородскую губернию, «в область преподобного Варлаама Хутынского», как он сам писал.

Учебные роты графа Палена квартировали тогда в Муравьевских казармах, расположенных на окраине Новгорода как раз напротив Варлаамо-Хутынского мужского монастыря. О них скорее всего и вспоминал отец Исаакий в «биографии-иконостасе».

Октябрьскую революцию и начало гражданской войны прапорщик Виноградов встретил на Румынском фронте. События привели его к твердому решению не бросать оружия. Он откликнулся на предложение полковника генерального штаба Михаила Гордеевича Дроздовского, который в феврале 1918 года в городе Яссы из боевых офицеров Великой войны сформировал отряд. Около тысячи офицеров двинулись через Кишинев на Дон, чтобы присоединиться к Добровольческой армии генерала В.М. Алексеева. Это был легендарный поход «Яссы-Дон», проходивший в весенней распутице, половодье, а главное, среди нового врага – своих, русских, забывших Бога и исторические ценности России. Путь этот Иван Виноградов прошел простым стрелком.

Офицеры были полными единомышленниками своего командира. Один из них, А. Туркул, свидетельствовал потом: «Между нами не было политических

разнотолков, мы все одинаково понимали, что большевизм не политика, а беспощадное истребление самих основ России, истребление в России Бога, человека и его свободы».

Встреча с Добровольческой армией произошла в станице Мечетинской в мае 1918 года.

Противник неизмеримо превосходил числом, но они побеждали тем, что каждый был личностью, каждый был исполнен понимания, ради чего идет на смерть. Когда офицерская рота шла в атаку, командиру не надо было оборачиваться, смотреть, как идут. Никто не отставал и не ложился. Стихийные атаки дроздовцев, без выстрела, во весь рост стали легендой гражданской войны.

Красные дроздовцев в плен не брали, а расстреливали сразу.

Дроздовцы воевали на юге России: в Каменноугольном бассейне, под Ростовом-на-Дону, Харьковом, в Причерноморских степях и в Крыму. Закончили Перекопом и эвакуацией на транспорте «Херсон» на берег пролива между Мраморным и Эгейским морем, – в городок, называвшийся Галлиполи. Это слово стало паролем, по которому русские офицеры узнавали друг друга в эмиграции, слово, которое завещали писать на своих надгробиях.

Трижды Виноградов получал ранения, одно – под Ростовом-на-Дону. Вновь открываем книгу генерала А. Туркула «Дроздовцы в огне».

Бой под Ростовом был в ночь на Пасху 1918 года – 22 апреля.

«В Страстную субботу началась наша атака Ростова. Мы заняли вокзал и привокзальные улицы. На вокзале, где от взрывов гремело железо, лопались стекла и ржали лошади, был убит пулей на перроне доблестный начальник штаба нашего отряда полковник Войналович. Он первый со Вторым конным полком атаковал вокзал. За ним подошла на вокзал наша Вторая офицерская рота.

Ночь была безветренная, теплая, прекрасная – воис-

Штаб 2-го Офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка. В центре – комендант г. Харькова, бывший командир полка полковник В.А. Руммель. Третий слева (стоит) – капитан Иван Виноградов. 1919 г.

тину Святая ночь. Одна полурота осталась на вокзале, а с другой я дошел по ночным улицам до ростовского кафедрального собора. В темноте сухо рассыпалась редкая оружейная стрельба. На улицах встречались горожане-богомольцы, шедшие к Заутрене. С полуротой я подошел к собору; он смутно пылал изнутри огнями. Выслав вперед разведку, я с несколькими офицерами вошел в собор.

... Мы были так рады, что застали в Ростове Светлую Заутреню, что начали осторожно пробираться вперед... Никто не знал, кто мы. Нас стали расспрашивать шепотом, торопливо. Мы сказали, что белые, что в Ростове Дроздовский. Нам поверили, с нами стали христосоваться.»

На рассвете большевики подтянули подкрепление, и вновь начался бой с большими потерями у дроздовцев.

Наверное, в пасхальном настроении был секрет победы на ростовском вокзале. Стоит ли бояться смерти в Пасхальную ночь, когда райские врата отверзнуты для всех боящихся Его: «Христос воскрес, и жизнь жителям!»

В книге по истории Белого движения помещена фотография: выдавшая виды гимнастерка, смятая маленькая офицерская фуражка; из подписи узнаем, что прапорщик Иван Виноградов (гражданскую войну он закончил штабс-капитаном) – историограф Дроздовского полка. Составляя книгу, цитированную нами, генерал Туркул опирался и на записи своего адъютанта. Тем правдоподобнее предположить, что Иван Виноградов был инициатором посещения заутрени.

В Праге удалось сохранить тетради стихов, сочиненных отцом Исаакием до ареста. Некоторые из них датированы даже 1912 годом! Какая неотмирная и нежная душа у широкоплечего молодца с фотографии! Целый цикл написан в феврале-марте 1919 года в разном бараке №6 Ростова-на-Дону. Где-то на другом полюсе сознания живут картины бдений, келейных молитв, мерцания лампад, в видениях предстают небожители.

Париж. Свято-Сергиевское подворье. Студенты и преподаватели Сергиевского Богословского института. В центре – митр. Евлогий

Снилась мне тихая
скромная келия,
Светом лампы едва
озаренная,
От суеты и мирского
веселия
Толстою прочной
стеной отделенная.

Призвание?

И все-таки он не чувствовал себя невольником обстоятельств, которого революционные катаклизмы кинули в чуждое дело; именно так, например, воспринимал свое участие в Белом сопротивлении другой пастырь русской Праги – о. Михаил Васнецов.

Напротив:

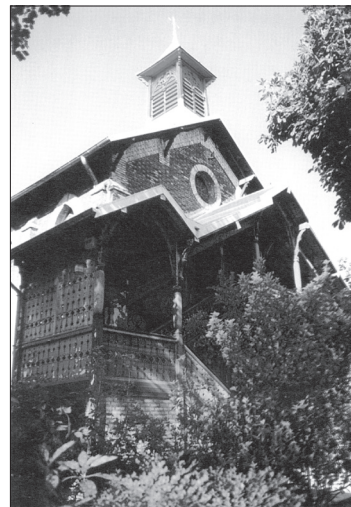
Как рыцарь я готов, не пожалев ни жизни,
Ни сил со злом бороться до конца.
И отдал я себя служению отчизны,
Ведь смерть не так страшна в сиянии венца.
Когда ж настанет день надежды исполненья,
И выйдет из беды святая наша Русь,
Я брошу тяжкий путь военного служения
И в келии монаха затворюсь.

Боевой путь, пройденный с дивизией – часть биографии архимандрита Исаакия. Летопись дроздовских походов – это его достойное прошлое.

Ангел-хранитель Русской Праги

О первых годах эмиграции архимандрита Исаакия известно мало. В Турции армия ген. Врангеля оставалась ровно год. О галлиполийском периоде, к которому Иван Виноградов был причастен непосредственно, писалось: «Совершилось русское национальное чудо, поразившее всех без исключения, заразившее непричастных к этому чуду и, что особенно трогательно, неосознаваемое теми, кто его творил. Разрозненные, измученные духовно и физически, изнуренные остатки армии, отступившие в море и выброшенные зимой на пустынный берег разбитого городка, в несколько месяцев создали крепкий центр русской государственности на чужбине, блестяще дисциплинированную и одухотворенную армию, где солдаты и офицеры работали, спали и ели рядом, буквально из одного котла, армию, отказавшуюся от личных интересов, нечто вроде нищенствующего рыцарского ордена, только в русском масштабе, величину, которая своим духом притягивала всех, кто любит Россию».

Духовная красота этих людей, справедливо отмеченная здесь, предназначалась уже не для России, но

Париж. Церковь Успения Пресвятой Богородицы Сергиевского подворья

*Прага. Собор свт. Николая
Чудотворца
на Староместской площади
(1732, арх. К.И. Денценгофер).
Ныне соборный храм
Православной Церкви Чешских
Земель и Словакии*

повороты отдельных судеб оказывались непредсказуемыми, и тот животворящий след, который оставил отец Исаакий в Алма-Ате и Ельце, уводит нас через поля сражений белой армии в Парижский Богословский институт, в окружение Евлогия (Георгиевского) и Сергия (Королева). Во многом благодаря таким, как отец Исаакий не произошло внутреннего духовного краха, который угрожал по многим причинам возродившемуся после войны Московскому Патриархату.

Есть много свидетельств тому, что отец

Исаакий не перечеркнул для себя белой идеи, не стыдился участия в нем, уважал его задачи, но опыт гражданской войны перешел в глубоко личный внутренний план. Он сформировал многое в характере.

В юбилейной заметке по случаю 85-летия пастыря чехословацкий журнал «Глас Православия» писал, что капитан Виноградов поначалу проживал в Болгарии, «где существовал, занимаясь частной работой».

Судя по стихам, намерение затвориться в келии было твердым уже в 1919 году, между тем духовный сан, монашество стали реальностью только в 1927. Неизвестно, какой работой души сопровождалась эти годы, какими надеждами питались...

На окончательное решение стать служителем Церкви могло повлиять участие в христианском молодежном движении, возникшем в русской эмиграционной среде по инициативе протоиерея Зеньковского. На ежегодных его съездах происходили диспуты, рождались инициативы, вырабатывалась жизненная позиция; из атмосферы съездов вышло в будущем немало священников.

В 1924 году на таком съезде, проходившем в Тшебове, в Чехословакии, Иван Виноградов познакомился с архиепископом Сергием (Королевым). Они стали соратниками, «братиками», делили труды по православному окормлению Чехии, и пастырский «почерк» владыки Сергия узнавался во многом и у отца Исаакия. Случилось это позже, а пока по рекомендации преосвященного Сергия Иван Виноградов поехал в Париж в Богословский Православный институт – завершить образование.

Идея этого института родилась в 1926 году как раз в обстановке одного из съездов христианского молодежного движения. Осуществить преемственность российскому духовному образованию, возродить очаг православной богословской мысли, готовить высокообразованное духовенство – таковы были задачи задуманного дела. К преподаванию были привлечены профессора А.В. Карташов, В.В. Зеньковский, о. Сергей Булгаков, Г.В. Флоровский – лучшие богословские силы эмиграции. С большими усилиями митрополит Евлогий изыскал средства для покупки здания бывшей немецкой лютеранской школы-интерната – тихое место в саду, на рю де Крими, настоящая пустынь среди суетного Парижа. Церковь при возникшем Св. Сергиевом подворье освятили в честь Успения Божией Матери.

С первыми наборами студентов Виноградов попал в ту волну воодушевления, которая часто превращает начало дела в самый плодотворный его период. Студенты института жили по монашескому уставу и носили подрясники. Уже в первые месяцы учебы митрополит Евлогий совершил над ним монашеский постриг – 20 февраля 1927 года. Там же был рукоположен в иеромонахи.»

Много лет спустя в один из летних алма-атинских вечеров волна благодарной памяти переполнила сердце отца Исаакия, и сидя у низкого оконца семиреченского казачьего домика, он составил послание своим духовным чадам, посвященное митрополиту Евлогию.

«В этот грустнопамятный мне день, прося себе из-за гроба благословение от почившего Старца и Великого отца, привожу слова о покойном Владыке из надгробного слова о нем «Он обладал необыкновенной широтой сердца. Всем не тесно было в его сердце. Мы удивлялись, иногда раздражались, как он мог с любовью принимать людей самых разнообразных направлений. Он мог по Апостолу сказать: «Вам не тесно в моем сердце». Эта широта его всеобъемлющей любви – тайна его сердца, которую мы не могли разгадать и которой по своей ограниченности, не могли понять...»

Он написал тогда, что владыка Евлогий стал ему отцом, а епископ Сергей Пражский заменил мать, и скорбел, что далек от них по жизни своей – «люблю себя, свое спокойствие, свое удобство». Вообще, поражает, что он не боится «уронить» себя в глазах духовных детей и открывает совсем «простые» заботы собственной духовной жизни: «Но все же хочу, всем сердцем хочу, как умею и могу, своим поступиться и ближнему послужить. Потому что нет высшего утешения, как видеть и сознавать, что ты нужен и полезен кому-то, что ты не только берешь себе, но умеешь и дать другому, что ты не напрасно живешь на свете».

Общение внутрицерковное – сокровенная область, разгадать его загадки, значит найти ключ ко многим судьбам людей Церкви. Ничто не сможет так укрепить человека, как пребывание под непосредственным влия-

нием умудренного собрата. Господь сполна даровал это счастье отцу Исаакию. Еще неизвестно, смогли бы его дары раскрыться так полно, не будь рядом преосвященных Евлогия, Сергия, впоследствии Николая, не будь у много повидавшего боевого офицера полного доверия к ним. Господь уберег его от духовного одиночества и надлома от него. Он был счастливый человек, не издававший горечь разочарования в тех, кого любил и кому доверял. И сам в свой черед явил такую же надежность и прочность своим духовным детям.

Мечту о монашеском пути Иван Виноградов вынашивал долго: еще на фронте, в офицерском полку, в военных лазаретах. Выбор был продуман со всех сторон, об этом свидетельствует поэтический диалог «Разговор желающего принять монашество с мирским человеком». Иван Виноградов сочинил его в 1919 году. Его можно включить в антологию русской духовной поэзии XX века — настолько он талантливо написан.

В 1928 году Иван Виноградов с новым именем — Исаакий, в сане иеромонаха, прибыл в Прагу в распоряжение епископа Сергия Пражского..

Относительно таких выпускников Богословского института митрополит Евлогий писал: «Монахи нашего института нередко вынуждены начинать свое служение среди прихожан, на которых беды и скорби эмигрантского существования оставили тяжкий след: распущенность, пьянство, внебрачное сожитие и другие виды морального разложения нередко характеризуют быт и нравы приходской среды. Одинокa несут свой подвиг наши монахи. Спасает их возраст (в большинстве не моложе 35 лет) и глубокая горячая преданность родной Церкви. Они лучшие представители духовенства в моей епархии. Мое утешение...»

Вся русская Прага была евлогианской, мало задумываясь о церковной политике. По словам современника, «архимандрит Исаакий по достоинству был очень популярен, любим, и некоторые из его поклонников и поклонниц были готовы идти за ним в огонь и воду.

Прага. Ольшаны. Крестный ход

Прага. Ольшаны.
Церковь Успения
Пресвятой
Богородицы,
где в 1928-1945 гг.
служил
архим. Исаакий

Но лояльность отца Исаакия была безупречна, и даже намек на диссидентство не позволил отец Исаакий ни себе, ни своим особо яростным приверженцам».

Сам митрополит не присоединялся к Карловацкому расколу, а собрал часть западноевропейских приходов и оставался с ними в составе тихоновской Церкви; только оказавшись в 1930 году у патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) под запретом, перешел в юрисдикцию Константинополя.

Митрополит Евлогий был доволен своим постриженником. Сокровище, да и только! «У владыки Сергия в Праге отличный помощник — его правая рука архимандрит Исаакий, воспитанник нашего Богословского Института. Умница, дипломат, самоотверженный работник. На всех общественных собраниях, где нужно сказать хорошую речь, чтобы она произвела впечатление, выступает о. Исаакий», — писал он.

Что можно сказать в данной связи о пражском епископе Сергие?

Дорогой «братик», в миру Аркадий Дмитриевич Королев, был старше на 14 лет, кандидат богословия Московской Духовной академии. Долгое время он находился в Яблочинском Св. Онуфриевом монастыре. По окончании германской войны вернулся было на Холмщину, но территория уже отошла к Польше, и за отказ присоединиться к Польской автокефальной церкви последовали арест и высылка из страны. Его вежливо спросили: куда он хочет? Ответа не последовало, и пан «бишоф» был вывезен на чехословацкую границу. Митрополит Евлогий сделал его настоятелем св. Николаевского прихода в Праге, а позже — своим викарием, кафедра которого по-прежнему оставалась в Николаевской церкви.

Николаевский храм был притягательнейшим местом для русских в Праге. Величественный, пражского

Прага. Епископ Сергей и архим. Исаакий с детьми после литургии. 1930-е гг.

барокко, с широкой лестницей в сторону Влтавы, он возвышался в окружении средневековой готики, итальянского ренессанса, среди дворцов чешских магнатов.

Прага являлась тогда одним из русских средоточий за рубежом. До семи тысяч русских студентов, Русский юридический факультет, Кондаковский семинар по изучению древне-церковного искусства Православного Востока, множество всяких культурных начинаний, издательств, организаций наполняли старинный славянский город.

Владыка Сергей был иерархом на редкость самобытным, и даже бегло очерченный портрет сможет передать колорит атмосферы, царившей в поле его притяжения.

Жил он на четвертом этаже на Легеровой улице в Vinohradach, в однокомнатной квартире. Говорили, что его комната резиновая, растяжимая, так как вмещала невероятное число гостей. По четвергам в ней толпились приезжающие, проезжающие, уезжающие, и свои – пражане: певцы, академики, политики, писатели. До двухсот человек за день!

Владыка Евлогий вспоминал один из своих наездов в Прагу.

«Помню, приехали мы ... как-то раз в Прагу и остановились у преосвященного Сергея. В комнате тесно: мы, кроме нас студенты (ночевать пришли), посреди комнаты стол с самоваром, с посудой. Как на ночлег устроиться? Ничего, устроились. Мне предоставили кровать, высокопреосвященному Владимиру – диван, владыка Сергей лег под столом, а студенты – на полу в передней. Неудивительно, что пражский приход ожил, когда во главе его встал пастырь, который живет только для других, вовсе не думая о себе.»

Его жилище находилось далековато от центра, поэтому рядом со св. Николаевской церковью он снял большую квартиру для Николаевского подворья, в

котором устраивал по воскресениям после литургии общие трапезы, он звал сюда на чай всех, соединяя как и у себя в доме.

Простота его жизни не знала границ. Он сам ходил на базар, носил с собой свой неизменный «мешек», известный всей Праге – большой черный мешок, из которого вынимал и раздавал просфорки, яблоки, свертки со съестным. Он старался быть участником всех событий в жизни русских эмигрантов – не только печальных, но и радостных. Смирненно появлялся даже там, куда его не звали: только поздравить и благословить.

Это поведение было не стихийным выражением благодушия, а продуманной евангельской линией, в основе заключавшей идею благодати общения. Готовность к общению, то есть к активному движению сердца к другим он считал главным орудием спасения. «Необходимо подойти друг к другу с открытым сердцем и чистым намерением, усмотреть и воспринять все соединяющее, а сего так много в каждом, ибо все созданы по образу и подобию Божию... Помогая другим открыть себя, мы сами открываем себя в своей глубине. Избегать же общения с людьми для христианина не всегда полезно. В одиночестве человек становится почти всегда беден. Чем больше будет он отдаляться от людей, тем более он будет сам беднеть. Через общение же с людьми происходит извлечение нераскрытых сил человека, через соприкосновение сродных начал силы эти приходят в движение. Надо обогащать себя индивидуальностью других и свою индивидуальность раскрывать через других», – формулировал он свое credo в записанной беседе.

Эта благодать общения лежала и на близких преосвященному Сергию людях, и в первую очередь – на архимандрите Исаакии.

Есть в Праге место, где невидимое присутствие отца Исаакия несомненно. Душа его реет над русскими могилами Ольшанского кладбища, над алтарем построенной здесь в 1926 году церкви Успения Пресвятой Богородицы. Он был ее настоятелем и возглавлял «Братство для погребения православных русских граждан и для охраны их могил в Чехословакии». Если пройти по березовым и ольховым аллеям кладбища, то можно узнать многое о пражанах русской колонии, с которыми отец Исаакий близко общался, был им семейным священником и духовным врачом: известный историк, профессор Московского университета А. А. Кизеветтер (1866-1933), В. А. Францев (1864-1942) – крупнейший специалист по славянской филологии, К.П. Федоров (1859-1936) – один из руководителей Общества русских инженеров и техников в Чехословакии; писатель Е. Н. Чириков (1864-1932); Д. М. Ратгауз (1868-1937) – поэт, на стихи которого сочиняли музыку П. Чайковский и А. Аренский; вдова генерала

Брусилова, инженер Н. Н. Ипатьев (1869-1938), в доме которого расстреляли российского императора и его семью. Лишь малая часть имен...

Вместе с отцом Исаакием русскую общину в Праге окормлял отец Михаил Васнецов – сын художника Виктора Васнецова, по образованию математик и астроном, духовный сан принявший уже немолодым. Интеллигентнейший священник, на которого с детства наложила печать обстановка родного дома – усадьбы Абрамцево. С маленького Миши отец писал Младенца Христа на руках Богоматери – всем известный образ из Владимирского собора в Киеве, ставший популярнейшим в предреволюционной России.

«Кроме кафедрального храма св. Николая и Церкви Успения Пресвятой Богородицы на Ольшанах верующие, а главным образом студенты, постарались, чтобы во многих городах Чехословакии – Пильзне, Градце, Кралоуе, Пшимбраме и других были устроены домашние церкви. Кроме того, в каникулярное летнее время совершались богослужения в курортных храмах. В течение 17 лет отец Исаакий своим милым обращением был близок каждому верующему и умел понять его положение и нужды», – пишет чешский православный священник той поры. Он вспоминает также, что «в 1943 году, когда я был настоящим пленником у немцев после закрытия чешской церкви, проездом через Прагу навестил Ольшанскую церковь и исповедался у о. архимандрита Исаакия. Жалел я главным образом о том, что в то время не мог совершать богослужения. И он мне безбоязненно для того времени сказал, чтобы я был спокоен, что немцы войну проиграют и что церковь будет восстановлена, что и исполнилось. Также имею сведения, – пишет он, – что в продолжение своей деятельности в Чехии о. архимандриту удалось приобрести для Православия тысячи верующих членов. Был он весьма любимым человеком, и потому всех опечалило его возвращение на родину после войны...»

Воссоздать образ человека наилучшим образом удастся на тех или иных контрастных проявлениях. Этот штабс-капитан, закаленный недавней войной, проявлял чудовищную неспособность ставить на место, вообще, держать в руках детей – своих учеников – на уроках по закону Божию. Идиллии «Христос и дети» не получалось, он мирился, смирялся, давая им наилучший, может быть, урок, но уже для будущего осмысления.

Архимандрита Исаакия арестовали 24 мая 1945 года.

Светлое Христово Воскресение в тот год отмечалось 6 мая... О пасхальном служении на Староместской площади не могло быть и речи – от бомбежек храм св. Николая был сильно поврежден. В те дни в Праге началось восстание, на улицах было неспокойно, повсюду слышалась стрельба, поэтому Светлую заутре-

ню служили в Николаевском подворье. Крестный ход пришлось совершать по комнатам подворья. Встали перед запертыми дверями комнаты, предназначенной для богослужения, и тихо, а потом громче и громче в тревожной ночи зазвучало радостное, неотъемлемое от их жизни: «Христос воскрес из мертвых!»

А спустя три дня, также в ночь, 3-я и 4-я гвардейские танковые армии Первого Украинского фронта совершили 80-километровый бросок от Дрездена и утром вступили в Прагу, освободив ее от группировок армий «Центр», прежде всего, бронетанковой дивизии СС, направленной на подавление Пражского восстания. Стремительные действия Красной Армии избавили Прагу от разрушений и злодеяний. Епископ Сергей и архимандрит Исаакий встречали освободителей с хлебом-солью. Скоро доблестные соотечественники проявили себя уже в ином качестве. Своим делом занялись особые отделы.

Работа по выявлению в среде русской эмиграции враждебного элемента началась немедленно. Завладев знаменитым эмигрантским «пражским архивом», они начали прочесывать город в поисках белых офицеров. Аресты проходили по заранее обдуманной схеме. Об аресте своего отца вспоминала Елена Мусатова: «Пришел невзрачный солдатик, попросил попить, отец разговорился с соотечественником и, когда солдатик пригласил его погулять, чтобы продолжить разговор, отец надел шляпу, и они вместе вышли. Кто думал?» Лишь бабушка разволновалась и сказала Лениной маме: «Ты его больше не увидишь».

Арест отца Исаакия, по ее словам, происходил также.

Многие из беженцев и эмигрантов торопились уйти до прихода Красной армии, звали епископа Сергея, но он категорически отказывался оставлять Прагу, передавая настрой и отцу Исаакию.

За арестом незамедлительно последовала отправка во Львов на суд военного трибунала Львовского Военного округа. Некоторые его проповеди и выступления печатались в эмигрантской прессе, журналах «Часовой», «Вестник Общества галлиполийцев». Где-то архимандрит

Прага. Храм св. Николая Чудотворца на Староместской площади. Интерьер

*Епископ Сергей
и архим. Исаакий. Прага. 1945 г.*

сказал: над Россией воцарились бесы. И это тоже поставили в вину. Во время допроса подсудимый говорил с достоинством, решительно, так что судьи спрашивали его: «Кто кого судит, мы Вас или Вы нас?» Во время суда отец Исаакий сказал: «При вынесении приговора считаю, что вы не будете преследовать цель мести. Это могло бы быть, но по закону недопустимо.

– Мы преследуем

цель не мести, а перевоспитания...»

Если бы его судила тройка НКВД, расстрел был бы неминуем, но в военном трибунале были все же иного плана люди, профессиональные военные. Доводы бывшего белогвардейского офицера, который говорил о том, что в критических условиях войны у белых было заимствовано немало, переняты даже когда-то ненавистные большевикам погоны, не были встречены с озлоблением.

Вообще, судьи питали к нему невысказанное уважение, об этом отцу архимандриту довелось узнать от девушки-секретаря, видно, тоже проникшейся к нему уважением. Добрые знаки сочувствия он получал неожиданно: по дороге на судебное заседание кто-то бросал из-за ограды ему под ноги пионы, а пожилой парикмахер, бережно состригавший его длинные волосы, сказал, что это священные волосы.

Суд вынес 24 июля 1945 года сравнительно мягкое решение: 10 лет исправительно-трудовых лагерей.

О судьбе любимого пастыря в Праге толком ничего не знали. Православные пражане терялись в догадках. Передавали друг другу стихи Михаила Краснова:

Ты был для нас прибежищем в печали
И чуткий друг в круговороте бед.
Глаза твои нам кротостью сияли,
Как ясный тихий свет.
В простых словах, не мудрствуя лукаво,
Умел ты души для добра открыть.
Невольную вину умел судить ты здраво,
Умел ты и простить.
В семье пражан уж знал ребенок всякий,
Вся Прага знала из конца в конец,
Что есть у нас заступник Исаакий,
Духовный друг, отец.

Вернуться в Прагу отцу Исаакию было не суждено.

В степях Казахстанских

Уже в августе 1945 года глаза стали привыкать к бескрайним Карагандинским степям, среди которых находился печально известный лагерь Долинка. Тут же располагался административный центр громадного государства в государстве по имени Карлаг.

Возвращение на родину в тюремном вагоне, угрюмые места отечества, известные из давнишних уроков географии, – такова была реальность, которая все еще походила на тяжелый сон. Среди ровной как стол степи, белесой от солончаковой почвы, Долинка казалась оазисом – заключенные насадили деревья, провели воду. Такой ее видели издали экспедиции ботаников и геологов, а вблизи – колючая проволока, вышки, охрана, бараки.

Все-таки – это отмечают многие – лагерь послевоенного Карлага имели намного более щадящий режим и обстановку, чем в 1937 году.

Об обстоятельствах лагерной жизни отца Исаакия писала елецкая монахиня Макария (Санникова). В ее тексте присутствуют интонации житийности, явные элементы преобразования действительности, поскольку речь шла о личности, святость которой для многих, в том числе и для нее, была несомненной.

«Первый период заключения был ужасен еще и потому, что арестанты страшно сквернословили, безобразничали. Но постепенно, присмотревшись к о. Исаакию, стали интересоваться у него, кто он. Батюшка сказал: «Я – архимандрит». Они попытались произнести это слово, спросили, что это такое. Пришлось объяснить так, чтобы было понятно. «Будем звать тебя митрополит – так легче». Это звание так и осталось за ним. Отец Исаакий, имея врожденный юмор и неиссякаемый запас интереснейших, возвышающих нравственно рассказов, стал делиться ими с несчастными, начав с того, что ему невыносимо их сквернословие, ругань, драки. Удивительно быстро и благосклонно они восприняли это, и более сильные физически изрекли остальным, чтобы никто не смел ругаться и безобразничать, и если кто не мог сдержаться, получал от других наказание. Так вся камера вскоре отвыкла от своих скверных привычек, но зато они не давали покоя батюшке, упрашивая его каждый вечер рассказывать им что-нибудь еще и еще. Видя его физическую слабость и изможденность, они старались помогать ему выполнять «норму» каторжных работ по рубке саксаула и др. Даже каким-то образом добывали для него съестное. Батюшка полюбил их и чувствовал, что любим. Это до какой-то степени облегчало каторгу. Так шло время.»

Другой человек, близко знавший о. Исаакия, В.У. Лушпа – «Валя маленькая» из алма-атинского окружения – также слышала от отца Исаакия о заключении в Долинке. Она упоминала об эпизоде, расставляющем несколько иные акценты. «Отец Исаакий оказался в обществе уголовников, улюлюкавших вокруг «параши»,

к которой надо было прибегать.

— Я не Иисус Христос, — сумел он тогда дать твердый отпор, и со временем бандиты и шпана стали уважать его и по-своему любить.»

Терпеть приходилось немало. «Норму выполнить не мог и потому пайку хлеба получал неполную, а то, что получал, — ловкие «сожители» отбирали. Его место было внизу под нарами, там глубокой ночью, когда стихал гвалт, на коленях отправлял службы. Постепенно бандиты к нему смягчились, прониклись уважением, называли ласково «дядя Ваня». Он им вечерами рассказывал занимательные истории, и тогда в камере наступала тишина. Он был великим мастером Слова. Познания его были всеобъемлющие — это была живая энциклопедия. Он им рассказывал по их просьбе «все про все». А когда рассказывал о страданиях Христа, о суде Пилата, они негодовали на Пилата за его малодушие. Иногда они просили рассказать «что-нибудь из Божественного посмешней». Он занимал их, чтобы хоть на какое-то время остановить их буйство».

Будто смерч налетел откуда ни возьмись, подхватил и бросил за колючую проволоку на непосильный труд, моральные страдания и болезни. Он четко сознавал, что долго не выдержит. То, что вскоре произошло, было чудом: освобождение через... восемь месяцев.

Никакого освидетельствования врачебной комиссии, никакой амнистии не было и не могло быть: десятилетний срок только начинался. Но в Праге на свободе оставался преданный «братик» Сергей. В нем-то и было дело.

«Военная коллегия Верховного суда Союза ССР в составе председательствующего генерал-майора юстиции Дмитриева и членов: полковника юстиции Буканова и полковника юстиции Сьюльдина, рассмотрев в заседании от 5 февраля 1946 года протест председателя Верховсуда СССР на приговор военного трибунала Львовского военного округа от 27-30 июля 1945 года по делу Виноградова Ивана Васильевича, осужденного по статьям 58-2, 58-4 и 58-11 УК РСФСР — к лишению свободы в ИТЛ сроком на десять лет, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества и заслушав доклад тов. Дмитриева, заключение помощника главного

военного прокурора тов. Мальцева, постановил:

Виноградов признан виновным в том, что будучи офицером армии Врангеля, в период гражданской войны принимал участие в вооруженной

Казахстан. Окрестности пос. Долинка, где в 1945-1946 гг. находился в заключении архим. Исаакий

борьбе против СССР. После разгрома армии Врангеля в 1920 году Виноградов эмигрировал за границу, где в 1921 году вступил в белогвардейскую организацию «Галлиполийское землячество», а с 1927 года состоял членом РОВС — «Русский общевойсковой союз».

Виноградов виновным себя признал и на суде показал, что будучи эмигрантом за границей, он окончил в Париже богословский институт и принял монашество, в 1928 году был назначен священником русской церкви в гор. Прага. В период Отечественной войны он никакой помощи немцам не оказывал, так как изменил свои взгляды, разоружился и никакой борьбы против СССР не проводил.

С приходом частей Красной армии в гор. Прагу, Виноградов вместе с епископом Сергием отслужил молебен в связи с одержанной победой Красной армии.

Данные Виноградовым объяснения суду никем не опровергнуты. В своей жалобе Виноградов, не отрицая прошлой антисоветской деятельности и раскаиваясь в ней, просит о помиловании. Его просьбу поддерживает наместник русской православной церкви в Праге епископ Сергей.

Имея в виду, что Виноградов во время Отечественной войны никакой помощи немецко-фашистским захватчикам не оказывал, учитывая также изменившуюся обстановку в стране в связи с победоносным завершением Отечественной войны, что его прошлая враждебная деятельность против СССР в данное время не представляет опасности для Советского Союза, — поэтому протест председателя Верховного суда СССР удовлетворить, приговор в отношении Виноградова отменить и дело на основании ст. 8 УК РСФСР производством прекратить.

Виноградова из-под стражи освободить. 14 марта 1946 года».

Как следует из текста самого решения верховного суда, с ходатайством за отца Исаакия выступил архиепископ

Долинка (Карлаг НКВД СССР)

Архим. Исаакий после освобождения из Карлага. Актюбинск. 1946 г.

Сергий (Королев), но едва ли этого было достаточно. В Праге говорили, что нашелся добрый следователь, который посоветовал писать патриарху Алексию, а тот, получив прошение, обратился к Сталину, и сам Сталин распорядился освободить архимандрита Исаакия. Не будь «братика» Сергия, сумевшего заинтересовать патриарха Алексия (Симанского), сгинул бы отец Исаакий в карагандинских степях. Братских могил в них видимо-невидимо, и если поставить над каждой памятный крест, то в степи не будет линии горизонта, где бы ни виднелись они... Остался бы Иван Виноградов здесь, как

многие русские офицеры и духовенство — тысячи и тысячи...

Известие об освобождении пришло в Долинку накануне майских праздников и пасхальных дней. Вот что вспоминал сам он сам.

«Дошел слух, что едет из Москвы начальство. Мне было поручено возглавить со своими камерными заключенными приведение в порядок территории вокруг барачков, сделать клумбы, посадить цветы, написать плакаты и т.д. Все делалось оживленно, споро. Приехало начальство, и было приказано вечером выстроиться на линейку. Начальник из Москвы громко сказал:

— Виноградов, выйти из строя!

И далее стал читать:

— Решением... вы освобождаетесь из-под стражи.

От неожиданности и испуга я предположил, что вызвали к расстрелу, а когда понял, оградил себя крестным знаменем:

— Слава Богу!

Стоявший вблизи политрук спросил язвительно:

— Уж не думаешь ли ты, что тебя освобождает твой Господь Бог?

Из рядов заключенных послышался громкий внушительный бас:

— Истинно так, Господь Бог!

Политрук вскинулся в сторону «баса», но все стояли с невинным выражением лица, и невозможно было определить, кому он принадлежал».

Освобожденный вышел из лагеря майскими днями в дурацкой, на посмешище, одежде, на нем были ватные латанные штаны, куртка с огромной заплатой на спине, на ногах брезентовые ботинки на резиновой подошве,

на голове облезлая меховая шапка. Ноги были настолько отечными, что выходили за край ботинка, и каждый шаг стоил трудов.

Первое время желанной свободы было едва ли не горше лагерного ярма.

Ему выдали буханку хлеба и семнадцать рублей, на телеге довели до строения с надписью: «Барак для освобождающихся.» Уборщица, узнав, что он из-за границы, заметила:

— Вы должны быть благодарны советской власти, что вас освободили.

— Я благодарен, — заверил отец Исаакий. Правда, не стал уточнять, кому.

Здесь ему выдали документы без фото, в которых было указано, что проживать он имеет право только в пределах Казахстана, и то не в столице.

Свобода... Железнодорожный состав, к которому был прицеплен его вагон, едва двигался, подолгу стоял на станциях. Голод принудил продать за еду нижнее белье, но это не помогло, началось сильное истощение. В Петропавловске отец Исаакий решил найти церковь. Городской собор был закрыт, поэтому с трудом на распухших ногах он добрался до окраины, где действовал кладбищенский Всехсвятский приход. Служба уже закончилась, церковный двор обезлюдел. Ничего не оставалось, как расположиться на бревнах, съесть купленный по дороге хлеб, напиться из лужи и ждать. Скоро в церковь привезли отпевать покойника, появился священник — отец Игнатий, к которому сердце сразу расположилось, так что вечером отец Исаакий решил исповедаться у него, но к исповеди вышел другой... Утра дожидался на вокзале, слава Богу, именно отец Игнатий совершал воскресную литургию. Подходя к чаше, скиталец с надеждой назвал сан и имя.

К новому знакомому священник отнесся с глубоким сочувствием, он и сам недавно пережил вторую ссылку. Поделились переживаниями, все легче... Но путь товарного вагона продолжался. Денежная помощь священника помогла какое-то время продержаться и не умереть с голоду.

В Оренбурге, тогда называвшимся Чкалов, отец Исаакий уже прямо направился в церковь — островок своей надежды. В тот субботний вечер службу совершал епископ Мануил (Лемешевский). Видимо, где-то в глубине души теплилась надежда на сочувствие, маломальское внимание к сану и обстоятельствам, поэтому, подходя к помазанию, он попросил владыку Мануила помолиться об освобожденном из заключения архимандрите Исаакии. Дальнейшее отца Исаакия умилило: епископ Мануил отдал посох послушнику, вынул носовой платок и завязал узелок. На память, видимо, чтобы не забыть рядовой эпизод — бездомный архимандрит из Праги, измученный, едва державшийся на ногах и просит так мало.

Суровая эпоха каждого испытывала на своей лад...

Председатель Ольшанского братства, любимец Праги, знавший ее вдоль и поперек, желанный и уважаемый в достойнейших русских семьях, стал изгоем, бродягой, отбросом.

Был в его детстве один эпизод... Шестилетний Ваня во время ссоры больно укусил за палец старшую сестру Тоню. Родители строго выговорили провинившемуся за злодеяние и посадили «преступника» в кладовку рядом с верандой, где обычно обедали в летнее время. Присмотревшись, наказанный Ваня увидел куриное гнездо из большого отцовского картуза, какие-то старые вещи, чей-то сюртук, облепленный перьями. Наплакавшись, стал размышлять, что наверное родителям он неродной, и поэтому он так строго наказан, и что теперь ему следует уйти от них и сделаться странником. «Буду ходить по миру просить милостыню ради Христа». В это время до него донеслись голоса родителей и крестной, звон посуды – значит все обедают, а он, Ваня, забыт, голодный... Очистив немного картуз и драный сюртук, оделся, выкарабкался в оконце, подошел к веранде и тихо, со смирением стал просить:

– Подайте бедному страннику хлебушка, Христа ради!

Лицо отца странно вытянулось, и отцовские губы прошептали:

– Странник просит ради Христа, отрежь ему хлеба!

Мать, низко наклонив голову, изо всех сил пыталась ровно отрезать ломоть, а крестная с плачем выскочила из-за стола, бросилась к крестнику, заключила в объятия...

Всему рано или поздно приходит конец. Пришел конец и перестуку колес, вокзальным скамьям, ночным проверкам: прибыли в Актюбинск, место, где ему предписывалось встать на учет.

В жизнеописании, составленном монахиней Макарией, прибытие в Актюбинск сродни сказке со счастливым концом. Здесь и ласковый дом отца Василия Мухина, и небесной доброты матушка, приготовившая страдальцу чистенькую комнатку и кормившая его по часам, излечивая от дистрофии. Чуть позже все так и было – когда пришло из Москвы подтверждение сана от настоятеля Троице-Сергиевой лавры архимандрита Гурия (Егорова) и получена телеграмма от управляющего Алма-Атинской и Казахстанской епархии епископа Николая (Могилевского). На первых же порах события разворачивались по суровой схеме. Первую ночь оставался на вокзале, а утром отправился в горисполком для определения на работу. Его сразу же предупредили, что в городе работы нет и предложили отправиться в колхоз. Отец Исаакий объяснил, что пришел не за работой, а разрешением устроиться при Церкви: сторожем ли, дрова рубить и т.д.

– Ну, идите, если Вас попы примут, мы не возражаем, – услышал с облегчением.

После освобождения

В Актюбинской церкви его ожидала неласковая встреча: ему не поверили. Священника отца Василия Мухина он увидел неподалеку от его дома на улице: высокого роста человек с бородой, волосы подобраны под шляпу.

– Вижу Вы – священник, – начал отец Исаакий. – А я вышел из заключения. Архимандрит. Не могу ли получить у Вас работу при церкви? Топить печь, рубить дрова или еще?

Отец Василий предложил, если он архимандрит, отправляться в только что открытую Троице-Сергиеву лавру, на что отец Исаакий смиренно пояснил, что выезд из Казахстана ему запрещен. Слава Богу, выяснилось, что наместником лавры назначен архимандрит Гурий, давний петроградский знакомый, с которым вместе учились в Духовной академии, правда с разницей в два курса, но посещали один кружок. Телеграмма в лавру была отправлена немедленно, и, к чести будущего митрополита Ленинградского, сразу же пришел ответ с подтверждением сана и ста рублями. Тогда уже и отец Василий высказал необходимость в исполкоме взять разрешение на работу в церкви. Ночлега все-таки не дал, «срочно уехал» с матушкой на требу, но

*Актюбинск.
Церковь*

после всенощного – был праздник св. Иоанна Богослова – к бездомному подошла бойкая бабенка Любка, которую звали колдуньей, и забрала к себе. Несколько дней ночевал у нее в сенях на соломе.

Настоятель между тем сделал запрос в Епархиальное управление, и Николай, архиепископ Алма-Атинский и Казахстанский, ответил, что сам приедет, посмотрит, что за архимандрит такой, тогда решит.

Владыка Николай приехал скоро, привез наперсный крест. Пообщавшись с отцом Исаакием, он вернулся в Алма-Ату вместе с ним.

В окнах мягкого вагона с бархатными шторками и настольной лампой мелькали знакомые полустанки, хлебные ларьки, узнавались лица...

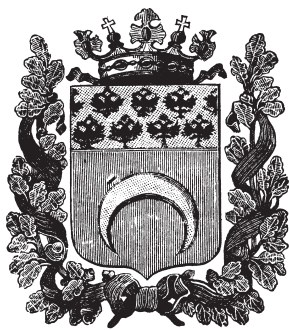
В Праге ходила легенда, что из лагеря отца архимандрита выпустили совершенно голым, и он добирался до Алма-Аты пешком, завернувшись в газеты, а потом стоял так среди нищих на церковной паперти, пока его не заметил настоятель и не взял служить. Наверное, Казахстан представлялся таким фантастическим местом, что и этот вымысел, бредовый даже для сурового и беспощадного сталинского времени, принимался за чистую монету.

К концу Отечественной войны церковная жизнь в Советском Союзе начала восстанавливаться. Второго июня 1945 года Указом Священного Синода была создана Казахстанская епархия, управлять которой с титулом митрополита Алма-Атинского и Казахстанского предписали находившемуся дотоле в ссылке епископу Николаю (Могилевскому, 1874-1955).

Удивительная вещь! В жизнь отца Исаакия владыка Николай вошел еще до их первой встречи. В лагере, незадолго перед освобождением, снился сон, будто пришел благообразный седовласый старец с голубыми глазами, густыми бровями, ласковой улыбкой, подал образок Воскресения и произнес ободряющие слова. Утром на душе было легко и радостно...

Человека, приснившегося ему, он в жизни никогда не видел, но встретившись с владыкой Алма-Атинским и Казахстанским, узнал того самого старца!

Мало кому было известно, что преосвященный Николай, пережив тюрьмы, лагеря и ссылки, молился за заключенных и тайно посылал в лагеря посылки. Не потому ли Ангел-вестник освобождения принял его обличие? Вскоре к тому же выяснилось, что епископ Николай до революции был хорошо знаком с дорогими благодетелями

Верный.

отца Исаакия – митрополитом Евлогием и епископом Сергием. Встреча владыки Николая и архимандрита Исаакия была промыслительной, благодатной для обоих, она скрасила последние девять лет жизни одного и поддержала другого первые годы служения на родине, духовно и экономически разоренной, истерзанной сталинским режимом и войной.

В граде Верном

Отец Исаакий оказался в столице Казахстана – городе Алма-Ате. До революции его жители были уверены, что лишь только завершится строительство железной дороги до Верного, у России появится курорт, который превзойдет во многих отношениях Швейцарию. От ущелий, горных рек и сверкающих водопадов до города – рукой подать, величественная горная гряда с золотым верхом ледников видна с любого городского тротуара. На этом фоне кресты и купола православных церквей создают неповторимое зрелище. Таким и был Верный еще недавно, когда стояло в нем их два десятка. Перед войной остался один кафедральный собор, взятый под Музей истории Казахстана, да пара церквей на окраинах. Тесня старую, новая реальность накатывалась волна за волной: конструктивизм 20-х годов и турксибовские коттеджи быстро уступили место портикам и нишам со статуями спортсменов и летчиков. Епархиальное управление находилось на Кавалерийской улице в так называемой Большой станции – эту часть города как будто забыли. Даже теперь, на грани нового века, она почти не изменила облик столетней давности, только обветшала и поблекла. Домик управления имел низкие потолки, маленькие окна. Такой же скромный купили архиепископу Николаю. Отец Исаакий несколько лет снимал комнату

напротив, и тоже в казачьем домишке. Часто бывал у владыки Николая. Два окошка, вот уже сорок лет закрытые ставнями, и тесовые ворота дома по Джетысуйской, 14 остаются тем местом, где со смертью митрополита время как бы остановилось, а служительницы Нюра и Шура так и остались в той эпохе. Тетя Шура с трудом

открывает двери баньки, в которой провалился пол. Сюда полвека назад приходил отец Исаакий... В садике они с архиепископом гуляли, беседка тут была – сидели...

Об этих адресах пишет монах Феофан в

Верный (Алма-Ата). Туркестанский кафедральный собор во имя Воскресения Христова, закрытый в 1929 г. и обращенный в Центральный государственный музей Казахстана. Фото нач. XX в.

своим замечательном рассказе «Бутылка».

«Я, Божией милостью монах Феофан, из глубины своих детских воспоминаний вынес те незабываемые мгновения, что уже на протяжении сорока пяти лет вместе со мною. Моими духовными окормителями с раннего моего земного существования были владыка Николай и настоятель нашего Казанского храма в те годы архимандрит Исаакий. Мне было тогда всего 9-10 лет, и свои детские впечатления с точки зрения современной жизни я могу назвать счастьем. И слава Богу, что образ этих людей, их поступки, беседы как бы вписались в мою память, что, может, и служит смыслом моей жизни.

В 1952 году мы вместе с моим другом Геннадием Ивановичем Стуловым, проживающим ныне в Петербурге, были в доме с зелеными ставнями на Джетысуйской, где проживал владыка. Время было летнее. Мы были посланы старостой Мартыновым Семеном Андреевичем на предмет уточнения времени службы владыки.

Владыка встретил нас у крыльца, благословил и ответил на наш вопрос. Вдруг он спросил:

– А вы были у отца Исаакия? Пусть он вам покажет бутылку!

– При чем здесь бутылка? – подумали мы.

Перейдя трамвайные пути, мы оказались у дома о. Исаакия. Калитку открыла хозяйка дома. В маленьком садике под деревьями стоял накрытый стол, за столом сидело несколько взрослых мужчин и женщин. Наверное, в момент нашего появления у них заканчивалась какая-то очень важная беседа, потому что лица у них как бы светились каким-то одухотворенным светом, будто они увидели или услышали во время беседы какое-то откровение.

Все взоры обратились на нас. В них не было укоризны, а только одна доброжелательность.

Отец Исаакий усадил нас на скамейку напротив себя, пододвинул сахарницу и блюдо с баранками, радушно предложил чаю. Все молчали и вопроситель-

Алма-Ата (Верный). Свт. Николай (Могилевский), архим. Исаакий и паства на ступенях Свято-Никольского храма после богослужения. 1950-е гг.

*Свт. Николай,
архиепископ
Алма-Атинский
и Казахстанский.
Алма-Ата.
1950-е гг.*

но смотрели на нас. Какое тут чаепитие! К тому же в голове у нас сидела эта «бутылка», а задать вопрос мы не решились.

Вдруг отец Исаакий догадался:

– Так вы что, пришли бутылку смотреть?

Мы, не разжимая ртов, закивали головами.

Все за столом дружно рассмеялись, и о. Исаакий вместе с ними, да так весело и задорно, что мы тоже включились в общее веселье.

Отец Исаакий погладил левой рукой свою бородку:

– Ну, теперь владыка будет всех присылать ... Придется показывать.

И запросто предложил нам:

– Ну, пойдемте, покажу!

Мы прошли в его очень маленькую комнату. На столе около зажженной лампадки стояло что-то необыкновенное. Явно это была пол литровая бутылка прозрачного стекла.

Отец Исаакий взял ее в руки, задумчиво всмотрелся и поставил перед нами...

Внутри бутылки был сооружен иконостас, смонтированы киоты, в которых находились образа Спасителя, Божией Матери и Николая Чудотворца. Пред каждым в подвешенном состоянии светила лампада – горел огонек! Киоты завершал трехгранный купол, увенчанный восьмиконечным крестом, как на храме. Это был храм в миниатюре, чудесно изготовленный из дерева и собранный в этом сосуде, разрисован цветными красками и разукрашен резьбой.

Мы благоговейно молчали, молчал и отец Исаакий.

Считая, что наше присутствие затянулось, мы двинулись к выходу. Благословив нас, отец Исаакий сказал:

– Все могут руки человеческие, если ими руководит Божественный Промысел.

Эту бутылку подарил отцу Исаакию человек, кото-

Архиепископ Николай и духовенство
Алма-Атинской епархии в Никольском
соборе. В центре – архиепископ Николай,
рядом с ним стоит (в митре) архим.
Исаакий. Великий Четверг. 1949 г.

рый находился вместе с ним в заключении, он мастерил ее в тюрьме более трех лет.»

Прежнего разностороннего служения в Алма-Ате не было и в помине. Когда-то в Праге с товарищем, галлиполицем М. Ковалевским, они занимались с пражскими «витязями» – военно-патриотической организацией, с ними проводил лекции, беседы, а во время полевых занятий скатывал рясу как солдатскую шинель, надевал через плечо и участвовал в походах наравне с подростками. Терпеливо преподавал Закон Божий непослушным малышам в воскресной школе, сотрудничал в эмигрантской прессе, прекрасно выступал на общественных торжествах, писал воспоминания о гражданской войне. Обо всем этом теперь надо было забыть. И все же! Остались церковная проповедь и житейское наставление, оставалась та самая, выношенная владыкой Сергием «благодать общения».

Часто в наши дни можно услышать: один священник хорош для интеллигенции, другой – для простых людей, и где-то для такого положения вещей есть свой неоспоримый довод. Отца архимандрита отличала способность, несмотря ни на что, быть одинаково любимым, притягательным и понятным как для профессорских кругов, так и для простого народа. Это сильно бросается в глаза. Горячие отзывы, самые высокие оценки высказывают люди, находившиеся как бы на разных культурных полюсах, совершенно различных социальных укладов.

Все, кто окружал архимандрита Исаакия, отмечали его тонкую психологическую конституцию, способность к смеху и к слезам. Внутренняя подвижность и восприимчивость позволяли ему тонко чувствовать другого человека и глубоко судить о вещах. Он старался скрыть свою впечатлительность и шутил: «Я родился в феврале под знаком водолея, да еще и мама моя слабая

была на слезы, вот я таким и получился». Когда же в меньшей степени дивились его юмору и заразительному смеху, он опять-таки находил объяснение, говорил, что имя у него такое: Исаакий – в переводе с древнееврейского означает «смех».

Как не вспомнить в этой связи слова академика Алексея Ухтомского: «Большие художники, более конкретно думающие мыслители и чуткие врачеватели человечества отличались тем, что до старости сохраняли высокую впечатлительность и эмоциональную отзывчивость ...»

По выработанному еще в Чехословакии правилу отец Исаакий ходил по городу исключительно в подряснике, и так же, как и в Праге, преодолевал пешком большие расстояния, только теперь под южным солнцем подрясник быстро взмокал, а потом серел от соли.

Служение в Алма-Ате было тяжким, и Чехословакия, и даже протекторат Богемия и Моравия 1939 года могли показаться на этом фоне идиллическим местом! В письме в Прагу он писал: «Жизнь кончилась, началось житие».

Каждого уведомления о необходимости явиться в НКВД (обычно назначалось позднее время) отец Исаакий боялся и не скрывал своего страха. Он ничего не ел и плохо спал. Надзор за ним был пристальный, и в толпе почитателей, окружавших после богослужений, были не только люди, чистые сердцем. Думается, что стеной нерушимой ему становились собственные молитвы, редкие по силе душевной самоотдачи. Они оказывались спасительными при угрозе повторных крутых мер. Иначе как объяснить дроздовский малиновый лоскуток, разглаженный на коленке в присутствии духовных чад, или, скажем, долгие беседы на летней кухоньке с родственником хозяина, у которого снимал комнату, с горячими доводами в оправдание делу, которому служил

штабс-капитаном?

Общество в то время оставалось поработанным атеистическим жестко идеологизированным государством, державшим под контролем каждую яркую личность, тем более в Церкви. Одно присутствие в Церкви такого человека, как архимандрит Исаакий, располагало к ней многих.

Именно поэтому требовалась его дискредитация любой ценой.

В 1947 году преосвященный Николай, вернувшись с чреды летних заседаний Священного Синода, был вынужден перевести отца Исаакия из Казанской церкви Малой станицы – района Алма-Аты, в Никольский кафедральный собор, поскольку в Патриархию пришло недоброе письмо-жалоба о «нестроениях».

Для ослабления Церкви было на руку и нравственно надломленное духовенство. Одним из таких был протоиерей Анатолий Сеницын, в прошлом обновленческий епископ с большим стажем. С 1928 по 1944 год он возглавлял обновленчество на Алтайской, Омской, Ташкентской кафедрах. Когда раскол был преодолен, Сеницын принял покаяние и служил в сане протоиерея в Никольском кафедральном соборе г. Алма-Аты, несмотря на то, что был к тому времени второбращным. Более того он был назначен секретарем митрополита Николая, конечно, не по добровольному выбору последнего. Анатолий Сеницын являлся антиподом отца Исаакия и не скрывал своей неприязненности и враждебности по отношению к нему. Встречаясь в приемной митрополита или в его покоях, оба сходили с лица, краснели и «закипали». Отец Исаакий старался, хотя и не всегда успешно, быть предельно осторожным и осмотрительным. Один лишь раз поддался на уговоры сесть в секретарскую машину. Этого отцу Анатолию было достаточно, чтобы, выполнив чье-то поручение, выставить себя во всеуслышание «жертвой извращенной порочности архимандрита Исаакия». После чего последовало унизительное расследование. В 1957 году в кафедральном соборе Алма-Аты сложились две воинственные группировки, одна на стороне отца Исаакия, другая – Сеницына. В отца Исаакия плевали... Наивно полагать, что клевета не пристанет к безгрешному. Пристанет – в этом ее прямое назначение. То простоудушно оправдываясь, то плача и молясь, он пережил и ее.

В целях преодоления нестроений приказом Священного Синода от 28 декабря 1957 года отец архимандрит был переведен на служение в Троице-Сергиеву лавру, а протоиерей Сеницын увольнялся от занимаемых им должностей настоятеля Казанской церкви, епархиального секретаря и благочинного с правом перехода в другие епархии. Он перебрался во Фрунзе (Бишкек) и спустя годы стал писать отцу Исаакию покаянные письма.

Сам отец Исаакий был убежден, что все злострадания ему были попущены Промыслом Божиим для про-

Свят. Николай Алма-Атинский и архим. Исаакий. 1950-е гг.

хождения по узкому пути ко спасению. Мир в его душе оставался прочным, дар слез и молитвы не оставлял.

Елец

В Троице-Сергиевой лавре возникли трудности с пропиской, поэтому патриарх подыскал архимандриту место в российской глубинке. Последние 22 года – еще почти целую человеческую жизнь – он служил в Ельце настоятелем Вознесенского собора.

Теперь уже древнему Ельцу с его Елецкой Чудотворной, памятью о Тихоне Задонском, бунинскому Ельцу, предстояло испытать сильнейшую привязанность и запечатлеть в сердцах своих личность удивительную.

Бури утихали. Должность настоятеля Вознесенского собора не отягощала жизни: ни одной жалобы в Воронежское епархиальное управление за 20 лет оттуда не

Алма-Ата (Верный). Домик по Джетысуйской ул., где проживал архим. Исаакий в 1950-е гг.

Елец. Вознесенский собор, настоятелем которого с 1958 по 1981 гг. служил архим. Исаакий

поступило. От прежнего духа отец Исаакий сохранил патристическую настроенность, в проповеди его поминались древнерусские ратники, святые-полководцы, доблесть русского оружия.

Он все так же, как это было в Алма-Ате, стоял после вечерних богослужений у выхода и к нему выстраивалась длинная очередь. Только теперь он опирался на посох, и от всей его фигуры веяло тишиной духовной, покоем, трудно было оторвать взгляд, хотелось долго смотреть на него и запомнить навсегда.

В этот период жизни старцу сопутствовала монахиня Нина (Штауде), «тетя Нина», как полушутливо он величал ее. Благодаря ей, сохранились проповеди владыки Николая и отца Исаакия: ей удавалось их стенографировать.

Нина Михайловна Штауде, астроном и математик, пришла в Церковь, когда ей было уже шестьдесят. Это было в начале 1950-х гг. в Алма-Ате. После освобождения из исправительно-трудового лагеря бывший научный сотрудник Ленинградского филиала АН работала в

Монахиня Нина (Штауде)

Институте математики и у академика Тихова, изучавшего в то время в Алма-Ате загадки планеты Марс. Тогда случай свел ее с отцом Исаакием. Оказалось, что оба родом из Петербурга, да к тому же отец Нины Михайловны был преподавателем Первого реального училища и именно в годы пребывания в нем Ивана Виноградова.

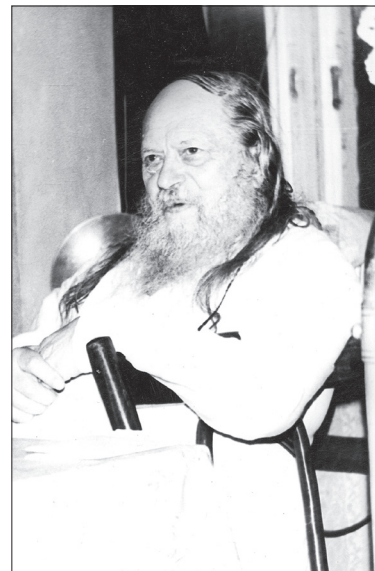
Встреча предопределила дальнейшее. Приняв монашество, она оставила науку.

Литературная закалка и исследовательский опыт помогли ей в составлении жизнеописаний преосвященных Николая (Могилевского), Сергия (Королева) и отца Исаакия, в редактировании записанных проповедей, в составлении глубоких духовно-назидательных писем. Вместе с другими духовными чадами она последовала за дорогим аввой в Елец. Здесь взяла на себя обязанности его секретаря. В 1971 году весь свой архив, в том числе и воспоминания отца Исаакия о своей жизни и свои исповеди ему за 20 лет, она передала в Ленинградский филиал Академии наук. Скончалась в глубокой старости, 90 лет от роду, немного опередив отца Исаакия, который мирно почил и был предан земле при огромном стечении скорбящего народа 14 января 1981 года. Союз этот напомнил житие блаженного Иеронима и святой Павлины...

«Ах, как неохотно расступалась древняя елецкая земля, которой выпала высокая и печальная честь принять и хранить его тело. Свыше двадцати лет он ходил по ней легко, стремительно и в то же время спокойно. Также легко и споро, с полным сознанием своей духовной правоты, он совершил свой подвижнический путь», — писал елецкий иеросхимонах Нектарий.

А в Париже на кладбище Сен-Женевьев де Буа спят вечным сном его товарищи-дроздовцы. Галлипольская пирамида, воздвигнутая там, увековечила и славу тех, кто остался навсегда в степях между Доном и Днепром, над кем лишь струится степной ковыль. Отцу Исаакию суждено было вернуться на эту землю и упокоиться спустя шестьдесят лет неподалеку от мест, где раздавалась их походная песнь:

Смелей, дроздовцы удалые,
Вперед без страха, с нами Бог.

В последние годы жизни

РАЗГОВОР МИРСКОГО ЧЕЛОВЕКА С ЖЕЛАЮЩИМ ИДТИ В МОНАХИ

Монашествующий человек:

*Жизни прелестей мне не расписывай,
Чтобы к миру меня повернуть.
Я монашеский крест кипарисовый
Уж надел на высокую грудь.
Как запорами четками черными
Сам сковал себе волю свою
И с поклонами тихо-покорными
Пред иконой колени склоню.
Отвернусь я от мира греховного
И, со злом искушений борясь,
Буду в плаче восторга духовного
Отмывать ядовитую грязь.
И влечения к миру тяжчайшего,
Лжи прелестной во мне уже нет.
Иисус мое Солнце сладчайшее,
Иисус мой немеркнущий Свет.*

Мирской человек:

*Подожди, подожди, мой порывистый.
Обсуди свой решительный шаг.
Путь тернистый и путь перерывистый
Совершает исконный монах.
Посмотри на себя без пристрастия:
Силы хватит ли рясу носить,
И довольно ль тебе того счастья –
Себя заживо в гроб положить?
Оглянися на мир покидаемый,
Где ты мог бы свой путь совершать,
Где друзьями всегда окружаемый,
Мог бы грусть и тоску разгонять.
Но, одевшись рясою темною,
Ты увидишь, как много друзей
От тебя отойдут, и огромную,
Пропасть выроешь ты от людей.
Солнца мира над злыми и добрыми
Вечно светит, блестя и горя,
А в келейной тоске злыми кобрами
Будет жалиться вера твоя.
И, ужаленный скукой келейною,
Ты в сомненье невольно впадешь.
Никакою мастикой елейною
Боль души ты тогда не залъешь.*

Монашествующий человек:

*Знаю, знаю, дорога тернистая
Перед верным монахом лежит,
Но в конце ее звездочкой чистою
И награда за подвиг горит.*

*Лучше тесной дорогой избранною,
Хоть страдать, но к победе идти,
Чем с какой-то покорностью странною
Прозябать на широком пути.
В деле всяком бывают сомнения,
И порой может падать монах,
Но великою силой терпения
Через тлен перейдет он и прах.
Этой темной одеждой смиренною
От греха он одет, как броней,
Но, любовью согретый священною,
Будет помнить о скорби людской.
Принесет он другим на служение
Все, что только умел бы и мог.
Он всем ближним дарует прощение,
Он к себе лишь безжалостно строг.
И утех мирские, и радости,
И житейских мечтаний искус
Затмевает пред ним солнце сладости
Сам Претихий Господь Иисус.*

Мирской человек:

*Но подумай, подумай внимательно,
Что оставишь, и что ты найдешь?
И постом, и молитвой страдательной
Ты надолго ли тело убьешь?
И подумай - мирские желания
На душе не проснутся ли вновь
И, сия огнем чарования,
Пред тобой не взойдет ли любовь?
Не изведав ее, ты откажешься
От утех ее сладких, живых,*

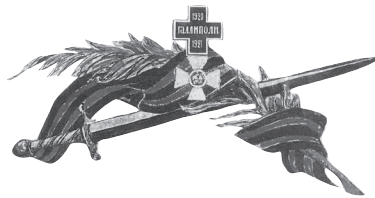
Ты суровою мантию свяжешься,
Но уйдешь ли от мыслей своих?
И, сгорая в губительном пламени,
Ты сумеешь ли плоть победить,
Иль изменишь крестовому знамени,
Чтоб таким, как и многие быть?
И когда ты жестоко раскаешься,
Что связал себе руки свои,
Ты в унынье впадешь, ты раскаешься,
Ты монах, не вкусивший любви.

Монашествующий человек:

Нет, мирской я любви не изведаю.
Не любил я и не был любим,
Я от прелести дьявольской бегаю,
Я любовью небесной томим.

Божья Церковь мне будет Невестой,
Я же буду ей рад как жених,
И, влекомый мечтою Небесной,
От невест откажусь я других,
Моя свадьба - то чин пострижения,
Я лобзаний других не хочу,
Кроме тех, когда в день Причащения
В чаше губы свои омочу.
Я от мира укроюсь прелестного,
Никому я не стану мешать,
В тишине уголка буду тесного
Всех в молитвах своих поминать.
Пусть, кто может и в мире спасается
Разный путь, но единый конец.
Мне же в свете мечтаний является
Добровольный терновый венец.

18.04. 1919 г.

Христос воскрес!
Слышим снова
Мы эти дивные слова.
Душа их воспринять готова,
И вера в нас жива, жива.

«Христос воскрес! Христос воскрес!»
Из растворившегося Гроба
Немеркнувший нам льется свет,
Исчезнет в нем слепая злоба,
Ей в сердце места больше нет.

Нас Сам Воскресший ободряет,
Кто ради нас Фоме сказал:
Блажен не тот, кто осязает,
Но кто, не видя, верным стал.

Но мы полны любви священной,
Объяття ближним растворим
И без конца, и вдохновенно
Призыв пасхальный повторим,
Ликуя радостью Небес:
«ХРИСТОС ВОСКРЕС!»
ХРИСТОС ВОСКРЕС!»

И мы стремим души порывы
Навстречу Сшедшему с Небес,
И ближним шлем свои призывы:

Пасха 1971 года, Елец

Памятник, сооруженный в Галлиполи в 1921 г.

БЛАЖЕННЫЙ СТРАННИК СТЕФАН НАРВСКИЙ

В Пюхтицкой обители, на кладбище, возле ограды, стоит небольшая, простенькая по виду часовенка из белого кирпича. В ней похоронен человек, известный в монастыре, в Принаровье и на северо-востоке Эстонии под именем странника Стефана.

Странничество было одним из видов русского благочестия, одной из форм отечественного подвижничества. Оно было характерной особенностью русского бытия, специфической чертой национального уклада. Без странника невозможно представить себе русскую жизнь во всей ее полноте, невозможно воссоздать собирательный образ русского человека. Посредством странничества удовлетворял русский человек свою исконную религиозную жажду, свое вековечное стремление к иной, неотмирной жизни. Беря в руки посох и перекидывая котомку за плечи, странник не просто предавался бродяжническому или беззаботному образу жизни: он отправлялся искать Бога, без Которого жизнь мучила своей неполнотой и неполноценностью.

Но вместе с тем, странники необходимы были и окружающим их людям. Сами того подчас не сознавая, они выполняли высокую миссию. Они поддерживали религиозную настроенность в русском народе. Уже один вид странника – его отрешенность и молитвенная сосредоточенность, суровость внешнего облика и простота поведения, ласковость в обращении и открытость его беседы – извлекали из глубины души русского крестьянина чувства высокие и облагораживающие. Странничество являлось тихим призывом русского человека к сохранению благочестия и верности Богу. Богомольные странники, переходя от селения к селению, от избы к избе и побуждая русского человека к молитве, напоминали ему о небесной родине человека, о том, что земная жизнь – временная, недолговечная, о том, что все окружающее имеет преходящее значение. Потому-то и сохранял русский народ любовь к странникам, заботливо возводя часовни на их могилах, оберегая их имена от полного забвения и исчезновения...

Странник Стефан, или как его при жизни называли «Стефанушка», родился в 1873 году в эстонской деревеньке Кароли, лежащей на левом берегу реки Наровы близ села Ямы (эст. – Яама), в семье хуторянина Антипы Крылова. В детстве он отличался веселым и общительным нравом, обладал хорошим музыкальным слухом и заразительно играл на гармонии. В более зрелые годы в Стефане стала наблюдаться склонность к особой набожности и уе-

динению. Он часто посещает Пюхтицкую обитель, которая располагалась неподалеку от Кароли. В эти годы его посетило желание уйти на Афон. Свои заветные мысли Стефан как-то открыл на исповеди монастырскому священнику. Но сбыться этой мечте не было суждено.

Однажды, когда Стефан в очередной раз пришел в монастырь на богомолье, обитель посетил св. праведный Иоанн Кронштадтский. Священник, которому доверил Стефан сокровенные мысли об Афоне, рассказал об этом стремлении своего чада св. Иоанну. «Я поделился с дорогим батюшкой твоим сокровенным желанием уйти на Афон. Ты постарайся подойти под благословение», – сказал

Стефану окормлявший его пастырь. А на следующее утро, когда св. Иоанн отправлялся на службу в храм, сопровождаемый игуменией и обычной толпой богомольцев, произошла мимолетная, но ставшая для Стефана судьбоносной беседа с великим российским молитвенником. Поравнявшись со Стефаном, св. Иоанн остановился, похлопал по плечу взволнованного Стефана и сказал: «Ну что, странник Стефанушка, в Иерусалим пойдешь? Поклонись Святой Земле от наших святых мест. Великое дело начинаем, брат. Помолись – и домой. Трудиться здесь, молиться здесь надо! Тяжелые времена идут. Тут тебе и Афон, тут и монастырь твой. Да пусть тебя сопровождает во всех дорогах защитник и покровитель св. Николай угодник. Поклонись земле Иерусалимской!» Так и определился жизненный путь странника Стефана.

Однако не сразу же после этой встречи Стефан становится странником. Прошли годы, прежде чем сбылось предсказание великого праведника св. Иоанна Кронштадтского. Вернувшись домой после богомолья, Стефан погрузился в обыденные занятия и как-то постепенно забыл о пюхтицкой встрече. Он женился, устроился на работу приказчиком у купца, часто ездил в Нарву, отстроил дом, супруга Анна родила ему двух дочерей – Александру и Ольгу. Потекла своим чередом размеренная, тихая семейная жизнь.

Может быть, так все и продолжалось бы еще очень долго, если бы не смерть св. прав. Иоанна Кронштадтского. Весть о кончине великого праведника поразила душу Стефана. Она живо напомнила ему о той встрече, которая произошла в Пюхтицкой обители. Всплыли в памяти и те далекие, забытые слова, которые произнес св. Иоанн при их встрече. «Ну что, странник Стефанушка, в Иерусалим

пойдешь?», – вновь зазвучал в ушах мягкий, ласковый, но в то же время и властный голос о. Иоанна. Вспомнил он данное св. Иоанном повеление о паломничестве в Иерусалим. Дрогнула душа Стефана, уязвилась острым чувством вины перед Господом и св. Иоанном за невыполненное поручение. И засобиравшись он в далекий путь, в Иерусалим, поклониться Святой Земле и отдать свой давнишний долг Богу и всероссийскому пастырю.

С этих пор и начинается странничество Стефана. Побывав в Иерусалиме, Стефан вернулся на родину. Но домой больше не возвращался, ибо то, что он пережил в пути и на самой святой земле, неожиданно перевернуло всю его жизнь. С этого момента он стал жить только для Бога. У подножия Пюхтицкой горы он ставит себе небольшую келию. Два маленьких оконца, глухая стена, увешенная иконами, стол и гроб, который служит ему постелью, – вот и вся обстановка его убогого жилья. Строгий пост, отказ от рыбной и даже молочной пищи, малоспание, молитва, трезвение – таковы правила его новой жизни. Но дома, в келии, Стефан бывал редко. Он странствует, посещает окрестные селения, деревни, часто бывает в Нарве. Везде и всюду он молится, везде и всюду побуждает к молитве окрестных жителей, в ком не заглохло еще стремление жить по-Божьи. Обычно входя в избу, Стефан доставал икону святителя Николая, с которой не расставался, поминал о здравии присутствовавших и начинал акафист свт. Николаю. Затем пел с собиравшимся потихоньку народом церковные песнопения, читал жития святых, духовную литературу. Долго Стефан не останавливался на одном месте: отобедает после молитвы – и в путь. Вечер, как правило, заставал его в другом селении.

Его приходы доставляли людям духовное утешение, многие обращались с просьбами помолиться о своих нуждах, скорбях. К нему скоро привыкли, стали ждать

Странник Стефан

его появления. Стефан не ограничивался посещением деревень, ходил и в города, часто его можно было видеть в Нарве (его дядя был нарвским лесопромышленником). Люди верили в силу его молитвы и шли к нему. Были у него почитательницы и среди сестер Пюхтицкой обители, которые иногда приглашали его на чай и утешались его беседой.

Более тридцати лет ходил странник Стефанушка по эстонской земле, неся в дома простых людей слово Божие и поддерживая в их душах огонек веры православной. Но вот пришло время отправиться в последний путь вся земли, дабы предстать перед Судией и дать отчет о жизни своей. Перед кончиной старец Стефан впал в болезненный недуг. Его почитатели поспешили с постройкой часовенки для погребения

его тела. Заспешили в Пюхтицы знавшие Стефана, чтобы проститься со своим другом и молитвенником.

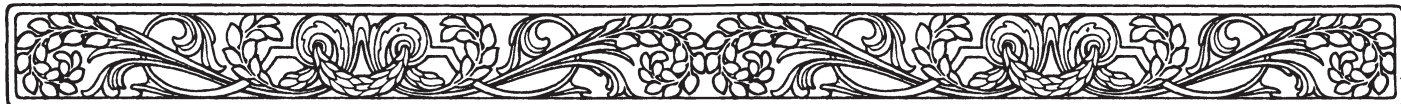
Умер он в 1941 году, в первые месяцы войны. Пюхтицкие сестры схимонахиня Алексия и монахиня Мефодия омыли тело, одели на покойного приготовленную им самим голубую рубашку, положили во гроб, служивший ему постелью, принесли в монастырский собор. А после отпевания похоронили странника Стефана в отстроенном при его жизни склепе. Здесь и покоится доныне тело сего труженика Божия, ожидающее гласа Архангельской трубы, когда все тела усопших восстанут, одни для славы вечной, другие для вечного посрамления и муки.

Помолись же, паломник Пюхтицкий, приезжающий во святое место сие, о упокоении души раба Божия Стефана, нашедшего свое последнее пристанище под благодатным покровом Царицы Небесной и мирно покоящегося среди тишины и чистоты молитв боголюбивых сестер обители сия.

Составлено священником Владиславом Кумышом по воспоминаниям сестер Пюхтицкого монастыря.

Часовня на могиле блж. странника Стефана

ПРОПОВЕДЬ

Архиепископ Аверкий (Таушев)

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

В этих двух словах, исполненных несказанного радования, – все существо, вся сила, вся духовная мощь, все величие нашей православно-христианской веры. Истинное христианство – это радость о воскресшем Господе.

Учение о Воскресении Христовом есть краеугольный камень нашей веры. Без веры в Воскресение Христово христианство не имело бы никакого смысла, никакого значения. Об этом ясно говорит величайший проповедник христианства по лицу всей вселенной святой Апостол Павел.

«Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша»... Если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших... И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков» (1 Кор. 15, 14-19).

Вера в воскресение Христово потому так для нас важна и так радостна, что оно есть победа Жизни над смертью, победа Добра над злом, или над грехом, который и породил собою смерть.

«Как во Адаме все умирают», учит тот же св. ап. Павел, «так в Христе все оживут» (1 Кор. 15, 2).

«Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших» (1 Кор., 15, 20).

Если воскрес Христос, то воскреснем и мы.

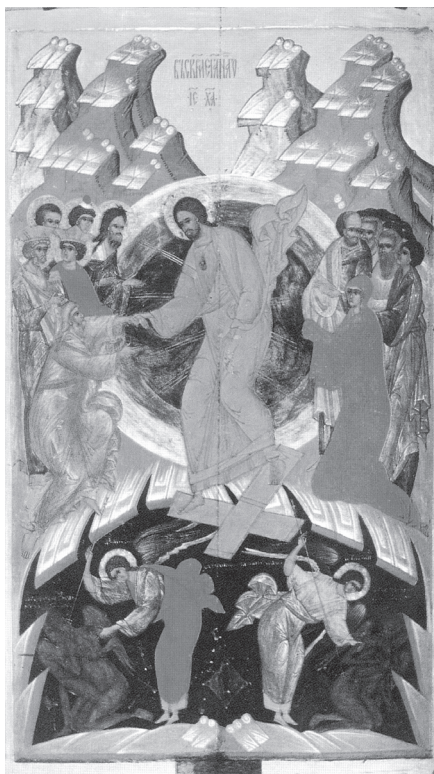
И эту свою веру всегда исповдывали и исповедуют все истинные христиане, когда читают или поют Символ веры:

«...Чаю воскресения мертвых, и жизни будущего века.

Аминь».

Проповедуя, по заповеди Христа-Спасителя, «Евангелие всей твари», свв. Апостолы во главу угла своей проповеди ставили всегда радостное благовестие о Христе распятом и воскресшем тридневно из мертвых. Об этой апостольской проповеди повествует нам прежде всего и сильнее всего книга Деяний Святых Апостолов, описывающая и многочисленные чудеса, которые совершали Апостолы именем Христовым в подтверждение истины проповедуемого ими. Вот причина, почему, по издавна установившемуся обычаю, эта книга читается всегда в пасхальную ночь до начала пасхальной Заутрени, всеми желающими, посреди церкви...

И эта проповедь о Христе, распятом «нас ради человек и нашего ради спасения» и преславно воскресшем из мертвых,

как ничто иное, пленяла умы и сердца людей в послушание Христово и делала их самоотверженными, даже до смерти, последователями Христовыми.

Вспомним, какими малодушными и страшливыми были самые ближайшие к Господу Его ученики до Его воскресения и какая разительная перемена произошла в них после Его воскресения. Когда Господа взяли под стражу в саду Гефсиманском, «все ученики, оставившие Его, бежали» (Мф. 26, 56). А сам старейший из них Петр, только что клявшийся в верности Господу, даже если и умереть пришлось бы ему (Мф. 26, 35), испугался каких-то служанок во дворе первосвященника и трижды с клятвой отрекся от Него (Мф. 26, 69-75).

Кроме возлюбленного ученика Христова Иоанна Богослова, последовавшего на Голгофу и видевшего страдания и смерть Господа, остальные так были напуганы всем происшедшим, что еще на третий день после сего сидели взаперти «дверем затворенным, страха ради иудейска» (Ин. 20, 19). Они, видимо, разделяли общиесудейские пред-

рассудки о Мессии как о земном царе, который освободит иудеев от власти римлян и подчинит иудейской власти все народы земли, и были до глубины души потрясены тем, что вера их во Иисуса как в такого Мессию рушилась, и все надежды их на Него оказались тщетными.

Но вот Христос воскрес, и все переменялось. С недоверием приняли Апостолы первые известия о воскресении Христовом, но когда Он явился им Сам, собранным вместе, их неверие превратилось в пламенную веру.

«Господь мой и Бог мой!» – таким полным горячей веры восклицанием выразил дольше всех упорствовавшей в своем неверии Фома эту дивную перемену, происшедшую в душах учеников.

И уже ничто потом не могло погасить в них этой веры. В течение 40 дней являлся Господь ученикам Своим, восстав от мертвых, и все более и более возгревал в них эту веру, «уча их о Царствии Божием» (Деян. 1, 3). А шествие Св. Духа в великий день Пятидесятницы сделало их пламенными и неустрашимыми исповедниками и проповедниками этой веры по всему миру, «наченше от Иерусалима... и даже до последних земли» (Деян. 1, 8).

Тот же самый апостол Петр, испугавшийся служанки и отрекшийся с клятвой от Своего Божественного Учителя,

бесстрашно выступил с проповедью о Христе распятом и воскресшем из мертвых перед многотысячной толпой народа, и результатом этой его пламенной проповеди было обращение ко Христу 3000 слушателей. А по прошествии некоторого времени, вслед затем, апостол Петр, совместно с Апостолом Иоанном, совершил великое чудо исцеления хромого от рождения, сидевшего у ворот Иерусалимского храма, и новой своей проповедью обратил ко Христу еще около 5000 человек.

Не испугали их и приказавшие схватить их за это и привести в синедрион священники и начальники стражи при храме, ни сами первосвященники и старейшины Иудейские, строга-настрога, с угрозою запретившие им «говорить или учить об имени Иисуса». Апостолы с решительностью отвечали им: «Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали» (Деян. 4, 18-20).

Они снова повторили этот ответ, когда их вторично схватили и представили на суд синедриона: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам», и только «радовались тому, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие» (Деян. 5, 29-41) и «всякий день в храме и по домам не переставали учить, и благовествовать об Иисусе Христе» (там же, ст. 42).

Чем можно объяснить такую необыкновенную перемену в св. Апостолах, как только не несомненной твердой верой в великую истину Воскресения Христова?!

И вся дальнейшая история христианства с его необычайно быстрым распространением среди совершенно чуждого ему по своим идеалам и глубоко враждебного мира была бы совершенно непонятна и необъяснима, если бы Христос не воскрес в действительности! Ведь целых три столетия лилась мученическая кровь за исповедание имени Христова! И эти христианские мученики не только не боялись этих мучений, но охотно, даже с радостью шли на них, будучи отдаваемы на сожжение, на съедение львам, на колесование и отсечение членов, и на всевозможные пытки, какие изобретала для них неистовая ярость гонителей-язычников.

Христианство не только не погибло от этих страшных преследований, но наоборот, все шире и шире распространялось по всему миру.

«Кроткие овцы стада Христова претворили ярость волчью своих гонителей в кротость овчую», – так выразился один из христианских писателей. В конце концов и сами венценосцы склонились перед подножием Креста Христова и прославили Христа Воскресшего. Грозная языческая империя гордого Рима стала христианской.

Разве это не величайшее в истории человечества чудо, достойное великого чуда Воскресения Христова?!

И во всей дальнейшей истории христианства, на протяжении веков, радость о воскресшем Господе вдохновляла всех истинно верующих христиан на великие подвиги, в чаянии воскресения мертвых и жизни будущего века – тех блаженных небесных обителей, которые уготовал Воскресший Господь всем любящим Его (Ин. 14, 2-3 и 17, 24). Во имя этой светлой радости и наследования этих райских обителей многие христиане и христианки отрекались от мира, во зле лежащего, и уходили в пустыни, горы и вертепы и пропасти земные, а у нас в России – в непроходимые леса, чтобы проводить там жизнь равноангельную – в Боге и для Бога.

Один из наших российских подвижников, преподобный и богоносный отец наш Серафим, Саровский чудотворец, так весь сиял этой светлой пасхальной радостью, несмотря на свое суровое и строгое подвижническое житие, что «всем в сладость бысть видение лика его и благо-

уветливый глас словес его» (из молитвы ему). Многих, приходивших к нему за духовной помощью и наставлением, он в течение всего года приветствовал пасхальным приветствием: «Христос Воскресе!» А когда кто-нибудь приходил с печальным лицом, он обыкновенно говорил: «Что ты унываешь, радость моя? Нет причины унывать, ибо Христос воскрес, и Он все победил».

Так же светилось пасхальной радостью лицо и нашего последнего, по времени, всероссийского праведника св. Иоанна, Кронштадтского чудотворца, которого многие поэтому называли «Пасхальным батюшкой».

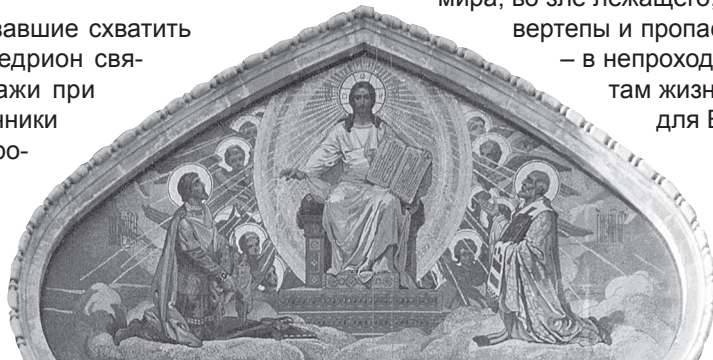
Вот что значат эти два слова: «Христос Воскресе!»

Вот какую дивную перемену производят они в грешном, смертном человеке, преобразуя его душу и делая его подлинно «земным ангелом»!

Как далек современный богоотступнический мир от этого! И даже многие, еще носящие имя христиан, но только внешне и формально!

Братие и сестры во Христе! Если мы хотим, чтобы вся наша жизнь переменялась к лучшему и сами мы стали лучшими, другими, постараемся, чтобы светлая пасхальная радость проникла в самую глубину нашего сердца, чтобы она легла «во главу угла» всей нашей жизни и чтобы сами мы стали неустрашимыми исповедниками самой великой и самой радостной в мире истины – Истины Воскресения Христова! Без живой веры в эту светлую истину бесцельно, бессмысленно, ненужно, безотрадно и мрачно наше столь бременное земное существование, ибо только Воскресший Христос дает нам смысл жизни и «веселие вечное», в Нем Одном – «иною жития вечного начало».

«О Пасха велия и священнейшая Христе! О Мудросте и Слове Божие и Сило! Подавай нам истее Тебе причащаться, в невечернем дни Царствия Твоего!» Аминь.

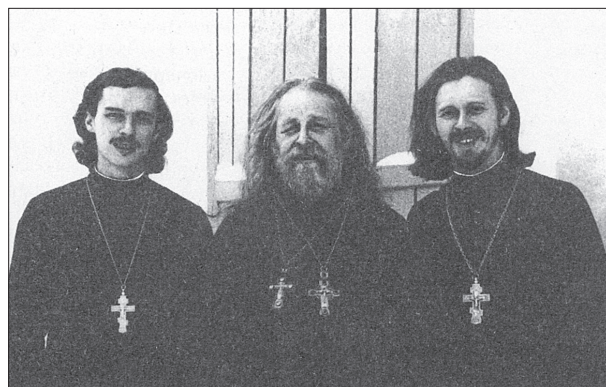

Спас во Славе. Мозаика храма Воскресения Христова (Спас-на-Крови)

УЗРЕТЬ БОГА

Протоиерей Борис Георгиевич Старк (1902-11.01.1996) родился в С.-Петербурге. Сын адмирала Георгия Карловича Старка (1878-1950), участника Русско-Японской и I Мировой войн, в период гражданской войны – командующего Тихоокеанским флотом, возглавившего героическую эвакуацию Белой русской эскадры, уведя ее в 1922 г. из бухты Золотой Рог во Владивосток в изгнание. Его мать, Елизавета Владимировна Старк, урожденная Развозова, сестра последнего командующего Балтийским флотом адмирала Александра Дмитриевича Развозова, оставшаяся с детьми в Петрограде, так и не смогла соединиться с мужем. В 1920 г. при странных обстоятельствах, якобы при операции аппендицита, в тюремной больнице Крестов скончался ее брат, а в 1924 г. умерла и она. Детей, Бориса и Татьяну, удалось переправить через Финляндию во Францию. (Татьяна Георгиевна Старк, в замужестве Кепинова, и ныне живет в Париже). Борис Георгиевич во Франции примкнул к русскому студенческому христианскому движению, посещал семинары прот. Сергия Булгакова, а в 1937 г. принял священнический сан. До 1952 г. о. Борис служил при Русском Доме и в церкви Успения Пресвятой Богородицы на кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем, совершив здесь 875 отпеваний. В его синодике, начатом в Париже, свыше 11 тысяч имен, среди которых выдающиеся деятели русской эмиграции. О некоторых из тех, с кем он был близко знаком и тех, кого ему пришлось провожать в последний путь, о. Борис написал в своих мемуарах «По страницам синодика» («Русский архив», 1944, т. V). В 1952 г. он возвращается на родину, однако в Петербург, родной город, его не пустили. Он оказался в Костроме, затем в Рыбинске, Херсоне и закончил священническую службу настоятелем кафедрального собора Феодоровской иконы Божией Матери в Ярославле в сане митрофорного протоиерея, отмеченного многими церковными орденами и наградами. Оба его сына – Михаил († март 2001) и Николай – также стали священнослужителями.

Прот. Борис Старк с сыновьями Николаем и Михаилом

В жизни почти каждого человека бывают такие поступки, переживания, мысли, которые он хранит в тайне и никому не доверяет. О них знает лишь он и, конечно, Бог, Который все видит и все знает. Эти мысли, а зачастую и дела, бывают порой столь постыдны, что их скрывают даже от духовника, годами не решаются открыть и снять со своей совести.

Вместе с тем у человека бывают и другие в жизни минуты, мысли, переживания – столь прекрасные и, в то же время столь личные, что и о них он не говорит ни с кем, и знает об этом он сам и Бог. Эти прекрасные минуты часто бывают у человека после искренней исповеди перед духовником. Просветленная душа приближается к Богу, Господь Бог является ей. Это таинственное и словами не передаваемое посещение Создателем Своего творения также остается ведомо только Богу и человеку, к которому Бог снизшел. И человек, из чувства духовного целомудрия, хранит эти встречи в своем сердце, как в свое время многое хранила и слагала в Своем сердце Пречистая Дева Мария.

Об одной такой встрече говорит нам Евангелие, которое мы слышим в 1-е воскресенье Великого поста (Ин. 1, 43–51) и которое каждый раз заставляет нас задуматься... Христос призывает Филиппа, уроженца города Вифсаиды, откуда были родом Андрей и Петр. Очевидно, от них Филипп многое знал о новоявленном Чудотворце. Сердце Филиппа мгновенно отзывается на призыв Христа. Желая, чтобы с ним пошел и друг Нафанаил, он приглашает

его идти вместе к Иисусу – Сыну Иосифову из Назарета, говоря, что найден Тот, о Ком вещали Моисей и пророки. Скептический ум Нафанаила заставляет его с недоверием спросить: из Назарета может ли быть что доброе? Нафанаил не знает, что Иисуса лишь называют Назарянином, а родился Он в Вифлееме – граде Давидовом. Настойчивость Филиппа берет верх, и два друга идут к Иисусу. Когда они подходили к Нему, Христос, увидев Нафанаила, воскликнул: «Вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства». Удивленный Нафанаил спросил Христа: «Почему Ты знаешь меня?» И получил странный, казалось бы, ответ: «Прежде, нежели позвал тебя Филипп, я видел тебя под смоковницею». Этих слов оказалось достаточно, чтобы Нафанаил, забыв о своем скептицизме, воскликнул: «Равви, Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев».

Почему упоминание о смоковнице резко изменило настроение Нафанаила, открыв ему истинную сущность Того, перед Кем он стоял? Очевидно, что в жизни Нафанаила была благословенная минута, ознаменовавшаяся таинственной встречей с Богом. Напоминание об этой минуте, так или иначе связанной с его пребыванием под смоковницей, открыло Нафанаилу, что перед ним не только Пророк, не просто Иисус из Назарета, а Сын Божий, ожидаемый Мессия, Спаситель Мира. Судьба Нафанаила была решена. Встретив Христа и уверовав в Него, он пошел за Господом и отдал Ему жизнь свою и всего себя.

Дорогие братья и сестры! Бог не раз являлся людям и

в Ветхом Завете, но в разных образах, в меру возможности человека постичь Творца своего. Праотцу Аврааму Бог явился под видом трех странников, пророк Моисей увидел Его в громе и молнии на горе Синайской, а затем – в образе Неопалимой Купины. Пророк Илия, ожидавший Бога в громе и молнии, узрел Его в гласе хлада тонка. А сколько было встреч человека с Создателем в Новом Завете!

Святые апостолы Петр, Иоанн и Иаков, Его первые ученики, повседневные спутники, на горе Фаворской вдруг узрели Человеческое естество Христа иным, преображенным, излучающим Божественный свет, – в меру возможности личного восприятия: «Показавый учеником Твоим славу Твою, якоже можаху». О явлениях Господа людям мы знаем и из Житий святых.

Ну а сейчас? Является ли Бог человеку? Да, конечно, и чаще, чем мы думаем. Бог Вездесущ, и человек ощущает Его присутствие в меру своих духовных сил, в меру чистоты своего сердца: «Блаженны чистые сердцем, только они Бога увидят», – говорит нам Сам Христос (Мф. 5, 8).

Душа человеческая, очищенная молитвою, покаянием, иногда физическими или моральными страданиями, ощущает вдруг неожиданную и безмерную радость.

Часто два человека смотрят на одну вещь и видят ее по-разному. Но ведь и Вифлеемская звезда светила всему миру, а как мало людей постигло ее сущность – лишь три мудреца-волхва прошли длинный и изнурительный

путь с Востока, чтобы поклониться Христу, родившемуся в пещере Вифлеемской... А через 40 дней после Его рождения, когда Пречистая Дева, исполняя закон, как и теперь это делают наши матери при воцерковлении, понесла Младенца Иисуса в храм, сколько людей встретилось Ей на пути? И никто не признал, КТО идет рядом с ним... КТО встретился на его пути... И только старец Симеон и Анна пророчица чистым сердцем узрели в Младенце Того, Кто держит в Своих руках весь мир... Господь, несомненно, является и нам, грешным, но мы не видим Его, не узнаем, проходим мимо и лишь в редкие минуты, как Нафанаил, чувствуем, что Он по Своему милосердию вновь откроется нам.

Счастлив тот, кто сподобляется этой встречи...

Счастлив тот, кто сохраняет в сердце своем эти милости Божии.

Счастлив тот, кто, узрев Бога, вместе со святым апостолом Петром восклицает: Господи, как мне хорошо с Тобой! Помоги мне никогда не отходить от Тебя. Воспоминание о милости Божией помогает человеку в борьбе с грехом и страстями, поддерживает в минуты испытаний и искушений.

Человек, узревший Бога, уже не может не стремиться к Нему и при первом зове припадает к Его стопам, подобно Нафанаилу, исповедуя: Учитель, Ты воистину Сын Божий! Аминь.

Архимандрит Исаакий (Виноградов)

СЛОВО О ВМЧ. ГЕОРГИИ ПОБЕДОНОСЦЕ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Наш русский народ очень любит древнего мученика Георгия Победоносца, которого почитают и все православные страны. Мы празднуем его память три раза в году: 23 апреля, в день его мученической кончины, 3 ноября, то есть вчера, и 26 ноября. Так как последнее празднование совпадает по времени с почитанием близкого к нам угодника Божия святителя Иннокентия Иркутского, то мы и решили прочесть акафист святому великомученику Георгию сегодня, в честь вчерашнего его праздника.

Если вы посмотрите в церковный календарь, то под 3/16 ноября прочтаете: «Обновление храма великомученика Георгия в Лидде». Город Лидда в Палестине – это родина святого мученика, где по завещанию его и покоятся его мощи.

Святой Георгий происходил от благочестивых родителей, воспитавших его в христианской вере. Отец его был военным, и сам Георгий был призван на военную службу при римском императоре Диоклетиане. В то время не было постоянного обязательного призыва на военную службу, как теперь, а войска формировались следующим образом: специальные военные чиновники разъезжали по всей стране и выбирали юношей, а иногда и отроков, хорошо развитых физически, красивых лицом, смелых, и их привлекали на военную службу, отдавая при всем том преимущество сыновьям военных. Так попал в войска и

Георгий. За свой ум, ловкость, смелость он очень быстро стал возвышаться по службе, дойдя до того чина, который у нас бы назывался полковник. Император обратил на него внимание, приблизил его к себе и даже так полюбил, что Георгий всюду сопровождал его. В походе спал с ним в одном шатре и ел с ним, можно сказать, из одной посуды, и много раз защищал его своей грудью на войне в минуты опасности.

Пока император сражался с войсками соседних стран, христиане жили сравнительно спокойно, когда же войны закончились, то государь занялся внутренними делами и решил истребить христиан, которые образовывали как бы государство в государстве.

Дисциплина в Церкви в то время была отличная – иподиаконы быстро и без спора выполняли распоряжения священнослужителей, пресвитеры имели полное послушание своему епископу, и стоило ему с вечера высказать какое-либо пожелание, как к утру уже во всех церквях оно было выполнено. К тому же на свои богослужения христиане не допускали посторонних и никому о них не рассказывали – такая таинственность тоже возбуждала подозрения, будто на этих тайных собраниях разрабатываются меры к свержению царской власти.

Крепкая организация, как и все вообще, не нравилась Диоклетиану, вообще говоря неплохому правителю, как повествует о том беспристрастная история. Гонения, ко-

торые начались при нем, превзошли по своей обдуманной жестокости гонения и Нерона, и недавно перед тем царствовавшего Декия. Он решил ударить по самой «верхушке» Церкви и велел сажать в тюрьмы прежде всего епископов и священников, требовать их отречения от Христа и в случае отказа подвергать самым бесчеловечным мучениям. Многие провинциальные правители, желая угодить царю, со своей стороны еще усиливали гонения, и, действительно, Диоклетиан выражал им за это только благодарность.

Так, в городе Никомидии, в котором вскоре после того пострадал и святой великомученик Пантелеймон, было совершено ужасное злодеяние: на четвертый день Рождества, когда верующие собрались в храм в огромном количестве, храм этот был подожжен, а войска, окружившие его, уничтожали всех тех, кто выбегал из горящего здания, — как снопы сена подхватываются вилами, так пронизывали воины своими копьями мужчин, женщин и даже беззащитных детей. И таким образом пострадало — страшно выговорить! — 20 тысяч человек. А царь был очень доволен и выразил правителю Никомидии свою благодарность.

В это страшное для христиан время созвал император совет из своих ближайших вельмож, чтобы заручиться одобрением своих действий. И вдруг во время этого заседания выступает на середину залы Георгий, о котором никто и не предполагал, что он христианин, и произносит пламенную речь в их защиту. Он говорил: «Царь, до сих пор я почитал тебя как мудрого правителя, но теперь не узнаю тебя... Можно ли было истреблять в Никомидии 20 тысяч собственных подданных?! Ведь в сражении войне и то их погибает меньше... И чем могли оскорбить тебя христиане, что они тебе худого сделали? Вот, я христианин, и сколько раз доказывал я тебе свою верность! Если бы я захотел тебе повредить, сколько случаев к тому было! Я бы мог подсыпать тебе яду в пищу, и никому не пришло бы в голову заподозрить в этом именно меня... Я бы мог пронзить тебя ночью копьем в шатре, а утром сказать, что неожиданно враги проникли к нам и, не обращая внимания на меня, простого воина, убили императора и скрылись, и все бы мне поверили... Мало того, я защищал тебя своей грудью и считал это своей обязанностью. И другие христиане являются лучшими твоими подданными: все они исправно платят налоги, военные добросовестно служат в войсках, судьи и чиновники по совести исполняют порученное им дело. Одумайся, государь, и не уничтожай безрассудно собственных подданных!» Царь онемел от изумления и гнева, а затем воскликнул: «Ты, наверное, сошел с ума, что заступаешься за этих крамольников и хитрецов, которые и тебя вовлекли в свою организацию!» «Царь, — отвечал Георгий, — я с самого рождения к ним принадлежу, и если служил тебе честно, как царю земному, то потому, что такова воля Царя Небесного. Но если нужно, я готов пострадать за Него вместе с другими».

Георгий был немедленно посажен в темницу. Царь передал его на суд своему помощнику, жестокому Максимиану, который и применил к Георгию все пытки, которые тогда были приняты при допросах государственных преступников. Прежде всего его отвели в темницу и, крестообразно прикрыв к полу, так что он не мог пошевелиться, положили ему на грудь тяжелый камень такого веса, чтобы он и не раздавил насмерть Георгия, но и не давал бы ему свободно дышать. Георгий в таком положении только молился Богу, прося у Него подкрепления своих сил и прославляя Его за то, что удостоивает его пострадать за Него. Утром царь ве-

лел мучить его на колесе, усеянном мечами и серпами, так что кровь мученика лилась ручьем. Ангел Господень, чтобы больше прославить Георгия и привлечь зрителей к вере во Христа, сломал это колесо — оно рассыпалось на части, а Георгий стал перед судьей невредимым. После этого царь повелел бросить его в ров с негашеной известью, надеясь на верную смерть его. Но через три дня, когда воины пришли посмотреть и взять кости его, они увидели Георгия живым, молящимся Богу и не потерпевшим ни малейшего вреда. Не зная, какому еще мучению подвергнуть его, судьи надели на него особые сапоги с острыми железными гвоздями внутри и погнали его так в темницу.

Вы знаете, как бывает неудобно и больно, когда в летнее время попадут в обувь камушек или щепочка — мы несколько раз готовы разуваться, чтобы вытряхнуть ее. Как же было мучительно святому Георгию бежать, погоняемому ударами палок, в такой обуви! Едва добравшись до темницы, он в изнеможении упал там, но, не изнемогая духом, всю ночь воссылал Богу благодарственные молитвы и чудесным образом получил в ту ночь исцеление от язв и на ногах, и на всем теле. Удивившийся этому царь призвал к себе волхва Афанасия, умевшего готовить яды, и велел ему изготовить для Георгия очень сильный яд. Однако Георгий, перекрестив питье, смело его выпил и не потерпел ни малейшего вреда, по слову Господню, сказанному в Евангелии:

«И еще что смертно испиют — не вредит им». Видя это чудо, волхв Афанасий воскликнул: «Велик Бог христианский!», за что и был немедленно схвачен и присужден к смертной казни. Георгия же царь повелел заключить в темницу, пока придумает для него еще какое-либо мучение. Он же и в темнице творил много чудес, так как к нему свободно допускали желавших видеть его, послушать его наставления или исцелиться от болезней.

Известен один случай, давший повод считать святого Георгия покровителем животных: однажды у одного пахаря пал на ниве вол, и человек этот, взявшийся за плату обработать чужую ниву, оказался в безвыходном положении. В горести своей пошел он в темницу к святому Георгию, и тот, ласково улыбаясь, сказал ему: «Иди и работай, так как вол твой жив». Действительно, когда он вернулся на ниву, то еще издали заметил своего вола, стоящего у плуга и приветствующего хозяина радостным мычанием. В прежние годы поэтому в день весенней памяти святого великомученика Георгия, 23 апреля, когда уже и под Москвой, и севернее ее вылезает из-под земли молодая травка, было принято выпускать скот в поле в этот именно день. К околице деревни или на окраину города собирались истощавшие за зиму стада коров, лошадей и овец. Духовенство выходило с крестным ходом, служило водосвятный молебен и кропило всю эту скотину святой водой, а женщины и ребятишки гнали ее затем в поле, обычно погоняя освященной вербочкой.

Получив откровение от Бога о скорой своей кончине, святой Георгий призвал к себе верного своего слугу и поручил ему доставить свое тело в Палестину, в город Лидду, и там похоронить его.

После этого привели его на допрос, и судья, изумившись бодрому виду его и румянцу, игравшему на юном лице его, сказал:

«Видишь, как милостивы к тебе наши боги — они не хотят твоей преждевременной смерти и исцелили тебя от ран!»

— А кто такие ваши боги? — спросил Георгий, и судьи, подозревая в этом вопросе желание посмотреть на идолов и, может быть, согласиться на принесение им жертвы, с радостью повели его в главное капище, то есть в храм, где в роскошной обстановке стояли красиво изваянные изображения языческих богов. «Вы, бездушные истуканы и гнездящиеся в них бесы! Именем Христа приказываю вам: падите и рассыпьтесь в прах! — громко приказал им Георгий. И статуи заколебались, закачались и упали на пол, разбившись о мрамор на тысячи кусков. Видя это, главный жрец упал к ногам Георгия со словами: «Велик Бог христианский!», и тут же был арестован, а затем и казнен, как исповедник веры Христовой.

Услышала об этом чуде и жена Диоклетиана царица Александра и, явившись к царю, который укорял в это время Георгия, припала к ногам мученика, прославляя Христа. Взбешенный царь сразу же вынес смертный приговор и ей, и святому Георгию, и обоим повели за город, на место казни. По дороге царица почувствовала слабость, попросила у воинов разрешения сесть, прислонила голову к стене и скончалась. Хотя ей и не успели еще отсечь мечом голову, но Церковь почитает ее как мученицу в тот же 23 день апреля.

Святой Георгий же после молитвы был усечен мечом. Слуга перенес его тело сперва в Рамлу и там похоронил, а затем была выстроена церковь в Лидде, куда перенесли

мощи его. Пострадал он в 303 году.

Вскоре воцарился святой равноапостольный Константин Великий, прекративший гонения на христиан и всячески их поддерживавший. Мать его, равноапостольная царица Елена, поехала в Палестину, нашла Крест Господень и во всех местах, связанных с воспоминаниями о Господе Иисусе, построила храмы. Возобновила она и разрушившийся к тому времени храм святого Георгия в Лидде. 8 ноября и были торжественно перенесены в него мощи великомученика, после чего и установили в этот день праздник ему.

Мы же, русские, отмечаем еще и 26 ноября — день, когда была освящена в 1051 году церковь святого великомученика Георгия в Киеве. Она была построена великим князем Ярославом Мудрым, сыном святого князя Владимира, в крещении он был наречен Георгием и, почитая своего святого, устроил прекрасную церковь в том месте, близ которого находится теперь Софийский собор. К сожалению, она не сохранилась, так как пострадала от войн с татарами. Но праздник 26 ноября, тогда устроенный, мы продолжаем соблюдать. На этот праздник собирались все «георгиевские кавалеры», то есть военные, получившие за боевые отличия орден святого великомученика Георгия.

Молитвам этого великого святого поручаю я и вас, мои терпеливые слушатели, в этот тихий молитвенный вечер. Да сподобит нас Господь вместе с ним прославлять Его в бесконечные веки. Аминь.

4/17 ноября 1952 года

СОБОР ДВЕНАДЦАТИ АПОСТОЛОВ

Во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Сегодня Святая Церковь празднует память первых Двенадцати Учеников Христовых, собирая для прославления их всех верующих. Праздник этот называется Собор Двенадцати Апостолов.

Господь наш Иисус Христос избрал их от мира, как Сам Он говорит: «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас» (Ин. 15, 16), и послал во все концы вселенной с благою вестью о спасении рода человеческого. Нет подвига и заслуги выше трудов Апостольских — они были самовидцами и служителями Самого Слова. Тех святых, которые особенно потрудились в проповедовании Евангелия и обратили ко Христу целые народы, мы именуем «равноапостольными», показывая этим, что они приближаются к Апостолам.

Когда придет Господь наш Иисус Христос судить мир во славе Отца Своего, тогда великая честь будет оказана и Двенадцати Апостолам: они сядут на двенадцати престолах и будут судить двенадцать колен Израилевых (Мф. 19, 28), как еврейский народ, так и несравненно большее число душ нового, духовного Израиля — всех, уверовавших во Христа. Как же должны мы почитать их, наших судей, как должны просить их помощи в деле нашего спасения! Бог Отец передал суд над нами Сыну, Который, приняв плоть человеческую, во всем, кроме греха, уподобился нам. И не Ангелы будут помогать Ему судить мир, а люди — Апостолы. Почему так и для чего так? Потому же, почему и на исповеди отпускает нам грехи поставленный от Бога человек. Святитель Иоанн Златоуст говорит, что если бы мы исповедовали грехи свои перед Ангелом, а не перед священником, то Ангел тот, горя ревностью о Славе Божией и негодуя на наши слабости и пороки, сам чистый и безгрешный, поразил бы

нас молнией с неба, так как не только наши слова и деяния, но даже помыслы часто являются мерзостью пред Богом. Чтобы этого не случилось, Премудрость Божия и дала нам для таинства Покаяния священников, а на Страшном Суде судьями будут Апостолы, которые, как и все люди, согрешали, пока не утвердились в нравственной чистоте, укрепленные Божественной благодатью. Даже про самих Первоверховных Апостолов мы знаем, что Петр отрекался от Христа, а Павел был гонителем Имени Его. Меньше нам известно о жизни других Десяти Апостолов, но мы знаем все же, что среди них были даже всеми презираемые мытари. И до сошествия на них Духа Святого они настолько были еще малодуховны, что апостол Петр пытался даже договориться со Христом: «Вот мы оставили все и последовали за Тобой; что же будет нам?»

И успокаивает их Христос, что не потеряют они награды своей (Мф. 19, 27–30). А после озарения их Духом Святым Апостолы проповедуют учение Христово по всему миру и спасают от греха множество человеческих душ.

Недавно слышали мы евангельскую притчу о сеятеле, о том, как одна часть зерен Христова учения пропала, поклеванная птицами, другая была заглушена сорняками или попала на каменистую, негодную почву (Мф. 13, 24–30). Будем же молить Господа нашего Иисуса Христа, чтобы, по ходатайству Его святых Апостолов, семена Его учения, ими проповеданного, дали добрые всходы в душах наших. Чтобы сохранились они не в памяти только, а проникли бы в глубину очищенного покаянием сердца и принесли там плод, у кого сторицею, у кого в шестьдесят крат, а иным простит Господь, если принесут Ему хотя бы только тридцать. Аминь.

ПРАВОСЛАВИЕ И РОССИЯ

ВИКАРИИ НАРВСКИЕ И ЯМБУРГСКИЕ

Нарвское викариатство (1887–1945)

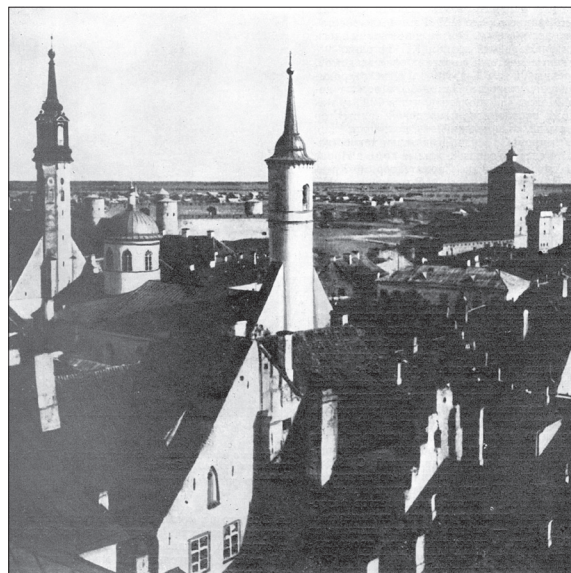
Во второй половине XIX в. в С.-Петербургской епархии назрела насущная необходимость учреждения викариатства, ибо управлять столь обширной церковной областью одному лишь правящему архиерею, которым в то время был более 30 лет возглавлявший С.-Петербургскую кафедру митрополит Исидор (Никольский) (1.10.1799–7.09.1892), было весьма сложно.

До 1865 г. правящий архиерей носил титул «Митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский».

Таким образом под его окормлением состояла огромная церковная область, включавшая С.-Петербургскую, Новгородскую и Эстляндскую губернии, а также Великое Княжество Финляндское. В 1865 г. эта область была несколько уменьшена в связи с присоединением Эстляндской губернии, в церковном отношении, к Рижской епархии. Тем не менее, и оставшаяся область была очень обширна.

В 1887 г., когда митрополиту Исидору исполнилось 88 лет, возникла насущная необходимость создания в епархии викариатства, которое и было учреждено и получило название Нарвского. Таким образом, Спасо-Преображенский Нарвский собор получил статус кафедрального, каковым и оставался вплоть до своего разрушения в 1944 г. Нарвское викариатство просуществовало почти 60 лет. За все время его существования Нарвскую викарную кафедру последовательно возглавляли 12 архиереев, носивших титул епископов и архиепископов Нарвских. Первым викарием Нарвским, вступившим на вновь учрежденную кафедру в 1887 г., был преосвященный Владимир (Шимкович), управлявший ею три года, в 1887–1890 гг. Управлявшие ею впоследствии епископы обычно возглавляли Нарвскую кафедру в течение трех-пяти лет, и лишь иногда более долгое время.

Местом пребывания викариев был С.-Петербург, хотя они часто бывали и в Нарве, где возглавляли торжественные богослужения в дни престольных и заветных праздников, принимали участие в закладке и освящении новых храмов в С.-Петербурге и в сельской местности на территории всей епархии (чаще – в западных уездах С.-Петербургской губернии). В период 1920–1940-х гг., когда Нарва оказалась на территории Эстонской республики, она служила также и местом пребывания епископов (архиепископов) Нарвских, бывших викариями Эстонской Апостольской Православной Церкви, в которой было две епархии – Таллиннская (эстонская) и Нарвская (русская), объединявшая приходы на территории всей Эстонии по этническому признаку (в Таллиннскую входили эстонские и смешанные приходы, в Нарвскую – русские). В это время преосвященных Нарвских титуловали «Нарвские и Изборские» по двум духовным центрам Православия в западно-русских землях, оказавшихся в эти годы в восточной части Эстонии. После воссоединения православных на территории Эстонии с Русской Православной Церковью (Московского Патриархата) в 1944–1945 гг. и избранием Преосвященного Павла (Дмитровского) епископом Таллиннским, Нарвское викариатство было упразднено.

Епископ Владимир (Шимкович)

9.05.1887-24.08.1890

Родился 26 января 1841 года. В миру – Василий Шимкович. Сын священника Могилевской епархии. В 1867 г. окончил Киевскую Духовную академию. 28 июля 1868 г. возведен в сан иерея в Могилеве. 1870 г. – преподаватель Могилевской Духовной семинарии. В 1871 г. – удостоен степени кандидата богословия. С 1872 г. назначен членом Могилевской Духовной Консистории с увольнением от духовно-учебной службы. В 1879 году возведен в сан протоиерея.

20 июня 1884 г. пострижен в монашество с возведением в сан архимандрита. Тогда же назначен настоятелем Могилево-Братского монастыря.

24 апреля 1887 г. состоялось его наречение во *епископа Нарвского, викария С.-Петербургской епархии*, 9 мая состоялась его хиротония. С 24 августа 1890 г. – епископ Сумский, викарий Харьковской епархии. С 5 декабря 1892 г. – епископ Екатеринославский и Таганрогский. С 12 июня 1896 г. – епископ Екатеринбургский и Ирбитский. Со 2 июня 1897 г. уволен на покой в Корсунский монастырь. С 31 января 1900 г. – епископ Острогжский, викарий Воронежской епархии.

В сан архиепископа, позднее митрополита, возведен после 1919 года. В 1923 г. упоминается в сане митрополита Воронежского. Скончался в 1925 году.

Епископ Никандр (Молчанов)

10.02.1891-23.08.1895

Родился 1 апреля 1852 г. в семье диакона московской епархии. В миру – Николай Дмитриевич Молчанов.

В 1878 году окончил Московскую Духовную академию со степенью кандидата богословия и назначен преподавателем греческого языка в Тамбовской Духовной семинарии.

30 января 1884 года за свой труд «Подлинность четвертого Евангелия и отношение его к трем первым Евангелиям», удостоен степени магистра богословия.

18 июля 1885 года пострижен в монашество, 20 июля рукоположен во иеродиакона, а 21 июля – во иеромонаха и назначен ректором Тамбовской Духовной семинарии с возведением 30 августа в сан архимандрита.

10 февраля 1891 года хиротонисан во *епископа Нарвского, викария С.-Петербургской епархии*. 19 декабря 1893 года назначен ректором С.-Петербургской Духовной академии, с оставлением викарием той же епархии. С 23 августа 1895

года – епископ Симбирский и Сызранский. С 1903 года – почетный член Казанской Духовной академии. С 23 апреля 1904 года – архиепископ Литовский и Виленский. В 1909 году был назначен в Св. Синод для присутствия.

Скончался 5 июня 1910 года.

Духовный писатель.

Обладал тихим, невозмутимым, и как бы застенчивым, несколько замкнутым характером, осторожной, неспешной, и как бы нерешительной в делах управления тактикой, но это был человек неподкупных, твердых определенных убеждений, как в делах Православной церкви, так и в политических своих воззрениях, но с добрым мягким сердцем. Смиранный от юности – он не любил вокруг себя и своей деятельности излишнего шума, славословия; не зная сам кривых путей, он не терпел ни лести, ни подбодрости.

Епископ Иоанн (Кратиров)

23.08.1895-3.02.1899

В миру Иван Андреевич Кратиров.

Родился 27 июля 1839 года в селе Лохте Тотемского уезда Вологодской губернии и был сыном священника Лохотской Происхожденческой церкви Александра Георгиевича Кратирова.

Детские годы его прошли в сравнительно благоприятной обстановке. Получив хорошую учебную подготовку дома, он в 1850 году поступил в Тотемское Духовное училище, которое окончил в 1854 году вторым среди первых с лестным отзывом в «годовой ведомости» за 1853-1854 учебный год: «Поведения очень хорошего, способностей очень хороших, прилежания ревностного, успехов преподобных».

В этом же году он переводится в низшее отделение Вологодской Духовной семинарии, полный курс которого оканчивает в 1860 году с хорошей аттестацией и 10 августа поступает в Московскую Духовную академию. Академию он окончил в 1864 году девятым по первому разряду, а 24 апреля 1864 года возведен в степень магистра богословия. Курсовое сочинение было написано им на тему: «О видах т.н. частного попечения пастырей о душах пасомых и о важности оного в кругу пастырской деятельности».

9 ноября 1864 года назначен на должность наставника в высшем и среднем отделениях родной ему Вологодской Духовной семинарии.

15 ноября 1867 года, согласно прошению, перемещен на те же предметы в Ярославскую семинарию, где 9 марта назначен помощником инспектора, а 10 июля – по избранию членом семинарского правления для присутствия в педагогических собраниях.

С 4 июля 1870 года, кроме других предметов, преподавал церковную историю, литургику и практическое руководство для пастырей в высшем втором отделении.

31 августа 1870 года перемещен в Московскую Духовную академию и утвержден в ней секретарем Совета и Правления. На этой должности он пробыл около 13 лет.

Ревностный к делу, он отлично знал духовные законы и распоряжения высшей духовной власти, почему не только

являлся лишь начальником канцелярии и превосходным составителем деловых бумаг, но во многом направлял все течение по нормальному законному руслу и в затруднительных случаях имел решающий голос по своей области. Впрочем, тогда он был не просто «законник великий», а пользовался авторитетом общего признания в кружке академической администрации и во всей академической корпорации, так что среди местных профессоров за ним утвердилось потом прозвание «нашего духовного министра» или «министра духовных дел».

Профессор Н.И. Субботин характеризует И.А. Кратирова в период его деятельности секретарем совета с самой хорошей стороны. Он отмечает, что «последний — человек прекрасных нравственных качеств и, несомненно, умный и честный. На него никто не имел недовольства. Человек уживчивый, добрый, простой в обращении и скромный. Всем с готовностью оказывает услугу. Жизнь ведет «уединенную, развлечений не любит, в «обществе» не бывает, сидит больше дома за делом. При всей своей доброте и мягкости, он отличается твердостью характера. Свое мнение, основанное на справедливости, отстаивает твердо. Кроме того, он человек религиозный и преданный Церкви». (См. *«Богословский Вестник» 1909 г., апрель, С. 665*).

Когда его приглашали в С.-Петербург чиновником особых поручений и ректором семинарии, он отказался.

Однако дело изменилось с назначением (15 сентября 1882 г.) в Харьков архиепископа Амвросия (Ключарева). Последний и убедил Кратирова перейти ректором в Харьков.

7 апреля 1883 года он был назначен ректором Харьковской Духовной семинарии, 7 мая рукоположен во диакона, 8 мая — во священника и 5 июня возведен в сан протоиерея.

Новая обстановка деятельности была нелегкой. Здесь он с одной стороны встретил нерасположение к себе местной среды, а с другой, увидел многие недочеты в семинарской жизни: учебное дело хромало, дисциплина была подорвана, хозяйство расстроено. Требовалась умелая рука, которая могла бы устранить все это. И с этим делом о. Иоанн Кратиров справился, хотя и не без огорчений. Он сумел сочетать действия отрицательного характера с положительными мерами.

В начале он действовал круто, как оператор над больным организмом, что вызывало со стороны учеников и некоторых преподавателей сильную оппозицию, а затем умеренно и по-отечески. Прямые действия о. Иоанна Кратирова, направленные единственно только на пользу общему делу, и чуждые личных интересов, сломили худые предубеждения учеников и последние стали относиться к ректору доверчиво и послушливо, а коллеги — в большинстве — стали помогать ему в добрых начинаниях. Из корпорации вскоре образовалась дружеская семья. Семинарская дисциплина стала строгой, учебное дело повысилось, улучшилась и воспитательная часть. Словом, все недочеты, существовавшие в семинарии до этого, были устранены усердием о. Кратирова.

Наряду с этим, его старанием были выстроены новое семинарское здание под общежитие и здание для преподавателей.

С 4 августа 1884 года он, кроме ректорства, являлся председателем Харьковского епархиального училищного совета и ответственным редактором богословско-философского журнала «Вера и Разум».

Как председатель Харьковского училищного совета, он немало потрудился над организацией церковных школ обширной епархии. Причем он устранял всякие соперничества между тем или иным ведомством, держась того убеждения, что в деле народного образования должны не соперничать, а помогать друг другу.

5 сентября 1888 года он овдовел. Постигшее его несчастье о. Иоанн перенес бодро и никому не жаловался на свою скорбь. Спустя несколько лет после постигшего его горя, архиепископ Амвросий подвиг его к принятию монашества.

6 марта 1893 года совершилось его пострижение с тем же именем Иоанн, 7 марта он был возведен в сан архимандрита.

25 апреля 1893 года в С.-Петербурге в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры он был хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии.

17 января 1895 года переведен епископом Елизаветградским, викарием той же епархии. Это назначение до некоторой степени являлось как бы понижением для него.

На новой кафедре он пробыл недолго, всего семь месяцев, но и за это время он приобрел всеобщую симпатию, искреннюю любовь и глубокое уважение людей, его знавших.

23 августа 1895 года он был перемещен к митрополиту Палладию (Раеву) епископом Нарвским, викарием С.-Петербургской епархии и 31 августа назначен ректором С.-Петербургской Духовной академии.

Своему новому служению он отдался всей душой, но привнес в него и свойственный ему «дух мира и любви», простоту и искренность, и этим способствовал поддержанию бодрости в научной деятельности Академии.

С 3 октября по 5 декабря 1898 года, во время предсмертной болезни и затем по кончине митрополита Палладия (скончался 5 декабря), временно управлял С.-Петербургской епархией.

3 февраля 1899 года назначен епископом Саратовским и Царицынским на место архиепископа Николая (Налимова).

С 29 декабря 1899 года — почетный член С.-Петербургской Духовной академии. На новой кафедре он встретил много трудностей, заставивших его просиживать целые ночи за канонами и гражданским кодексом. Это подорвало его здоровье. Осенью 1902 года вызван членом Св. Синода в С.-Петербург. 12 марта 1903 года уволен от управления Саратовской кафедрой и назначен штатным членом Московской Синодальной Конторы и управляющим Ставропигиальным Симоновым монастырем.

Время его пребывания в Московском монастыре было самым тяжелым периодом его жизни.

Физически надломленный трудами и бедами, он был как бы заброшен, пребывая в некотором забвении. Но он не ожесточился от обид и огорчений от духовной власти, а углубился в себя, стал великим молчальником и укрепился в духовном смирении и безраздельной преданности воле Божией.

5 декабря 1906 года он был уволен от должности штатного члена и от настоятельства в Симоновом монастыре.

Это повергло его в какое-то параличное состояние. Его перевезли из настоятельских покоев в убогую келию, похожую на кладовую и лишенную света и тепла. Это была просто-напросто могила, где преосвященный в глубоком раздумье провел остаток своей жизни. Он не принимал ни пищи, ни лекарств. Началось постепенное умирание. Над ним было совершено таинство Елеосвящения.

12 февраля 1909 года вечером в четверг на первой неделе Великого поста он мирно скончался, не оставив после себя никаких денежных сбережений, настолько он был нестяжательным человеком. Погребен в склепе зимнего храма Симонова монастыря.

Епископ Никон (Софийский)

6.02.1899-10.12.1901

В миру – Николай Андреевич Софийский.

Родился 14 мая 1861 года в семье священника Солигаличского уезда Костромской епархии.

Детство свое провел среди крайней нужды и всякого рода затруднений. Когда ему было три года умер его отец.

Начальное образование он получил в Солигаличском училище, а среднее – в Костромской Духовной семинарии. 27 августа 1882 года был назначен надзирателем Макарьевского Духовного училища. 20 февраля 1883 года рукоположен во священника. В 1884 году он потерял жену и это тяжело поразившее его обстоятельство дало направление дальнейшей судьбе: он поступил в С.-Петербургскую Духовную академию.

В 1887 году пострижен в монашество. В 1888 году окончил Академию со степенью кандидата богословия и был назначен инспектором С.-Петербургской Духовной семинарии.

30 марта 1891 года определен ректором Владимирской Духовной семинарии с возведением в сан архимандрита.

Педагогическую деятельность его характеризовал один из старейших наставников Владимирской семинарии в следующих чертах: «Привязывая к себе сердца наши обаянием своего общения и любовью к нам, Вы с другой стороны твердо и мудро держали пред нами и зная дарованной Вам власти. Действуя всегда прямо и открыто, но без шума, сохраняя постоянно ровный благородный тон, Вы невольно подчинили нас своему начальственному влиянию и тому строю, который крепко держали в своих руках. И тем охотнее и свободнее мы сами подчинялись ей, что видели в Вас блюстителя справедливости и законности и в области прерогатив, исключительно предоставленных усмотрению и совести начальника. Оттого Ваша власть над нами не была каким-либо бременем, а только средством возбуждающим и ободряющим; нам служилось при Вас легко, – легко не потому, что являлась возможность легкого отношения к своим обязанностям, а потому, что Вы сумели делать и самые трудности для нас легкими и нечувственными»...

Известен один факт, характеризующий его нравственную личность.

На его жизнь покушался один из воспитанников. Когда этот воспитанник был арестован, то архимандрит сам поехал хлопотать за него и добился его освобождения. А впоследствии, став епископом, назначил его псаломщиком.

3 марта 1898 года хиротонисан во епископа Вольского, викария Саратовской епархии.

6 февраля 1899 года – *епископ Нарвский, викарий С.-Петербургской епархии*. С 10 декабря 1901 года – епископ Вятский и Слободской.

В Вятке преосвященный прослужил три года и проявил неутомимую энергию, отзывчивость к нуждам простого народа.

Стремление стать в близкие отношения к своей пастве побуждали его совершать частые и трудные поездки по огромной епархии. Здесь он своей живой общедоступной проповедью производил на православный народ, а также и на раскольников глубокое впечатление. Одним из последних действий преосвященного в Вятке был призыв, с которым он обратился к духовенству об оказании помощи теплыми вещами русским воинам на Дальнем Востоке.

27 ноября 1904 г. – епископ Владимирский. Во Владимирскую епархию преосвященный принял назначение с особенной радостью. Здесь ему были знакомы и лица и условия, в которых приходилось работать. Не склоняясь пред сильными мира сего, он всюду становился на защиту Церкви и бедного сельского духовенства, из среды которого сам вышел. Со своими подчиненными был кроток, оставлял за ними неоцененное право возражать себе и прекословить, когда с ним не соглашались, и охотно признавал противное мнение, когда основательность его была доказана.

За короткое время своего пребывания на Владимирской кафедре Преосвященный Никон все-таки успел положить начало хорошему и большому делу – постройке нового здания для женского Епархиального училища, для чего куплено было место в лучшей части города.

Благодаря всему как в правящих церковных сферах, так и в народе о нем создалось представление, которое послужило основанием для дальнейших перемен на его служебном поприще.

Высокопреосвященный Никон был личностью сильной, выдающейся среди русского епископата.

Много раз Святейший Синод возлагал на него трудные поручения ревизора епархиальных управлений, как, например, Калужской, Пермской, Екатеринбургской епархий.

6 мая 1906 года возведен в сан архиепископа и 9 июня того же года назначен архиепископом Карталинским и Кахетинским, Экзархом Грузии.

Это назначение принял как крест, как подвиг послушания высшей власти, ожидая на новом месте для себя много огорчений. Но он повез в Грузию доброе сердце, терпимость, мужество, решительность, великодушие и ту замечательную простоту в обращении, о которой с восторгом вспоминают все, кто только имел случай лично знать Высокопреосвященного.

Его взгляд на вопрос о Грузинской автокефалии был проникнут мудростью, прямоот и не был осложнен никакими видами светской политики, а прямо вытекал из идеи о существе Церкви. Он находил целесообразным выделить из существующего состава Грузинского Экзархата части с русским и греческим населением и присоединить их к русским епархиям; грузинским же частям Экзархата предоставить известную долю самостоятельности. Этот взгляд он старался проводить в жизнь с осторожностью, памятуя, что всякое необдуманное разделение в данном случае грозит обратиться в раздирание Хитона Христова, что есть великий грех пред Господом.

Это заставляло его иногда не доверять шумным требованиям минуты и выжидать, пока в нравственном сознании ревнителей церковной самостоятельности Грузии не отстоятся собственно политические мирские стремления от жажды религиозной, он ждал, когда вопрос об автокефалии перестанет быть орудием нездоровых страстей века сего.

Когда в Грузии кипели ненавистью против всего русского, он был исполнен по отношению к Грузинской Церкви благих намерений. По его инициативе приступили к ремонту знаменитого памятника грузинской церковной древности — Мцхетского собора, на что он исходатайствовал у Св. Синода значительные средства — более 30.000 рублей. По его инициативе был начат пересмотр и исправление священных и богослужебных книг на грузинском языке, для чего была образована особая комиссия. Эти два дела так важны, свидетельствуют о таком доброжелательстве к вверенной ему Церкви, что могли бы составить славу всякого церковного деятеля.

6 мая 1907 года награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке.

Его борьба с автокефалистами закончилась трагически: 28 мая 1908 года он был убит злоумышленниками.

Чувствовал владыка, что едет в Грузию на верную смерть и, уезжая из Владимира, оставил завещание, в котором просил похоронить его в Успенском соборе Владимира. Воля мученика была исполнена.

Это был епископ-администратор, распорядитель и устроитель. Он умел соединить в себе с одной стороны непреклонную верность преданиям родной Церкви и вероисповедному долгу, с другой — ясное понимание необходимости тех преобразований в церковной жизни, которые намечались историческим моментом.

Епископ Иннокентий (Беляев)

10.12.1901-8.02.1903

В миру — Иван Васильевич Беляев. Родился 23 сентября 1862 года в семье священника Владимирской епархии. Первоначальное образование получил в местном Духовном училище, а затем во Владимирской Духовной семинарии.

В 1885 г. окончил Казанскую Духовную академию со степенью кандидата богословия и 16 августа назначен преподавателем русской словесности и литературы в женском епархиальном училище в Тобольске, а затем преподавателем

в Тобольской женской Мариинской гимназии. В 1887 году назначен инспектором классов той же гимназии.

Он не имел в виду предаваться монашеским подвигам, а тем более мечтать о высоком служении Церкви Божией в сане епископа. Он думал дни своей жизни окончить в тихой семейной жизни, но Господь судил иначе, указав ему иной путь служения. В расцвете своей педагогической деятельности и мирной семейной жизни он лишается своей супруги и детей и остается совершенно одиноким.

В марте 1895 года принимает монашество с именем Иннокентия, а 26 марта рукополагается во иеромонаха, возводится в сан архимандрита и назначается ректором Литовской Духовной семинарии и настоятелем Виленского Свято-Троицкого монастыря. Здесь он, кроме ректорства, назначается председателем епархиального училищного совета, председателем комитета Свято-Духовского братства по изданию народных книг и брошюр, председателем комиссии по устройству народных чтений и т.п. Все эти учреждения, под его председательством широко развивали свою деятельность.

Трудясь на общественной ниве, он не оставлял научных занятий. В 1898 году он выпустил капитальный научный труд, посвященный вопросу «О пострижении в монашество», за который Совет Казанской Духовной академии в 1899 году присудил ему ученую степень магистра богословия.

1 августа 1899 года хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии. Хиротония состоялась в С.-Петербурге в Исаакиевском кафедральном соборе.

10 декабря 1901 года назначен *епископом Нарвским, викарием С.-Петербургской епархии*.

8 февраля 1903 года — епископ Тамбовский и Шацкий. В этом же году награжден панагией с драгоценными камнями.

Здесь его административный талант, усугубленный постоянным трудом и опытом, развертывается во всей своей полноте. Тотчас по назначении на Тамбовскую кафедру ему выпадает на долю принять самое деятельное участие в приготовлениях, а затем и в самом торжестве прославления прп. Серафима Саровского.

Знаменательные труды, подъятые по этому поводу, новым епископом, и явленная им здесь энергия, распорядительность и предусмотрительность сразу выдвинули его, как выдающегося духовного администратора, и стали общепризнанными. На Тамбовской кафедре он пробыл пять лет и успел за этот период времени многое сделать для епархии. Так, в целях наилучшего управления епархией и наибольшего развития архипастырского влияния на паству, им было восстановлено Козловское викариатство, перед тем вдовствовавшее в течение более тридцати лет. Для более широкого развития и лучшей постановки миссионерского дела в епархии, местное Казанско-Богородичное братство преобразовано им на более широких и деятельных началах; по возможности все духовенство привлечено к участию в делах миссии; оживилась церковная проповедь, возросло пастырское влияние, умножились церковные школы и христианское просвещение народа, развились и окрепли приходские попечительства. В

самом городе Тамбове заботами Преосвященного Иннокентия перестроен епархиальный собор, устроено обширное, поместительное Епархиальное женское училище, воздвигнуты здания свечного епархиального завода и т.п.

Трудясь для Тамбовской епархии, немало потрудился он и по делам общецерковным. Его выдающиеся его административные способности и опытность по достоинству оценивались высшей духовной властью и неоднократно возлагались на него, в последнее время, различные важнейшие поручения. Дважды он вызывался в Святейший Синод для участия в его заседаниях, призван был также к деятельному участию в трудах Предсоборного присутствия. В 1907 году ему была поручена Святейшим Синодом ответственная ревизия дел Владикавказского епархиального управления, а в 1909 г. – такая же ревизия в Екатеринославской епархии.

С 7 декабря 1909 года – архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии и член Св.Синода. 14 ноября 1910 года награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке. С 29 сентября 1911 года – почетный член Московской Духовной академии, а с 1912 года и Казанской.

Скончался 9 сентября 1913 года в С.-Петербурге в доме Духовного Ведомства от паралича сердца.

В самый день кончины он еще занимался делами и приобщился Св. Христовых Таин. В девять часов вечера лег в постель и почувствовал себя дурно. Подозвав своего келейника, едва успел сказать: «Иван, я умираю» и тотчас скончался. Погребен, согласно желанию, на братском кладбище Александр-Невской Лавры, рядом с могилой митрополита Антония.

Духовный писатель. Ближайший друг и ученик митрополита Антония (Вадковского).

Епископ Антонин (Грановский)

1903-1908

В миру – Александр Грановский. Родился 21 ноября 1865 г. в Полтавской губ. В 1891 г. окончил Киевскую Духовную академию. В 1890 г. принял монашество.

В 1903 г. хиротонисан во епископа Нарвского, викария С.-Петербургской епархии. В 1908 г. уволен на покой по болезни. С 1913 г. епископ Владикавказский и Моздокский. В 1917-1918 гг. – член Собора Российской Православной Церкви. В 1917 г. уволен на покой по болезни.

Остался жить в Москве в Заиконоспасском монастыре без назначения.

В 1921 г. последовал указ («запрет») Святейшего Патриарха Тихона пребывающему на покое епископу Антонину (Грановскому) в связи с вводимыми им новшествами в богослужебной практике.

В апреле-мае 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. Первый архиерей обновленцев, их лидер и один из идеологов, председатель «Высшего Церковного управления». С августа 1922 г. – «митрополит». Тогда же провозгласил «автокефалию» своей собственной Церкви, названной «Союзом Церковного Возрождения». Пошел по пути внешнего реформаторства: вынес престол на солею (Царские врата закрыл), совершал литургию вечером («литургия, рецен-

зированной по чинам древних литургий»), преподавал причастие сахарными щипцами (во избежание заразы), молился на русском языке, пел канты и т. п. В июне 1923 г. уволен в отставку с должности председателя ВЦУ. В октябре 1923 г. обновленческим Синодом лишен сана (по другой версии сам сложил с себя титул митрополита).

2(15) апреля 1924 г. последовало послание Святейшего Патриарха Тихона о предании его суду Православного Собора. 14 января 1927 г. скончался в Москве вне общения с Православной Церковью.

Епископ Никандр (Феноменов)

15.02.1908-20.03.1914

В миру – Николай Григорьевич Феноменов. Родился 2 мая 1872 года в семье священника Орловской епархии.

Во время обучения в Киевской Духовной академии 3 июня 1697 года пострижен в монашество, 10 апреля рукоположен во иеродиакона, а 15 августа – во иеромонаха.

В том же 1897 году окончил академию со степенью кандидата богословия и назначен преподавателем Тульской Духовной семинарии.

В 1900 г. – инспектор Кутаисской Духовной семинарии. В 1901 г. – инспектор Тифлисской Духовной семинарии. С 21 января 1902 года – ректор Тифлисской Духовной семинарии в сане архимандрита.

Указом от 19 мая 1905 года ему определено быть епископом Бакинским, но 2 июня того же года последовал иной указ о назначении его епископом Кинешемским.

10 июля 1905 года хиротонисан во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии.

С 15 февраля 1908 года – епископ Нарвский, викарий С.-Петербургской епархии.

С 26 мая 1910 года в течение трех с половиной месяцев во время отпуска митрополита Антония управлял С.-Петербургской епархией и заведовал Александр-Невской Лаврой и Исидоровским епархиальным женским училищем.

С 20 марта 1914 года – епископ Вятский и Слободской. Участник Священного Собора 1917/1918 гг. в Москве. В 1918 году – архиепископ Крутицкий. В 1920-1925 гг. епархией не управлял. С ноября 1925 года – митрополит Одесский. С 1927 года – митрополит Ташкентский и Туркестанский.

Скончался 18 февраля 1933 года в Ташкенте.

Был способным, даровитым человеком, хорошим оратором.

Епископ Геннадий (Туберовоз)

20.02.1914-1919

Родился в 1875 году. Тезоименитство 31 августа. Сын диакона Новгородской епархии.

Окончил Новгородскую Духовную семинарию в 1895 году. В этом же году определен помощником миссионера в Крестецкий, Валдайский и Демьянский уезды Новгородской епархии.

В 1896 г. зачислен учителем церковно-приходской школы в Новгороде.

В 1896 г. пострижен в монашество. В 1897 г. назначен надзирателем в Новгородскую Духовную семинарию и рукоположен во иеромонаха.

С 1898 г. – преподаватель в Бийском миссионерском училище Томской епархии.

В 1900 году поступил в С.-Петербургскую Духовную академию, которую и окончил со степенью кандидата богословия.

В 1904 году назначен преподавателем гомилетики и литургики в С.-Петербургской Духовной семинарии.

В 1909 г. определен настоятелем Печерского Вознесенского монастыря Нижегородской епархии с возведением в сан архимандрита.

27 сентября 1909 года хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии.

Хиротонию совершали: Митрополит С.-Петербургский и Ладожский Антоний с другими епископами в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры.

С 20 марта 1914 г. – *епископ Нарвский, викарий С.-Петербургской епархии.*

В 1919 году назначен епископом Псковским и Порховским.

Скончался в 1922 году.

Епископ Сергей (Дружинин)

24.10.1924-1928

В миру – Иван Прохорович Дружинин.

Родился 20.06.1863 г. в с. Новое Село Бежецкого уезда Тверской губернии в крестьянской семье. Имел домашнее образование, работал вагоновожатым конки. С 1881 г. – послушник Валаамского монастыря. С 9 сентября 1887 – насельник Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом, 24 сентября 1894 г. принял монашеский постриг, назначен помощником ризничего, 20 ноября 1894 г. возведен в сан иеродиакона, 24 апреля 1898 г. – в сан иеромонаха, 9 января 1902 г. назначен ризничим, с 1904 г. – архимандрит. С 6 мая 1915 по 1919 гг. – настоятель пустыни. Одновременно служил в храмах Кон-

стантиновского дворца Стрельны и Павловского дворца (с 1898). Духовник Великих Князей Константина Константиновича, Дмитрия Константиновича и членов их семей (апрель 1900 – весна 1918). В 1917 г. отказался уехать в Грецию по приглашению королевы эллинов Ольги Константиновны. С 1919 по октябрь 1924 г. – настоятель церкви Св. Андрея Критского в поселке Сергиево (Володарская). 24 октября 1924 г. хиротонисан Патриархом Тихоном во епископа Нарвского викария Петроградской епархии (24.10.1924). 26 декабря 1927 г. вместе с епископом Димитрием (Любимовым) подписал акт отхода от митр. Сергия. После постановления сессии Св. Синода (от 30.12.1927) о запрещении в священнослужении заявил о раскаянии. В начале января 1928 запрещение было снято, назначен епископом Копорским, викарием Петроградской епархии. Вновь присоединился к иосифлянам после письма митр. Иосифа (Петровых) (от 7.01.1928) с одобрением отхода. 27 марта 1928 г. митрополитом Сергием и Св. Синодом уволен с кафедры и запрещен в священнослужении. После ареста архиепископа Димитрия (Любимова) (ноябрь 1929) возглавил иосифлян. Арестован 7 декабря 1930, по постановлению ОГПУ (от 8.10.1931) приговорен к 5 годам лишения свободы. В заключении в Ярославской тюрьме. С 21 января по 26 апреля 1935 г. находился в больнице Бутырской тюрьмы. По постановлению ОСО НКВД (от 7.10.1935) по отбытии срока отправлен в ссылку в Марийскую область на 3 года. Совершал тайные службы. Вновь арестован 7 сентября 1937 по обвинению в организации и руководстве «контрреволюционной группой» из верующих. По постановлению тройки УНКВД по Марийской АССР (17 сентября 1937) приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 17 сентября 1937 в Йошкар-Оле (Царевококшайск). Канонизирован Русской Православной Церковью Заграницей (1981).

Епископ Евсей (Гроздов)

1924-12.08.1929

В миру – Евстафий Сергеевич Гроздов. Родился 17 марта 1866 года (день тезоименитства 22 июня) в семье диакона, близ города Вильно (Вильнюс).

Обучался в С.-Петербургской Духовной академии, которую окончил в 1890 году со степенью кандидата богословия. 6 августа 1890 г. – рукоположен во священника к Виленскому кафедральному собору и назначен законоучителем образцовой при Духовной семинарии школы. С 1895 г. – сверхштатный член Литовской Духовной консистории. В 1895-1899 годах – редактор «Виленских Епархиальных Ведомостей».

В 1895 году овдовел. Дети: сын Сергей, дочь Зинаида.

12 ноября 1899 года назначен инспектором Виленской

Духовной семинарии. 6 апреля 1902 года пострижен в монашество Высокопреосвященным Ювеналием, архиепископом Виленским и Литовским с именем Евсевий. В 1903 г. возведен в сан архимандрита и назначен ректором Ярославской Духовной семинарии.

28 мая 1906 года хиротонисан во епископа Угличского, викария Ярославской епархии в монастырском храме во имя свв. благоверных князей Феодора, Давида и Константина, Ростовских чудотворцев, в Ярославском Спасском монастыре. Хиротонию возглавил Высокопреосвященный Иаков, архиепископ Ярославский и Ростовский.

С 27 февраля 1909 года – епископ Рыбинский, викарий Ярославской епархии. 18 марта 1910 г. назначен на кафедру Тобольскую и Сибирскую. Участвовал в прославлении свт. Иоанна, митрополита Тобольского.

12 апреля 1912 года перемещен на кафедру Псковскую и Порховскую. С 17 апреля 1912 года – Епископ Псковский и Порховский. Участвовал в Новгороде в 1913 г. с другими Преосвященными на хиротонии Епископа Алексия (Симанского, † 1971), будущего Патриарха. Присутствовал в Святейшем Правительствующем Синоде с 18 июня по 19 октября 1914 года. Член Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917-1918 годов, по должности.

Возведен в сан архиепископа в награду к празднику Св. Пасхи 1918 года Свт. Тихоном (Беллавиным), Патриархом Московским и всея Руси. (Постановление № 299 от 12/25 апреля 1918 г.).

В 1919 году эвакуировался с отступающими войсками Русской армии из Пскова в Эстонию, где временно управлял Епархией Северо-Западной области России и был епископом войск Северо-Западной Белой армии генерала Н.Н. Юденича. Рукополагал для нужд армии полковых священников. (Кафедральным Армейским собором служила церковь Знамения Божией Матери, что на Ивангородской горке).

Могила архиепископа Евсевия на Ивангородском кладбище

С 1920 по 1925 годы пребывал на покое в обители Нарвской женской общины во имя Иверской иконы Божией Матери, впоследствии – трудовой общины. Также упоминается до 1928 г. как проживающий в Гунгербурге и Таллинне.

С 1924 года – архиепископ Нарвский и Изборский, член Синода Эстонской Православной Церкви. Возглавлял автономную Нарвскую русскую епархию в Эстонии.

Скончался 12 августа 1929 года на даче в Гунгербурге (Усть-Нарова).

Его отпевание совершалось 14 августа в Нарвском Спасо-Преображенском кафедральном соборе высокопреосвященным Александром, митрополитом Таллиннским и всея Эстонии и Преосвященным Иоанном Епископом Печерским.

Над могилой владыки Евсевия в зимнем храме в честь Святителя Николая при соборе был сооружен саркофаг из коричневого гранита с вечно горящей лампадой. После разрушения Нарвского Спасо-Преображенского собора в 1944 г. перезахоронен священником Иаковом Тимофеевым на Ивангородское кладбище в 1945 году.

По материалам протоиерея Августа Кальюкоска (Таллинн)

Епископ Иоанн (Булин)

1932-1932

В миру Николай Александрович Булин, родился 16 марта 1893 года в местечке Вепс Верровского (Вырусского) уезда Лифляндской губернии в семье каменщика Александра Максимовича Булина – представителя небольшой православной народности сету, живущей на юге Эстонии и в западной части Псковской губернии; крещен с именем Николай.

С шести лет Николай начал прислуживать в церкви, с восьми – уже читал на память «Трисвятое» и шестопсалмие. Он окончил трехгодичную начальную школу, затем Министерскую школу. В 14 лет поступил в Духовное (четырёхклассное) училище, после окончания которого твердо решил стать священнослужителем. По благословению родителей Николай уехал в Ригу и сдал экзамены в Духовную семинарию. В 1914 году его как закончившего семинарию по первому разряду направили для завершения православного образования в С.-Петербургскую Духовную академию. Но в 1916 году, будучи на третьем курсе, он был призван в армию – попал в школу прапорщиков и через год получил офицерское звание. Однако в 1917 году его освободили от несения воинской службы с правом учительствовать в любой высшей и средней школе.

По прибытии в Петроград Николай Булин решил посетить в последний раз родную Академию. Ректор, епископ Анастасий, по горячему желанию Николая постриг его с наречением нового имени – Иоанн, а вскоре рукоположил в диаконский сан.

После принятия священного сана иеродиакон Иоанн вернулся в родные края. Здесь он был встречен с недоверием как прибывший из революционного Петрограда. Архиепископ Нарвский и Изборский Евсевий (Гроздов; 1866–1929); бывший епископ Псковский, эмигрировавший в Эстонию) рукоположил его в 1919 году во иеромонаха и назначил на служение в малозаметный сельский приход в Зачеренье (Саатсе).

И положение и повседневная жизнь отца Иоанна были здесь некоторое время тяжелыми. Помогало ему в этот непростой период личное покровительство Владыки Евсевия; в результате через несколько месяцев он приобрел определенный авторитет в местных церковных кругах.

20 февраля 1920 года по рекомендации Преосвященного Евсевия он был назначен указом тогдашнего главы Эстонской Православной Церкви митрополита Александра (Паулуса) заместителем Псково-Печерского монастыря. Это назначение явилось для отца Иоанна большой духовной радостью – недаром он любил повторять: «Монах без монастыря – что рыба без воды». Но радость была сопряжена и с новыми заботами: проведением текущего ремонта монастырских зданий; укреплением уставного монашеского богослужения; учреждением постоянно действующего Духовного собора старцев обители; подготовкой к церковным проповедям; заботой о беженцах из России.

13 января 1921 года в Александро-Невском соборе Таллинна митрополит Александр возвел иеромонаха Иоанна в сан архимандрита.

По ходатайству русских прихожан, монастырской братии и окрестных православных жителей Печорского края в 1926 году архимандрит Иоанн был рукоположен во епископа (хиротонию в Таллинне совершили митрополит Александр, архиепископ Евсевий и Финляндский епископ Сергей) с возведением на новообразованную Печерскую кафедру (с духовно-административным центром в самом монастыре).

При епископе Иоанне Псково-Печерский монастырь активизировал свою церковную жизнь: были возобновлены крестные ходы по традиционным маршрутам на территории Эстонии и Латвии; вместо утраченных (пролежавших по землям, отошедшим к советской России) были проложены новые. Под опекой монастыря к 1932 г. находились 73 человека, из которых 23 были эмигрантами. Среди насельников обители появились бывшие участники Гражданской войны на стороне Белой армии, для которых в целом обитель стала центром притяжения.

У монастыря сложились многообразные отношения с русской эмиграцией, в том числе церковной. Обитель поддерживала тесные связи с членами б. Царствующего Дома Романовых, иерархами Русской Церкви Заграницей, дважды (в 1929 и 1930 гг.) в монастыре проводило свои летние съезды Русское студенческое христианское движение (РСХД).

Владыке Иоанну в его монастырской хозяйственной и общегородской благотворительной деятельности материально помогали местные жители, а в 1927 году пожертвовал обители значительную сумму и глава эстонского правитель-

ства Я. Темант. Все это позволило несколько расширить ремонтно-восстановительные работы в монастыре. К 1930 году епископу Иоанну удалось добиться значительных результатов: был капитально отремонтирован Михайловский собор, возобновлена в нем роспись; полностью заменены 99 ступеней ведущей к нему полустгнившей деревянной лестницы цементными; выстроено лично им заложенное здание русской гимназии в Печорах, а также построено несколько монастырских зданий для призрения бедных. Ближайшим помощником Владыки во всех этих начинаниях был архи-диакон и мастер-строитель Вениамин.

Однако к началу 30-х годов мирное течение монастырской жизни оказалось во многом нарушено. Митрополит Александр и Синод Эстонской Православной Церкви, выйдя из юрисдикции Московского Патриархата и перейдя в юрисдикцию Патриархата Вселенского (Константинопольского), потребовали от епископа Иоанна присоединения к «новостильникам». Одновременно было выдвинуто и требование о передаче обители, как и всех ее владений и ценностей, в непосредственное ведение Синода (за всем этим стояло желание правительства и послушного ему Синода ограничить влияние русского элемента в религиозной и общественно-политической жизни Эстонии).

Из-за неуклонного и последовательного сопротивления Владыки Иоанна подобным нарушениям канонических законоположений, его, в конце концов, вынудили оставить Печерскую кафедру: 16 июня 1932 года решением Собора Эстонской Православной Церкви Владыку освободили от должности настоятеля Псково-Печерского монастыря и назначили правящим архиереем Нарвской (русской) епархии, обязав передать дела по обители временно исполняющему обязанности настоятеля игумену Парфению (Шаталину) (указ Синода от 29 июня 1932 года за № 1308).

Это постановление было обусловлено чисто политическими мотивами и исполнено духа антиправославного обновления. Из-за выявленных нарушений Церковного Устава и принятого гражданского порядка постановление даже было обжаловано в гражданском суде некоторыми участниками Собора. Поэтому Владыка Иоанн в письме от 30 июля ответил решительным отказом Синоду. А 5 августа он был вынужден подать иск в гражданский суд, поскольку 1 августа в обитель прибыл уполномоченный Синода протоиерей И. Паавель для принятия у Владыки всех дел по управлению монастырем.

В поддержку позиции епископа Иоанна выступили местные жители, в первую очередь паства Печерской епархии. Среди православного населения Печорского края собирались подписи под воззваниями в защиту опального Владыки. Эти воззвания с многочисленными подписями, как изъяснения народной воли, были направлены в Русский Национальный Совет Эстонии, обратившийся 30 июля 1932 г. к главе Синода митрополиту Александру с меморандумом в защиту еп. Иоанна. Однако, эти воззвания не возымели действия.

Владыку Иоанна насильно (в присутствии судебного исполнителя и полицейских чинов) выдворили из обители,

после чего он пробыл формально (всего неделю!) епископом Нарвским. Затем ему сообщили, что, по решению митрополита и Синода, отныне он является для Эстонской Церкви лишь «частным лицом» и «предложили пенсию». Разумеется, официально его не запретили в священнослужении, но, на самом деле, полностью уволили на покой.

Мужественно пережив эти драматические события, епископ Иоанн прекратил всякие сношения с Синодом и отправился в паломничество на Святую Землю. Возвращаясь из Иерусалима, Владыка остановился на жительство в Белграде. Он прожил там несколько лет, имея право совершать любые богослужения. Известно, что в 1937 году Владыка принимал участие в погребении Патриарха Сербского Варнавы.

В 1940 году епископ Иоанн вернулся на Родину, где 18 октября был арестован органами НКВД и летом 1941 г. расстрелян.

Обращаясь к верующим, Владыка Иоанн говорил о том, что «возрастающее в мире зло как бы послужит знаменем времени приближения второго пришествия Господа». Это зло он видел прежде всего в России, где отклонение от «Христовой евангельской учения» привело «к печальным опытам плачевной революции, когда можно было бы обойтись без лишних жертв и страданий», а теперь «все окружающее, например, в России, разрушено и уничтожено, наипаче – разрушено, искажено и истреблено все хорошее, все нравственное, «пример страшной кары за грехи и беззакония в России, где голод, холод и всякие болезни все увеличиваются и ширятся». Иоанн обращался к пастве, убеждая ее «в необходимости помощи погибающим от голодной смерти в России как церковными сборами, так и различными сборами по деревням».

В своих поучениях епископ Иоанн призывал уклоняться от слушания разных краснобаев-агитаторов и научиться страху Божию», «дабы никакое иноверие и злое еретическое учение не внесло бы в нашу церковную жизнь раздоров и смуты».

Публикуется по книге «У пещер Богом зданных. Псково-Печерские подвижники благочестия XX века». Сост. Ю.Г. Малков и П.Ю. Малков. М. 1999. СС. 295-300; 502

Архиепископ Павел (Дмитровский)

3.10.1937-03.1945

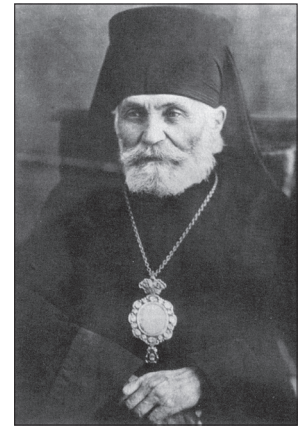
В миру – Павел Григорьевич Дмитровский. Родился 15 января 1872 года в Крыму в семье диакона. В 1894 году окончил Таврическую Духовную семинарию. Рукоположен в сан диакона 5 мая 1896 года, а спустя день – в сан священника. С 1896 г. служил в приходах Таврической и Петербургской епархий, преподавал Закон Божий в школах и училищах. С 1908 по 1911 годы – вольнослушатель Санкт-Петербургской Духовной академии. В 1911 г. назначен священником в с. Ивановское Ямбургского уезда С.-Петербургской губернии, где священствовал до 1914 г. Потерял при трагических обстоятельствах дочь, овдовел. Глубоко переживал до конца своих дней кончину своей рано умершей матушки Анастасии, очень чтил ее память.

С началом Первой Мировой войны был назначен военным священником. С 25 апреля 1915 года о. Павел назначен в Кронштадте судовым священником Балтийского флота, в те же годы он состоял законоучителем Кронштадтской школы юнг. Служил на госпитальном судне «Николаев» (в 1905-1919 и после 1918 г. – учебное судно). После событий 1917 г. согласно желанию всей команды (1200 человек) был оставлен на корабле, как пользовавшийся особым уважением и любовью. Ушел с военного флота по собственному желанию ввиду предстоящей ликвидации корабля. Уволен от должности корабельного священника учебного судна «Народоволец» (так 3.06.1917 г. был переименован «Николаев») 8 августа 1918 г.

С 1919 года о. Павел Дмитровский в Нарве. Как он сообщает о себе в одном из дошедших до нас архивных документов – «Послужном списке священно-церковнослужителей с их семействами Нарвского Преображенского собора» – начинал он свое служение здесь с Кренгольмской Воскресенской церкви (ныне – Нарвский Воскресенский собор), в июле-августе 1919 года. Затем, с 1 сентября 1919 года, был переведен в Спасо-Преображенский собор вторым священником. Много лет был законоучителем Нарвских эмигрантских средних курсов (гимназии). По воспоминаниям знавших его, был очень внимателен к людям, сам был человеком аскетического плана, большим книжником, имел обширную библиотеку, не чуждался общественной жизни Нарвы, обладал широким кругозором, являлся руководителем Русского студенческого христианского движения.

В момент церковной смуты по календарному вопросу в богослужбной жизни православных приходов в Эстонии являлся сторонником юлианского календаря (старого стиля), за что даже одно время был отправлен в ссылку, однако вскоре возвращен в Нарву.

2 октября 1937 г. в Никольском придельном храме Нарвского Преображенского собора митрополитом Таллинским и всея Эстонии Александром, митрополитом Рижским и всея Латвии, архиепископом Карельским и всея Финляндии Германом и архиепископом Печерским Николаем, в присутствии членов Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви и Нарвского епархиального совета и многих верующих совершено наречение протоиерея Павла Дмитровского во епископа богоспасаемых градов Нарвы и Изборска. На следующий день, 3 октября 1937 года, был хиротонисан во епископа Нарвского и Изборского. Нарвская (русская) епархия в составе Эстонской Апостольской Православной Церкви, созданная в 1924 г. охватывала поначалу 31 приход (впоследствии – 24), включая Принаровье, Причудье, приходы Ревеля, Нарвы и других мест.

Владыка Павел был глубоко православным русским человеком, любил Россию и переживал за происходящее там. Всю жизнь оставался твердым поборником христианского воспитания и противником безбожия: «Представьте себе, что к нам придет на землю Небожитель и спросит нас, что мы здесь на земле делаем? Ничего другого мы не ответим ему – мы забыли Бога» (из проповеди Владыки Павла). После принятия СССР в лигу наций в разгар кровавых репрессий в СССР в проповеди Владыка Павел сказал: «Как могли принять Советский Союз в это сообщество, когда власть страны утопила в крови невинных людей». После ввода советских войск в Эстонию, когда в Нарве шли сплошные аресты, Владыка Павел – ему самому и многим из пасомых каждый день грозили арест, высылка, смерть, – говорил: «Слава Богу, теперь страдать, так вместе с русским народом».

В годы войны в 1941-1944 гг. он окормляет также приходы Кингисеппского (Ямбургского) и Волосовского районов, временно бывшие оккупированными немецкими войсками. Возобновляет богослужения во многих бывших закрытыми и разрушенными храмах.

В годы немецкой оккупации в 1941-1944 гг. архиепископ Павел посещал лагеря русских военнопленных в Эстонии, в том числе, располагавшийся в амбарах в порта (крупнейший в Нарве), а также в здании Нарвского общественного собрания

«Редкое церковное таинство – возведение в сан епископа-событие у нас в Нарве небывалое, и, возможно, даже неповторимое. Такие события входят в историю Православной Церкви. Хиротония популярного и любимого пастыря о. Павла Дмитровского была встречена с большим религиозным подъемом в кругах верующего населения. В течение трех последних «хиротонисанных» дней (посвящение в рясофор, наречение и хиротония) около древнего Преображенского собора и внутри его царил непрерывное движение. Интерес к хиротонии был всеобщим, место в церкви занимали задолго до богослужения...»

День возведения о. Павла Дмитровского в сан епископа-день холодновато-хрустальный, ясный солнечный. Чуть ли не с шести утра в соборной оgrade уже движение жаждущих попасть на хиротонию... к девяти утра собор полон».

(Газета «Старый Нарвский листок» за 4 октября 1937 г.)

и других местах; оказывал им духовную и материальную помощь, держа себя независимо и твердо защищая интересы русских людей перед немецкими властями. Посещает он и другие лагеря для русских беженцев и перемещенных лиц и военнопленных: Клоога, Пылькюла, Балтийский порт и Феллин. (В разное время на территории Эстонии было до 30 000 эвакуированных немецкими властями русских людей, преимущественно из Орловской области и окрестностей С.-Петербурга.) В некоторых лагерях (Балтийский порт, Феллин) были организованы постоянные русские церкви.

В 1942 г. остается в духовном подчинении Патриаршего экзарха Прибалтики митрополита Сергия (Воскресенского). С декабря 1942 года – Архиепископ Нарвский. С 1944 г. проживал в Таллинне. С марта 1945 года становится Архиепископом Таллиннским и Эстонским. В том же году во главе делегации от Эстонии ездил в Москву, где принимал участие в выборах патриарха Алексия I.

Скончался архиепископ Павел в ночь на 2 февраля 1946 года в Таллинне, в небольшой комнате при епархиальном управлении на ул. Пикк (Длинной ул.). Похоронен в Таллинне на Александро-Невском кладбище. На средства, собранные бывшими учениками-эмигрантами, на его могиле воздвигнут памятник.

Составлено по книге «Нарвский архипастырь». Нарва. 1997 г.

Божественная литургия в Спасо-Преображенском соборе Нарвы 3 октября 1937 г., во время которой состоялась хиротония епископа Нарвского и Изборского Павла (Дмитровского)

Ямбургское викариатство

Ямбургское викариатство, просуществовавшее более 30 лет (1897-1928), было третьим по времени учреждения (1897) после Нарвского (1887) и Гдовского (1892).

Учреждено при митрополите С.-Петербургском и Ладожском Палладии (этот титул С.-Петербургских митрополитов усвоен ими с 18 октября 1892 г., после того как была учреждена самостоятельная Финляндская епархия, местом пребывания правящего архиерея которой был Выборг, и восстановления самостоятельной древней Новгородской епархии. Таким образом, границы С.-Петербургской епархии стали совпадать с границами С.-Петербургской губернии.

Многие из Ямбургских викариев (местом постоянного пребывания их был С.-Петербург) одновременно были ректорами С.-Петербургской Духовной академии. В ряду бывших викариев Ямбургских – будущие видные иерархи Церкви, миссионеры, святители, новомученики и исповедники.

Епископ ВЕНИАМИН (Муратовский)

26.10.1897-3.12.1898

В миру – Василий Антонович Муратовский.

Родился 18 апреля 1855 года в Казанской епархии. В 1877 году окончил Казанскую Духовную семинарию и назначен надзирателем в Казанское Духовное училища. 1 декабря 1877 года рукоположен в сан иерея и определен священником Казанской Духосошестввенской церкви.

В 1892 г. поступил в Казанскую Духовную академию, которую окончил в 1896 году со степенью кандидата богословия. По окончании академии пострижен в монашество, возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Черемнецкого монастыря С.-Петербургской епархии.

26 октября 1897 г. хиротонисан во епископа Ямбургского, викария С.-Петербургской епархии.

С 3 декабря 1898 г. – епископ Гдовский. С 1898 г. – пожизненный член Казанской Духовной академии. В 1900 году награжден пангией с драгоценными камнями. С 10 июля 1901 г. – епископ Калужский и Боровский. С 31 дека-

бря 1910 г. – епископ Симбирский и Сызранский. Член Св. Синода в 1905-1906 гг.

С 1 мая 1915 г. возведен в сан архиепископа. 1917-1918 гг. – участник Священного Поместного Собора в Москве. С 13 июля 1920 г. – архиепископ Рязанский и Зарайский. В 1922 году уклонился в обновленческий раскол. В 1923 году дважды каялся перед Святейшим Патриархом Тихоном и дважды изменил Православной Церкви, переходя обратно в обновленчество.

До 6 сентября 1923 года значится обновленческим «митрополитом Рязанским».

С сентября 1923 года – «митрополит Ярославский». Был участником 2-го обновленческого т.н. «Всероссийского Поместного Священного Собора» 1923 года, на котором позорно подписал постановление Собора о лишении сана и монашества Святейшего Патриарха Тихона.

С 8 января 1924 года – обновленческий «митрополит Ленинградский». С 9 сентября 1925 г. утвержден «митрополитом Северо-Западной области». С 19 мая 1927 г. перемещен на Московскую кафедру с наименованием «митрополита Московского и Коломенского». 1 и 2 октября 1928 года присутствовал на заседаниях расширенного пленума обновленческого Синода, вскоре назначен его председателем.

Скончался 6 мая 1930 года без покаяния вне общения с Русской Православной Церковью.

Епископ БОРИС (Плотников)

9.05.1899-18.11.1901

В миру – Владимир Владимирович Плотников.

Родился в 1855 году. Сын столоначальника Красноярского Духовного Правления.

По окончании образования в Красноярском Духовном училище и в Томской Духовной семинарии будущий Преосвященный Борис в 1876 году прибыл на казенный счет в Казань для поступления в Казанскую Духовную академию. Несмотря на слабое здоровье (страдал катаром легких) Владимир Владимирович блестяще выдержал конкурсные экзамены, был принят в Академию первым студентом и зачислен на церковно-практическое отделение. В течение студенческой жизни Плотников держал себя в стороне, редко принимал участие в интимных товарищеских беседах и прослыл за человека гордого и высокомерного. Но это была ошибка, т.к. на самом деле от природы он был человеком простым и добрым, но весьма сдержанным, застенчивым и неговорливым. Скоро обнаружилось, что В.В. Плотников обладал выдающимися умственными дарованиями, весьма основательной научной подготовкой и неутомимой жаждой знаний. Поступив в Академию с основательным знанием древних языков, В.В. Плотников в Академии основательно изучил английский язык и сверх того серьезно занялся изучением славянских наречий у известного лингвиста И. Бодуэн-Куртенэ, бывшего в то время профессором Казанского университета. Под его руководством он изучил польский язык. С течением времени открылось, что языкознание не составляло специальной задачи ученых занятий, а приобреталось им лишь в качестве вспомогательного средства для богословских исследований.

Научно-литературные труды первоначально выражались в весьма дельных студенческих семестровых сочинениях. Так, еще на первом курсе он написал «Разбор сравнительной мифологии Макса Мюллера», который был им напечатан в «Филологических записках» (1879 г., вып. II и IV); на втором курсе им было написано «Палеографико-глоттологическое исследование среднеболгарского Служебника 1532 года», напечатанное потом в тех же «Филологических записках».

На третьем курсе темой для кандидатского сочинения он избрал тему «Главные моменты в истории христианского просвещения в его отношении к древнему греко-римскому образованию и греко-римской науке и литературе, от начала христианства до эпохи возрождения». Это сочинение не только доставило автору степень кандидата богословия, но и обратило на него внимание профессуры как на весьма талантливого юношу. Ему было предложено серьезно заняться словесностью и литературой и на четвертом курсе он избрал их своей специальностью вместе с основным богословием. По окончании курса он представил в качестве ученой работы сочинение на тему: «Основные принципы научной истории литературы».

В 1880 году по окончании Академии со степенью кандидата богословия, В.В. Плотников должен был перейти на кафедру словесности и истории литературы и работать в

сфере науки, наиболее сродной его натуре, но неожиданное обстоятельство совершенно изменило его положение и увлекло далеко от родной Академии. В июне 1880 года, вскоре по окончании выпускных экзаменов в Академии, в Казань приехал начальник Японской миссии Преосв. Николай Касаткин, будущий святитель Японский († 1912). Его беседа, раскрывшая блестящую перспективу миссионерской деятельности в отдаленной Японии, произвела на Плотникова столь сильное впечатление, что он, забыв об обещании, данном Академии, сразу дал свое согласие на поступление в миссию, в надежде найти там более широкое поприще для применения своих богатых сил и дарований. Но этому желанию не суждено было осуществиться, т.к. поступить в Японскую миссию можно было не иначе, как только с принятием монашества, тогда как В.В. Плотников не был готов к такой перемене своего звания и наотрез отказался. Потеряв и приват-доцентуру в Академии, он вынужден был принять назначение на должность преподавателя словесности с историей русской литературы и логики в Томской семинарии. Служба в Сибири была для него временем тяжелых испытаний и лишений.

Широко талантливая натура молодого преподавателя не могла ограничиваться рамками семинарской программы, а неутомимая жажда знаний и ученых работ не находили себе удовлетворения при сравнительной бедности семинарских библиотек. Все это создавало мрачное настроение и притупляло дарование.

После четырех лет работы в Томской семинарии, в 1884 году академия вспомнила о своем питомце и извлекла его из суровых дебрей Сибири. Совет Казанской Духовной академии избрал его на вакантную кафедру метафизики, освободившуюся за смертью профессора.

Так как устав академии обязывал исполняющих должность доцента в течение двух лет представить магистерские диссертации, то молодой метафизик энергично взялся за работу и через год представил в Совет Академии диссертацию на тему: «История христианского просвещения в его отношениях к древней греко-римской образованности. Период первый от начала христианства до Константина Великого». Одновременно с этой диссертацией он представил новую работу: «Вопрос о классиках» (Взгляд на его историю, его современное состояние и значение).

Пока эти его сочинения находились на рассмотрении рецензента, он успел продолжить свой труд и довел историю христианского просвещения до конца царствования Юстиниана. За это сочинение он был удостоен степени магистра богословия и утвержден в должности доцента Академии.

К этому же времени у В.В. Плотникова вставал вопрос о жизни. Холостая одинокая жизнь тяготила его, страшно мучила тоска и неудовлетворенность жизнью и он приходит к мысли о монашестве.

29 марта 1886 года состоялось пострижение его с именем Бориса. Вскоре затем он был рукоположен во иеродиакона и ко дню Св.Пасхи – во иеромонаха.

В октябре того же года он был назначен инспектором

Московской Духовной академии с возведением в сан архимандрита. Одновременно с инспекторством ему была предназначена кафедра «Введения в круг богословских наук».

Теперь он должен был расстаться навсегда с родной академией и идти по пути земного поприща, открывавшего ему постепенно различные должности.

В 1888 году архимандрит Борис был переведен на должность ректора Киевской Духовной семинарии. Вместе с этим он сделался редактором издаваемого при семинарии журнала «Руководство для сельских пастырей» и председателем Комитета по изданию журнала «Воскресное Чтение» с повременными выпусками «Киевских листков» религиозно-нравственного содержания.

В конце 1888 года был назначен председателем Киевского Епархиального Училищного Совета, а в августе 1892 года – старшим цензором С.-Петербургского Комитета Духовной Цензуры и членом Учебного комитета при Святейшем Синоде, но занимал эти должности до момента назначения на пост ректора С.-Петербургской Духовной академии. Здесь он целью своей деятельности поставил содействовать возможно большему ее преуспеянию и процветанию.

«Академия, говорил он, должна стать рассадником общественных деятелей, сильных убеждением в высоте и святости того дела, которому они будут служить, устойчивых в борьбе со злом, проникнутых любовью к людям, способных быть не только учителями, но и действительными духовными врачами народа, для которых жизнь была бы поприщем неустанного труда, посвященного не достижению собственного только благополучия, а, главным образом, благу Церкви, общества и народа».

Разные служебные неприятности и огорчения, а также сырой климат северной столицы вредно отразились на слабом здоровье архимандрита Бориса и он вынужден был просить место настоятеля миссии в Константинополе. Согласно прошению, с декабря 1893 г. он был назначен на эту должность, где пробыл до 1899 г.

17 февраля 1899 года снова был назначен ректором столичной С.-Петербургской Духовной Академии, на которой и состоял уже в сане епископа до 20 января 1901 года. Наречение архимандрита Бориса во епископа состоялось в храме С.-Петербургской Духовной Академии.

9 мая 1899 года в Исаакиевском кафедральном соборе, совершена была хиротония архим. Бориса *во епископа Ямбургского, викария С.-Петербургской епархии*. Хиротонию совершали: митрополит С.-Петербургский и Ладужский Антоний; архиепископ Новгородский и Старорусский Феогност; архиепископ Тверской и Кашинский Димитрий и другие архиереи.

В 1901 г. он был назначен председателем училищного Совета при Свят. Синоде и членом Синода.

С сентября – почетный член С.-Петербургской Духовной академии. 18 ноября 1901 года епископ Борис скончался от острых приступов астмы в Крыму. Погребен в Симферополе.

Это был выдающийся человек. Глубокий знаток слова

Божия, умевший своим красноречием привлекать к себе слушателей. Он обладал феноменальной памятью, даром слова убеждения. В жизни это был аскет и молитвенник, оставався, по выражению современников его, «украшением Церкви».

Епископ СЕРГИЙ (Страгородский)

25.02.1901-6.10.1905

В миру – Иван Николаевич Страгородский.

Родился 11 января 1867 года в Нижегородской губернии в Арзамасе, в семье протоиерея, где получил глубокое религиозное воспитание.

Первоначальное образование получил в приходском, а затем в Арзамасском Духовном училище.

В 1886 году окончил Нижегородскую Духовную семинарию, поступил в С.-Петербургскую Духовную академию.

30 января 1890 года пострижен в монашество, будучи студентом IV курса академии, а 21 апреля рукоположен во иеромонаха.

9 мая 1890 года окончил Духовную академию со степенью кандидата богословия и 13 июня назначен в Японию членом Православной Духовной миссии.

В декабре 1891 года назначен судовым священником на корабль «Память Азова».

В 1893 году назначен исполняющим должность доцента по кафедре Священного Писания Ветхого Завета к С.-Петербургской Духовной академии.

С 13 декабря 1893 года исполняет должность инспектора Московской Духовной академии.

21 сентября 1894 года возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Русской посольской церкви в Афинах.

В 1895 году удостоен степени магистра богословия за диссертацию: «Православное учение о спасении».

В 1897 году вторично назначен в Японию помощником начальника Православной Духовной миссии.

29 июля 1899 года определен ректором С.-Петербургской семинарии, а 6 октября того же года назначен инспектором С.-Петербургской Духовной академии.

С 25 января 1901 года – ректор той же Духовной академии.

25 февраля 1901 года хиротонисан *во епископа Ямбургского, викария С.-Петербургской епархии*. Чин хиротонии совершали: митрополит Петербургский Антоний, митрополит Киевский Феогност, митрополит Московский Владимир, архиепископ Холмский и Варшавский Иероним, епископ Кишиневский Иаков, епископ Борис, епископ Гдовский Вениами, епископ Нарвский Никон и епископ Сарапульский Владимир.

С 6 октября 1905 г. – архиепископ Финляндский и Выборгский.

В 1906 году участвовал в сессии Св.Синода, председательствовал в Учебном Комитете, одновременно занимаясь исправлением текстов богослужебных книг.

С этого же года состоял Почетным членом С.-Петербургской Духовной академии.

С 6 мая 1911 г. – член Святейшего Синода. В марте 1912 г. назначен Председателем Предсоборного совещания при Синоде. 6 мая 1912 г. награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке. 4 апреля 1913 г. назначен председателем Миссионерского Совета при Святейшем Синоде. С 9 ноября 1913 г. на него возложено исполнение обязанностей по должности Председателя Учебного Комитета при Св.Синоде. С 14 января 1915 г., согласно просьбе, освобожден от должности Председателя Миссионерского Совета.

Участник Всероссийского Священного Поместного Собора 1917-1918 гг. в Москве. С 10 августа 1917 г. – архиепископ Владимирский и Шуйский. 28 ноября того же года возведен в сан митрополита. С 1922 г. епархией не управлял.

С 16.06.1922 г. по 27.08.1923 г. (н. ст.) – в обновленческом расколе.

С 18 марта 1924 г. – митрополит Нижегородский. С 10 декабря 1925 г. – заместитель Патриаршего Местоблюстителя. С 30 ноября 1926 г. епархией не управлял. С 27 марта 1927 года снова вступил в управление Русской Церковью, как Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. Автор декларации декларации 16/29 июля 1927 г., сыгравшей трагическую роль в последующей Русской Церковной истории.

12 апреля 1932 г. постановлением за № 60/6 награжден предношением креста при богослужении. 14/27 апреля 1934 г. ему присвоен титул «Блаженнейший митрополит» Московский и Коломенский, с правом ношения двух панегий. 10 марта 1941 г. исполнилось сорокалетие его пребывания в сане епископа.

26 августа ст. ст. 1943 года собором русских иерархов был избран Патриархом Московским и всея Руси. 30 августа ст. ст. 1943 года состоялась его интронизация в Московском кафедральном Богоявленском соборе.

Во время Великой Отечественной войны под его руководством православное русское духовенство активно помогало обороне страны, призывая к борьбе против захватчиков и труду в тылу. Под его руководством духовенство укрепляло патриотический дух народа, поддерживало его моральное состояние и оказывало значительную материальную помощь фронту. Скончался 2/15 мая 1944 года.

Погребен в Николаевском приделе Московского Патриаршего Богоявленского собора.

К его заслугам пред Русской Православной Церковью до обновленчества следует отнести восстановление в сане и монашестве осужденного Екатериной II митрополита Арсения (Мацеевича) Ростовского, ныне (2000) прославленного в лике святых Русской Православной Церкви.

Епископ СЕРГИЙ (Тихомиров)

6.11.1905-21.03.1908

В миру – Сергей Тихомиров. Родился в 1863 году (по

другим сведениям в 1871-м) в Новгородской епархии.

В 1892 году поступил в С.-Петербургскую Духовную академию. В 1895 году пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха. В 1896 году окончил академию и назначен инспектором С.-Петербургской Духовной семинарии. В 1899 году возведен в сан архимандрита и определен ректором той же семинарии.

В 1905 году удостоен степени магистра богословия и назначен ректором С.-Петербургской Духовной академии.

6 ноября 1905 года хиротонисан во *епископа Ямбургского, викария С.-Петербургской епархии*.

С 21 марта 1908 года – епископ Киотосский и помощник начальника Российской Духовной миссии в Японии. С 19 мая 1912 года – епископ Японский и начальник Духовной миссии в Японии.

В 1921 году возведен в сан архиепископа. В 1931 году, ко дню Св. Пасхи возведен в сан митрополита. 6 ноября 1935 года награжден предношением креста за богослужением. 4 сентября 1940 года ушел на покой, продолжая однако духовно окормлять паству.

Скончался 11 августа 1945 года.

Это был стойкий иерарх Русской Православной Церкви, много послуживший на поприще миссионерства.

Духовный писатель.

Епископ ФЕОФАН (Быстров)

22.02.1909-19.12.1910

В миру – Василий Димитриевич Быстров. Родился в 1872 году в семье священника с. Подмошье Лужского уезда С.-Петербургской губернии.

По окончании Духовного училища и С.-Петербургской Духовной семинарии в 1896 году окончил С.-Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия и оставлен при академии профессорским стипендиатом. С 1897 г. – и. д. доцента академии по кафедре Библейской истории. В 1898 году пострижен в монашество и рукоположен в сан иеромонаха.

В 1901 году возведен в сан архимандрита и назначен и.д. инспектора С.-Петербургской Духовной академии.

В 1905 году удостоен степени магистра богословия за диссертацию «Тетраграмма или Ветхозаветное Божественное имя Иеговы», возведен в звание экстраординарного профессора и утвержден инспектором академии.

С 1 февраля 1909 г. – ректор С.-Петербургской Духовной академии.

22 февраля 1909 года хиротонисан во *епископа Ямбургского, викария С.-Петербургской епархии*. Хиротония совер-

шена в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры митрополитом С.-Петербургским и Ладожским Антонием в сослужении еще одиннадцати иерархов.

Будучи ректором Духовной академии, Владыка Феофан необыкновенно оживил религиозно-нравственную атмосферу в ней, высоко подняв церковный дух и настроенность, в стиле Св. отцов Церкви. Был замечательным проповедником. Богослужения совершал так благоговейно и глубоко молитвенно, что его настроение невольно передавалось всем. Весь Петербург знал еще в бытность Феофана молодым архимандритом о его высоких умственных и духовных качествах, все почитали его как подлинного молитвенника и подвижника-аскета, отрешившегося от мирской жизни и жившего только в Боге и для Бога. Императрица Александра Феодоровна обращает внимание на него, и Владыка Феофан в течение ряда лет был духовником Царской Семьи.

С 19 декабря 1910 г. – епископ Таврический и Симферопольский. С этого же года – почетный член С.-Петербургской Духовной академии.

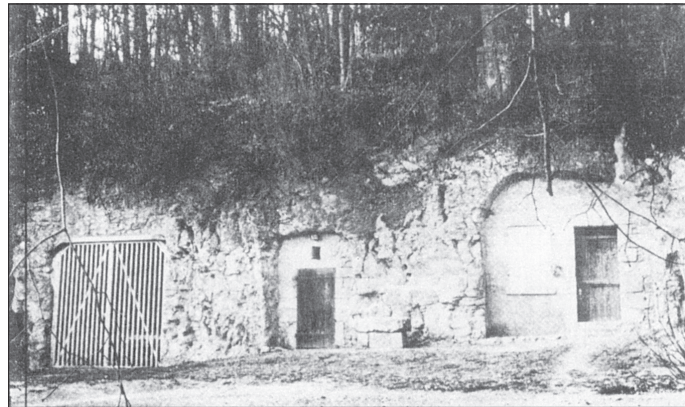
С 25 июня 1912 г. – епископ Астраханский. С 8 марта 1913 года – епископ Полтавский и Переяславский.

В конце 1918 года возведен в сан архиепископа.

В 1920 году эмигрировал за границу и поселился на Балканах, сначала (до 1925 г.) – в Югославии, затем – в Болгарии, участник I Русского Всезаграничного собора.

Ему были одинаково чужды обе крайности религиозной мысли – западный мистицизм и либеральный рационализм, он оставался приверженцем строго церковного православного мировоззрения.

В 1931 г. переехал во Францию, где проживал первонач-

Пещеры в Лимерэ. В левой при Владыке Феофане была его келья и часовня, в средней – церковь, в правой жила его келейница. Фото 1988 г.

ально в местечке под Парижем, а затем переехал в м. Лимерэ (Limeray) на Луаре, где жил подлинным отшельником в меловых пещерах на холмах близ Лимерэ. В одной помещалась его келлия, в другой – домовая церковь. Здесь ежедневно совершал он богослужения, совершенно прекратив всякое общение с внешним миром.

Скончался Владыка Феофан в Лимерэ 6/19 февраля 1940 г. и похоронен на местном сельском кладбище.

Известен своим необычайным смирением и чисто иноческим житием.

Епископ ГЕОРГИЙ (Ярошевский)

19.11.1910-13.05.1913

В миру – Георгий Ярошевский.

Родился 18 ноября 1872 года в Подольской епархии. В 1897 году окончил Киевскую Духовную академию со степенью кандидата богословия и оставлен профессорским стипендиатом при той же академии. В 1898 г. назначен преподавателем Таврической Духовной семинарии.

24 марта 1900 года пострижен в монашество, а 26 марта рукоположен во иеромонаха.

В 1901 году за свой труд «Соборное послание св. апостола Иакова» получил степень магистра богословия и определен смотрителем Калужского Духовного училища. 1902 г. – инспектор Могилевской Духовной семинарии.

1903 г. – ректор Тульской Духовной семинарии в сане архимандрита.

1 июля 1906 г. хиротонисан во епископа Каширского, викария Тульской епархии. С 1 февр. 1908 г. – епископ Прилуцкий, викарий Полтавской епархии. С 19 ноября 1910 года – епископ Ямбургский, викарий С.-Петербургской епархии.

С 22 ноября – ректор С.-Петербургской Духовной академии. С 13 мая 1913 г. – епископ Калужский и Боровский. С 1914 г. – почетный член С.-Петербургской Духовной академии. С 6 июля 1916 г. – епископ Минский и Туровский. С 1916-1918 г. упоминается председателем одной из Соборных Комиссий.

Выступал против учреждения патриаршества. 12 декабря

Могила архиепископа Феофана на кладбище в Лимерэ

1917 г. утвержден в звании Почетного члена Московской Духовной семинарии.

12/25 апреля 1918 г. возведен в сан архиепископа. В 1919 году эмигрировал за границу в Италию. В 1922 году, когда польское правительство решило установить в своем государстве автокефалию Церкви, он был вызван из Италии и приглашен на Варшавскую кафедру с условием, чтобы он содействовал установлению автокефалии Православной Церкви в Польше.

Удовлетворяя просьбу польского правительства об образовании автокефалии, Св. Патриарх Тихон назначил архиепископа Георгия своим временным экзархом в Польше. Во Владыка Георгий принял иной курс, чем мыслил Патриарх Тихон.

В январе 1922 года он вместе с епископом Дионисием (Валединским) созвал в Варшаве Собор с целью санкционировать некоторые предварительные мероприятия, нужные для учреждения автокефалии. На этот Собор они не пригласили главного противника автокефалии архиепископа Елевферия (Богоявленского), стремясь достигнуть своих намерений.

В это время польский посол в Москве настоятельно требовал от Патриарха Тихона обещанной автономии для Православной Церкви в Польше и назначения ее главой архиепископа Георгия в сане митрополита. Патриарх Тихон, освободив архиепископа Георгия от звания экзарха, возвел его в сан митрополита, но только Варшавского, а не всей Польши и обещал поставить его над всей церковной областью лишь тогда, когда Польское правительство примет «Положение об управлении Православной Церкви в Польском государстве», составленное Патриаршим Синодом и посланное в Варшаву на рассмотрение правительства.

Такое решение Патриарха, конечно, не понравилось митрополиту Георгию, и он, получив на отзыв «Положение», без всякого стеснения вычеркнул из него все, что касалось прав Патриарха над автономной Церковью и оставил то, что относилось к его правам, как главы автономной Церкви. В таком искаженном виде «Положение» было разослано всем иерархам в качестве «патриаршей воли».

Этот подлог, конечно, был изобличен Преосвященным Елевферием и другими иерархами, верными Матери-Церкви, но митрополит Георгий, пользуясь церковной смутой в России, счел данный момент благоприятным для осуществления своих замыслов и в половине мая 1922 года созвал новый Собор иерархов в Почаевской Лавре. К этому времени польские власти без всякого повода арестовали и выслали в Чехию епископа Сергия (Королева). С его устранением в составе Собора осталось всего четыре иерарха, из которых митрополит Георгий, как председатель и всегда согласный с ним епископ Дионисий могли обеспечить успех удобного им решения.

На Почаевском Соборе так и получилось; его решения стали явно клонить к установлению автокефалии. В виду этой опасности архиепископ Елевферий и епископ Владимир (Тихоничский) оставили заседание Собора и тем прекратили его.

Но, несмотря на это, митрополит Георгий вместе с епископом Дионисием провели нужные им решения от лица всего Собора. Они осуществили даже хиротонию своего сторонника архимандрита Александра (Иноземцева) в отсутствие двух членов Собора и против их согласия.

Спустя две недели после событий, происшедших в Почаеве, все иерархи снова были приглашены в Варшаву, где их присутствие неожиданно объявили иерархическим Собором. На этом Соборе польский премьер-министр прочел правительственную декларацию, в которой предложил иерархам учредить автокефалию Православной Церкви в Польше. Вопреки протестам Преосвященных Елевферия и Владимира, автокефалия была принята как бы волей Собора, а на другой день автокефалисты из своего же состава образовали Синод.

Недолго возглавлял митрополит Георгий автокефальную Польскую Церковь. 8 февраля 1923 года он был убит Смарагдом, архимандритом-фанатиком.

Епископ АНАСТАСИЙ (Александров)

30.05.1913-23.06.1918

В миру – Александр Иванович Александров

Родился 16 апреля 1861 года, тезоименитство 20 апреля.

Сын протоиерея кладбищенской церкви в г.Казани.

В 1879 году окончил 1-ю Казанскую гимназию и поступил в Казанский университет в число студентов историко-филологического факультета, который окончил в 1883 г. со степенью кандидата.

С 1 декабря того же года, согласно избранию факультета и Совета университета, оставлен при университете в качестве профессорского стипендиата для приготовления к профессорскому званию по кафедре языковедения.

С 1886 г. состоял доцентом Дерптского (Юрьевского) университета, куда был направлен с научной целью. Кроме того, был командирован в столицы (Петербург и Москву), в Литву и в губернии: Сувальскую, Виленскую, Гродненскую и Ковенскую для изучения литовского языка.

Преподавание в Дерптском университете шло на немецком языке, поэтому и магистерское и докторское сочинения были им написаны на немецком.

В 1886 г. удостоен степени магистра сравнительного языковедения и утвержден приват-доцентом Дерптского университета.

В том же году перемещен в Харьковский университет, с поручением ему чтения лекций по предмету сравнительного языковедения и санскрита.

В 1888 удостоен степени доктора сравнительного языковедения и предложением Министра Народного Просвещения утвержден экстраординарным профессором.

В 1896 году был назначен ординарным профессором

славянской филологии Казанского университета. Несколько раз был командирован с научной целью за границу, в Австро-Венгрию, Черногорию, Сербию, Болгарию, Константинополь и на Афон.

С 1896 по 1905 год, согласно резолюции Высокопреосвященнейшего Архиепископа Казанского Владимира, был заведующим и руководителем в Казани мужской Воскресенской школы. С 1897 по 1905 год состоял секретарем историко-филологического факультета.

С 1905 по 1911 год, будучи деканом Историко-филологического факультета, не раз исполнял должность ректора университета. Несколько раз исполнял ученые поручения Отделения русского языка и словесности Академии Наук по рассмотрению ученых работ на ученые премии.

В течение многих лет состоял Председателем Государственной Историко-филологической испытательной Комиссии при Казанском университете. С 30 мая 1911 года состоял заслуженным ординарным профессором Казанского университета.

С 1910 года по удостоении степени доктора Церковной истории за ученые труды, получил, согласно избранию Совета академии, утверждение от Св. Синода ординарным профессором Казанской Духовной академии.

Был почитателем приснопамятного протоиерея св. прав. Иоанна Кронштадтского, который предсказал ему служение Церкви в сане епископа. Неожиданно сложившиеся семейные обстоятельства обратили его взор к Церкви Божией.

7 июля 1911 года пострижен в монашество Высокопреосвященнейшим Иаковом, архиепископом Казанским и Свияжским в Раифской пустыни. 8 июля там же посвящен в иеродиакона. 10 июля рукоположен во иеромонаха в загородном архиерейском Казанском доме. 27-го июля награжден набедренником в кафедральном соборе.

С 16 августа по представлению архиепископа Казанского и Свияжского Иакова Св. Синодом назначен инспектором Казанской Духовной академии.

6 августа 1911 года возведен в сан архимандрита в Спасо-Преображенском монастыре Казани.

9 февраля 1912 года утвержден доклад Свят.Синода о бытии архимандриту Анастасию епископом Чистопольским, вторым викарием Казанской епархии и ректором Казанской Духовной академии. Почетный член Казанской и Московской академий.

Наречение состоялось в Академическом храме в пятницу 2 марта в Казани. В воскресенье 4 марта 1912 года хиротонисан в кафедральном Благовещенском соборе. Хиротонию совершал Высокопреосвященнейший архиепископ Иаков с Преосвященным епископом Макарием и Преосвященным Михаилом, епископом Чебоксарским.

30 мая 1913 года назначен *епископом Ямбургским, викарием Петербургской епархии.*

В 1914 году перемещен ректором Петроградской Духовной академии в звании епископа Ямбургского, викария Петроградской епархии. В июне 1918 года заболел воспа-

лением легких и 23 июня в три часа дня тихо скончался на руках митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича) и митрополита Мануила, бывших в том году иеромонахами Лавры и Академии.

Отпевал его митрополит Петроградский Вениамин, будущий священномученик, в сослужении с четырьмя епископами: Мелхиседеком (Паевским), впоследствии архиепископ Красноярский, Геннадием Псковским и Порховским, Артемием, епископом Лужским и еще одним неизвестным.

Погребен на братском кладбище Александро-Невской Лавры, с правой стороны могилы митрополита Антония (Вадковского).

Автор трудов по филологии, церковной истории, русской истории и культуре.

Выдающийся ученый-лингвист. Десятки мелких его статей, хроникальных сообщений по недоступности не извлечены из «Ученых записок Казанского университета» и целого ряда других периодических специальных изданий.

Епископ АЛЕКСИЙ (Симанский)

1921-1926

В миру – Сергей Владимирович Симанский.

Родился 27.11.1877 года в дворянской семье. Тезоименитство 12 февраля.

Первоначальное образование получил в Московском Николаевском Лицее. 1 октября 1899 по окончании юридического факультета Московского университета он поступил в Московскую Духовную академию, где епископом Арсением (Стадницким), 9 февраля 1902 года был пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона.

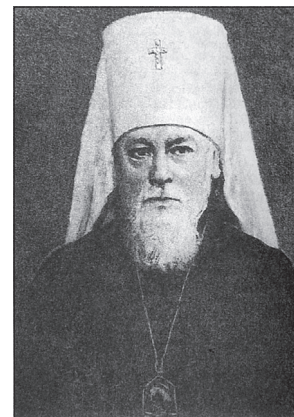
В 1903 году рукоположен во иеромонаха. В 1904 году окончил Академию со степенью кандидата богословия и 16 августа назначен инспектором Псковской Духовной семинарии. 16 октября 1906 назначен ректором Тульской Духовной семинарии с возведением в сан архимандрита.

С 22 декабря 1911 – ректор Новгородской Духовной семинарии и настоятель Антониева монастыря в Новгороде.

28 апреля 1913 хиротонисан во епископа Тихвинского, викария Новгородской епархии. Хиротония была совершена в Новгороде Вселенским Патриархом Григорием IV в сослужении пяти русских архиереев: архиепископа Новгородского Арсения, епископа Никона, епископа Псковского и Порховского Евсевия, епископа Кирилловского Иоанникия и епископа Гдовского Вениамина.

С 1921 года – *епископ Ямбургский, викарий Петроградской епархии.*

В 1926 году возведен в сан архиепископа Хутынского и назначен управляющим Новгородской епархией. С июля

1927 года – постоянный член Временного Патриаршего Священного Синода.

18 мая 1932 возведен в сан митрополита Старорусского с предоставлением ему права ношения белого клобука и креста на митре.

С 11 августа 1933 – митрополит Новгородский. С 5 октября 1933 – митрополит Ленинградский. В 1938 году награжден правом ношения двух панагий. 4 июля 1943 награжден предношением креста за богослужением. С 1943 года – митрополит Ленинградский и Новгородский. С сентября 1943 года является постоянным членом Св. Синода.

Весь период блокады безотлучно находился в Ленинграде. Награжден медалью «За оборону Ленинграда». В 1943 году – участник Собора 8 сентября по избранию Патриарха Сергия.

2/15 мая 1944 года после кончины Св. Патриарха Сергия, в силу своего старшинства среди прочих епископов Русской Церкви и, согласно завещательному распоряжению почившего, становится Патриаршим Местоблюстителем.

2 февраля 1945 Поместный Собор Русской Православной Церкви единогласно избрал митрополита Алексия – Патриаршего Местоблюстителя, Патриархом Московским и всея Руси. 4 февраля 1945 состоялась его интронизация.

Награжден орденом св. апостола Марка и высшими орденами Ливанской и Сирийской республик.

24 февраля 1949 присуждено звание доктора богословия. 19 июля 1952 избран почетным членом Петербургской Духовной академии.

28 апреля 1963 г. ст. ст. Русская Православная Церковь отметила юбилей Патриарха Алексия – 50-летие его служения в епископском сане.

В период своего 20-летнего патриаршего служения он совершил ряд знаменательных поездок, в которых проявилась его забота о Русской Церкви, направленная с одной стороны, к тесному взаимодействию с автокефальными Церквями, а с другой, к ее внутреннему процветанию.

Так, в июне 1945 г. Первосвятитель совершил поездку на Восток: он побывал в Иерусалиме, Александрии, Каире, Бейруте, Дамаске и Лидде. В октябре (с 1 по 14) того же года посетил Грузию. В 1946 году с 20 мая по 3 июня совершил поездку в Болгарию. В 1947 году с 1 по 15 июня пребывал в Румынии. В мае 1948 года совершил поездку по Украине: он посетил Харьков, Полтаву, Киев и Чернигов. В сентябре 1956 года посетил Кишинев. В 1957 году в начале сентября снова побывал в Болгарии, а в октябре с 11 по 31 – в Югославии. В ноябре и декабре 1960 года совершил паломничество в страны Ближнего и Среднего Востока: он посетил Александрию, Каир, Дамаск, Ливан и Иерусалим. В сентябре 1964 г. Святейший Патриарх предпринял путешествие в Афины, Женеву и Лондон.

4 февраля 1965 исполнилось 20 лет его патриаршего служения. Духовный писатель. Скончался 17 апреля 1970 года.

Епископ ГАВРИИЛ (Воеводин)

1924-1927

Годился около 1871 года в С.-Петербургской епархии. В 1890 году окончил С.-Петербургскую гимназию.

В 1894 году окончил С.-Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия.

В 1893 году пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона. В 1894 году по окончании академии посвящен во иеромонаха и назначен преподавателем Владикавказского духовного училища. В 1895 году перемещен преподавателем в Александровскую Ардонскую семинарию. В 1896 году назначен преподавателем Могилевской духовной семинарии. 1898 г. – инспектор Полтавской семинарии. 1901 г. – в сане архимандрита был настоятелем Уфимского Успенского монастыря и член Уфимской Духовной Консистории.

1908 г. – настоятель Богоявленского монастыря и начальник училища пастырства на Волчей. 20 июля 1910 года – настоятель Тригорского монастыря. Будучи начальником пастырского училища, архимандрит Гавриил прекрасно вел дело воспитания будущих пастырей Церкви. В целях придания училищу большого значения и доверия со стороны духовенства и населения, а начальнику его большего авторитета было признано благовременным возвести начальника училища в высший духовный святительский сан, о присвоении ему наименования епископа Острожского и с оставлением в должности начальника Житомирского училища пастырства, 25 июля 1910 г. архимандрит Гавриил был хиротонисан во епископа Острожского, викария Волынской епархии. Хиротония совершалась в Житомирском кафедральном соборе. Чин хиротонии совершали архиепископ Волынский и Житомирский Антоний в сослужении с епископами Евлогием Холмским, Никоном Кременецким, Иннокентием Каневским и Гавриилом Измайльским.

В последующие годы занимал викарные и епархиальные кафедры. С 9 июня 1915 года был назначен епископом Челябинским, первым викарием Оренбургской епархии.

С 26 января 1916 года – епископ Гавриил назначен епископом Барнаульским, вторым викарием Томской епархии. С 1919 по 1922 г. последовательно занимал кафедры: Акмолинскую и Петропавловскую.

С начала 1922 года на покое в Томском Богородице-Алексеевском мужском монастыре в качестве настоятеля. В сентябре 1922 года, пребывая в Томске настоятелем монастыря, под давлением сибирских обновленцев, уклонился от Патриаршей Церкви и пошел по линии наименьшего сопротивления. Потеряв связь с центром Русской Православной

Церкви, он вынужден был 21 и 24 сентября и в последующие месяцы 1922 года вместе с епископом Софронием Арефьевым рукоположить во епископы женатых протоиереев Иоанна Завадовского во епископа Барнаульского и Николая Чижова во епископа Иркутского. Через эти обновленческие рукоположения вместе с епископом Софронием стал «вынужденным» основоположником Сибирского женатого епископата.

В 1923 году был участником 2-го обновленческого т. н. «Всероссийского Поместного Свящ. Собора», на котором позорно подписал постановление Собора о лишении сана и монашества Святейшего Патриарха Тихона.

В 1923 году принес покаяние, и, как хиротонисанный архиереями старого поставления, принят в сущем сане. После июня 1923 года Святейшим Патриархом возведен в сан архиепископа.

В 1924 году был назначен *архиепископом Кингисеппским (Ямбургским), викарием Петроградской епархии*. С конца 1926 года до Пасхи 1927 года временно управлял Петроградской епархией. Затем ушел на покой.

С декабря 1927 года по 1928 год – епископ Полоцкий и Витебский.

Есть сведения, что он умер (расстрелян ?) в 1938 году в Боровичах.

Из воспоминаний об архиепископе Гаврииле, в бытность его в Петрограде:

«Он был всегда веселый, общительный. Бывало, предложишь чаю. Он согласится. Выпьет стакан, а больше пить не станет и скажет: «я не хотел, да вы так умиленно предложили, иу я и согласился». Часто объяснял красоту православного устава, красоту службы, какое должно быть пение, как надо молиться. Учил делать поклоны.

В подворье, где он служил и руководил всем, служба была совершенно исключительная, строго уставная. Пение было очень красивое, какое-то бодрое, радостное. Все это производило на душу глубокое впечатление, незабываемое. Молилось в этой церкви легко. Батюшка нам, после того как однажды сослужил владыке рассказывал: «стоит это он как младенец веселый такой, молится так радостно и бубенчиками своего облачения поигрывает и позванивает».

Владыка часто говорил о покаянии, но покаяние у него никогда не было уныло, оно всегда соединялось с радостью.

Особенно владыка любил детей и они его любили. С ними он и сам становился как ребенок: бегал с ними из комнаты в комнату, играл с ними. Широкие рукава, полы его рясы и пышные седые волосы развевались. Ребята были в восторге и шумной толпой бегали за ним, прыгали, кричали, смеялись и радовались без конца...

В его жизни и деятельности, монах был для него всегда на первом месте, но свое монашеское делание он тщательно скрывал.

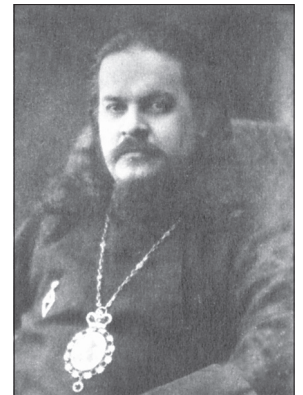
Некоторые склонны были думать, что за веселой наружностью ничего более не кроется, но за ней скрывалась глубокая, серьезная, искренняя и пламенно верующая душа, преданная Православию, строго и благоговейно охранявшая красоту и благолепие церковного строя, уставность богослужения, видя в уставе глубокий смысл и значение, одухотворенный тем же Духом Святым, Которым и все в Церкви Христовой создается.

Вместе с этой строгостью и ревностью о чистоте Православия, он соединял в себе бесконечную доброту и снисходительность к слабостям человеческим и к немощам младенцев по вере».

Епископ СЕРГИЙ (Зенкевич)

30.12.1927-3.08.1928

В миру – Зинкевич (Зинькевич, Зенкевич) Стефан Иванович. 10.1885 – 1937. Родился в г. Сестрорецке С.-Петербургской губ. в семье священника и был племянником будущего сщмч. митрополита Казанского Кирилла (Смирнова). Закончил историко-филологический факультет С.-Петербургского университета. В 1921 рукоположен во священника к Исаакиевскому кафедральному собору Петрограда, член Правления Общества православных приходов Петрограда и его губ. Подвергался аресту 24 апреля 1922 по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей», освобожден в июле 1922 за недоказанность обвинения. С мая 1922 по ноябрь 1927 был приписан к Николо-Богоявленскому собору, в 1926 принял монашеский постриг. 31 октября 1927 хиротонисан в Ленинграде во епископа Детскосельского, викария Ленинградской епархии, позднее – викарный епископ Кингисеппский (Ямбургский) (с 30 декабря 1927), Шлиссельбургский (с 3 июля 1928) и Лодейнопольский (с 13 ноября 1929). С 22 ноября 1933 – Рыбинский. Арестован в Ленинграде в 2 января 1934, приговорен по делу «евлогиевцев» к 10 годам лагерей. С этого времени епархией не управлял. Отбывал срок в Новосибирской области. Расстрелян.

Синодик Санкт-Петербургской епархии. XX столетие.

СПб. 1999. С. 6-7

Жизнеописания викарных епископов Нарских и Ямбургских приводятся по «Каталогу Русских Православных архиереев» митрополита Мануила (Лемешевского).

Metropolit Manuil (Lemesewskij). Die russischen orthodoxen Bischöfe von 1893-1965. Erlangen. 1987. Tl. I-VI.

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

Архиепископ Аверкий (Таушев)

О РАЗЛИЧИИ ДУХОВ

Ветхозаветная священная книга Бытия, повествующая нам о происхождении всего сущего, начинается словами: «В начале сотвори Бог небо и землю» (*Быт. 1, 1*). Высокоавторитетные толкователи Слова Божия разъясняют нам, что под этим «небом» надо понимать мир невидимый, невещественный – мир духовный, а под «землею» – мир видимый, вещественный – мир материальный. В этом именно смысле и в Символе нашей веры Бог называется «Творцем небу и земли, видимым же всем и невидимым».

Этот мир невидимый, мир духовный, образно называемый «небом», есть мир бесплотных сил – бесплотных духов, или мир ангельский, который Бог создал прежде творения мира видимого, вещественного, материального.

В честь этих «Честных Небесных Сил Бесплотных», с Архистратигом Михаилом во главе, как их начальовождем, наша св. Церковь издревле установила нарочитый праздник, торжественно совершаемый 8 ноября по нашему православному календарю.

Вначале все эти бесплотные силы, или Ангелы, были созданы добрыми духами, исполненными великих совершенств. Но вот, один из самых высших Ангелов – Денница, прекрасный подобно утренней заре, вместо того, чтобы воздать хвалу Богу за свои совершенства, прославляя Его как Творца своего, залюбовался собой и допустил в себе горделивую мысль, что он, в своих совершенствах, ничуть не уступает Богу, что он равен Богу. И эта горделивая мысль послужила причиной к его немедленному падению с высот небесных в глубины адского мрака. Она так исказила, так изуродовала его прекрасный, воистину богоподобный лик, что он в одно мгновение из высшего и совершеннейшего творения Божия сделался самым отвратительным, самым омерзительным существом. Силы небесные, в лице прочих бесплотных Ангелов, подвинулись на обуюнную гордостью Денницу и низвергли его во тьму кромешную.

«Как пал ты с неба, Денница сын зари!» – горестно восклицает о нем св. пророк: «В преисподнюю низвержена гордыня твоя... А говорил в сердце своем: взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой... буду подобен Всевышнему. Но ты низвержен во ад, в глубины преисподней» (*Ис. 14, 12-15*).

«Кто, яко Бог! Кто равен Богу?!» – восклицал победоносно Архистратиг небесных сил, низвергший Денницу, и дано ему славное имя: «Михаил», что и значит: «Кто, яко Бог», – а Денница стал сатаной.

Так произошел, еще на самой заре мировой истории, в мире духовном, до появления мира вещественного, первый бунт против законной Божеской власти, первая революция, имевшая потом такие неисчислимо бедственные и горест-

ные последствия!

Бесчисленные тьмы тех ангельских воинств: Ангелы, Архангелы, Начала, Власти, Силы, Господствия, Престолы, многоочитые Херувимы и шестокрылатые страшные Серафимы окружают престол Божий, взывая «непрестанными усты, немолчными славословеньми: «Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоя!» Все эти Ангелы Божии, оставшиеся верными Богу, суть провозвестники и исполнители воли Божией, как показывает самое их название, ибо слово «ангел» значит «вестник». «Не все ли они суть служебнии души, в служение посылаеми за хотящих наследовати спасение» (*Евр. 1, 14*) – говорит о них св. Апостол Павел. И мы знаем в Священной Истории, как Ветхого, так и Нового Завета, множество случаев служения Ангелов делу спасения созданного потом Богом человека. Ангелы являются орудиями Промысла Божия о целых человеческих обществах. «Они даются», как учит наша св. Церковь, «для хранения городов, царств, областей, монастырей, церквей и людей, как духовных, так и мирских» (*Пр. Исп. 19*). Но Ангелы служат орудиями Промысла Божия и об отдельных, частных лицах. Каждый из верующих получает своего особенного Ангела, который пребывает при нем и хранит его от всякого зла, почему и называется «Ангелом-Хранителем».

Но и сатана, низвергнутый с неба, не остался один, а увлек за собой в бездну падения своего великое множество сил бесплотных, которые, подобно ему, сделались духами зла – бесами злыми, силами тьмы, всегда противящимися Богу и Его всеблагим промыслительным планам.

Слепой в своей горделивой ожесточенной злобе (злоба всегда слепа!) сатана, с помощью подручных ему злых духов, начал неистовую борьбу против Бога и оставшихся верными Богу честных небесных сил бесплотных. А когда созданы были Богом первые люди, он и их, прельстив гордостью, научил дерзко нарушить заповедь Божию, дабы отвлечь их от Бога и увлечь на служение себе, вместо Бога.

Вот еще с тех пор, с самого начала мировой истории,

все, что в мире происходит, объясняется не чем иным, как только этой непрестанной борьбой, этим никогда не прекращающимся злобным противлением сатаны и служащих ему духов тьмы Богу и Его светлым Ангельским силам.

Нужно раз навсегда понять и запомнить: Бог желает спасения человеку и все делает для его спасения, а сатана, безумно сам себя обрекая на гибель, жаждет гибели и человеку и все делает, дабы его погубить.

Вся мировая история – это и есть борьба светлых и темных сил за душу человека – этого венца Божия творения – и, с этой точки зрения, все, что в истории человечества совершается, становится для нас вполне ясным и понятным, не возбуждающим никаких сомнений и недоумений. Можно только удивляться духовной слепоте тех, кто этого не понимает – или не хочет понимать – и дает всему какие-то свои собственные объяснения и толкования, которые ничего по-настоящему не объясняют, а скорее только затуманивают, отводя от истины.

Всегда сатана вел борьбу против Бога за порабощение своей власти человека, но в переживаемое нами время, как никогда прежде, ощущается это страшное действие сатанинских сил в мире, все боле и боле, на наших глазах, расширяющееся.

Но не к унынию и не к упадку сил должно это нас приводить, ибо мы знаем из Писания, что «так и надлежит всему этому быть», а к духовному бодрствованию, бдительности над собой. Не для того мы об этом постоянно говорим и пишем, чтобы вселить в наши души страх и малодушие, чтобы «руки у нас опустились», а для того, чтобы открыть глаза на серьезность положения, чтобы предостеречь, чтобы побудить к большей энергии в борьбе за наши души против сатанинской прелести, против их наглого захвата во власть сатаны.

Кто же об этом молчит и не любит говорить, тот сознательно или бессознательно делает одно дело с сатаной и его приспешниками.

Какими путями сатана находит доступ в душу человека и поработывает ее себе, делая человека своим орудием?

Прежде всего – через тот порок, который и самого сатану сделал из высшего и совершеннейшего творения Божия сатаной – противником Божиим – через гордость, или самость.

Этот порок всегда был укоренен в человеке, после грехопадения наших прародителей, но в наше время он особенно сильно дает о себе знать, особенно часто, цинично и ярко проявляется.

«Я... Я... Я...» только и слышишь теперь от многих людей, а особенно от тех, которые мнят себя духовными и политическими вождями и стремятся к первенству и властвованию над другими, не терпя себе соперников и конкурентов. И ничто так не удручает их, как потеря популярности и славы людской. Это они крайне болезненно переживают и готовы уничтожить, «стереть с лица земли» тех, кого считают виновниками этого. Это «Я... Я...» так затмевает их духовные очи, что они становятся неспособными видеть всю правду, как она есть, расценивая все лишь с точки зрения своих собственных эгоистических и эгоцентрических интересов. Сеятелями зла и пособниками сатаны легко делают такие люди, иногда сами того не замечая, кому они служат.

В тесной связи с горделивой самостью находится лукавство, или неискренность, которая заставляет человека одно думать или говорить, а другое – делать. Этот порок

также чрезвычайно характерен для нашего времени, которое, по преимуществу, можно назвать лукавым временем. Необходимо вспомнить при этом, что ведь и сатана носит имя «лукавого», слова Молитвы Господней: «Но избави нас от лукавого» как раз и имеют в виду сатану. Лукавство и неискренность и сближают человека с сатаной.

Наконец, нельзя не обратить внимания на до крайности усилившуюся в наши лукавые дни особо изощренную страсть к пересудам и клевете, страсть, никого теперь не щадящую – даже лиц весьма высокостоящих и заслуживающих всяческого уважения. Хорошо говорит о происхождении этой зловредной страсти, так расстраивающей добрые человеческие взаимоотношения и отравляющей жизнь, святитель Феофан, Вышенский Затворник: «Дух пересудливости за все цепляется, и все представляет в мрачном виде беззаконности и пагубности... В то же самое время пересудчик сам готов на недобрые дела, лишь бы только никто не видал, и непременно состоит в недобром порядке, в каком-либо отношении: он как будто затем и судит и осуждает, чтобы чувство правды, оскорбленное и подавленное в себе, вознаградить нападками на других, хотя бы то и неправыми» (*«Мысли на каждый день года» стр. 350*).

А язвительная и злобная клевета, которая иногда бывает способна морально убить человека – разве это не подлинно сатанинское дело? Кто в наше время порою не делается жертвой такой клеветы, иной раз в порядке мести за обманутые порочные надежды или за действительное разоблачение преступности? Сатана, вдохновляющий на такую клевету, и называется поэтому еще дьяволом, что в переводе на русский язык как раз и значит: «клеветник».

Вот, все эти губительные свойства и качества и сближают поддавшегося им несчастного человека с сатаной, удаляют его от Бога и делают приспешником и жалким орудием противника Божия – сатаны, или дьявола.

Еще не так давно мы только понаслышке знали, что существует тайный культ сатаны, что имеются секты дьяволопоклонников, которые совершают «черные мессы». Но вот, в наше время «тайное» стало «явным». Сатанисты почти уже не скрывают себя, по крайней мере, некоторые разряды их, открыто и нагло выступая даже по радио и телевидению и всех зазывая в свои ряды. Изображения сатаны бесстыдно ставятся теперь на публичных местах в городах и селениях, на ресторанах, носящих имя сатаны, на одеждах учащихся в современных «прогрессивных» школах, на самых разнообразных предметах современной продукции – словом, всюду мозолят глаза: сатана кем-то теперь усиленно пропагандируется и «популяризируется»!

Тех, кто ясно понимает, в какое страшное время мы живем, это нисколько не удивляет – так оно и должно быть! – но все же не может не ужасать. Но вот, другие – слепотствующие, почему-то остаются ко всему этому совершенно равнодушными, как бы ничего этого вовсе не замечая или считая это чем-то вполне нормальным. Так они постепенно, незаметно и втягиваются в орбиту все распространяющегося в мире сатанинского влияния, в сатанинскую обстановку и атмосферу.

А что уж говорить о христианских священнослужителях, которые, по заявлению самих сатанистов, входят в их сатанинские организации или хотя бы общаются с ними?!

Вот до чего мы дожили!!

Еще один страшный соблазн нашего времени, о котором нельзя не упомянуть.

Необходимо повиноваться законным властям, как церковным, так и гражданским. Первым бунтовщиком против законной Божеской власти – первым «революционером» как раз и был сатана, внесший этим страшную разруху, дисгармонию в совершенное Божие творение и породивший зло. Понятно поэтому, что св. Апостол Павел увещевает христиан: «Всяка душа властям предержащим да повинуется. Несть бо власть, аще не от Бога: сущия же власти от Бога учинены суть. Темже противляйся власти, Божию повелению противляется» (*Римл. 13, 1-2*).

Но как быть, если власть находится в руках сатанистов?

Вот почему вышеприведенные слова св. Апостола Павла и нельзя понимать буквально, безоговорочно, как многие теперь пытаются их толковать. Для правильного понимания этих слов надо обратиться к авторитету Св. Отцов Церкви. Вот как, например, толкует эти слова св. Иоанн Златоуст: «Неужели всякий начальник поставлен от Бога? – Не то говорю я, отвечает Апостол. У меня теперь идет речь не о каждом начальнике в отдельности, но о самой власти. Существование властей, причем одни начальствуют, а другие подчиняются... я называю делом Божией премудрости. Апостол рассуждает здесь вообще о существе власти, ибо «безначалие везде есть зло и бывает причиною беспорядка» (*Том IX, стр. 774*).

Прекрасно разъясняет эти слова св. Апостола, углубляя эту же мысль, св. Исидор Пелусиот: «Поэтому в праве мы сказать, что самое дело, разумею власть, то есть начальство и власть царская установлены Богом. Но если какой злодей-беззаконник восхитит сию власть, то не утверждаем, что поставлен он Богом, но говорим, что попущено ему изbleвать сие лукавство, как фараону, и в таком случае понести крайнее наказание, или целомудрить тех, для кого нужна жестокость, как царь вавилонский целомудрил иудеев» (*Творения, ч. II, письмо 63*).

Сами св. Апостолы дали нам наглядный пример того, как надо поступать, если власть не находится в руках «Божиих слуг» (*Римл. 13, 3-4*). Когда высшая духовная власть в иудейском мире – синедрион с первосвященниками во главе запретили им «говорить и учить об Имени Иисуса», они решительно отказались повиноваться, заявив: «Судите, справедливо ли пред Богом, слушать вас боле, нежели Бога?» (*Деян. 4, 19*) и вторично: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (*Деян. 5, 29*).

Мы знаем, что и антихрист, в конце времен, явится мнимо законной властью для всего человечества, как все-

мирный правитель – духовный и политически возглавитель мирового государства и новой лже-церкви в нем, и будет требовать себе от всех полного послушания и подчинения, как будто на законном основании, расправляясь со всеми ослушниками, как с «бунтовщиками».

Все это крайне необходимо знать и учитывать, отдавая себе ясный отчет в том, что, хотя самый принцип власти – от Бога, но далеко не «всякая власть» и не всякий начальник – «от Бога», ибо и сам сатана иногда «преобразуется во Ангела света» и «служители его принимают вид служителей правды» (*2 Кор. 11, 14-15*), почему и надо всегда помнить предостережение св. Апостола: «Блюдайте, како опасно ходите» и «не приобщайтесь к делом неплодным тьмы, паче же и обличайте!» (*Ефес. 5, 11-16*).

За видимой обманчиво привлекательной внешностью в наше время, более чем когда-либо прежде, скрывается весьма часто невидимое для поверхностного взора «безобразие» – мир «темных сил», вдохновляемых сатаной, которые уже готовы вступить с Богом, с верными Ему светлыми ангельскими силами и всеми истинно верующими христианами в «последний и решительный бой», ибо сатана чувствует, что «немного ему остается времени» (*Апок. 12, 12*).

Не будем поэтому обольщать себя и легкомысленно обманываться, дабы не оказаться в числе тех несчастных, «кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое или на руку свою» и кто потом «будет мучим в огне и сере пред святыми Ангелами и Агнцем» вместе со «зверем» и «лже-пророком», вверженными в «озеро огненное, горящее серою» (*Апок. 14, 9-10 и 19, 20*).

С Божией помощью, при содействии Ангела-Хранителя, будем всячески стараться хранить в чистоте наше духовное целомудрие, оберегая себя от всякого общения и даже малейшего соприкосновения с темными бесплотными силами и всеми их служителями, дабы радостно, чистым сердцем встретить нашего Господа и Спасителя, «паки Грядущаго со славою судити живым и мертвым», в сопровождении светлых «честных небесных сил бесплотных», когда Он придет, как Сам это обещал, «во Славе Своей, и вси святии Ангели с Ним» (*Мф. 25, 31*).

«Се, гряду скоро», говорит Он нам чрез Своего дивного Тайновидца: «и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его» (*Апок. 22, 12*).

Блажен, воистину блажен тот, кто может от всего сердца, искренно воскликнуть: «Ей, гряди, Господи Иисусе!» (*Апок. 22, 20*). Аминь.

ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО

Воскресение Христово есть основа нашей веры христианской, православной. Воскресение Христово есть та первая, важнейшая, великая истина, возвещением которой начинали свое благовестие после сошествия Святого Духа апостолы. Как крестной Христовой смертью совершенно наше искупление, так Его воскресением дарована нам вечная жизнь. Поэтому воскресение Христово есть предмет постоянного торжества Церкви, неумолкающего ликования, достигающего своей вершины в праздник святой христианской Пасхи.

Спасительными плодами воскресения Христова являются:

- а) победа над адом и смертью;
- б) блаженство святых на небесах и начало бытия Небесной Церкви;
- в) ниспослание Духа Святого и создание Христовой Церкви на Земле.

Победа над адом и смертью

Человеческое существование после потери рая имеет две формы: земная – телесная жизнь и загробная жизнь.

Земная жизнь заканчивается телесной смертью. Душа и после телесной смерти сохраняет свое бытие, но состояние ее за гробом, по слову Божию и по учению Отцев Церкви, бывает разное. До пришествия на землю Сына Божия и до воскресения Его из мертвых души умерших находились в состоянии отверженности, в удалении от Бога, в мраке, в аде, в преисподней (*евр.: шеол, Быт. XXXVII, 35*). Пребывание во аде было подобно духовной смерти, как это выражено в словах ветхозаветного псалма: «во аде же кто исповестся тебе» (*Пс. VI, 6*). Во аде заключены были и души ветхозаветных праведников. Эти праведники жили на земле верой в грядущего Спасителя, как это разъясняет ап. Павел в XI гл. послания к Евреям, и по смерти томились в ожидании искупления их и освобождения. Так продолжалось до воскресения Христова, до наступления Нового Завета: «все сии свидетельствованные в вере не получили обещанного, потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства» (*Евр. XI, 39-40, по русск. переводу*). Наше избавление было и их избавлением.

Христос после Своей крестной смерти сошел душою Своею и Своим Божеством во ад, в то время как Его тело находилось во гробе, благовествовал пленникам ада спасение и извел оттуда всех ветхозаветных праведников в светлые обители Царя Небесного (*Правосл. Исповедание, ч. I*). Об этом изведении праведников читаем в послании ап. Петра: «Христос единою от гресех наших пострада, праведник за неправедники, да приведет ны богови, умерщвлен убо бысть плотию, ожив же духом: о немже и сущим в темнице духовом сошед проповеда» (*1 Петр. III, 18-19*). «На се бо и мертвым благовестися, – читаем там же далее, – да суди убо примут человеку плотию, поживут же

по Бозе духом» (*1 Петр. IV, 6*). О том же говорит и ап. Павел, а именно, приведя стих псалма «Взошед на высоту, пленил еси плен и даде даяния человеку», апостол продолжает: «а еже взыде, что есть точию тако и сниде прежде в дольний страны земли; сшедый той есть и возшедый превыше всех нас, да исполнится всяческая» (*Ефес. IV, 8-10*).

Говоря словами св. Иоанна Златоуста, «ад пленен сошедшим в него Господом, упразднен, поруган, умерщвлен, низложен, связан» (*слово на Пасху*).

С разрушением затворов ада, то есть неизбежности ада, уничтожена и сила смерти. Во-первых, смерть для праведных людей явилась лишь переходом из дольних в горняя, к лучшей жизни, к жизни в свете Царствия Божия; во вторых, сама смерть телесная стала только временным явлением, ибо нам открыт воскресением Христовым путь к всеобщему воскресению. «Ныне же Христос воста от мертвых, начаток умершим бысть» (*1 Кор. XV, 20*). Христово воскресение есть залог нашего воскресения: «Якоже бо от Адаме вси умирают, такожде и от Христе вси оживут веровавши в пришествии его» (*1 Кор. XV, 22-23*). Затем смерть будет окончательно уничтожена: «Последний же враг испразднится смерть» (*1 Кор. XV, 26*).

О победе над адом и смертью особенно радостно возвещает нам тропарь св. Пасхи: «Христос воскреси из мертвых, смертью смерть поправ, и сущем во гробех живот даровав».

Блаженство святых на небе и начало бытия великого Царства Христова – небесной торжествующей Церкви

Перед Своим отшествием ко Отцу Господь Иисус Христос говорил апостолам: «В дому Отца Моего обители многи есть: аще ли же ни, рекл бых вам: иду уготовати место вам. И аще уготовлю место вам, паки прииду и поиму вас к себе: да, идеже есмь аз, и вы будете» (*Ин. XIV, 2-3*). Спаситель молился ко Отцу: «Отче! Их же дал еси мне, хочу, да, идеже есмь аз, и тии будут со мною: да видят славу мою, юже дал еси мне» (*Ин. XVII, 24*). И апостолы выражают желание «разрешиться, и со Христом быти», – зная, что они имеют «храмину нерукотворную, вечну на небесех» (*Филип. I, 23. – 2 Кор. V, 1*).

Изображение жизни святых на небе дано в Апокалипсисе. Св. Иоанн Богослов видел окрест престола Божия на небеси «двадцать и четыре престола» и на них старцев, облаченных в белые одежды и имеющих золотые венцы на

главах (Апок. IV, 4); видел под небесным алтарем «души избивенных за слово Божие и за свидетельство, еже имеях» (Апок. VI, 9); и еще видел «народ мног, от всякого языка и колена, и людий и племен», стоящий перед престолом и пред Агнцем и взывающий: «Спасение сядящему на престоле Богу нашему и Агнцу» (Апок. VII, 9-10).

Светлые обители Дома Небесного Священное Писание называет «Градом Бога Живаго», «горой Сионом», «небесным Иерусалимом», «Церквию первенцев, написанных на небесах».

Так открылось великое на небесах Царство Христово. В него вошли души всех праведников и благочестивых людей Ветхого Завета, те, о ком апостол сказал: «Все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного» (до пришествия на землю Сына Божия и общего спасения), «дабы они не без нас достигли совершенства», т. е. радости и блаженства в Небесной Христовой Церкви. В это Царство в Новом Завете вошли первые уверовавшие во Христа: апостолы, первомученики, исповедники, — и так до конца мира наполняется Небесный Дом — Иерусалим горний, житница Божия, доколи не придет в совершенную полноту. Так поучает Симеон Новый Богослов: «Надлежит родиться всем предуведанным от Бога и наполниться превысшему сего мира миру Церкви первородных, Иерусалиму небесному; и тогда совершится полнота тела Христова, приняв в себя всех предопределенных от Бога быть сообразными образу Сына Его, кои суть сыны света и дня. Таковые все суть предопределенные и преднаписанные и в число спасенных включенные, и имеют соединиться и сочетаться с телом Христовым, и не будет уже у Него недоставать ни одного члена. Так есть воистину, как открывает апостол Павел, говоря: «Дондеже достигнем вси в соединение веры... в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова...» Когда они собраны будут и составят полное тело Христово, тогда и вышний мир, Иерусалим небесный, который есть Церковь первородных, наполнится, и тело царицы Божией Церкви, которая есть тело Христа Бога, явится всецело полным и совершенным» (Симеон Новый Богослов, слово 45).

По учению Священного Писания, блаженство душ праведных на небесах состоит: в покое, или успокоении от трудов, в непричастности к печалям и страданиям (Апок. XIV, 13; VII, 16), в возлежании, и следовательно в ближайшем общении, с праотцами и прочими святыми, во взаимном общении между собою и с тьмами ангелов, в стоянии пред престолом Агнца, прославлении Его и служении Ему, в общении и соцарствии со Христом, в лицезрении Бога.

Блаженство душ праведных на небесах соответствует степени их духовного совершенства. Вообще же, по учению Церкви, блаженство это не есть еще полное и совершенное, а только предначатие того вечного блаженства, которое наступит после Всеобщего Суда (Послание Восточных Патриархов).

Ниспослание Духа Святого и создание Церкви Христовой на земле

Господь Иисус Христос в беседе с учениками обещал им послать Духа Святого, Утешителя, Который пребудет с ними во век, Духа истины, Который научит их всему и напомним все, что Он Сам говорил им, и будущее возвестит им. Явившись после воскресения ученикам Своим, Господь преподавал им благодатную силу Духа Святого со словами: «Приимите Дух Свят: имже отпустите грехи, отпустятся им и имже держите, держатся (Ин. XX, 21-23). И через десять дней по вознесении Своем, Господь, согласно Своему обетованию, ниспослал на учеников в день Пятидесятницы Духа Святого в виде огненных языков.

Нисшествие в мир Духа Святого выразилось, во первых, в чрезвычайных дарованиях апостолам в виде знамений, исцелений, пророчеств, дара языков, — и, во вторых, во всех благодатных силах, ведущих верных Христовых к духовному совершенствованию и ко спасению.

В Духе Святом, в Его Божественной силе, «даровано нам все потребное для жизни и благочестия» (2 Петр. I, 3). Эти благодатные дары находятся в созданной Господом Его Святой Церкви на земле. Они составляют средства нашего освящения и спасения.

ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ

О Царь и Бог мой! Слово силы
Во время оно Ты сказал, —
И сокрушен был плен могилы,
И Лазарь ожил и восстал.
Молю, да слово силы грянет,
Да скажешь: «Встань!» душе моей, —
И мертвая из гроба встанет
И выйдет в свет Твоих лучей;
И оживет, и величавый
Ее хвалы раздастся глас
Тебе — сиянью Отчей славы,
Тебе — умершему за нас!

А.С. Хомяков

В ВЕЛИКУЮ СУББОТУ

Ночь холодная всеня...
В небе тихий перезвон...
Чу! рыдающее пение,
Чьи-то вздохи, чей-то стон..
«Свяый Боже...» Скорби полные
Звуки ширятся, растут.
Пробудитесь, души сонные:
Агнца Божия несут!
Ночь холодная весенняя...
В небе тихий перезвон...
Он Христа на погребение
Провожает, думы полн...
Чу... вы слышите рыдание?
«О увы Мне, Свете Мой!»
Воплощенное страдание,
Здесь идет Она с толпой.

Вслед за нею мироносицы,
И Иосиф, Никодим...
Над землею трепет носится:
Бог во гробе, недвижим!

Ночь холодная, весенняя...
В небе тихий перезвон...
Прочь, души оцепенение!
Прочь лукавый тяжкий сон!

Люди-братья! Песней скорбную
Провожать Христа пойдем!
Плащаницей благовонную
Его тело обовьем,

Но не в гробе у богатого
Его плачем погребем, —
Заклучим Христа Распятого
В сердце любящем своем!

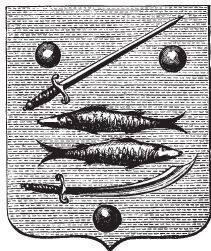
А.Ф. Платонова

НАШИ ХРАМЫ

Г.А. Синякова

РУССКАЯ НАРВА

Город Нарва обязан своим происхождением тому религиозному движению, которое в конце XII века охватило католический север Европы и имело своей целью распространение христианства среди языческих племен. В начале XIII века в северную Эстонию вторглись крестоносцы, которых благословила на захватническую войну католическая церковь во главе с римским папой Иннокентием III. Языческая религия древних эстов была насильно заменена христианской. Постепенно покоряя эстонские земли, датчане дошли до реки Наровы. Принадлежащее королю село под названием Нарвия впервые упоминается в датской оценочной книге в 1240 году, в конце XIII века датские захватчики основали замок на левом берегу реки Наровы. В 1345 году Нарва приобрела права города. На завоеванных территориях учреждались епископства, возводились здания церквей.

Земли на правом берегу Наровы принадлежали Великому Новгороду (позднее – Московскому государству), и население их со времен равноапостольных княгини Ольги и князя Владимира исповедывало Православную веру. Со временем проповедь Православия обратила к Церкви и местное, некогда языческое финское (ижорско-водское) население, а отчасти и чудь (эстонцев).

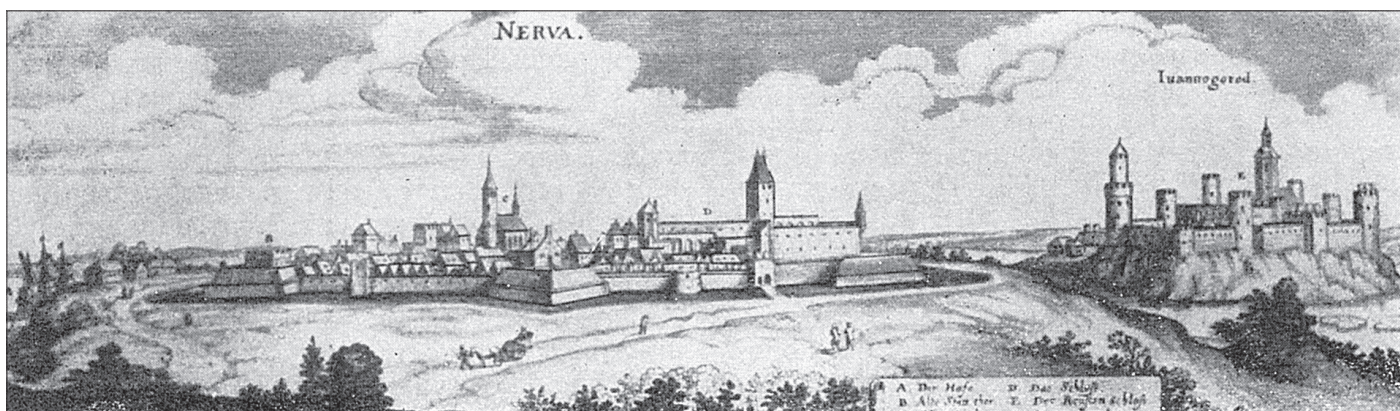
Храмы с древнейших времен составляли неотъемлемую часть городской панорамы. Построенные в разное время и в

различных архитектурных стилях, в какой-то мере отразившие историю города, испытавшего на себе влияние захватчиков-чужеземцев, они придавали Нарве особый колорит. Менялись правители Нарвы, менялось и вероисповедание. Утверждая на местах свою власть, новые завоеватели начинали, прежде всего, со строительства или переосвящения церквей. Некоторые церкви переосвящались несколько раз.

Точная дата основания первого храма в Нарве неизвестна. Вероятно, его выстроили датчане. Впервые о церкви упоминается в письменных источниках в 1345 году. Постройка была деревянной. Можно предположить, что она находилась на территории замка или перед ним.

Во второй половине XV века, когда Нарва находилась под властью Ливонского ордена, немцы построили каменное здание храма. Он был основан первоначально как католический и посвящен святой Деве Марии. Церковь принадлежала магистрату. В первой половине XVI века она превратилась в протестантскую.

Первые православные храмы были построены в городе после того, как в 1558 году Нарва была взята русскими войсками. Эта победа в начале Ливонской войны имела исключительно важное значение для Российского государства, стремившегося пробиться к Балтийскому морю. По данным Н. М. Карамзина, в 1558 году Иван IV приказал «очистить место от веры Латинской и Лютеровой» в завоеванном крае и построить в Нарве два православных храма – один в городе,

Нарва и Ивангород. Гравюра М. Мериана, середина XVII в.

Нарва. Общий вид на город с башни Германовского замка. В центре – кафедральный православный Спасо-Преображенский собор. Справа – бывшая шведская Домская церковь, служившая с 1704 по 1708 гг. как православная церковь св. блгв. кн. Александра Невского, переданная в 1733 г. указом Сената городскому лютеранскому приходу. Оба храма не сохранились, разрушены в 1944 г. Слева – здание ратуши. Фото 1930-х гг.

второй в крепости. Первое каменное здание возвели в Старом городе. Церковь была небольшой, одноглавой, с квадратным планом. На территории Нарвского замка следов древнего православного храма не обнаружено. Можно предположить, что второе здание было сооружено на территории Ивангородской крепости одновременно с нарвским храмом. Две вышеназванные православные церкви действовали недолго – до взятия в 1581 году шведами Нарвы и Ивангорода. С 1581 по 1704 гг. Нарва находилась под властью шведов.

В XVII веке в городе были построены два новых храма – Домский собор для шведской общины и церковь финского прихода, освященная во имя св. Михаила. К середине XVII века значение Нарвы как одного из главных военно-административных и религиозных центров шведских владений в Прибалтике возрастает. В период шведского господства (1581-1704 гг.) доминирующая роль в религиозной жизни города принадлежала про-

тестантской церкви. До 1640 года Нарва относилась к церковному округу, подчиненному таллиннскому епископу, а с 1646 года стала самостоятельным центром нового округа. В это время по указу шведской королевы Кристины в Нарве была учреждена провинциальная евангелическая консистория, предназначенная для Ингерманландии. Она просуществовала до 1833 года. В городе постоянно пребывал суперинтендант – глава церковного округа, консистория находилась при Домском королевском кафедральном соборе. Шведское духовенство активно вело пропаганду лютеранской веры среди православных. Православие сохранялось и существовало наряду с лютеранством, но притеснялось со стороны властей. Одни православные храмы закрывались, другие преобразовывались в протестантские. Однако шведскому правительству не удалось провести реформацию в Ингерманландии и в особенности в Ивангороде.

9 августа 1704 года в ходе Северной войны Нарва была взята штурмом русскими войсками. В связи с этим произошли большие изменения в религиозной жизни города. Обе церкви (немецкая и шведская) были отобраны. Шведская церковь была переосвящена в православную во имя св. Александра Невского. С 15 августа 1704 года по 28 июня 1708 года (до открытия Спасо-Преображенского собора) в ней совершались православное богослужение. С 1708 по 1733 гг. эта церковь была закрыта. Немецкая средневековая церковь, освященная во имя св. Иоанна Иерусалимского, с 1704 по 1708 гг. не использовалась. В 1708 году ее переосвятили в православный храм во имя Преображения Господня. С этого времени немецкая и шведская общины навсегда потеряли свои храмы.

Немецкий приход был одним из самых старых в городе, и ему принадлежала средневековая церковь. В 1708 году большая часть немецкой общины по при-

Нарва. Дворец Петра Великого. 1708 г. Арх. Д. Трезини (?). Не сохранился. Фото конца XIX в.

Нарва. Ратушная площадь с обелиском, установленным в 1872 г. в память 200-летия со дня рождения Петра Великого (снят в 1922 г.). Фото начала XX в.

казу Петра I была выселена из Нарвы в Россию, а ее церковь переосвящена в православную. Переселение носило временный характер до окончания Северной войны: Петр I опасался измены. К 1718 году в Нарву вернулась примерно одна треть бывших прихожан. Из-за отсутствия храма свои богослужения они стали проводить в ратуше, позднее в зале биржи. С возвращением ссыльных нарвитян у прихода появилась необходимость иметь собственный храм. Идя навстречу многочисленным просьбам членов общины, в 1733 году с согласия императрицы Анны Иоанновны им передали в бессрочное пользование бывшую шведскую церковь (Домский собор), которая стояла закрытой. В память о прежней немецкой церкви ее называли Иоанновской. Немецкий приход владел большой собственностью и славился своими видными членами. Его деятельность продолжалась до Второй Мировой войны. В 1939 году приход был ликвидирован в связи с отъездом немцев из Эстонии в Германию.

С начала XVII века в городе уже существовали финская и шведская общины. В 1708 году шведов, так же как и немцев, выселили из Нарвы. Они стали возвращаться в Нарву в конце Северной войны. Но вернулось их немного. В 1727 году шведская община объединилась с финской. Теперь был создан шведско-финский приход, две общины совместно построили церковь. Пасторы проводили службу сначала на финском языке, затем на шведском. Шведский приход постепенно сильно сокращался и к середине XIX века распался. Много лет службы проводились только на финском языке, несмотря на это приход сохранял название шведско-финский. Ништадтский мирный договор 1721 года даровал свободу вероисповедания всем новым подданным русского царя.

Рядом с лютеранскими храмами мирно соседствовали православные церкви. В XVIII веке в Нарве

было построено 6 православных храмов, из них – три полковых и один гарнизонный. В Ивангородском пригороде, на горке, возвели два храма для войска: во имя Рождества Христова и во имя Знамения Божьей Матери, недалеко от госпиталя был устроен храм для Низовского полка. Кроме того, были восстановлены для православного богослужения две церкви на территории Ивангородской крепости. В конце XVIII века построили еще один полковой храм в северной части Нарвы, на улице, ведущей к устью реки Наровы. В XIX веке и начале XX века строительство православных храмов продолжается. В южной части города был построен храм во имя Воскресения Христова, предназначенный для рабочих Кренгольмской мануфактуры. В Старом городе Санкт-Петербургским епархиальным братством во имя Пресвятой Богородицы была устроена школа с церковью во имя св. кн. Владимира. На территории Нарвского замка находилась церковь 92-го пехотного Печорского полка, расквартированного в Нарве. На Ивангородской стороне построили на горке храм во имя свт. Николая Чудотворца, Петропавловскую церковь на кладбище и Свято-Троицкую церковь на правом берегу Наровы, поблизости от водопадов. Первые богослужения для православных эстонцев стали совершаться с 1880 года священниками Знаменской церкви. В 1895 году в городе был официально открыт эстонский православный приход. В 1904 году было основано Нарвское подворье Илецкого Николаевского женского монастыря Оренбургской епархии, в 1913 году начали строить монастырскую церковь в Ивангородском пригороде.

Как пограничный город, Нарва на протяжении веков сохраняла в своей демографической картине многонациональность. Здесь проживали немцы, шведы, финны, эстонцы, русские и представители других национальностей.

На протяжении столетий эстонцы лютеранского вероисповедания не имели в Нарве собственного храма. Начиная с XVII века, эстонская община существовала в составе финского прихода. Богослужения совершались в финской

Уголок старой Нарвы. Фото начала XX в.

церкви. Во второй половине XIX века в городе значительно увеличился удельный вес эстонцев в связи с притоком рабочей силы в текстильную промышленность. Приход быстро увеличивался, а своей церкви по-прежнему не имел. В 1866 году был основан самостоятельный городской эстонский приход, который через 20 лет построил храм. Его освятили в честь св. Петра, а приход получил название Петровский. Эстонские фабричные жители района Кренгольмской мануфактуры создали отдельный приход, для них в 1884 году на средства текстильного акционерного общества построили храм во имя св. Александра.

В Российской империи православные приходы, находившиеся в Нарве, составляли часть Русской Православной Церкви. После образования в 1708 году Ингерманландской губернии, переименованной в 1719 в Санкт-Петербургскую, город с пригородами-форштадтами (Нарвским, Ивангородским и созданным впоследствии Петровским) вошел в состав новой губернии. Южная часть города (район Кренгольмской мануфактуры), возникшая в середине XIX века, отошла к Эстляндской губернии. В связи с таким административным делением все православные приходы Нарвы состояли в Санкт-Петербургской епархии, за исключением прихода Воскресенской церкви, которая относилась к Рижской епархии.

В период существования Эстонской Республики (1918-1940 гг.) все православные приходы Эстонии составляли Эстонскую Апостольскую Православную Церковь (ЭАПЦ). В 1923 году ЭАПЦ вышла из подчинения Московского патриархата и перешла под юрисдикцию Константинопольского. В 1924 году в Эстонии были созданы две епархии: Нарвская и Таллиннская. К Таллиннской епархии были причислены все эстонские и смешанные приходы, а к Нарвской – все русские. Обе епархии не имели замкнутых территориальных границ, они состояли из приходов, рассредоточенных по всей Эстонии, причем в некоторых городах, в том числе и Нарве, имелись приходы обеих епархий. Нарвская епархия канонически управлялась епархиальным архиереем, Нар-

вский Спасо-Преображенский собор стал кафедральным.

Нелегким испытанием оказались для Церкви годы революции, Освободительной войны и большевистского правления. В период Эстляндской Трудовой Коммуны (28 ноября 1918 года – 19 января 1919 года) все церкви в городе закрылись, из-за начавшихся репрессий ду-

ховенство вынуждено было бежать из города. После ухода большевиков церкви в городе вновь открылись и службы возобновились. Во время Освободительной войны (1918-1920 гг.) некоторые храмы в ходе военных действий подверглись разрушению. Православная Церковь в Эстонии в (1918-1940 гг.) в отличие от Советской России избежала революционных потрясений. Поэтому даже вольнодумцы, с любопытством поглядывавшие на советский строй, не осмеливались противопоставлять себя Церкви.

В 1940 году в Нарве вместе с Ивангородом насчитывалось 16 церквей, из них 11 православных, 4 лютеранских, 1 католический костел. Кроме того, в городе имелись молитвенные дома и одна синагога. Население Нарвы составляло 23 тыс. человек.

Резюмируя все вышесказанное, можно сказать, что на протяжении столетий Нарва оставалась многонациональным городом, поэтому палитра религиозной жизни была разнообразной. С начала XVIII века до Иторой Мировой войны ведущая роль принадлежала Русской Православной Церкви.

Во время военных действий под Нарвой в 1944 году город был почти полностью разрушен, в том числе пострадали и храмы. Из довоенных церквей в Нарве сохранились Воскресенская и Александровская церкви, последняя полуразрушена. В Ивангороде (входящем ныне в состав Российской Федерации) восстановлены две церкви на территории крепости – Успенская и Никольская, две другие, Свято-Троицкая и Петропавловская, требуют реставрации. Остальные храмы уничтожены. Многие церковные ценности погибли безвозвратно. Нарва понесла невосполнимые потери.

Памятник русским воинам, погибшим при взятии Нарвы в 1704 г. Установлен в 1853 г. Перенесен на бастион Виктория в 1882 г.

Использованные фонды Эстонского исторического архива

1. Фонд 1655 - Синод Эстонской апостольской православной церкви.
2. Беренс В., прот. Приходы г. Нарвы. Таллинн, 1974. Рукопись.

Литература

1. Из истории православия к северу и западу от Великого Новгорода. Л., 1989.
2. История ЭССР. Т. 3. Таллинн, 1974.
3. Коченовский О. Нарва. Градостроительное развитие и архитектура. Таллинн, 1991.

4. Лавры, монастыри и храмы на святой Руси. Санкт-Петербургская епархия. СПб, 1908.

5. Митрополит Алексей. Очерки по истории православия в Эстонии. Ленинград. 1984, т. I.

6. Петров А. Город Нарва. Его прошлое и достопримечательности. СПб, 1901.

7. Ругодивцев Н. Город Нарва. Краткий очерк. СПб, 1873.

8. Эфендиев Э. Нарва. Путеводитель. Таллинн, 1990.

9. Hansen H. Geschichte der Stadt Narva. Dorpat, 1858.

10. Karling S. Narva. Eine baugeschichtliche Untersuchung. Tartu, 1936.

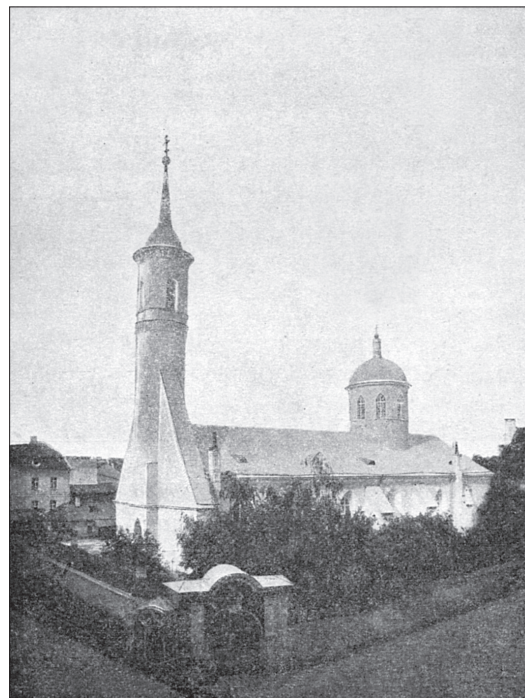
Спасо-Преображенский собор

*Нарва. Вышгородская ул., угол Вирской ул.
(в 1920-1930-е гг. – Suur, 11), ныне Suur, 13*

Собор являлся старейшим храмом Нарвы. Впервые о строительстве его упоминается в 1442 году. Известно, что в 1445 году здесь совершались богослужения, а в 1460 году постройка сгорела. В 1467 году восстановили стены здания и приступили к строительству крыши. В 1519 году возвели своды над алтарной частью. Внутренние отделочные работы велись еще длительное время. Среди исследователей существует мнение о том, что нарвскую городскую церковь построили таллиннские мастера, поскольку Таллинн выделял большие средства на строительство храма, а впоследствии – для содержания церкви и духовенства.

При возведении храма был использован местный материал – известняк. Здание имело в плане форму прямоугольника размером 47х20 м. Церковь относилась к распространенному в северной Эстонии зальному типу. Три одинаковых по высоте и ширине нефа перекрывались крестовыми сводами. С южной стороны стена подпиралась мощными пилонами – контрфорсами. Восьмигранные внутренние пилоны венчались простыми капителями. Четырехугольная в основании башня под самым коньком кровли переходила в круглую. Сооружение было массивным, потому что при строительстве в средневековье обращалось внимание не столько на красоту, сколько на обороноспособность здания при неприятельской атаке. В более позднее время наружный вид церкви подвергся большим изменениям после неоднократных перестроек.

Храм был основан первоначально как католический, посвящен святой Деве Марии. В нем имелось несколько алтарей. Церковь принадлежала немецкой общине. Кроме богослужений здесь проводились собрания

*Нарвский Спасо-Преображенский
кафедральный собор. Фото начала XX в.*

Нарвского магистрата и судебные заседания. Два члена магистрата являлись опекунами церкви.

В первой половине XVI века, во время реформации, церковь подверглась разгрому, затем ее помещения приспособили для евангелического лютеранского богослужения. Храм освятили во имя святого Иоанна Иерусалимского.

По традиции того времени знатных людей хоронили в храмах. Семьи нарвского патрициата имели свои склепы под полом церкви, в храме находилось много надгробных плит, которые указывали на места захоронений. До настоящего времени сохранилось 20 фрагментов надгробных памятников, которые составляли пол церкви. Хроника Ниеншtedта, составленная в 1604 году свидетельствует о захоронении, которое относилось к 1502 году.

Во время большого пожара и штурма города русскими войсками 11 мая 1558 года церковь не пострадала. В период кратковременного вхождения Нарвы в состав Русского государства (1558-1581 гг.) храм, вероятно, продолжал существовать в качестве лютеранского. Среди исследователей существует гипотеза о том, что его переосвятили в православный, однако она документально не подтверждена.

В 1590 году, во время осады города войсками Бориса Годунова, были разрушены крыша и башня церкви. В 1606 году мастером Даниэлем Баумейстером построена новая башня. Башня церкви часто горела: в 1529, 1610, 1659 и 1781 годах, но каждый раз восстанавливалась.

Спасо-Преображенский собор. Интерьер

В последний раз ее восстановили в 1842 году.

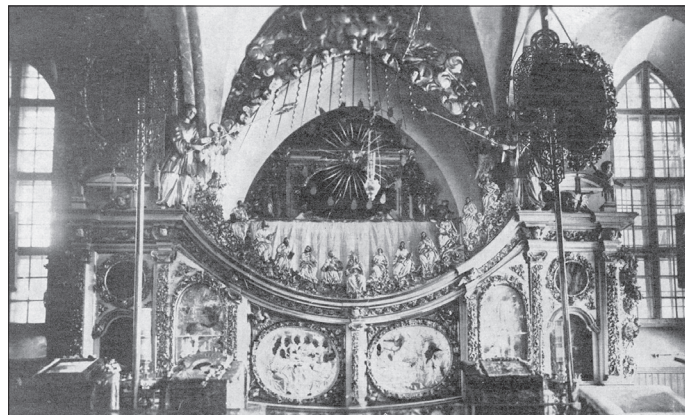
В 1696 году, после эпидемии чумы, были построены новые ворота ограды кладбища, окружавшего церковь. Они получили название «Ворота смерти». Барельеф на воротах воплощал символы жизни и смерти. Авторами этой работы являлись скульптор из Саксонии Йоханн Георг Герольдт и его помощник каменотес Якоб ван дер Капелле.

С 9 августа 1704 года по 28 июня 1708 года церковь была закрыта. Четыре года в ней не проводилось никаких богослужений. По мнению исследователя Нарвы Г. Ганзена, Петр I намеревался возвратить храм немцам, но после ссылки в Россию большинства жителей Нарвы в 1708 году необходимость в этом отпала. 29 июня 1708 года бывшую Иоанновскую церковь, принадлежавшую немецкому приходу, переосветили в присутствии Петра I в православный храм во имя Спаса Преображения.

Преобразование лютеранской церкви в православную привело к созданию нового интерьера. Примечательным, уникальным художественным произведением стал иконостас Спасо-Преображенского собора. Предположительно в работах по перестройке церкви принимал участие известный архитектор Доменико Трезини, ранее работавший в Петербурге.

В 1733 году в собор были переданы иконостас, образа, 7 колоколов и другое церковное имущество из Александрово-Невской церкви (бывшего шведского Домского собора) в связи с передачей последней немецкой общине.

Во второй половине XVIII века к северной стороне собора был пристроен придел во имя свт. Николая Чудотворца, ставший впоследствии самостоятельным храмом. Эта зимняя церковь возведена на средства нарвского купца Демидова.

Иконостас Спасо-Преображенского собора

В первой половине XIX века она была увеличена и обновлена на деньги купца и церковного старосты Абрама Аникетовича Лаврецова. Храм стал местом хранения исторической достопримечательности – иконы Святителя Николая Чудотворца, по преданию уцелевшей во время пожара в 1558 году. В настоящее время она находится в Нарвском Воскресенском соборе.

С 1708 по 1944 гг. в Спасо-Преображенском соборе, находившемся в Старом городе, совершалось православное богослужение. До Второй Мировой войны он был единственным памятником средневековой архитектуры в Нарве, за исключением оборонительных сооружений.

В 1944 году, во время военных действий под Нарвой собор был разрушен. Руины его снесены в 1950-х годах.

Использованные архивные и музейные фонды

1. Эстонский исторический архив. Фонд 1655 – Синод Эстонской Апостольской Православной Церкви.
2. Эстонский исторический архив. Беренс В., прот. Приходы города Нарвы. Рукопись. Таллинн, 1974.
3. Нарвский музей. Ганзен Г. Известия о греко-российских церквях в городе Нарве. Рукопись. Нарва, 1861.
4. Beilage zum Sitzungsbericht der Narvaschen Alterthums Gesellschaft vom 13. Oktober 1865. Narva, 1865.

Литература

1. Вертоградский Н. Спасо-Преображенский собор в городе Нарве. (1708-1908 гг.). Нарва, 1908.
2. Виды города Нарвы и его окрестностей. Альбом / Сост. Владимирский В., Майков В. Нарва, 1886.
3. Косточкин В. Нарва. М., 1948.
4. Коченовский О. Нарва. Градостроительное развитие и архитектура. Таллинн, 1991.
5. Лавры, монастыри и храмы на святой Руси. Санкт-Петербургская епархия. СПб, 1908.
6. Петров А. Город Нарва. Его прошлое и достопримечательности. СПб, 1901.
7. Hansen H. Geschichte der Stadt Narva. Dorpat, 1858.
8. Karling S. Narva. Eine baugeschichtliche Untersuchung. Tartu, 1936.

Разрушенный Спасо-Преображенский собор. 1944 г.

Священники Спасо-Преображенского собора

Священник Иоанн Андреев, 1779
Священник Петр Иоаннов, 1780
Протоиерей Ефим Васильев, 1811
Священник Матвей Васильев, 1811
Протоиерей Иоанн Прокопьев, 1805-1820
Протоиерей Иоанн Кириллов-Васильев, 1820-1853
Священник Федор Иоаннов Тигодский, 1820-1841
Священник Алексей Иванов, 1820
Протоиерей Иоанн Кедров, 1831-1860
Священник Петр Силин, 1831
Священник Косьма Турский, 1834
Протоиерей Александр Скороботов, 1841-1880
Священник Петр Кедров, 1848
Священник Василий Смирнов, 1860-1875
Священник Александр Гумилевский, 1866-1867
Протоиерей Петр Иовлев, 1867-1905
Протоиерей Иоанн Любимов, 1880-1897
Священник Николай Кедров
Священник Николай Дроздов, 1897
Священник Григорий Лебедев, 1899

Священник Георгий Дьяконов, 1899-1903
Священник Николай Сахаров,
Протоиерей Василий Альбов, 1897
Священник Лев Петровский, 1905
Протоиерей Алексей Братолобов, 1905-1908
Священник Александр Фаворский, 1905-1913
Священник Владимир Георгиевский, 1915
Священник Павел Борзов
Протоиерей Алексей Павский, 1915-1939
Протоиерей Павел Дмитриевский, 1919-1937
Протоиерей Николай Цветаев, 1925-1927
Священник Александр Гуковский, 1938-1940
Протоиерей Павел Калинин, 1938-1942
Священник Владимир Благовещенский, 1939-1939
Священник Михаил Лукканен, 1939-1941
Священник Николай Верхоустинский, 1940-1941
Священник Сергей Романов, 1943-1944
Священник Ливерий Воронов, 1943-1944
Протоиерей Владимир Иродионов, 1943-1944
Священник Сергей Каргай, 1944
Священник Иаков Тимофеев, 1944-1944

Церковь Успения Пресвятой Богородицы в Ивангородской крепости

Ивангород, Зеленая ул., 1

История создания храма до сих пор до конца не выяснена. Он подвергался многочисленным перестройкам, поэтому трудно определить время его создания. Исследователи расходятся во мнениях в определении точной даты основания церкви, причем в довольно большом промежутке времени – от конца XV до середины XVI вв.

По одной из гипотез основание храма относится к 1492 году, времени закладки крепости на Девичьей горе. Версия подтверждается ссылкой на формуляр крепости, где сказано, что строительство Ивангорода окончено в день Успения Пресвятой Богородицы. В честь создания важного форпоста на Балтике мог быть построен храм.

Успенская и стоящая рядом Никольская церкви имеют ряд общих черт. Сходство внешнего облика и целого ряда форм, свойств и качеств дают основание предположить, что оба храма были построены одновременно. Однако дата постройки церкви во имя свт. Николая Чудотворца тоже является спорной.

Возможно, храм был возведен во время строительства Большого Бояршего города (составной части Ивангородской крепости) в 1496 году. Или его строительство связывают с третьим этапом постройки крепости – созданием в 1507 году замка вокруг первоначального ядра крепости – Детинца.

*Церковь Успения
Пресвятой
Богородицы.
Фото начала XX в.*

Распространено также мнение, что церковь основана во второй половине XVI века. В 1558 году Нарва была взята русскими войсками. Это важное событие в начале Ливонской войны было ознаменовано постройкой нового храма.

Первое изображение церквей в крепости относится к 1615 году. На рисунке, выполненном секретарем гол-

ландского посольства Антониом Готтерисом (Anthonis Goeteeris), во внутреннем крепостном дворе – две церкви. Успенская церковь – большая постройка, состоявшая из двух зданий: собственно церкви и придела.

В 1681 году были сделаны проектно-обмерные чертежи церкви в связи с ее преобразованием в протестантскую. Они дают представление о ее виде и о тех изменениях, которые в то время планировались. Предполагалась перестройка купола. Храм должен был получить характерное барочное завершение. Внутри церкви планировалось установить скамейки, ряды которых показаны на одном из чертежей. Вход в здание в это время был устроен с восточной стороны. Шведы переоборудовали церковь, но при этом внешний облик существенно не изменился. Поскольку среди гражданского населения Ивангорода лютеран было немного, она предназначалась для гарнизона. Прежнее убранство было вынесено из храма. В связи с этим ивангородские купцы в своих ходатайствах, направленных шведскому королю, просили вернуть им иконы.

До Второй Мировой войны на колокольне церкви находилось 6 колоколов, два из них имели надписи на шведском и латинском языках. Цитаты из Священного писания были написаны на шведском языке, а сведения о происхождении и предназначении колоколов – на латыни. Надпись на одном из колоколов сообщала, что он был подарен ивангородской лютеранской церкви в 1675 году шведским королем Карлом XI. Следовательно, колокол относился к тому времени, когда шведские власти усиленно старались обратить ивангородцев в лютеранство.

После взятия Нарвы и Ивангорода русскими войсками в 1704 году лютеранская церковь была закрыта. В 40-х годах XVIII века этот храм восстановили для православного богослужения. 29 мая 1744 года епископ Пскова и Нарвы Преосвященный Стефан освятил его во имя Успения Пресвятой Богородицы. В 50-х годах XVIII века восстановили придел, который был превращен в самостоятельную церковь и освящен во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Покровская церковь получила антиминс в 1757 году и была переделана в теплую (зимнюю). Купола храма получили высокие шатрообразные кровли. Возможно, что именно в это время над куполом придела возвели колокольню. В результате этих работ ансамбль из двух церквей приобрел новый внешний вид. Однако эта перестройка не изменила основных архитектурных объемов. Церковь оставалась двойной, т.е. спаренной.

В храме хранилась святыня – икона Тихвинской Божией Матери, по преданию, уцелевшая

Ивангород. Крепость. Успенская и Никольская церкви. Фото начала XX в.

во время пожара Нарвы в 1558 году и почитавшаяся православными людьми как чудотворная.

В 1853 году во время реставрации храма был снят крест, который стоял над алтарем Успенской церкви. Его установили над могилой русских воинов, павших во время штурма Нарвы в 1704 году. В настоящее время крест находится в Нарвском музее.

До 1827 года церковь относилась к Санкт-Петербургской епархии, затем была передана в военное ведомство, в 1864 году ее снова вернули епархии. Приход состоял из городского и сельского населения. Причем сельские жители составляли большинство и проживали вдалеке от храма. По национальному составу прихожанами были русские и ижоры.

Нелегким испытанием для прихода стали годы революции, большевистского правления и гражданской войны. Во время бомбардировки зимой 1919 года пострадали купол и крыша Покровского придела, его осквернили, оба антиминса похитили из церкви, пропало также немало церковной утвари. Настоятель Успенской церкви о. Александр Волков был расстрелян. Два года церковь была закрыта. Прихожане на собственные деньги отремонтировали храм, и 26 апреля 1921 года состоялось новое освящение, которое совершил архиепископ Эстонский Александр.

В 1930 году Министерство обороны Эстонской республики намеревалось снести церковные постройки (церковь и сторожку) ввиду того, что Ивангородская крепость стала местом расположения Нарвского гарнизона. Приход переживал тяжелые времена. В 1934 году ему удалось решить проблему с военным ведомством и сохранить храм.

С 1934 по 1940 гг. Успенский приход издавал православный листок «Миссионерские заметки», редактором которого был служивший здесь священник

Разрушенная колокольня Успенской церкви. 1944 г.

Ивангородская крепость. Церкви Успения Пресвятой Богородицы с Покровским приделом (справа) и свт. Николая Чудотворца (слева). Современный вид

Александр Киселев (род. 7.10.1909). В 1938 г. по его почину планировалось восстановить Никольскую церковь и соорудить в подвалах (крипте) Успенской церкви храм-памятник в стиле древнерусских храмов XV в.

Успенская церковь вместе с Покровской использовалась общиной до Второй Мировой войны. В 1941 году самые ценные иконы и церковное имущество были перенесены из этого храма в монастырскую церковь Нарвской Иверской женской трудовой общины, находившуюся рядом с Ивангородским кладбищем. В 1944 году церковные ценности отправили в Пюхтицкий женский православный монастырь, в том числе и местную православную святыню – икону Тихвинской Божией Матери. Дальнейшая их судьба неизвестна. Пропали также церковные колокола. В том же 1944 году во время боевых действий под Нарвой храм разрушили. В результате повреждений была уничтожена кровля на церкви и приделе, в значительной мере разрушены их купола. В 1974 году рухнула северная галерея.

В 1976-1987 гг. проводились реставрационные работы сотрудниками Ленинградского филиала института «Спецпроектреставрация» под руководством и по проекту И.А. Хаустовой. В основу реставрации был взят

первоначальный проект без шатрового завершения и колокольни.

Успенская церковь является бесстолпной трехапсидной постройкой, стоящей на высоком подклете, перекрытом крестовыми сводами, опирающимися на центральный столб. Ее основной объем – четверик со стоящим на нем световым барабаном, завершенным сферическим куполом. Храм венчает одна глава. С трех сторон церковь окружена двухъярусной галереей. Алтарная часть отделена от главного зала стеной с проходом в середине. С юго-востока к зданию примыкает придел, он имеет одну апсиду. Придел, также как и церковь, перекрыт барабаном с куполом. Церковь и придел представляют собой спаренный архитектурный комплекс. В качестве строительного материала использован местный известняк. Помещения имеют небольшую высоту и несколько затемненное пространство. В 1994 году храм передан ивангородскому приходу, состоящему в Санкт-Петербургской епархии. Здесь возобновлены богослужения. Настоятелем храма служит протоиерей Николай Зайцев.

Использованные фонды архивов и музеев

1. Эстонский исторический архив. Фонд 1655 – Синод Эстонской апостольской православной церкви.
2. Таллиннский городской архив. Акт о разрушениях вследствие военных действий. Ивангородская крепость. Никольская церковь, Успенская и Покровская церкви. Таллинн, 1945.
3. Нарвский музей. Ганзен Г. Известия о греко-российских церквях в городе Нарве. Рукопись. Нарва, 1861.
4. Ивангородский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Памятник архитектуры XVI века. Ивангородская крепость. Успенская церковь. Научно-проектная документация. Ленинград, 1987.

Л и т е р а т у р а

1. Лавры, монастыри и храмы на святой Руси. Санкт-Петербургская епархия. СПб, 1908.
2. Мильчик М., Петров Д. Успенская крепость Ивангорода и ее венецианские прототипы. // Крепость Ивангород. Новые открытия. СПб., 1997.
3. Петров А. Город Нарва. Его прошлое и достопримечательности. СПб, 1901.
4. Ругодивцев Н. Город Нарва. Краткий очерк. СПб, 1873.
5. Hansen H. Geschichte der Stadt Narva. Dorpat, 1858.
6. Karling S. Narva. Eine baugeschichtliche Untersuchung. Tartu, 1936.
7. Soom A. Ivangorod als selbständige Stadt. 1617-1649. Tartu, 1937.

Священники и диаконы Успенской церкви

Священник Иоанн Васильев, 1741
 Священник Петр Иоаннов, 1780
 Священник Иоанн Иоаннов, 1781
 Священник Григорий Иоаннов, 1785-1793
 Протоиерей Иосиф Андреев, 1796-1798
 Священник Симеон Николаев, 1809
 Священник Федор Тимофеев, 1828
 Священник Алексей Орлов, 1839
 Протоиерей Симеон Навроцкий, 1845
 Протоиерей Павлин Волков, 1866-1907
 Священник Александр Волков, 1907-1919

Священник Павел Добронравин, 1919- 1932
 Священник Александр Киселев, 1933-1938
 Священник Александр Гуковский, 1938
 Священник Михаил Лукканен, 1939
 Священник Константин Рупский, 1939-1940
 Диакон Стефан Яковлев, 1789-1804
 Диакон Константин Рождественский, 1862
 Диакон Василий Сперанский, 1880-1893
 Диакон Павел Добронравин, 1893-1919
 Диакон Иван Баранов, 1919-1920
 Диакон Александр Захаров, 1920-1940

Церковь святителя Николая Чудотворца в Ивангородской крепости

Ивангород, Зеленая ул., 1

Исследователи высказывают различные предположения в отношении датировки ее создания (с конца XV до середины XVI вв.). Выдвигается несколько версий: храм возведен до основания крепости, одновременно с ней, вскоре после этого или в честь взятия Нарвы русскими войсками в начале Ливонской войны.

Существует мнение, согласно которому церковь могла стоять на Девичьей горе еще до постройки крепости. В пользу этой гипотезы говорит ее сходство с архитектурой храмов, построенных на новгородской земле до XIV столетия. Никольская церковь – прямоугольная в плане с толстыми стенами и низкой куполообразной крышей напоминала эти храмы, построенные в византийском стиле греками или их учениками – русскими зодчими.

По традиции основание церкви связывают с 1492 годом, временем основания Ивангородской крепости.

Согласно следующей научной концепции, храм построен после 1492 года, т. к. он находится за стенами древнейшей части Ивангородской крепости – Детинца, квадратного укрепления с четырехугольными башнями по углам, созданного в 1492 году и образовавшего впоследствии ядро архитектурного ансамбля. Следовательно, строительство храма связывают с возведением следующей составной части крепости – Большого Бояршего города.

В настоящее время вопрос о датировке Никольской церкви снова стал актуальным. Современные исследователи на основе анализа архитектуры храма и изучения периодов политической активности Русского государства в ходе Ливонской войны, связанных с Ивангородской крепостью, предполагают, что Никольская церковь

Церковь свт. Николая Чудотворца (в центре). Справа – церковь Успения Пресвятой Богородицы. 1935 г.

была построена в 1558 году по повелению Иоанна IV в честь взятия Нарвы. Это событие летописи объясняли чудом с иконой свт. Николы, которую немцы бросили в огонь, но она не сгорела. Русские, войдя в город, нашли эту икону и еще одну – Божией Матери Одигитрии (Тихвинской-Нарвской) на пепелище целыми. Освящение храма в честь свт. Николая Чудотворца обусловлено иконой, с которой в сознании современников связывалась победа. По мнению авторов этой гипотезы, храм создали новгородские мастера по образцу рядом стоящей Успенской церкви и ее Покровского придела.

Согласно преданию, церковь построена за 24 часа, поэтому носит название «суточной».

В XVII веке при шведском правлении Никольская церковь, по-видимому, прекратила свое существование в Ивангороде. Можно предположить, что в начале XVIII века храм был восстановлен и в нем совершалось православное богослужение. В 1755 году Никольская церковь упоминается в клировых ведомостях Преображенского собора как «издавна запустелая». О том, когда она опустела, точных сведений нет.

В связи с восстановлением Успенской и Покровской церквей в середине XVIII века на территории крепости и постройкой новых храмов в Ивангороде (во имя Рождества Христова и Знаменской) древняя маленькая церковь утратила свое значение, и до конца XIX века богослужения в ней не проводились. По свидетельству историка Нарвы Г. Ганзена, в 1858 году она состояла «из маленького башенного здания, заросшего мхом и деревьями». В 1898 году церковь отреставрировали, и она приобрела свой первоначальный вид. Позже ее передали Успенскому приходу.

В 1944 году, во время военных действий под Нарвой, храм подвергся разрушению. Реставрация памятника началась в середине 1970-х годов и закончилась в 1988

Церковь свт. Николая Чудотворца в Ивангородской крепости. За ней – церковь Успения. Современный вид

году. Церковь передали Ивангородскому историко-архитектурному и художественному музею-заповеднику.

Никольская церковь – редкий образец двухапсидного церковного здания. Она представляет собой небольшую постройку из известняка. Стены прорезаны узкими бойницеобразными окнами. Венчает здание тяжелый барабан с невысоким шлемом. В интерьере церкви центральный столб и две алтарные арки придают вну-

треннему пространству пластичное звучание. Интерьер оштукатурен «под рукавицу». Фасад церкви никогда не был оштукатурен, что сближает это строение с ансамблем крепостных стен и башен.

В настоящее время храм передан Русской Православной Церкви. Приписан к Успенской церкви. Настоятелем его служит протоиерей Александр Зайцев.

Использованные архивные и музейные фонды

1. Таллиннский городской архив. Акт о разрушениях вследствие военных действий. Ивангородская крепость. Никольская церковь. Успенская и Покровская церкви. Таллинн, 1945.
2. Нарвский музей. Ганзен Г. Известия о греко-русских церквях в городе Нарве. Рукопись. Нарва, 1861.
3. Научная концепция Ивангородского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. М., 1990.

Литература

1. Косточкин В. Крепость Ивангород. // Крепостные сооружения древней Руси. М., 1952.
2. Косточкин В. Нарва. М., 1948.

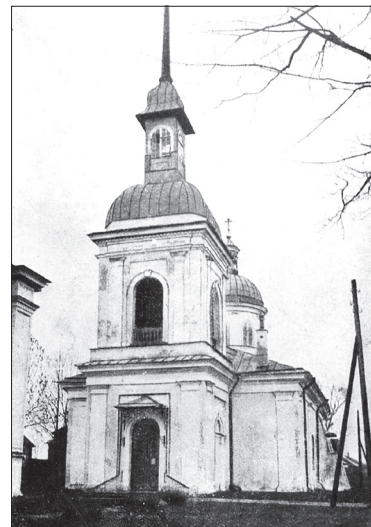
3. Коченовский О. Нарва. Градостроительное развитие и архитектура. Таллинн, 1991.
4. Лавры, монастыри и храмы на святой Руси. Санкт-Петербургская епархия. СПб, 1908.
5. Мильчик М., Петров Д. Когда в Ивангороде построена Никольская церковь? // Крепость Ивангород. Новые открытия. СПб, 1997.
6. Петров А. Город Нарва. Его прошлое и достопримечательности. СПб, 1901.
7. Потоцкий П. Гвардия русского царя под Нарвой с приложением описания достопримечательностей Нарвы. СПб, 1890.
8. Ругодивцев Н. Город Нарва. Краткий очерк. СПб, 1873.
9. Hansen H. Geschichte der Stadt Narva. Dorpat, 1858.

Церковь во имя иконы Божией Матери «Знамение» в Ивангороде

*Ивангород, Гостеприимная ул., 2,
угол Петербургского шоссе*

В конце XVIII века в Ивангороде построили новый православный храм. Причиной постройки его послужила теснота Успенской церкви в Ивангородской крепости. Каменное здание церкви возвели в 1786-1796 гг. на месте ее деревянной предшественницы, основанной в 1750 году, а позже снесенной из-за ветхости. Церковь освятили во имя иконы Божией Матери «Знамение». Место для строительства выбрали очень удачное: храм находился на возвышенности и был виден издалека. Он стоял на пути из Петербурга в Ревель. Рядом с ним находилась церковь во имя Рождества Христова. Возводился Знаменский храм на средства жителей Ивангородского форштадта.

Храм был сложен из известняка. Здание имело черты провинциального классицизма. Главный его объем с прямоугольным планом дополняла надстройка-барабан, завершавшаяся куполом. Невысокая, квадратная в плане колокольня украшалась изящным фонарем. Храм возвели с двумя приделами: Воздвижения Животворящего Креста Господня и св. пророка Илии. Купол церкви украшала настенная живопись с изображениями святителей: Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и Николая Мир Ликийских Чудотворца. В самом куполе – коронование Божией Матери, на сводах купола – четыре евангелиста: Марк, Матфей, Лука, Иоанн. Главной святыней храма была икона Знамение Божьей Матери, в честь которой был освящен главный престол.

*Церковь иконы Божией
Матери «Знамение»*

Первоначально церковь служила гарнизонной и предназначалась для всех военных, расквартированных в Нарве. В 1833 году ее передали в епархиальное ведомство. С 1833 по 1847 гг. она была приписана к Преображенскому собору. В 1848 году при храме был открыт самостоятельный приход. До освящения в 1875 году Свято-Троицкой церкви, построенной на средства барона А.Л. Штиглица, этот приход посещали православные русские рабочие двух нарвских мануфактур – Ленопрядильной и Суконной. К Знаменской церкви была приписана церковь во имя свт. Николая Чудотворца, построенная рядом с ней в середине XIX века и переданная в бессрочное пользование эстонскому

*Ивангород.
Общий вид
на Знаменскую
и Никольскую
церкви*

*Церковь
Знамения
Пресвятой
Богородицы. Вид
с юга. 1930 г.*

православному приходу. Первым священником эстонского прихода стал прот. Петр Преображенский, служивший здесь 15 лет. В русский приход священником был назначен прот. Дмитрий Чистосердов, который прослужил здесь почти 20 лет и принял мученическую смерть – в 1918 году был убит большевиками (погребен о. Дмитрий был за восточной стеной Крестовоздвиженского придела Знаменской церкви). С 1919 по 1941 гг. настоятелем был прот. Константин Колчев, начавший служить в этом храме с 1894 г.

Знаменский приход, один из старейших православных городских приходов, вел свое начало с 1750 года. В начале XX века ему принадлежали три дома, сторожка и часовня. Имущество церкви приобреталось на протяжении многих лет, в основном оно было пожертвовано известными благотворителями. Самый большой вклад внесла семья нарвских купцов Орловых. В храме находилось много ценностей. Среди святынь храма выделялся иконостас XVIII века, образа Рождества Христова (1756) и Поклонение Христу (1756), потир (в стиле барокко, XVIII век), крест, старинное Евангелие в серебряном окладе. В 1918 году большевики вывезли часть церковного серебра в Россию, в 1921 году это имущество было возвращено церкви. В ведении Знаменского прихода находилось городское кладбище, в связи с этим была создана специальная кладбищенская комиссия, которая занималась распределением мест на кладбище и его благоустройством.

В годы гражданской войны (1918-1919 гг.) от обстрела пострадали храмы и приходские здания. В апреле 1919 года в церковь попал шестидюймовый снаряд. В 1923 году ее отремонтировали внутри и снаружи на

добровольные пожертвования прихожан и благотворителей, однако полностью завершить восстановительные работы не удалось. Приходские здания также требовали ремонта. В 1925 году Знаменская церковь была включена в список памятников архитектуры города Нарвы. В 1934 году храм был вновь отремонтирован. Возобновленный Крестовоздвиженский придел был освящен 7.11.1934 года митрополитом Эстонским Александром (Паулусом).

С 1936 г. при храме действовала воскресная школа для детей и юношества, в которой занималось около 70 человек, были организованы различные кружки, школа дизайна.

В 1944 году, во время военных действий под Нарвой он подвергся разрушению, погибли многие церковные ценности, приход прекратил свое существование. Икона Знамение Пресвятой Богородицы в настоящее время находится в Нарвском Воскресенском соборе.

Использованные архивные и музейные фонды

1. Эстонский исторический архив. Фонд 1655 – Синод Эстонской Апостольской Православной Церкви.
2. Эстонский исторический архив. Беренс В., прот. Приходы города Нарвы. Рукопись. Таллинн, 1974.
3. Нарвский музей. Ганзен Г. Известия о греко-русских церквях в городе Нарве. Рукопись. Нарва, 1861.
4. Нарвский музей. Опись церковного имущества Знаменской и Воскресенской церквей, 1854.

Л и т е р а т у р а

1. Коченовский О. Нарва. Градостроительное развитие и архитектура. Таллинн, 1991.
2. Лавры, монастыри и храмы на святой Руси. Санкт-Петербургская епархия. СПб, 1908.
3. Петров А. Город Нарва. Его прошлое и достопримечательности. СПб, 1901.

Священники и диаконы Знаменской церкви

Священник Григорий Григорьев, 1787
Священник Федор Иванов, 1789-1792
Протоиерей Евфимий Дмитриев, 1862- 1878
Протоиерей Петр Преображенский, 1880-1895
Протоиерей Дмитрий Чистосердов, 1902-1918
Протоиерей Константин Колчин, 1919-1941
Священник Петр Панов, 6.11.1921-20.06.1922
Священник Григорий Троицкий, 1927-12.11.1934

Священник Михаил Рауд, 18.03.1939-7.02.1940
Протоиерей Евгений Яхонтов, 1941-1944
Диакон Павел Передольский, ?-23.05.1900
Диакон Виктор Никольский, 20.09.1904-31.08.1907
Диакон Александр Королев, 1912-7.01.1915
Диакон Николай Слобцов, 14.02.1915-15.09.1919
Диакон Георгий Зорин, 23.10.1919-?
Диакон Фома Чернов, 23.11.1919-30.12.1929
Диакон Семен Карпин, 31.10.1929-16.07.1941

Церковь святителя Николая Чудотворца в Ивангороде

*Ивангород, Госпитальная ул., 2,
угол Петербургского шоссе*

В 1854 году (по некоторым данным в 1855) в Ивангороде рядом со Знаменской церковью была сооружена новая каменная церковь. Она построена как зимняя отапливаемая, ввиду того, что Знаменская церковь являлась летней постройкой и до 1895 года печей не имела. Храм освятили во имя свт. Николая Чудотворца, и в нем стали совершаться зимние богослужения Знаменского прихода. Церковь служила как приписная к Знаменской и вместе с церковным имуществом составляла собственность Знаменского прихода.

Ранее на этом месте находилась деревянная полковая церковь во имя Рождества Христова, построенная в 1733 году для военных, расквартированных в Нарве. Здесь же на планах 1745 г. показан «Архиерейский дом». В 1851 году она была снесена из-за ветхости, престол сожжен по обычаю Православной Церкви, а пепел высыпан в воду.

Церковь свт. Николая Чудотворца в Ивангороде построена на средства нарвского купца I гильдии, старосты Знаменской церкви, почетного потомственного гражданина г. Нарвы Павла Ивановича Орлова. 6 июня 1852 года Ревельский епископ Христофор собственноручно положил закладной камень этого храма, под которым оставили для потомков памятную записку. Надзор за строительством церкви, проект которой составил архитектор Ф.И. Руска, осуществляли капитан инженерной команды Н. Толстухин и городской архитектор Й. Цаппе.

Храм был возведен из кирпича. Он представлял собой компактное здание с четко выделенной центральной квадратной частью и небольшим луковичным завершением в центре. Передняя часть с главным входом была меньше ширины и выступала из основного объема церкви. Архитектурное решение напоминало древнерусские храмы без колоколен, но с элементами классицизма (пилястры, фронтоны над главным входом).

В 1880 году священник Петр Преображенский стал совершать в этой церкви первые эстонские православные богослужения. С развитием промышленности в Нарве во второй половине XIX века стало резко увеличиваться городское население за счет переселенцев, искавших работу. Среди них было немало эстонцев православного вероисповедания, не понимавших русской речи. Чтобы пойти навстречу духовным потребностям этих людей, им предоставили церковь во имя свт. Николая Чудотворца. В 1895 году в Нарве был официально открыт эстонский православный приход, а в 1903 году ему передали храм в бессрочное пользование. Община пользовалась им до Второй Мировой войны. Создание эстонского православного прихода в Нарве состоялось

*Ивангород.
Церковь свт.
Николая
Чудотворца
(слева)
и Знаменская
церковь. Фото
начала XX в.*

по инициативе и при непосредственном участии благочинного эстонских приходов Санкт-Петербургской епархии о. Павла Кульбуша, впоследствии священномученика епископа Платона Ревельского.

Прихожанами Нарвского эстонского православного прихода стали эстонцы, проживавшие в Нарве, Ямбурге и их окрестностях. Охватывая огромную территорию, приход с самого начала был многочисленным. По данным 1901 года в нем насчитывалось около 1000 человек. До Первой Мировой войны наблюдается тенденция к увеличению прихожан. Затем их количество резко сокращается. В годы войны и революции приход начал распадаться. Особенно тяжелым для него оказался 1918 год. Во время военных действий под Нарвой Никольский храм был частично разрушен. С 1918 по 1924 гг. нарвский эстонский Николаевский приход как самостоятельная организация не существовал, хотя богослужения на эстонском языке совершались в церкви почти постоянно. 1924 год стал переломным. С этого времени приход начинает возрождаться. Первым духовным пастырем восстановленной общины стал священник Сергей Самон, служивший с 1924 по 1928 гг. Большое внимание Николаевский приход стал уделять миссионерской деятельности. Приходские священники выезжали совершать службы на эстонском языке в пограничные русско-ижорские деревни.

В 1930 году в Нарве отмечалось 50-летие православного эстонского прихода. В связи с этим 22 сентября в Нарву прибыл из Таллинна митрополит Эстонский Александр, в Никольской церкви состоялось праздничное богослужение. В 1944 году во время военных действий под Нарвой храм был разрушен. Деятельность прихода прекратилась.

К Никольской церкви была приписана кладбищен-

*Церковь
свт. Николая
Чудотворца
на Ивангородской
горке. 1855
(с гравюры 1856 г.)*

ская церковь, построенная в 1879 году на средства нарвских купцов братьев Орловых. Они жертвовали также крупные суммы на строительство церкви в честь иконы Знамения Божией Матери в Ивангороде. Автор проекта кладбищенской церкви – архитектор И.И. Буланов. Храм был освящен 12 мая 1879 года митрополитом Новгородским Исидором во имя святых апостолов Петра и Павла. Церковь возвели на том месте, где стояла деревянная часовня во имя иконы «Всех святых земли русской – подвижников, мучеников и убиенных», по-

строенная в конце XVIII века. В 1919 году во время гражданской войны храм частично был разрушен, затем восстановлен, был действующим до Второй Мировой войны. В 1989 году начались восстановительные работы, но вскоре из-за недостатка средств прекратились. В настоящее время церковь полуразрушена, памятник нуждается в срочной реставрации.

Использованные музейные и архивные фонды

1. Эстонский исторический архив. Фонд 1655 – Синод эстонской апостольской православной церкви.
2. Эстонский исторический архив. Беренс В., прот. Приходы города Нарвы. Рукопись. Таллинн, 1974.
3. Нарвский музей. Ганзен Г. Известия о греко-русских церквях в городе Нарве. Рукопись. 1861.

Литература

1. Коченовский О. Нарва. Градостроительное развитие и архитектура. Таллинн, 1991.
2. Лавры, монастыри и храмы на святой Руси. Санкт-Петербургская епархия. СПб, 2008.
3. Петров А. Город Нарва. Его прошлое и достопримечательности. СПб, 1901.
4. Hansen H. Geschichte der Stadt Narva. Dorpat, 1858.

Священники и диаконы Никольской церкви

Протоиерей Петр Преображенский, 1895-1903
Священник Константин Колчин, 1903-1918
Протоиерей Константин Колчин, 1919-1924
Священник Сергей Самон, 1924-1928
Протоиерей Александр, Мянник 1928
Священник Антоний Ангерьяс, 1928-1937

Священник Михаил Рауд, 1937-1940
Священник Михаил Лукканен, 1940-1941
Священник Михаил Рауд, 1942-1944
Диакон Константин Колчин, 1900-1903
Диакон Аугустин Пиккат, 1925-1926
Диакон Александр Пуурман, 1926-1930

Церковь св. блгв. кн. Александра Невского

*Нарва, Петербургское шоссе, 2
Peterburi mnt., 2*

В 1859 году на территории Большого Западного двора Нарвского замка был построен деревянный храм. Церковь основана по инициативе расквартированного в то время в Нарве Санкт-Петербургского гренадерского короля Фридриха Вильгельма III полка. Храм освятили во имя св. Александра Невского. Церковь предназначалась для военных, горожане не имели в нее доступа. Позднее служила полковым храмом 92 Печерского пехотного полка. Закрыта в начале 1920-х годов. Утварь и иконостас были переданы в церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы Нарвской Иверской женской общины. Сохранялась до II Мировой войны. Разрушена в 1944 г.

*Нарвский замок и церковь 92 Печерского пехотного полка.
Фото начала XX в.*

Церковь во имя Пресвятой Троицы (Штиглицкая)

Ивангород, Парусинка, берег р. Наровы

Храм был построен на правом берегу реки Наровы, в парке имения барона А.Л. Штиглица, находившегося недалеко от Нарвских водопадов. Барон Александр Людвигович Штиглиц – придворный банкир, владелец промышленных предприятий, известный меценат. Кроме усадьбы с обширным имением, расположенным в живописном месте, в Ивангороде ему принадлежали два текстильных предприятия – Суконная и Льнопрядильная мануфактуры. В 1872 году А.Л. Штиглиц направил прошение митрополиту Санкт-Петербургскому и Новгородскому Исидору о разрешении возведения храма для рабочих мануфактур. Митрополит благословил строительство. Церковь заложена 29 июня 1873 года и освящена 17 августа 1875 года в честь Святой Троицы. Автор проекта храма – архитектор А.И. Кракау.

Церковь построена в стиле историзма, интерпретирующего формы традиционной русской храмовой архитектуры XVII века. Она сложена из кирпича, имеет форму креста, пятиглавая. Над западным входом в храм сооружена стрельчатая шатровая колокольня с десятью колоколами. Церковь на высоком подклете имеет отдельные входы на колокольню, хоры и в усыпальницу.

Четыре колонны с лепными капителями поддерживали свод и разделяли внутреннее пространство храма. Два ряда окон (нижний ряд занимал витраж) достаточно хорошо освещали интерьер церкви, отличавшийся прекрасным оформлением с использованием дорогостоящих строительных материалов (частично мраморный с рисунком пол). Внутри храма был устроен двухъярусный иконостас из орехового дерева и американского дуба с иконами в серебряных и позолоченных окладах. Над иконостасом помещена фреска работы П.Ф. Плешанова

*Свято-Троицкая церковь.
Интерьер.
Фото начала XX в.*

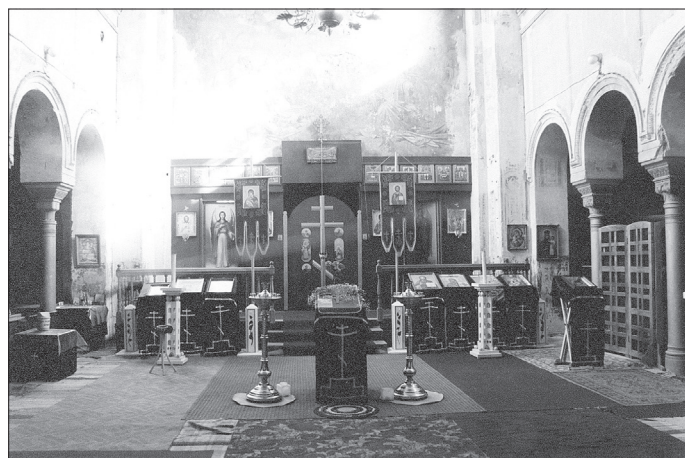
*Ивангород.
Свято-Троицкая церковь
(усыпальница баронов Штиглицев)*

ва по картонам Ф.И. Бруни, на которой изображены Господь Вседержитель и перед ним 24 старца. В алтаре находились иконы «Моление о чаше» и «Спаситель, благословляющий хлеб и вино в чаше». В 1935 году нарвский художник К.М. Коровайков изобразил на западной стене храма Голгофу и панораму Иерусалима. В 1937 году на восточной стороне им же был воссоздан сюжет «Положение Христа во гроб». В церкви находились иконы и скульптура работы итальянских мастеров. Необыкновенно богата была ризница храма.

Свято-Троицкую церковь посещали царственные особы – Император Александр III с супругой Марией Федоровной в 1890 году, представители аристократии, высшие чиновники министерств и ведомств.

Храм был возведен на средства барона А.Л. Штиглица и являлся его личной собственностью, которая впоследствии перешла к его наследникам. Церковь служила семейной усыпальницей семьи Штиглиц, а позже Половцовых. Храм возвели над могилой жены барона А.Л. Штиглица – Каролины Карловны, урожденной Миллер. 30 октября 1884 года в нем похоронили и самого А.Л. Штиглица. Здесь были также захоронены приемная дочь барона Надежда Михайловна Половцова (Юнина) и ее муж Александр Александрович Половцов, скончавшийся 24 сентября 1909 года. В склепе над могилами усопших находились гробницы прямоугольной формы: надгробия Александра и Каролины Штиглиц из белого мрамора, надгробие Надежды Половцовой из бледно-розового мрамора и Александра Половцова – из финского гранита коричневого оттенка.

Церковь была приписана к нарвскому Преобра-

Свято-Троицкая церковь. Внешний вид и интерьер. Современное состояние

женскому собору, богослужения совершались в ней по воскресным и праздничным дням одним из священников собора. Долгое время она не являлась приходским храмом и своего причта не имела. В «Церковных ведомостях» Свято-Троицкая церковь называлась по имени ее создателя «Штиглицкой близ города Нарвы», а в народе слыла «Церковью на Парусинной».

15 сентября 1921 года при церкви был открыт самостоятельный приход. Наследники супругов Половцовых (от брака с Н.М. Юниной у А.А. Половцова-старшего было четверо детей: Александр (1867-1944, женатый на гр. Софье Владимировне Паниной, известной благотворительнице), Петр, Анна и Надежда), находившиеся за границей, сдали храм вместе со всем церковным имуществом в аренду приходу. Руководство нарвских мануфактур постоянно оказывало материальную помощь приходу и принимало активное участие в приходской жизни, т. к. многочисленный приход составляли рабочие

и служащие мануфактур. Он прекратил свое существование в годы Второй Мировой войны.

В 1944 году во время военных действий под Нарвой храм был незначительно разрушен, богослужения в нем проводились до 1945 года. После войны церковное имущество вывезли в нарвский Воскресенский собор. В настоящее время оно почти полностью утрачено.

Во время строительства Нарвской ГЭС (1951-1955 гг.) церковь оказалась в зоне проведения работ и использовалась под склад строительных материалов. С этого времени началось постепенное уничтожение памятника. До последнего времени восстановительные работы не проводились. Здание находится в неудовлетворительном состоянии и нуждается в срочной реставрации.

В 1997 году началось возрождение и храма и прихода. Приход зарегистрирован в Санкт-Петербургской епархии (Ямбургское благочиние). В храме начались ремонтные работы. Настоятелем прихода служит священник Александр Салыкин.

Использованные архивные и музейные фонды
1. Эстонский исторический архив. Фонд 1655 – Синод Эстонской апостольской православной церкви.

2. Эстонский исторический архив. Беренс В., прот. Приходы города Нарвы. Рукопись. Таллинн, 1974.

3. Лозинский Р. Памятник архитектуры, живописи и скульптуры. Нарвская Свято-Троицкая (Штиглицкая) церковь. Рукопись. Тула, 1976. Личный архив священника А. Салыкина. Ивангород.

Литература

1. Лавры, монастыри и храмы на святой Руси. Санкт-Петербургская епархия. СПб, 1908.

2. Коченовский О. Нарва. Градостроительное развитие и архитектура. Таллинн, 1991.

3. Половцов А. Дневник Государственного секретаря. Т. I. М., 1966.

Усыпальница баронов Штиглицев в склепе церкви. Современное состояние

Священники Свято-Троицкой церкви

Священник Николай Ратьковский, 1920-1933

Священник Ростислав Лозинский, 1934-1942

Протоиерей Павел Калинин, 1942-1944

Священник Яков Тимофеев, 1944-1945

Церковь св. равноап. князя Владимира

при Нарвском отделении Санкт-Петербургского епархиального Братства
во имя Пресвятой Богородицы (Свято-Владимирского братства)

*Нарва, Вестервальская ул., 31 (ныне 22)
Vestervalli tn., 22*

Церковь св. равноап. кн. Владимира. Фото 1930-х гг.

В 1888 году в Нарве было создано религиозное общество в ознаменование 900-летия крещения Руси. Оно поставило своей целью религиозно-нравственное просвещение среди православных. Санкт-Петербургское епархиальное Братство во имя Пресвятой Богородицы приняло новую организацию под свое покровительство. В 1917 году Нарвское отделение Санкт-Петербургского епархиального Братства во имя Пресвятой Богородицы было переименовано в Нарвское Свято-Владимирское братство. В истории религиозно-нравственного просвещения в Нарве Свято-Владимирскому братству принадлежит большая роль.

Автором идеи создания духовно-просветительского общества стал священник Преображенского собора Николай Сахаров, который предложил построить в Нарве церковно-приходскую школу вместе с часовней или церковью при ней. Этот проект поддержали священнослужители собора, к ним присоединились городская интеллигенция и купечество. Были собраны средства и учрежден устав Братства.

Братство построило церковь, которая вначале должна была служить и школой. Она была заложена 16 июля 1889, торжественно освящена 29 июля 1890 года викарием С.-Петербургской епархии епископом Ладожским Митрофаном во имя равноапостольного князя Владимира. Церковь возвели в северной части Старого города. Авторы проекта храма – архитекторы Клодницкий и А. Новицкий. Храм представлял собой небольшое одноэтажное здание с отдельно стоящей колокольней.

В 1890 году рядом с церковью построили деревянный дом с помещениями для классов. Вначале школа была одноклассной, с 1898 года стала двухклассной. В связи с увеличением числа учащихся Братство построило в 1898 и 1905 гг. два больших двухэтажных кирпичных здания. Теперь школа могла вместить более 400 детей. Обучение в ней было бесплатным.

Законоучительство в церкви-школе и богослужения совершали священники Преображенского собора. Церковь и школьные здания являлись собственностью Братства, которое выплачивало жалованье священникам и на свои средства содержало школу.

Братство устраивало лекции, чтения, духовные беседы с общим пением, посещавшиеся большим количеством горожан. Одновременно работала народная библиотека. При Братстве было организовано общество трезвости, создан дамский кружок, занимавшийся сбором денег в пользу бедных. Количество членов Братства

в некоторые годы превышало 600 человек.

В 1919 году церковно-приходская школа была упразднена в связи с реформой образовательной системы в Эстонии. Школьные здания передали русской гимназии, и возник вопрос о дальнейшем существовании школьной церкви. В ней стали проводиться регулярные богослужения, но своего постоянного прихода еще не было.

В 1921 году по ходатайству Совета Братства Свято-Владимирской церкви выдали метрические книги, что послужило основанием для создания самостоятельного прихода и превращения бывшей школьной церкви в приходскую. Энергичный протест против отдельной метрификации при Братской церкви выразили приходские советы других нарвских церквей. Они ссылались на то, что в Нарве много приходских церквей, которые из-за малочисленности своих приходов испытывают материальные трудности. Создание нового прихода в таких условиях могло оказать негативное воздействие на другие. Таким образом, Владимирский приход был создан в какой-то мере искусственно. В том же году митрополит Эстонский Александр предложил приходу Преображенского собора объединиться с Братской Владимирской церковью. Но в 1921 году этого не произошло, и в дальнейшем приходы вынуждены были между собой конкурировать, что взаимно ослабляло их. В 1937 году приходы, наконец, объединились. Просветительская деятельность Братства продолжалась и после слияния приходов.

Настоятелем храма более 25 лет (1918-1944) служил протоиерей Павел Калинин, позднее настоятельствовавший в Никольской церкви в Коппеле (Таллинн). Также более 25 лет в Братской Князь-Владимирской церкви певцом, чтецом и псаломщиком, регентом общенародного хора служил уроженец с. Ложголово

Гдовского уезда С.-Петербургской губернии Николай Недремский (1883-1962), рукоположенный в 1938 г. во диакона, а в 1944 г. во священника.

В годы Второй Мировой войны Братство прекратило свое существование. В 1944 году во время военных действий под Нарвой церковь подверглась разрушению. В настоящее время здание бывшего храма перестроено, в нем размещается одно из отделений стоматологической поликлиники. Сохранилось одно из школьных зданий.

Использованные архивные фонды

1. Эстонский исторический архив. Фонд 1655 – Синод Эстонской апостольской православной церкви.
2. Эстонский исторический архив. Беренс В., прот. Приходы города Нарвы. Рукопись. Таллинн. 1974.

Литература

Коченовский О. Нарва. Градостроительное развитие и архитектура. Таллинн, 1991.

Церковь во имя Иверской иконы Божией Матери

в память 300-летия Дома Романовых при подворье Илецкого Николаевского женского монастыря. (Нарвская Иверская Богородицкая женская трудовая община)

*Ивангород, угол Второй и Задней ул.
(2-я Ивановская, 9-11)*

Нарвская община была основана по инициативе монахини Илецкого Николаевского женского монастыря Маргариты (Ольги Архиповны Ямниковой), уроженки города Нарвы. Она предложила организовать в Нарве подворье Илецкого монастыря. Местные жители поддержали ее в этом богоугодном деле. В 1904 году нарвский купец Иван Петрович Сластников подарил Илецкому монастырю принадлежавшее ему недвижимое имущество в Ивангороде: земельный участок в 72 кв. саженей и деревянный жилой дом с пристройками. В этом же году официально было основано Нарвское подворье Илецкого Николаевского монастыря Оренбургской епархии. Монахиня Маргарита осталась в Нарве. Вскоре к ней присоединились три местные жительницы, ставшие послушницами. Внутренняя жизнь подворья строилась по монастырскому уставу: исполнялись ежедневные правила, а по воскресеньям читались

*Ивангород. Храм во имя Иверской иконы Божией Матери.
Фото 1930-х гг.*

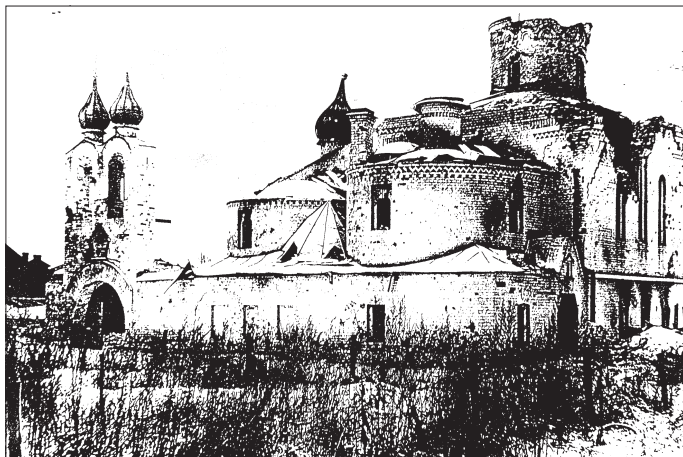

*Нарвская Иверская Богородицкая женская община.
Сидят слева направо: свящ. Николай Цветаев, свящ.
Александр Мянник, митрополит Эстонский Александр,
настоятельница монахиня Тавифа. Фото 1930-х гг.*

акафисты Божией Матери и святителю Николаю.

Монахиня Маргарита после продолжительной болезни умерла. На ее место из Илецкого монастыря прибыла монахиня Тавифа (Татьяна Поликарповна Иванова), назначенная с 1 мая 1909 года заведующей Нарвским подворьем. Она неоднократно ездила в Петербург в поисках благотворителей, которые смогли бы ей помочь в постройке храма. В Нарве пришли на помощь видные горожане Ф.Я. Пантелеев, И.П. Павлов, Н.Л. Карзинский, А.И. Осипов.

Самый большой вклад внес потомственный почетный гражданин, владелец кирпичного завода Филипп Яковлевич Пантелеев. (11.XI.1863, Гдовский уезд – 18.II.1914, Гдовский уезд). Он неоднократно избирался гласным Нарвской городской думы, являлся почетным членом совета Братства Пресвятой Богородицы. 9 марта 1912 года он подарил монастырю земельный участок в 228 кв. саженей со всеми строениями. При этом Пантелеевым было поставлено условие: монастырь должен был построить на этой земле каменное здание для проживания насельниц с домовою церковью, основанной в

Храм Иверской иконы Божией Матери после боев 1944 г.

*Ивангород. Место Иверского храма Илецкого подворья.
Современный вид*

память 300-летия царствования Дома Романовых. При этом он сам обязывался оказывать монастырю постоянную помощь.

8 сентября 1913 года в Ивангороде, рядом с кладбищем состоялась закладка двухпридельного храма в честь празднования Пречистого образа Иверской Божьей Матери, сооружаемого Нарвским подворьем. Проект монастырского храма в стиле древнерусских церквей создал архитектор А.П. Аплаксин. Строительство велось за счет добровольных пожертвований, но вскоре работы были остановлены примерно на половине. Первая Мировая война, революция 1917 года и гражданская война помешали завершению постройки храма.

В 1921 году в жилом деревянном здании устроили временную домовую церковь. 18 декабря того же года она была освящена во имя Введения Пресвятой Богородицы во храм по благословению митрополита Таллиннского и всея Эстонии Александра архиепископом Псковским и Порховским Евсеем. Введенская церковь занимала маленькую площадь в доме 9 x 8 аршин, она не всегда вмещала всех богомольцев, пришедших на службу. Иконостас и необходимый церковный инвентарь для храма получили позднее из бывшей полковой церкви 92-го пехотного Печорского полка.

17 февраля 1923 года Везенбергский съезд мировых судей утвердил устав общины, которая получила официальное название – Нарвская Иверская Богородицкая христианская женская трудовая община. К этому вре-

мени подворье преобразовалось в самостоятельную организацию.

В 1925 году Н.В. Семенов завещал Иверской общине каменный дом и почти все имущество на достройку каменного храма. Николай Васильевич Семенов (1862, Санкт-Петербург – 8.VI.1925, Нарва), статский советник, художник. В 1889 году окончил Санкт-Петербургскую академию художеств. С 1890 по 1925 гг. преподавал рисование и чистописание в нарвских учебных заведениях.

В 1930 году строительство в основном было завершено. 28 декабря 1930 года епископ Иоанн (Булин) освятил храм Иверской общины. 19 августа 1934 года митрополит Эстонский Александр совершил чин освящения нового придела в честь Святителя Николая.

До 1924 года Община находилась в ведении Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви, в 1924 году ее присоединили к Нарвской епархии, в 1932 году она перешла в состав Таллиннской епархии.

Во время военных действий под Нарвой в 1944 году храм частично был разрушен, пострадали и жилые помещения. В 1949 году обитательницы монастыря переселились в Пюхтицкий монастырь. В 1950-е годы руины храма были снесены.

Использованный архивный фонд
Эстонский исторический архив. Фонд 1655 – Синод Эстонской Апостольской Православной Церкви.

Священники Иверской Богородицкой общины

Протоиерей Иоанн Левитский, 1923-1933
Священник Иоанн Цветиков, 1934-1935

Протоиерей Александр Гривцев, 1935-1941
Священник Александр Захаров, 1941-1944

Настоятельница общины Монахиня Тавифа, 1909-1944

Церковь свв. апп. Петра и Павла

на Ивангородском кладбище (усыпальница купцов Орловых)

К середине XIX века русское купечество получило больше возможностей развивать свою деятельность в Нарве. Одним из почетных и заслуженных граждан города Нарвы был купец первой гильдии, почетный потомственный гражданин Павел Иванович Орлов.

Семья Орловых занималась благотворительной деятельностью. На Ивангородском форштадте (территория Ивангорода) у Знаменской церкви находилась ветхая деревянная церковь Рождества Христова. Павел Иванович Орлов являлся старостой Знаменской церкви, поэтому он решил вместо ветхой, деревянной построить новую зимнюю каменную церковь во имя свт. Николая Чудотворца.

Первый ее проект, выполненный по проекту архитектора И. Цаппе 29 октября 1848 г., утвержден не был. Новый проект был выполнен петербургским архитектором П.И. Таманским. Он был утвержден 26 января 1850 г.

В 1854 г. церковь была построена. Павел Иванович Орлов построил на свои средства кладбищенскую церковь во имя свв. апп. Петра и Павла, обнес кладбище каменной оградой (1858-1859), устроил за свой счет в Нарве приют – воспитательное заведение для детей бедных граждан им. П. Орлова, открытое в 1862 г. на Петербургском шоссе (принадлежало Ведомству учреждений Императрицы Марии) и т. д. Он завещал также городу 50 000 рублей с тем, чтобы проценты с этой суммы ежегодно выделять для выплаты пособий нуждающимся.

Его брат Степан Иванович Орлов исправил старую разбитую Петербургскую дорогу, по которой нельзя

*Ивангород. Церковь свв. апп. Петра и Павла.
Современный вид*

было ездить, и превратил ее в шоссе. Брат построил церковь Казанской Божией Матери в местечке Меррекуль. Его сын, Александр Павлович Орлов, пожертвовал 30 000 рублей для открытия и содержания богадельни (1873) для лиц православного вероисповедания из местного купечества и мещанского сословия (Ивангородский форштадт, Новая линия).

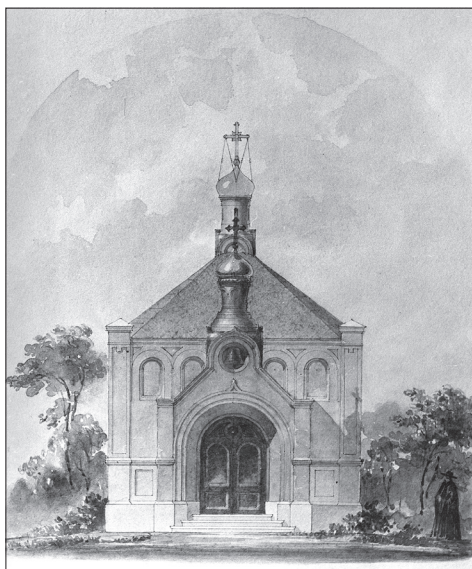
Члены этой семьи, заботившиеся так много о родном городе, покоятся в склепе под Петропавловской церковью и около нее.

В 1857 году по поручению Святейшего Синода купец первой гильдии города Нарвы Павел Орлов был награжден орденом св. Анны III степени за сооружение там православной церкви.

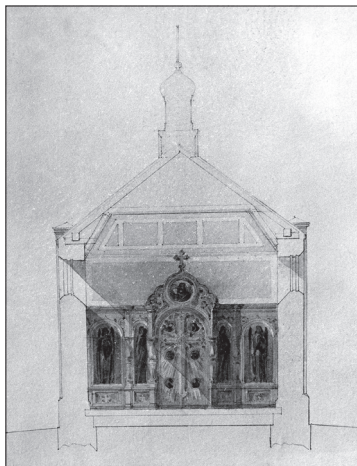
Павел Иванович Орлов после получения такой правительственной награды продолжил свою благотворительную деятельность в деле строительства храмов. Он решил построить на православном кладбище часовню и обнести кладбище каменной оградой.

Кладбище расположено на Ивановской горе – взгорье к востоку от Ивангородской крепости. На этом месте ранее находилось городское имение Rathshof, которое было испепелено русским отрядом в 1703 г. в ходе сражения.

Проект часовни и ворот на кладбище выполнил архитектор академик В.К. Рейер – ученик архитектора К.А. Тона, создателя национального «русско-византийского» стиля в храмовом зодчестве. В. Рейер старался придать архитектуре маленькой кладбищенской часовни черты русского православного храма: в объемно-пространственном решении он использовал центрическую композицию русских одноглавых церквей (предусматривалась в проекте и возможность перестройки ее в церковь).

*Нарва (Ивангород). Проект расширения
Петропавловской часовни. 1858 г.
Арх. академик В. Рейер*

Проект расширения часовни. Разрез. Вид иконостаса. 1858 г.

Интерьер Петропавловской церкви. Фото 1930-х гг.

Павел Орлов, построив в 1856 году часовню на кладбище, уже в 1858 году решает перестроить ее в церковь. Проект перестройки поручается тому же архитектору В. Рейеру. Проект был одобрен 9 февраля 1858 года. Судя по проекту, архитектор пристраивает к основному объему часовни полукруглую апсиду алтаря с востока и колокольню над папертью с западной стороны. Таким образом, композиция в плане из центрической становится осевой.

Изменяется и объемно-пространственное решение западного фасада. Силуэт одностолпной колокольни, венчанной главкой с крестом, накладывается на этот фасад и образует двойной аккорд куполов по его центральной оси.

В храм ведет перспективный портал, составляющий единую композицию с колокольней. Килевидный кокошник с люнетом, завершающий фронтон портала, оформляет фасад четверика, образующего ярус звона и служит основанием для профилированного барабана главки с крестом.

В алтарной апсиде три окна. Появилась солея и изменилось оформление иконостаса. По-прежнему отсутствует подклет или подвал.

В оформлении нового храма архитектор усилил черты русско-византийского стиля, столь популярного в эти годы в архитектуре православных храмов.

В 1859 году часовня уже перестроена в церковь. Церковь посвящена апостолам Петру и Павлу по желанию ее строителя в память его небесного покровителя. Кладбище было обнесено каменной оградой из известнякового плитняка. В 1905 г. был выполнен проект каменной сторожки при Петропавловской кладбищенской церкви за пределами церковных ворот у входа на кладбище.

При Знаменской церкви, к которой были приписаны оба храма, построенные купцом Павлом Орловым – Никольский и Петропавловский, существовали два православных прихода: русский и эстонский. Каждый из них имел свой причт. Эстонский приход начал свое

существование в 1880 году. С 1901 года эстонскому причту было разрешено совершать богослужения и требы в Никольской церкви, а до этого им приходилось служить в Петропавловском храме, слишком тесном и холодном. Из-за Никольской церкви некоторое время существовал конфликт между эстонским и русским причтом, так как епархиальное начальство постановило 6 мая 1902 года передать Никольскую церковь эстонскому причту. В поданном начальству протесте говорилось, что «...эстонский причт беспрепятственно исполнял богослужения в этой церкви, кроме тех случаев, когда в ней служил русский причт именно 9 мая, 6 декабря (храмовые праздники), 15 января (день памяти строителя храма купца Орлова), в Великий пяток, но и тогда для эстонской службы отводилась другая Петропавловская кладбищенская церковь».

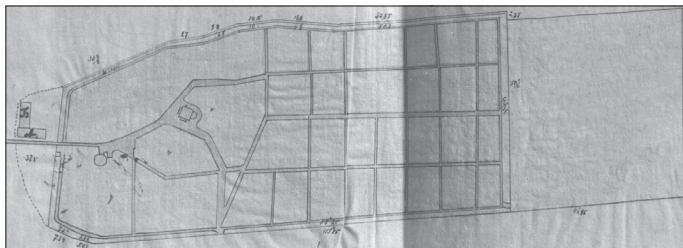
Следует отметить тот факт, что наровчане чтит память строителя храма Павла Орлова ежегодным богослужением. (Русский приход составлял в 1867 году 1798 душ обоего пола, эстонский в 1901 году – до 687 душ обоего пола).

Таким образом, с 1880 года Петропавловская церковь являлась приходской церковью эстонского православного прихода и подчинялась благочинному русско-эстонских приходов.

Архитектура Петропавловской церкви, даже в том виде, какой она имеет в настоящее время, после пожара 1987 года, существенно отличается от той, какая изображена на проекте В. Рейера 1858 года, и по внешнему виду, и по размерам. На фотографиях, выполненных до пожара, еще видны отдельные утраченные в настоящее время детали.

Церковь имеет иной внешний облик, напоминающий скорее немецкий, чем русский православный храм, при этом традиционные атрибуты русского национального стиля (луковичные главки) кажутся примененными формально.

Близость средневековой архитектуры Нарвы несомненно повлияла на стилизацию оформления фасадов

План Ивангородского кладбища в границах имения Лилиенбах с указанием церкви, часовни и вновь предполагаемой к постройке сторожки. Август 1905 г.

церкви в романском стиле с элементами готики. Этому соответствует и облицовка здания светло-серыми известняковыми плитами. Западный фасад, к которому примыкает двухъярусная колокольня, не имеет окон, только две глухие полуциркульные арки украшают его по обе стороны выступающего объема колокольни. Ее нижний ярус образует притвор с наружным крыльцом. В верхнем, с полукруглыми проемами с трех сторон – звонница. Колокольня завершалась шатром с луковичной главкой.

Основной объем церкви, так же как и в проекте 1858 года, был перекрыт четырехскатной шатровой крышей с центральной главкой на круглом барабане, поставленном на четверик, оформленный кокошниками.

Углы акцентированы пилястрами с филёнками, так же как в проекте 1858 г. Карниз обходит здание по периметру непрерывной лентой, поэтому стоящие над ним по углам тумбочки, на которых, возможно, размещались маленькие куполки, смотрятся самостоятельными декоративными элементами.

Боковые фасады основного объема имеют по три полукруглых окна и по одному такому же окну, расположенному на удлиненной апсиде алтаря.

На южном фасаде расположен тамбур входа в крипту, где устроен склеп семьи купцов Орловых. В склепе были установлены четыре мраморных саркофага

с останками покойных. Склеп разграблен. Первый слева мраморный саркофаг исчез, от него остался только цоколь. Первый справа сдвинут с места. Именно в нем покоится тело строителя храма купца Павла Ивановича Орлова (род. 8 января 1807 года, † 15.01.1883 г.). В глубине за ним похоронена супруга Ксения Матвеевна Орлова (род. 18 января 1804 года, † 14 февраля 1866 г.) и, наконец, в глубине слева похоронен Александр Павлович Орлов (род. 1 августа 1840 года, † 7 октября 1886 г.). У стены напротив входа стоит металлический крест. У северной стороны церкви на площадке за оградой расположены могилы еще нескольких членов этой семьи, наиболее ранней из них является могила Федора Ивановича Орлова († 4 апреля 1858 г., на 35 году жизни). Вероятно, площадка, где похоронены Орловы, была выбрана возле выстроенной часовни. Однако первое захоронение на ней произошло 4 апреля 1858 года, тогда как 3 февраля того же года был уже одобрен проект перестройки часовни в церковь. Возможно, ранняя смерть брата повлияла на решение заказчика изменить проект церкви с целью расширить храм и устроить под ним склеп для семьи. Первое захоронение из сохранившихся внутри склепа датируется 1866 годом. Следовательно, в 1866 году существующее здание церкви уже стояло.

При восстановлении Петропавловского храма необходимо бережно отнестись и к сохранению надгробий и саркофагов купцов Орловых, находящихся в склепе, который, думается, следует восстановить в прежнем виде и в дальнейшем оберегать от актов вандализма, к сожалению, последнее время происходящих на Ивангородском кладбище. Память же строителя храма и замечательного благотворителя купца Павла Орлова следует почтить памятной доской на фасаде храма или здания, где размещались основанные им благотворительные учреждения.

Г.К. Старицына

Ивангород. Богадельня А.П. Орлова и Воспитательное заведение для детей бедных граждан имени П.И. Орлова. Фото 1886 г.

НЕБЕСНЫЙ ПОКРОВ НАД РОССИЕЙ

А.В. Иванен

ЧУДОТВОРНЫЕ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ ОДИГИТРИИ НАРВСКОЙ И СВТ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА

История этих двух, особенно почитавшихся в Нарве, икон уходит корнями в XVI век.

По русским источникам, взятие Нарвы войсками Ивана Грозного в 1558 году в ходе Ливонской войны сопровождалось чудом.

Как сообщает князь Курбский, в Страстную Пятницу нарвитяне, находившиеся под властью Ливонского ордена, начали обстрел Ивангорода, несмотря на заключенное между воюющими сторонами перемирие. «И на самый день, в он же Господь наш Иисус Христос за человеческий род плотию пострадал, и в той день, Ему по силе своей каждый христианин подобясь, страстям Его терпит, в посте и воздержании пребывающе, а их милость немцы вельможные и гордые, сами себе новое имя изобретши, нарекшеся евангелики (т.е. лютеране, – А.И.), в начале еще дня того ужравшись и упившись, стреляти на место русское начали и побиша люда немало христианского с женами и детками и пролияша кровь христианскую в такие великие и святые дни: бо беспрестанне били три дни, и на самый день Христова Воскресения не унялися, будучи в премирию, присягами утвержденном». (*Сказания князя Курбского. Часть 1. Цит. по: Петров А. Город Нарва. Его прошлое и достопримечательности. СПб, 1901. С.75*)

Ивангородский воевода, не смея без приказа царя начать ответный огонь, послал в Москву гонца. Лишь по его возвращении ивангородцы приступили к обстрелу Нарвы. Немцы же, «яко отнюдь тому неискусные, жившие множество лет в покое, гордость отложя, абие начаша просити премирья, аки на четыре недели, беручи на размышление о поддании места и града». (*Там же*).

В этот-то момент в доме нарвского цирюльника

Образ свт. Николая Чудотворца (Нарвский), чудесно спасенный при пожаре 1558 г.

Кордта Улькена (Фолькена) и произошел пожар. Псковская летопись повествует об этом так: «Того же лета, Божиим гневом загорелся город немецкий Ругодив, месяца мая 11 день, а сказывают от того: варил чюдин пиво, да образ Чудотворца Николы тот чюдин под котел подкинул, и от того пламень шибся и весь город выгорел, а образ соблюдеся цел. И наши воеводы с Ивангорода Алексей Басманов с товарищи видев ту их гибель, Божиим гневом, и вскоре прешли реку Нарову и, приступив, взяли город; а немец отпустиша и чюдь из града, и туто же нашли Пречистыя Богородицы образ Одигитрия Пятницу и Николин образ в пепелу целы» (*Там же. С. 74-75*).

Князь Курбский добавляет, что образа эти принадлежали русским купцам. Немцы же, будучи сторонниками лютеранской веры, отрицавшей иконопочитание, найдя образа принялись кошунствовать: «Сей болван поставлен был купцов ради русских, а нам уже ныне не потребен, придем и истребим его», – сообщает Курбский. (*Там же*).

Воскресный день 11 мая 1558 года был безветренным. Искры, выбившиеся из очага, подожгли поначалу лишь крышу дома цирюльника, но в три часа дня «внезапу прииде буря великая и загорелось место так скоро, иже за малый час все место объяло». (*Там же. С. 76*).

Пожар был столь силен, что оборонявшиеся вынуждены были оставить город и укрыться в замке, откуда и были выпущены на волю спустя некоторое время.

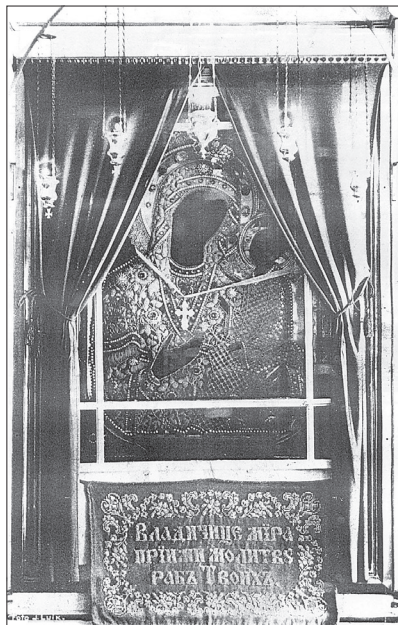
«Се такова мзда ругателей, иже употребляют Христов образ, по плоти написан и Родия Его болваном поганных богов! – резюмировал князь Курбский. – Се икономахом (т.е. иконоборцам, – А.И.) воздаяние! Абие за четыре години, або за пять, ото всех отчин и от пре-

высоких палат и домов златописанных лишены и премногих богатств и стяжаний обнажены, со унижением и постыдением и со мною срамотою отойдоша, аки нази: воистину знамение суда, прежде суда, на них изъявлено, да прочие накажутся и убоятся хулити святыни. Сие первое место немецкое вкупе с градом взято. О образе же оном тогож дня исповедано стратилатам нашим. Егдаж до конца погашен огонь в той нощи, обретен образ Пречистыя в пепле, идеже был ввержен, наутри цел, ничем же не рушен, Божия ради благодати; потом в новосозданной великой церкви поставлен, поднесь всем зрим». (Там же. С.77)

Не лишним кажется отметить, что пожар произошел в Нарве через день после празднования Православной Церковью памяти перенесения мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бар (1087 г.)

Весть о чудесном взятии города быстро дошла до царя. «Царь и великий князь велел послать архиепископу Пимену из Новгорода, Юрьевского архимандрита Варфоломея, да протопопа с дьяконом, а изо Пскова, Печерского игумена Корнелия, да святой Троицы протопопа Илариона с протодиаконем Иваном в Ругодив;.. и по его государеву указу около града Ивангорода и Ругодива со кресты ходили и молебны пели и церкви свящали и затем образы до Новгорода последовали...». (Были, легенды и предания, а также занимательные и знаменательные факты, курьезы и истории из жизни Принаровья. Вып.6. Ивангород. 1995)

23 июля, в субботу, иконы привезли в Новгород, но их оказалось уже не две: «...привез из Ругодива, города немецкого, архимандрит Юрьева монастыря иконы: Пречистыя образ Одигитрии Пятницы на золоте, да Николин образ. Власей святой, святой Козьма и Дамиан, скорописанные на краске, и встречал их архиепископ со всем собором, со множеством

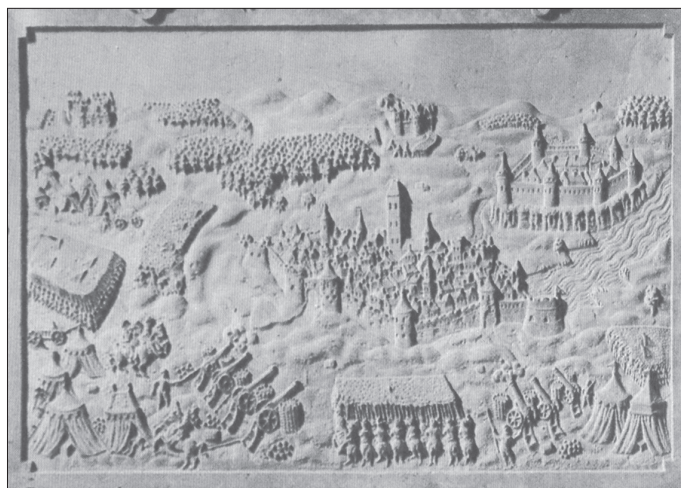
Чудотворный образ Божией Матери Одигитрии (Нарвский-Тихвинский) в бытность его в храме Успения Пресвятой Богородицы в Ивангороде. Фото начала XX века

народа и внесоша иконы в церковь Святую Софию и положены быша на налой. Да того же месяца июля 26, вторник, поехал архимандрит Юрьевский к Москве, повез иконы те, кои привезли с Ругодива, да игумен Благовещенского монастыря Трифон... А на Москве, царь и митрополит со всем святым собором и с бояры и всенародное множеств, так же встречали у Пятницы Ржевской за городом». (Там же. Вып.7)

До Второй Мировой войны образ Одигитрии (с греч.- путеводительницы) хранился в ивангородской Успенской крепостной церкви. В книге «Лавры, монастыри и храмы на Св. Руси», вышедшей в Петербурге в 1908 году, сообщалось, что на иконе имелась надпись: «1192 г. (явная опечатка – А.И.) мая 13 дня написан сей кивот к образу Одигитрии Богородицы Тихвинския, повелением Ивангородца Ругодивского (нарвского) жителя Герасима Кондратьева, сына Нечаева, православным христианам на покло-

нение, а родителям своим на поминовение и церкви. А писал многогрешный изограф Гри Ваен Шандин». Далее сообщается, что икона эта по фольге низана была жемчугом; к иконе привешены: сердоликовый крест, шесть крестов с цветными камнями в серебряной оправе, серебро-позлащенная стрела, серебряные ножки, сердце, несколько колец и серег. В 1940 году образ по распоряжению правящего митрополита Таллиннского и всея Эстонии Александра, ввиду закрытия Успенского крепостного прихода, перемещен был в храм Иверской монашеской общины близ Ивангородского кладбища. После 1944 дальнейшая судьба образа неизвестна.

Образ же свт. Николая Чудотворца поместили в северном Никольском приделе городского Спасо-Преображенского собора. В феврале сорок четвертого икону эвакуировали в Таллинн, откуда она вернулась после войны в Нарву. Сейчас она находится в левом приделе Воскресенского собора.

Взятие Нарвы русскими войсками в 1558 г. Фрагмент барельефа с надгробия полководца Понтуса Делагарди. 1589-1595 гг. Таллинн. Домский собор

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» (Нарвская-Ивангородская)

*Чудотворная икона Божией Матери
Знамение Нарвская-Ивангородская*

Местночтимая икона Божией Матери «Знамение», происходящая из Знаменской церкви Ивангородского форштадта Нарвы (ныне г. Ивангород), писана в 1731 г. и представляет собой список чудотворной иконы Божией Матери «Знамение» Новгородской, прославленной чудесным заступлением Новгорода в 1170 году (празднуется 27 ноября / 10 декабря).

Вероятно, с середины XVIII в. эта икона Божией Матери пребывала в Нарве, когда здесь строится освященный в ее честь деревянный Знаменский храм, – на горке, возле Петербургского (Ямбургского) шоссе. Замененный в 1786-1896 гг. каменным (не сохранился, разрушен во время боевых действий в 1944 г.), храм на протяжении двух веков оставался местом пребывания святыни, пользовавшейся большим почитанием местных жителей.

В конце XIX – начале XX вв. во время своих поездок из С.-Петербурга в Пюхтицкий монастырь и Ревель у святыни не раз бывал св. прав. Иоанн Кронштадтский, останавливавшийся на ночлег на Ивангородской стороне в семье благочестивых нарвских купцов и всякий раз молившийся перед этой иконой.

Чудесно спасенная в 1944 году святыня в настоящее время пребывает в Нарвском Воскресенском соборе.

10 декабря 1943 года Знаменская церковь в Ивангороде последний раз отпраздновала свой престольный праздник иконы Божией Матери «Знамение». Посредине храма, убранная цветами, светилась особо чтимая икона Божией Матери «Знамение». Прихожан собралось немного. Служили епископ Павел (Дмитровский), настоятель храма о.Евгений (Яхонтов) и протоиерей Юдин, славившийся великолепным басом. Настроение было приподнятое – торжественное. Особенно старались певчие, вкладывавшие душу в свое пение. После службы Владыка Павел сам преподнесет певчим памятные жетоны. Но в этой торжественности было и предчувствие надвигающихся грозных событий. Шла война. Фронт приближался и в любой момент мог оказаться здесь. Молились жарко. Кто за любимых близких, сражавшихся на войне, кто за уже положивших душу свою за други своя, а кто и за без вести пропавших.

В середине января о.Евгений после всенощного бдения объявил приказ немецкого командования об эвакуации города, закрытии храма и призвал в последний раз помолиться у иконы Божией Матери «Знамение».

При Знаменской церкви, как при других церквях Нарвы, работал дамский кружок, который составляли активные прихожанки. Они занимались благотворительностью и помогали церкви в уборке, украшении

храма к праздникам. Поэтому у каждой болело сердце за будущее храма. Уцелеет ли? Сохранится ли? А главное, всех волновала судьба иконы Знамения Божией Матери. Решено было взять икону с собой.

В последнюю минуту перед уходом из Нарвы члены дамского кружка Александра Николаевна Лукьянова и жена регента Анна Михайловна Пекарева вошли в храм и с трепетом (обе были очень религиозны) достали икону из киота, завернули в чистый платок и унесли с собой.

23 января 1944 г. группа нарвитян в 26 человек из взрослых и детей тронулась из Ивангорода в путь. В этой группе объединились несколько семейств: Лукьяновы, Пекаревы, Китшель и сестры Аксеновы. Иван Дмитриевич Пекарев был регент «милостью Божией»; он правил хором Знаменской церкви. Сестры Аксеновы – известные в Нарве певицы. Стоило им собраться вместе, как квартет был готов. Особенно красивый голос был у Елены Петровны, она обычно солировала.

Никому не хотелось уезжать с насиженного места. Дорога не сулила ничего доброго, жаль было маленьких детей, но и оставаться было нельзя. У Лукьяновых была лошадь и дровни. Погрузив на них скарб, пищу и маленьких детей, тронулись в путь. За дровнями шли взрослые, укутанные кто во что (трещал мороз),

с рюкзаками за спиной, а кто и с детскими саночками, на которых лежали вещи.

Выходить на шоссе было опасно, так как она была заперта военными машинами. Надо было перебраться на противоположный берег Наровы, где жили родственники Лукьяновых и где в земле был вырыт большой погреб, который мог вместить всех.

Под вой снарядов и гул артиллерии благополучно перешли крепко скованную льдом реку Нарову и вскоре вышли к знакомому месту. Здесь решили заночевать и, быть может, пережить самое страшное время.

Первой внесли в укрытие икону. Когда молились за благополучный переход реки, снаружи начал разыгрываться бой. Было такое чувство, что с ивангородской стороны бьют прямо по нарвскому берегу. Земля гудела, совсем рядом рвались снаряды и шрапнели.

Временами бой утихал, и тогда казалось, что Нарва вот-вот сдастся. Выходить из погреба было страшно.

Несколько дней и ночей провели в погребе, боясь показаться на глаза немцам. Бой не утихал, а разгорался все сильнее и сильнее. В какой-то момент все были обнаружены немецким военным, который кричал на них, угрожая расстрелом и требуя немедленно уйти. Было уже поздно, быстро темнело. С большим трудом упростили его позволить остаться только на одну ночь из-за детей. Но как же ужасна была эта ночь! Обстрел города с каждой минутой усиливался. Стоял сплошной гул, снаряды рвались где-то совсем рядом, казалось, что вот-вот один из них угодит прямо в погреб. Все притаились, ожидая самого страшного.

И тут Александра Николаевна Лукьянова, вспомнив старый народный завет, подошла к иконе, взяла ее в руки и направилась к выходу, за ней поспешила еще одна женщина. Они вышли в кромешный ад. Как же сильны они были духом и верой, что не побоялись в эту минуту обнести иконой погреб, сохранив всех находящихся в нем. Оставшиеся затаили дыхание, думая, что те ушли на верную смерть. Но какова же была всеобщая радость, когда через несколько минут обе вернулись целы и невредимы...

Долго сидели молча. Ожидать второго появления немцев было опасно. К четверем утра бой стал несколько утихать. Решили трогаться в путь. Выйдя из погреба, все онемели от той картины, которая представилась глазам. Земля вокруг погреба была буквально изрыта снарядами, а погреб остался целехонек. Разве это не чудо, подумалось каждому.

Тут кто-то вспомнил, что собрались в дорогу без молитвы. Бережно вынули икону: «Царице моя Преблагая...» Пели все – и старые и молодые, зная, что впереди тяжелый путь. Неожиданно впереди раздался оглушительный взрыв разорвавшегося снаряда; будь они сейчас на том месте, неизвестно что с ними было бы.

Бой вновь начал набирать силу. Ждать более было

Ивангород. Знаменская церковь

нельзя. Под обстрелом двинулись на запад. Кругом все горело, гудело, в воздух летели бревна, камни. С ивангородской стороны шел сильнейший обстрел города. Плутая по заснеженному полю, выбрались к Аувере.

Бой остался позади, на берегах Наровы, но тут над головой неожиданно показался бомбовоз. Впереди была лишь каменная стена, к которой все и устремились, ища хоть какого-нибудь укрытия. Некоторое время бомбовоз кружил в небе, проносясь иногда с воем над головой, но вскоре исчез. Воспользовавшись затишьем, двинулись дальше и вышли на большую дорогу. Когда оглянулись, увидели, что над тем местом, откуда ушли, вновь кружил бомбовоз и уже сбрасывал бомбы...

Некоторое время шли по дороге, идти здесь было значительно легче. Но вот послышался гул, который быстро нарастал. Навстречу обозу мчался огромный танк «Тигр». Обоз как ветром сдуло с дороги в кювет. По счастью, там намело горы снега, поэтому никто не пострадал.

И снова началось странствование по заснеженному полю. Наконец, вышли на лесную дорогу. Обоз неторопливо двигался вперед, уходя все дальше от фронта и приближаясь к Йыхви, но до города было еще далеко. На пути их перегнала военная машина, которая неожиданно развернулась и, пристроившись к хвосту обоза, тихонько поползла вместе с ним. Все притихли. Что бы это значило? Через минуту все выяснилось: над дорогой появился бомбовоз, который, не обратив внимания на обоз, полетел дальше. Как только самолет скрылся из виду, машина помчалась своей дорогой. По этой дороге тащились долго. Где-то в стороне беспрерывно бомбили. Путники устали, проголодались, мучила жажда.

На пути попался эстонский хутор. Но как не любезен оказался его хозяин! Пустить к себе он не может, еды у него нет, а если хотят пить, то пожалуйста – из колодца. Вода была ледяная, но бедняги были и этому рады. Все

настолько устали от бессонной ночи, от бесконечного хождения по снежной целине, что просто не находили в себе сил двигаться дальше. Хозяин, удостоверившись в том, что имеет дело не с грабителями, попросил Лукьянова помочь ему зарезать свинью, а взамен милостиво разрешил переночевать в сарае с сеном. Лошадь распрягли и отправили под навес, а сами буквально ринулись в сарай, где тут же упали на сено.

Наутро, помолившись перед иконой, пустились в дорогу. Где-то далеко обоз догнала машина с беженцами из Нарвы. Оказались тут и родственники. Узнав о том, что в обозе икона Божией Матери «Знамение», они стали упрашивать остановиться, чтобы помолиться у святыни. На пути был пустой хутор. К нему все и устремились. Внеся икону и чувствуя, что самое страшное позади, с благодарностью возносили свои молитвы. Пропели все, что знали, и закончили молитвой «Царице моя Преблагая...».

Машина с беженцами умчалась в Таллинн. Обоз же, дойдя до Йыхви, разделился: Пекаревы с иконой пошли в Кохтла-Ярве, где была церковь, остальные отправились в Сомпа к родственникам.

В Кохтла-Ярве икона хранилась у Пекаревых. В церкви оставлять ее в ту пору было опасно. Каждую суб-

боту, воскресенье и праздники группа прихожан из Сомпа, влекомая особой силой, спешила к своей Заступнице.

Но вот из Таллинна пришел указ вернуть икону в Нарву. Теплым летним днем, с огромными трудом достав грузовую машину, прихожане Кохтла-Ярвской церкви со слезами провожали икону в Нарву. Человек двенадцать на машине сопровождали ее до Воскресенского собора. В Нарве с утра готовились к встрече. Хотели выйти крестным ходом навстречу, но поскольку время прибытия было неизвестно, от этой мысли отказались. Еще по-летнему ярко светило солнце, когда машину с иконой встретили в Нарве трезвоном. Настоятель собора о. Иаков Тимофеев с иконою Николая Чудотворца, клиром и прихожанами (терпеливо ожидавшими с самого утра) вышли ей навстречу. Бережно

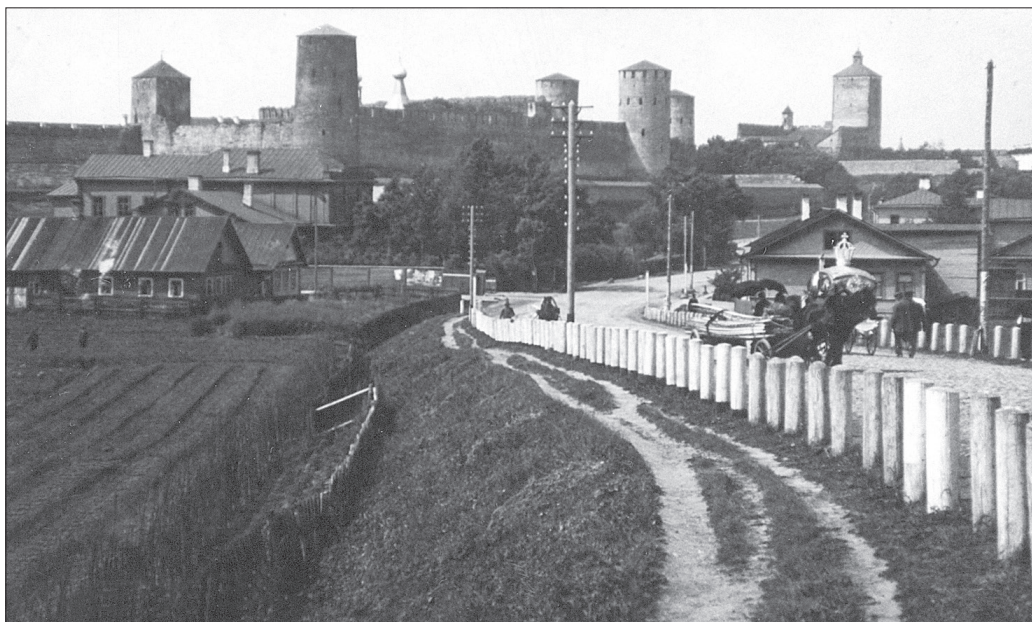
приняв икону, под пение молитвы «Царице моя Преблагая» внесли в храм и отслужили молебен. Провожавшие плакали.

Д.И. Пекарев устроился регентом в Воскресенском соборе, а те, кто пережил эпопею странствий, каждый год приезжали из разных мест в Нарву на праздник иконы Божией Матери «Знамение».

Со слов Елены Константиновны Аксеновой-Китишель, живой свидетельницы событий, и написано это повествование.

Крест на месте разрушенной Знаменской церкви. Фото 2000 г.

Вид от Знаменской церкви в сторону Ивангородской крепости. Фото 1910-х гг.

ЯВЛЕНИЕ ВМЦ. ПАРАСКЕВЫ ПЯТНИЦЫ В ИЛЬЕШАХ

Есть в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры старинная икона... Справа от алтаря, большая, барельефная, она помещена в массивный киот и заметно выделяется на фоне писаных икон своей древностью. Это образ св. мученицы Параскевы, нареченной Пятницею. Икона, принадлежавшая ранее храму свт. Николая Чудотворца в селе Ильеши Ямбургского уезда С.-Петербургской губернии (ныне – Волосовского района области), почитается чудотворной и по праву может быть названа живой легендой нашего времени. По местным преданиям она была обретена чудесным образом более ста пятидесяти лет тому назад (на самом деле, это событие вероятнее отнести к более раннему времени, к XVI-XVII вв.), «еще при барине» (т.е. до отмены крепостного права), недалеко от деревни Лаговицы и является классическим примером явленных икон, посвященных вмц. Параскеве-Пятнице и Богородице.

Св. мученица Параскева пострадала за Христа при Диоклетиане в Иконии в 282 году. Ее память отмечается Православной Церковью 28 октября/10 ноября.

В народе именем св. Пятницы часто называется вмц. мученица Параскева. В Четях-минях повествуется, что родители ее всегда чтит Пятницу как день страданий и смерти Спасителя, за что и даровал им Господь в этот день дочь, которую они называли Параскевой, т.е. Пятницей; в прежних наших месяцесловах при упоминании св. Параскевы упоминалось и название Пятницы, церкви, освященные в честь ее имени, до сих пор называются пятницкими¹. 28 октября, когда чтится память св. Параскевы, поселяне кладут под ее икону разные плоды и хранят до следующего года. В «обетные» пятницы, собираясь праздновать в одно означенное место, они выносят образ Параскевы мученицы, обвешанный платками и лентами. На дорогах, при распутиях и перекрестках, издавна ставятся на

Образ св. вмц. Параскевы. Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры

столбах небольшие часовни с иконою св. Параскевы; часовни эти также называются «пятницами».²

Сохранился древний обычай изображать святую в виде изваяния из дерева. Наряду с ее изображением, на Руси известны деревянные иконы прп. Нила Столобенского, свт. Николая Чудотворца, апостолов, иных святых, ангелов, Божией Матери и даже Самого Господа Иисуса Христа. Подобная деревянная скульптура характерна для Русского Севера. Известный русский этнограф С.В. Максимов в книге «Неведомая сила» пишет по этому поводу:

«Обычай такой несомненно уцелел с тех времен, когда обращение в христианство было большею частью внешним и пользовалось готовыми формами старой веры, более или менее удачно видоизменяя или приспособляя к ним обрядовую часть церковного

чина. Лишь впоследствии новое учение стало понемногу входить в плоть и кровь, отступая, однако, перед тем, что успело уже слишком глубоко проникнуть в народную жизнь и составило коренную и незыблемую основу верований...»

По свидетельству «Полного Церковнославянского словаря», составленного прот. Григорием Дьяченко в 1900 г., «пятница – пятый день в седмице, считая от воскресения. Этот день по преданию церковному православные христиане проводят в посте в воспоминание страстей и распятия на кресте Господа Иисуса Христа. В пятницу многие по суеверию ничего не делают (т.е. «празднуют»), вследствие того, что этот день в древности (преимущественно в литовско-русских, балтийских и северо-западных землях. – Ред.) был посвящен богине Сиве (лит. seewa – богиня плодородия). Культom Сивы объясняется суеверное уважение, питаемое русскими простолюдинами к пятнице как дню, посвященному этой богине. Кто в пятницу дело начинает, у того оно, по пословице, будет пятиться³. Во многих местностях русского царства по пятницам бабы не прядут, не варят

*Село Ильеши Ямбургского уезда (Волосовский район).
Слева вдали – церковь свт. Николая Чудотворца
и вмц. Параскевы Пятницы*

щелока, не стирают белья, не выносят из печи золы, а мужики не пашут и не боронят, почитая эти работы в означенный день за большой грех. Особенно же уважаются в народе издревле двенадцать пятниц, которые бывают перед большими праздниками: перед Благовещением, первая и десятая перед Воскресением Христовым, перед Троицей, Успением Богородицы, Ильиным днем, перед праздником Усекновения главы Иоанна Предтечи, Воздвижением, Покровом, Введением во храм Пресвятой Богородицы, Рождеством и Крещением. До сих пор хранят и переписывают старинное сказание о двенадцати пятницах, почитаемое старообрядцами наравне со Священным Писанием⁴. Во время неурожая, засухи и сильных дождей, вредных для посевов, а равно по случаю скотского падежа и появления червей были празднуемы «обетные» пятницы, в XVI веке писались в таких случаях целым миром заповедные записи. Так, крестьяне Тавренской волости (в 1590–1598 годах) сговорились промеж себя и учинили заповедь на три года, чтобы «в пятницу ни толчи, ни молоти, ни каменья ни жечи», а кто заповедь нарушит, на том доправить 8 алтын и 2 деньги. Константинопольский патриарх окружною грамотою 1589 года к литовско-русским епископам запрещал праздновать день пятницы наравне с воскресеньем⁵. Стоглав свидетельствует, что в его время ходили «по погостам и по селам и по волостем лживые пророки, мужики, и жонки, и девки, и старые бабы, наги и босы, и волосы отрастив и распустя, трясутся и убиваются, а сказывают, что им являются св. Пятница и св. Анастасия (имя это греческое и значит – воскресение, первый день недели, названный в христианскую эпоху воскресением, у язычников был посвящен солнцу – *dies solis, sonntag*) и велят им заповедати хрестьяном каноны завечивати; они же заповедают крастьянам в среду и в пятницу ручного дела не делати и женам не прясти, и платья не мыти, и каменья не разжигати, и иные заповедают богомерзкие дела творити».

Действительно, часто в церквях можно видеть иконы, где одновременно изображены вмц. Параскева (греч. – пятница) и мц. Анастасия (греч. – воскресение), отразившие эту древнюю традицию перехода празднования на Руси воскресного дня (дня, в который совершилось событие Воскресения Христова) вместо пятницы.

Продолжим чтение свидетельства С.В. Максимова: «...Начиная с крайних границ болотистой Белоруссии, от берегов Десны и Киева до далеких окраин Великороссии и Белого моря – поклонение образу Параскевы-Пятницы, в виде изваяния, остается до сих пор неизменным и всенародным. Точно таким же образом всюду на этом громадном пространстве земли, населенном православным людом, целебные родники-криницы и святые колодцы поручены особому покровительству святой Пятницы. Эта связь имени Пятницы с источниками текучих вод не ограничивает силы народных верований в нее как защитницу вообще воды... Это вытекает из того, что в старинных городах, укрепившихся на высоких берегах больших рек, подобно Киеву, Брянску и другим, пятницкие храмы построены на низменностях у самой воды – древний обычный прием, который, помимо Великого Новгорода и Торжка, с их пятницкими концами, наблюдается и близ Москвы, в Троице-Сергиевой лавре.

Иконы Пятницы, охраняющие святые колодцы, признаются (за малыми исключениями) явленными, а стало быть, и чудотворными, причем преимущество отдается скульптурным изображениям святой, но скульптура эта, разумеется, младенческая, она составляет древнейшую форму русского искусства...»

История чудесного обретения нерукотворного образа в селе Ильеши была записана исследовательницей этнографом С.В. Комаровой⁶ со слов местных жителей в наши дни. Исследователь сообщает, что место обретения представляло собой край огромного поля, где всегда пасли скот, рядом с небольшим леском. Здесь однажды в Ильинскую пятницу местный пастух увидел на березе маленькую девочку в старинной одежде, которая смотрела на него сквозь ветви дерева. На все приглашения со стороны пастуха спуститься девочка отвечала молчанием. Тогда пастух попытался согнать ее вниз кнутом, а затем сбить камнями. Но кнут и камни прилипли к дереву, не задев девочки. Пастух испугался и понял, что «дело не простое», помолился, залез на березу, аккуратно снял девочку, посадил ее в сумку и понес к местному священнику.

По дороге девочка из сумки исчезла, но священник собрал людей, и они с хоругвями и молитвенным пением двинулись к чудесной березе, где все увидели прилипшие к дереву камни и кнут. Под деревом стояла деревянная икона св. Параскевы-Пятницы – точная копия маленькой девочки, явившейся пастуху. Икону поместили в местный храм свт. Николая Чудотворца (тогда еще деревянный), посвятив один из приделов

вмц. Параскеве (другой был посвящен св. Илии Пророку). На месте обретения, недалеко от березы, был найден камень с углублениями в виде детской головки и ступни. Здесь построили деревянную часовню и вскоре открылся родник, что тоже было истолковано как добрый знак. Часовня была всегда открыта; береза, камень, родник творили чудеса: помогали в семейной жизни, при детских болезнях, излечивали от глазных недугов и паралича. Страждущие приходили в часовню в любое время и писали просьбы на стенах, приносили подношения в виде венков с лентами. Параскеву-Пятницу прежде называли «бабьей святой», и последняя неграмотная крестьянка считала ее своей заступницей и благодетельницей. Ей молились о женах; она покровительствовала сакральной женской работе – прядению – и рукодельям. Со слов местных жителей, внутри часовни круглый год висело много пучков кудели, мотков ниток, тканых полотнищ и изделий из них. В углублениях камня постоянно стояла вода, этой водой промывали глаза и пили ее, к глазам и больным местам прикладывали также мох, росший вокруг камня и родника.

День обретения иконы – Ильинская пятница – стал местным праздником, на который стекались паломники со всей округи. Пол в церкви, часовне, а также весь путь, по которому следовал крестный ход с иконой, устилался ковром из трав и цветов, особенно душицы-материнки – она особенно хороша в этих местах. После праздника эту траву собирали, сушили и в течение всего года использовали в лечебных целях. Местная традиция даже стала причиной своеобразной трактовки сюжета самой иконы. Позднее, после того как во время небольшого пожара была утрачена левая рука святой, в которой по

*Ильеши. Храм
свт. Николая
Чудотворца
и вмц. Параскевы
Пятницы*

канону находился свиток Священного Писания, некоторые богомольцы стали утверждать, что изначально в этой руке вмц. Параскева держала стебелек душицы.

В XVI в. храм в Ильешах, именовавшийся тогда Григорьевским Льешским погостом (в то время еще деревянный), упоминается впервые под 1500 годом в Писцовой книге Водской пятины Великого Новгорода. Церковь свт. Григория, упоминаемая под этим годом, возведена была, вероятно, на месте более древней церкви, да и само название села, похоже, указывает на очень древнее почитание в этой местности прор. Илии и Ильинской пятницы. Пожалуй, эти обстоятельства и почитание здесь св. источника и вмц. Параскевы могут позволить причислить Ильеши к древнейшим погостам Северо-Запада.

Каменная церковь во имя свт. Николая Чудотворца возведена здесь в 1792-1798 гг. и после пожара 1824 г. отстроена вновь в 1832 г., с приделом вмц. Параскевы. Позднее перестроена в 1855-1864 гг. (арх. К.И. Брандт, К.Е. Егоров) с добавлением придела прор. Илии.

В 1937 г. храм не действовал и был закрыт перед войной в 1941 г. В 1940-х гг. службы были возобновлены.

Икону трижды увозили и возвращали обратно. Все это время, ознаменованное гонениями на веру, часовня оставалась местом постоянного паломничества. В хрущевскую «оттепель» часовня была взорвана, источник «ушел». Люди, совершившие святотатство, не умерли своей смертью: один утонул, двое повесились. Воронка, оставшаяся после взрыва часовни, стала новым местом паломничества, возле нее выросла новая береза. Камень, пострадавший от взрыва, верующие укатали в тайное место, – вода уже не держалась в нем постоянно. Паломничества же к месту явления иконы продолжают до сих пор... По словам местных жителей, на этом святом месте по-прежнему подается помощь притека-

*Ильеши. Николо-Параскевинский храм. Вид с
северной стороны*

ющим сюда, происходят чудеса и исцеления по вере просящих помощи. На березе богомольцами укреплены кресты, на камне под ней оставляют цветы и монеты. И говорят, что здесь, вопреки безбожной власти, дары невещественной благодати, не умаляясь и не иссякая, текут, подобно струям живого источника, для всех жаждущих христиан.

Вот как С.В. Максимов описывал сельский праздник в начале века:

«В Ильешах, столь известных петербургским православным жителям, тысячами отправляющимся туда на Ильинскую пятницу по Балтийской дороге, наблюдается следующая поразительная картина: над опущенными долу головами коленопреклоненных богомольцев проносится высоко поднятая на носилках, тяжелая киота с деревянным изваянием явленного образа Пятницы. С трудом подвигаясь вперед, счастливая и восторженная группа богоносцев, лишь благодаря ловкости, приобретенной долгим опытом, никого не увечит в этой цепи неловко распластавшихся по земле людей. Замедляемый всякими помехами, крестный ход из храма «Великого Николы» направляется к часовне, находящейся в полутора верстах от него, т.е. от места «поставления» чудотворной иконы к месту ее «явления».

Здесь, подле самой часовни, стоит развесистая старая береза, служащая, как священная, предметом благоговейного почитания. В кору ее на некоторой высоте от земли врос булыжный камень так глубоко, что теперь едва приметен. По преданию, это – тот самый камень, который был брошен озлобленным сладострастным диаволом в убегающую от его соблазнов Пятницу, спасавшуюся на этом дереве. А подле дерева у самого

корня есть другой камень, который привлекает главное внимание всех богомольцев. Это – тот камень, на который уперлась стопою Пятница, чтобы быстро вскочить на дерево, и оставила тут глубокий след стопы своей. Вода, скопляющаяся здесь, признается народом за слезы праведницы, плачущей о людских прегрешениях. Эта вода врачует от всяких болезней, преимущественно глазных...»

Главный праздник Ильешского прихода – Ильинская пятница, переходящий, празднуемый в последнюю пятницу перед Ильиным днем (прор. Илии, 20 июля/2 августа), и по сей день собирает множество богомольцев.

В 1988 г., в год 1000-летия Крещения Руси, усердием нынешнего настоятеля Николо-Пятницкой церкви села Ильеши свящ. Владимира Кузьмина в Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры из Русского музея была передана чудотворная икона св. мц. Параскевы, явленная в Ильешах. Начиная с этого года, по просьбе прихожан, на приходе была восстановлена прежняя традиция свершения в Ильинскую пятницу (выпавшую в 1988 г. на 29 июля) крестного хода с иконой вокруг храма. В приходе сохранялись все годы те самые носилки, на которых богомольцы бережно обносили в этот праздник св. икону вокруг храма. Вплоть до начала 1930-х гг. в этом в храме совершалась архиерейская служба – обычно в храм приезжал викарный епископ, ныне праздничную службу с настоятелем храма разделяют о. благочинный и священники из соседних приходов.

Св. чудотворный образ с 1988 г. ежегодно привозят в храм из Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры, где образ постоянно хранится по данному в июне 1989 г. благословению митрополита Алексия, ныне Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. На месте разрушенной часовни не служат – оно превратилось в место чисто народного почитания, главный же праздник прихода происходит в Николо-Параскевинском храме.

В 1990 г. свящ. Владимир Кузьмин ходатайствует о восстановлении часовни на месте явления иконы вмц. Параскевы.

В описании, сделанном в 1880-х гг.⁷ она упоминается как деревянная и ветхая, стоящая в поле, в полутора верстах от храма, отмечено также, что именно к ней совершался обыновенно крестный ход. «Часовня обнесена оградой, между оградой и часовней вырыт колодец. Возле часовни на одном камне есть впадина, в которой, по преданию, явилась Святая Параскева. Вода, наполняющаяся сюда от дождей, считается целебной».⁷

Впоследствии часовню заменили кирпичной, простоявшей до 1961 г., когда ее взорвали и запахали бульдозерами. По отзыву настоятеля, «в настоящее время место это заросло лесом, земля вытолкнула кирпичи и остатки железной крыши обратно на поверхность. Летом все зарастает буйной травой, и цыгане⁸ на этом месте собирают душицу и другие целебные травы,

Ильеши. Крестный ход с иконой вмц. Параскевы Пятницы. Фото 1929 г. (Из собрания Российского Этнографического музея)

приносят их в храм для освящения, и всю зиму пьют чай с этими травами от простуды и других воспалительных заболеваний. Переняв от них эту мудрость, и я избавился от хронических простуд и других немощей.

Прихожане просят меня восстановить эту часовню и колодец. В этом году на этом месте побывало особенно много народа. Поставили скамьи, столики, а на месте часовни вкопали столб с крестиком, молились...»

Планировалось восстановление колодца и часовни, возобновление служения молебнов на месте явления чудотворной иконы, на что было получено благословение правящего архиерея.

Однако бедный и малочисленный приход не смог осуществить задуманное, собирая великое множество богомольцев лишь летом, в свой заветный праздник – Ильинскую пятницу, когда по-прежнему сюда идут православные по обетам, молятся, умывают лицо и глаза, а также детей святой водой из камня у источника св. Параскевы, собирают ее в пузырьки и благоговейно хранят дома, употребляя в случае надобности. И все оживет здесь, в Ильешах, лишь на следующий год, в следующую Ильинскую пятницу...

Ю.В. Старцева, И.В. Попов

Молебен возле часовни вмц. Параскевы Пятницы на месте ее чудесного явления близ с. Ильеши. Фото 1929 г. (Из собрания Российского Этнографического музея)

Примечания

¹ Православный собеседник, 1859, II, 196.

² Рязан. Е.В., 1846, 6; Русские предания, Макарова, I, 22–26; Терещ., IV, 58–59; см. Поэтические воззрения славян на природу, А. Афанасьева, т. I, стр. 231–234.

³ Пословицы В. Даля, 1031.

⁴ Православный собеседник, 1859, II, 188; Калики переходящие, VI, 120–174.

⁵ Акты Юридические, 358; Ак. Зап. Р., IV, 22.

⁶ С.В. Комарова. Три сюжета на тему явленного образа Пятницы из села Ильеши. Сборник «Христианский мир: религия, культура,

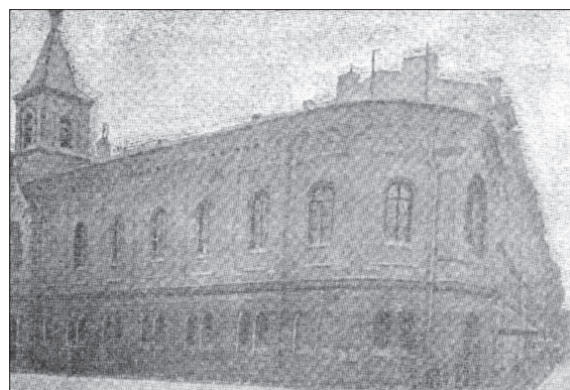
этнос». СПб, 2000. С. 299–303.

⁷ Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Т. IX. 1885 г.

⁸ В окрестностях села проживает издавна множество цыган православного вероисповедания, особо почитающих это место, образ и праздник, помогающих в восстановлении храма и совершении богослужений. Возможно, это почитание праздника цыганами восходит к древней бывшей здесь традиции устройства в Ильинскую пятницу в Ильешах ярмарки и конного базара, причем кони не только окроплялись св. водой в этот день, но обводились трижды вокруг часовни, что совершалось и в случае болезни животного.

Редакция приносит извинения за неточность, допущенную в предыдущем выпуске журнала.

На стр. 143 вместо фотографии храма свт. Митрофана Воронежского (Митрофаниевского Синодального подворья) на углу Кабинетской и Звенигородской улиц была ошибочно опубликована фотография Александро-Невской церкви при Училищном совете Святейшего Синода (также находившаяся на Кабинетской улице). Помещаем фотографию церкви свт. Митрофана Воронежского

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

Свящ. Владислав Кумыш

СВЯЩЕННОМУЧЕНИКИ ИВАНГОРОДСКИЕ

**Протоиерей Димитрий Чистосердов (1861-1918)
и иерей Александр Волков (1873-1918)**

Память 26 декабря/8 января

Священномученик Александр Павлинович Волков родился в Нарве в 1873 году, в семье священника. Отец его, Павлин Алексеевич Волков, был протоиереем и настоятелем Нарвской Ивангородской Успенской церкви. Почти полвека (47 лет) прослужил он в приходе Успенской церкви. За свою долгую священническую жизнь он имел назначение только в один приход – в приход Ивангородской крепости. Автор некролога писал об отце Павлине: «Он пользовался редкой любовью прихожан, среди которых были не только жители Нарвы, но и окрестных деревень. Среди его многочисленных духовных детей и прихожан надолго сохранится светлая память о добром и разумном пастыре-руководителе, который своим примерным служением возбуждал религиозные чувства своих духовных детей»¹. Вырастив сына, ивангородский настоятель отдал его в Санкт-Петербургскую семинарию, которую Александр окончил в 1893 году по первому разряду.

По окончании курса семинарии двадцатилетний Александр Волков был направлен учителем в Меррекульскую церковно-приходскую школу. Меррекуль – дачная местность в живописных окрестностях известного летнего курорта Гунгербурга (Усть-Наровы), лежащего среди дюн и сосновых лесов на берегу Финского залива. Нарвское взморье: Гунгербург – Шмецке – Меррекуль – Удриас пользовалось популярностью у нарвитян и петербуржцев и в 1890-х гг. здесь был возведен деревянный храм во имя Казанской иконы Божией Матери, служивший преимущественно в летнее время приезжавшим сюда дачникам. При этом храме и происходило первоначально служение будущего пастыря. Через три года молодой учитель подает прошение

о переводе в Александрово-Невское Духовное училище, в котором ему предстоит трудиться на протяжении 10 лет, вплоть до своего отъезда в Нарву. Здесь он сменил несколько должностей, подготавливая себя через их прохождение к пастырскому служению. Вначале он получает должность надзирателя за воспитанниками, затем 22 сентября 1900 года Александр Волков становится учителем русского языка 1 класса, а впоследствии, в 1903 году, назначается преподавателем священной истории во 2 классе. Вскоре к педагогической и воспитательной деятельности прибавляется еще и хозяйственная: 13 сентября 1901 года его утверждают в должности эконома училища. Постепенно расширяя круг своих обязанностей, Александр Павлинович не забывал при этом и о главном деле своей жизни – пастырском служении, к которому сознательно готовил себя со школьной скамьи. 6 ноября 1901 года совершилась

долгожданная диаконская хиротония: епископом Гдовским Константином (Булычевым) он был рукоположен в сан диакона к училищной церкви св. Павла исповедника.

С ревностью и страхом Божиим совершал свое служение у престола Господня о. Александр. В удостоверении, выданном епархиальному начальству при прошении о назначении его на священническое место, сказано: «...За все время своей службы при училище и во всех должностях диакон Александр Павлинович Волков отличался и отличается примерною аккуратностью, усердием, трудолюбием и старательностью, деятельность его всегда сопровождалась достоподобными успехами. Все возлагаемые на него правлением церковные поручения исполнял с редким умением. Во все воскресные и праздничные дни обязанности ди-

*Ивангород. Церковь Успения
Пресвятой Богородицы*

*Ивангород. Никольская
крепостная церковь.
Иерей Александр Волков*

акона училищной церкви отправлял тщательно и с должным благоговением; всегда служил и служит с приготовлением. Высочайшим приказом от 5 мая 1904 года за отлично-усердную службу награжден орденом св. Анны 3 степени»².

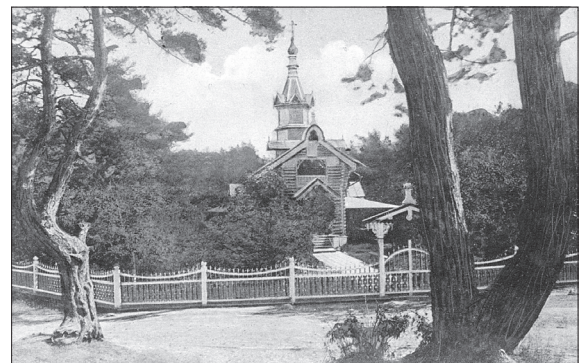
6 ноября 1904 года совершилось, наконец, то, к чему так давно стремилась душа о. Александра: в этот день он был рукоположен во священника преосвященным Кириллом (Смирновым), епископом Гдовским (будущим священномучеником), викарием С.-Петербургского митрополита. Однако до начала полнокровной приходской жизни оставалось еще три года петербургской жизни. 27 сентября 1905 года о. Александр был определен священником на вакансию при церкви прп. Сергия Радонежского Громовского приюта, что в Ковенском переулке (д. 12). Окормляя детей приюта и его служащих, о. Александр продолжает вместе с тем свою педагогическую и воспитательскую деятельность в Духовном училище, объем которой значительно расширяется: 3 октября он назначается учителем катехизиса и церковного устава в 4 классе, арифметики во 2 классе и наставником в том же классе³.

В 1907 году произошли серьезные перемены в жизни о. Александра. 27 сентября в возрасте 71 года уволился на покой его отец, протоиерей Павлин Алексеевич Волков, прослуживший в течение всей своей священнической биографии в Ивангородской Успенской церкви. В связи с уходом за штат своего отца иерей Александр в 1907 году 24 сентября резолюцией Санкт-Петербургского митрополита Антония (Вадковского) был определен на вакансию

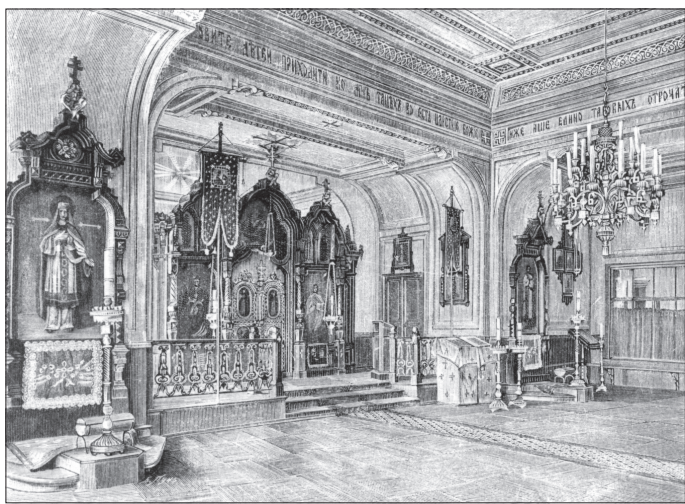

к Успенской Нарвской Ивангородской церкви. Этот храм был и остается один из древнейших храмов нашего края. Построен он был в 1507-1509 годах предположительно архитектором Маркусом Греком, несколько раз перестраивался, но в настоящее время восстановлен в первоначальном виде. Когда-то эта церковь являлась частью так называемого Большого Боярского города, размещавшегося за крепкими стенами Ивангородской крепости. Впоследствии, в послепетровское время, она превратилась в приходской храм Нарвы. Более полстолетия – 59 лет – священнический род Волковых совершал свое служение Богу и людям в одном из древнейших приходов Санкт-Петербургской епархии.

Свободное от служения время Ивангородский настоятель посвящал преподаванию Закона Божия. В те годы пастыри не ограничивали свою деятельность отправлением богослужения и требоисполнением. Большая часть времени уходила на катехизическое и миссионерское служение Церкви. Поэтому навыки, полученные в Духовном училище, весьма пригодились о. Александру на новом месте служения. В Нарве в начале двадцатого столетия не было недостатка в учебных заведениях. Несмотря на существование нескольких приходов в городе и на немалое количество пастырей-педагогов, среди которых следует упомянуть имя священномученика Иоанна Кочурова, о. Александр состоял законоучителем сразу трех учебных заведений. Прежде всего, следует назвать Первое женское нарвское училище, состоявшее из восьми учебных классов и предоставлявшее своим воспитанницам педагогическое образование. Эта гимназия находилась под покровительством Ее Императорского Высочества Великой Княгини Марии Павловны, которая утверждала в должности попечительницу школы. Входила она также в ведение С.-Петербургского учебного округа. Одновременно с преподаванием закона Божия в женской гимназии о. Александр учительствовал в школе при нарвском Доме трудолюбия, который оказывал срочную и непродолжительную помощь неимущим. Помимо предоставления крова здесь давалась возможность трудиться по мере сил. Работа была несложной и заключалась в склеивании бумажных пакетиков, которые затем использовали в лавках для упаковки. Имелся здесь и приют для престарелых и обездоленных, а также действовал класс для

*Меррекулъ. Церковь
Казанской иконы Божией Матери*

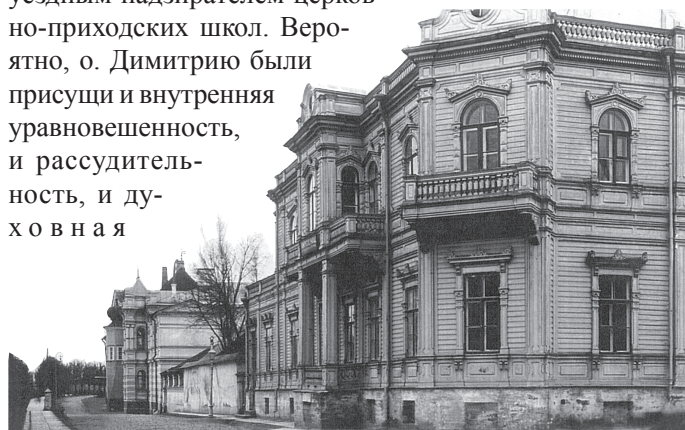
С.-Петербург. Церковь прп. Сергия Радонежского при Громовском приюте на Ковенском переулке

бесплатного обучения детей из бедных семей. Всех этих несчастных надлежало духовно окормлять и морально поддерживать. О. Александр и трудился по мере своих сил над тем, чтобы обитатели Дома трудолюбия сохраняли в себе как облик человеческий, так и образ Божий. Наряду с этим, пастырь Успенского прихода являлся законоучителем нарвской Коммерческой школы, принадлежавшей к разряду средних учебных заведений и находившейся в ведении Министерства торговли и промышленности. Училище предоставляло учащимся общее среднее, а также коммерческое образование. Ученики, окончившие полный курс школы, получали аттестат и удостоивались звания почетного гражданина и кандидата коммерции. В попечительский совет училища входила городская элита: члены городской думы, мещанских обществ, купечество. Училище было внушительным и по количеству учащихся: к сентябрю 1917 года в нем училось около 500 детей. Попасть в это привилегированное заведение было не так-то легко. Несмотря на высокую плату за обучение, конкурс составлял приблизительно четыре человека на место. (Кстати говоря, не исключено, что преподавание Закона Божия именно в этом училище и послужило причиной гибели о. Александра. В 1918 году нарвская большевистская газета «Известия» (№ 11) писала: «Нарвское Коммерческое училище является до сих пор оплотом врагов Советской власти, крепостью-центром, где собираются ее явные и тайные враги». Быть врагом советской власти, создававшей в то время кровавым насилием антикультурную, антирелигиозную и антinationальную общность, мог только глубоко русский человек, сформировавшийся в спасительных рамках исторической и духовной традиции святой Руси. В разряд врагов советской власти и зачислялись деятели безликого и деспотичного большевизма все истинные сыны нашего Отечества.) Таким образом, учительская деятельность о. Александра имела широкий диапазон и охватывала детей самых различных слоев населения города Нарвы⁴.

Это увеличение послушаний церковных не было,

конечно, простой случайностью или велением обстоятельств в судьбе о. Александра. Тайна водительства Божия, присутствующая в судьбе каждого христианина, с особой силой и очевидностью проявляет себя в жизни члена Церкви, принявшего муки за Христа. Преподавание Закона Божия имело большое значение в духовном становлении пастыря-мученика. Если совершение богослужений освящает ум и душу священника, участие в трапезе Господней питает его духовные силы, а забота о пасомых развивает чувство милосердия и сострадания к ближнему, то непрестанное обучение детей и взрослых истинам веры способствует утверждению мысли в постоянной памяти Божией.

Такой же – исполненной трудов на благо Церкви – была жизнь и другого пастыря-мученика Нарвы, о. Димитрия Чистосердова, служившего по соседству с о. Александром Волковым. Служил он в приходе Знаменского Ивангородского храма, выстроенного в 1750 году и имевшего три придела: иконы Богоматери «Знамение», св. Илии пророка и Крестовоздвиженский. Он был уроженцем Санкт-Петербургской губернии, родившимся 14 октября 1861 года в семье диакона⁵. Окончив Петербургскую семинарию по первому разряду в 1882 году, выпускник Димитрий Чистосердов, как и о. Александр, первое время трудился в Александро-Невском училище в качестве комнатного надзирателя. (В дореволюционное время не рукополагали в сан сразу же по окончании семинарии, а определяли на церковные послушания в учебные заведения, давая возможность кандидату в пастыри повзрослеть, приобрести жизненный опыт и достигнуть тридцатилетнего возраста – рубежа, определенного церковными канонами.) В 1889 году 3 февраля он был определен и рукоположен во священника к Знаменской церкви Ивангорода, в которой прослужил настоятелем 30 лет, вплоть до своей мученической кончины. В отличие от о. Александра, о. Димитрий занимал не один руководящий пост в церковной жизни Санкт-Петербургской епархии. Так, являлся он благочинным одновременно двух округов: церковью города Нарвы⁶, и 1 округа Ямбургского уезда. Помимо этого протоиерей Димитрий был председателем Ямбургского отделения епархиального училищного совета и уездным надзирателем церковно-приходских школ. Вероятно, о. Димитрию были присущи и внутренняя уравновешенность, и рассудительность, и ду- х о в н а я

Нарва. Коммерческое училище, где законоучительствовал иерей Александр Волков

*Нарва. Нарвское
духовенство
и официальные лица
среди воспитанниц
детского приюта.
Второй слева
в третьем ряду
– протоиерей
Димитрий
Чистосердов.
1910-е гг.*

зоркость, и житейская мудрость, коль скоро епархиальное начальство возлагало на него церковные послушания такого рода.

Стоит сказать и о том, что должностные обязанности не превратили его в бездушного администратора, отгороженного своим высоким положением от конкретных судеб человеческих. Он пользовался заслуженным уважением и любовью среди своих прихожан, не знал, что такое замкнутость, и никогда не отделял себя от окружающей жизни. Об этом говорит хотя бы тот факт, что Ивангородский пастырь, несмотря на свою загруженность, не оставлял и школьного дела, преподавая Закон Божий в трех школах: в школе при своем приходе, в Нарвском мужском училище и в Нарвском приюте П. Орлова. Священномученик Иоанн Кочуров, служивший в те годы в Нарве, в день двадцатипятилетия служения о. Димитрия в священном сане сказал прочувствованное слово, охарактеризовав юбиляра как ревностного, неутомимого пастыря Церкви и насадителя просвещения среди населения Принаровского края⁷. Авторитет его был столь велик, что даже в 1917 году, когда население и многие прихожане были революционизированы, он на общем собрании приходов города

был избран членом совета нарвского отделения Братства Пресвятой Богородицы. Чтобы оценить это избрание по достоинству, следует сказать, что духовенство под влиянием демократических настроений в то время отстранялось от управления приходами и братствами. Газета «Нарвский листок» за № 42 от 1917 года поместила на своих страницах статью под названием «К объединению церковных приходов», в которой содержался страстный призыв к ограничению прав священников по управлению приходской жизнью. Ни один священник Нарвы и Ивангорода, за исключением протоиерея Димитрия Чистосердова, не вошел в состав совета Братства Пресвятой Богородицы. Конечно же, здесь сказалась прежде всего его авторитетность, а не разделяемая им с многими «избирателями» увлеченность духом церковного либерализма и реформаторства. Что это избрание было невольной данью уважения маститому старцу-настоятелю, станет ясно из дальнейшего повествования.

Октябрьский переворот 1917 года со временем дал знать о себе и в Нарве. В ноябре месяце немецкая военная власть, утвердившаяся в Эстляндии в ходе Первой Мировой войны, сменилась диктатурой большевиков. Совершив насильственный захват власти и объявив Эстонию Трудовой Коммуной, представители нового режима первым делом взялись за очищение страны от «религиозного дурмана». 10 декабря 1918 года Совет Эстляндской Трудовой Коммуны издал декрет о выселении из страны всех лиц духовного звания. «Попы всех вероисповеданий, как распространители ложного учения, объявляются контрреволюционерами и, тем самым, врагами трудового народа, и им запрещается пребывание в пределах Эстонии», — говорилось в этом документе⁸. Через два дня вышло новое постановление, запрещающее совершение богослужений⁹. А 30 декабря Управление внутренних дел передало все культовые здания в распоряжение местных исполнительных комитетов¹⁰. Фактически, эти декреты преследовали цель полного уничтожения Церкви в пределах Эстонии. На основании этих указов все нарвское

*С.-Петербург. Александро-Невское Антониевское
Духовное училище*

Ивангород. Знаменская и Никольская церкви. Здесь с 1889 по 1919 гг. служил и в ограде Знаменской церкви был погребен протоиерей Димитрий Чистосердов. Оба храма разрушены в 1960-х гг.

духовенство было арестовано. В обвинительной графе каждого арестованного священнослужителя значилось: «православный поп, заложник»¹¹. Священникам было выдано предписание покинуть страну в течение 24 часов. Депортации избежали только трое из них: о. Александр Волков, о. Дмитрий Чистосердов – они были расстреляны – и о. Владимир Бежаницкий, священник Нарвской Кренгольмской Воскресенской церкви. Последний упрямил власти оставить его в Нарве, принять во внимание его преклонный возраст и болезненное состояние. Большевики «снизошли» к просьбе «классового врага» по-своему, т. е. издевательски: о. Владимира освободили с правом проживания в Нарве, но заставили его при этом рыть ямы для расстреливаемых. Бедный пастырь, не выдержав такого испытания, впоследствии лишился рассудка.

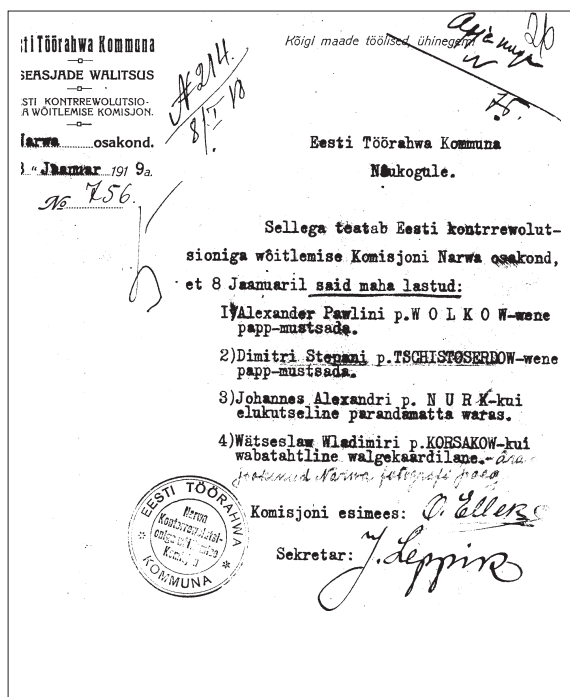
О. Александра обвинили в монархизме¹². Никаких расследований, конечно, не проводилось. Списки расстреливаемых заранее составлялись местными чека и затем отправлялись в отдел внутренних дел Эстляндской коммуны. «В список № 1, – говорилось в секретном циркуляре, – надлежит внести тех из находящихся в живых еще лиц, которые с 1905 года в той или иной форме притесняли или преследовали трудящийся народ. Вы отвечаете за то, чтобы в этом списке не было пропущено ни одного имени, ни одного барона, пастора или православного священника, живущего в этом районе, совершенно независимо от того, как смотрит местное население на его деятельность»¹³. Понятно, что при таких широких правах местные карательные органы, минуя всякое судопроизводство, могли вносить в число смертников кого угодно. На протоколе ареста о. Александра от руки наискосок было размашисто написано: «смотри обратную сторону». А на обратной стороне этого документа в верхнем левом углу та же рука начертала: «Комиссия (по борьбе с контрреволюцией – прим. автора) постановила: русского попа Александра Павловича Волкова – расстрелять. 6. 01. 19. О. Эллек»¹⁴. Таким образом, Оскар Эллек, председатель нарвской комиссии по борьбе с контрреволюцией, без всяких допросов и дознаний, единолично вынес решение

о расстреле о. Александра, поставив резолюцию прямо на протоколе ареста.

Против фамилии «Чистосердов Дмитрий Стефанович» в соответствующей графе «смертного» списка стояла запись «mustsada»¹⁵, что в переводе с эстонского языка означало «черносотенец». Других документов, касающихся о. Димитрия, – ордера на арест, протокола допроса и т. п. – в архиве по делу репрессированного духовенства не обнаружено. «Черносотенец» – это единственное слово против его фамилии говорит о том, что о. Димитрий, как и о. Александр, оставался в 1919 году человеком, преданным монархии и Государю Императору, на верность которому они присягали в свое время, как и все граждане России. Их «монархичность» заключалась лишь в той верности идеалам великой России, в которых они были воспитаны и которые стали впоследствии неотъемлемой частью их души. В политической деятельности они замешаны не были, иначе бы в следственных делах обязательно появились бы соответствующие документы и характеристики. Абсолютное отсутствие архивных данных в документах Эстляндской Трудовой Коммуны о принадлежности двух приговоренных к расстрелу настоятелей к партиям и союзам не оставляет сомнений в их аполитичности. Как пастыри они, вероятно, не могли не говорить пастве о своих взглядах и убеждениях в то трагическое для России время. Только за это – за искренность и пастырское прямотушие, за верность взрастившей их Родине и Церкви – они и были приговорены к расстрелу. На второй день Рождества Христова, в праздник собора Пресвятой Богородицы, 8 января 1919 года их вывели за пределы города и предали мученической смерти.

Но имеем ли мы право называть ивангородских пастырей мучениками за веру во Христа? Чем отличались они от многих других жертв красного террора?

Отвечая на этот вопрос, следует заметить, что уничтожение духовенства носило организованный, а не произвольный характер. Расстреливая пастырей или выдворяя их за пределы страны, красные комиссары искореняли идеологию, которая, как им казалась, поддерживала существование строя имущественного неравенства. Характерно, что в декрете Я. Анвельта священство названо отнюдь не «классовым врагом» или «прислугой эксплуататорского меньшинства». Служители Церкви объявлялись в этом документе «распространителями ложного учения». А это значит, что, уничтожая духовенство, большевики боролись прежде всего с учением Христа, с православной верой как таковой. Нацеливая ружье на человека в рясе с крестом, революционер расправлялся с нравственными и духовными ценностями христианства, стрелял в учение Христа-Спасителя, несовместимого с его идеями материального и безбожного равенства. Торжество идей социалистического преобразования общества требовало полной ликвидации Церкви. В силу этих причин гонения Церкви, проводимые ленинской диктатурой, имели ярко выраженную антихристианскую направленность. Все это не позволяет нам считать убиенных пастырей случайными жертвами времени, втянутыми в роковой круговорот исторических событий, а обязывает относиться к ним как

Свидетельство о расстреле иерея Александра Волкова и протоиерея Димитрия Чистосердова, выданное Нарвским отделением комиссии по борьбе с контрреволюцией Эстляндской Трудовой Коммуны

к мученикам за веру православную и Церковь Христову.

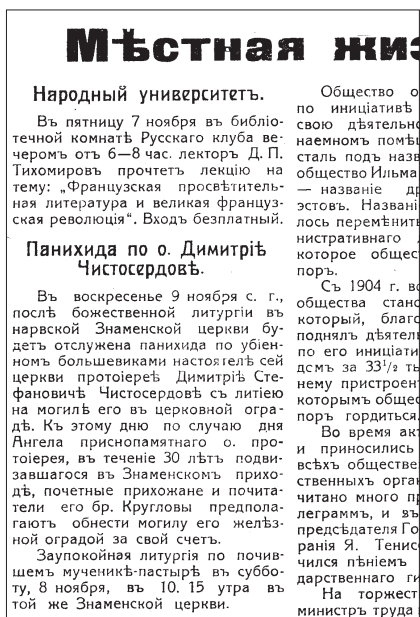
История не сохранила нам подробностей гибели двух ивангородских священников. Тела расстрелянных были брошены в нечистоты. Когда красные ушли, священник Никольской Ивангородской церкви о. Константин Колчин позаботился об отпевании мучеников и христианском их погребении. Имена ивангородских пастырей до 1940 года, т. е. до ввода советских войск в Эстонию, почитались в городе наравне с именем священномученика Платона, епископа Ревельского. «В воскресенье, 15 января, — сообщалось в газете «Нарвский листок» от 1928 года (№ 5), — в

Преображенском соборе, после литургии причтом во главе с Его Высокопреосвященством архиепископом Евсевием была отслужена великая панихида по убиенным большевиками еп. Платоне, прот. Д. Чистосердове и свящ. А. Волкове. Молитвенная углубленность богомольцев, строгая траурная тишина, скорбные напевы панихиды невольно приковывали внимание к тем страшным, ушедшим дням, когда расстреливали за исповедание Христа этих великих священномучеников. Кто из нарвитян не знал отца Димитрия Чистосердова и отца Александра Волкова? Милых, самоотверженных пастырей, которых за любовь ко Христу расстреляли на Кренгольмском поле и тела их бросили в свалочное место. Пусть светлые имена их постоянно будут в нашем сознании».

В этой небольшой заметке мысль содержится высокая и справедливая: мы не имеем права предавать забвению имена тех, кто кровь свою пролил за Христа.

Примечания

- ¹ Газета «Нарвский листок». 1914 г. № 34.
- ² ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 115, д. 396, л. 2.
- ³ Там же, д. 397, л. 5-11.
- ⁴ Биографические данные приведены из послужного списка о. Александра, находящегося в ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 113, д. 4333, л. 36—40.
- ⁵ Биографические данные приведены из послужного списка о. Димитрия, находящегося в ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 113, д. 4257, л. 61.
- ⁶ Т. е. всех храмов Нарвы и Ивангорода, т. к. Ивангород в то время не имел административной самостоятельности и подчинялся Нарвской городской управе.
- ⁷ «Нарвский листок». 1914. № 51.
- ⁸ Декреты, постановления и сообщения Эстонской Трудовой Коммуны. Петроград. 1919. № 1, с. 9.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же, с. 23.
- ¹¹ Эстонский Государственный архив (в дальнейшем — ЭГА). Таллин, ф. 28, оп. 3, д. 66.
- ¹² Там же, ф. 28, оп. 1, д. 21, л. 26.
- ¹³ Газета «Ревельское слово» от 30 января 1919 года.
- ¹⁴ ЭГА, там же, л. 115.
- ¹⁵ Там же, л. 26.

«Старый Нарвский листок». № 22. 7.11.1925 г. — Свидетельство почитания Ивангородских священномучеников

Ивангород. Петропавловское кладбище. Место погребения иерея Александра Волкова

УЗНИК ВЕЗЕНБЕРГА

Священномученик протоиерей Сергей Флоринский (4.03.1873-1918)

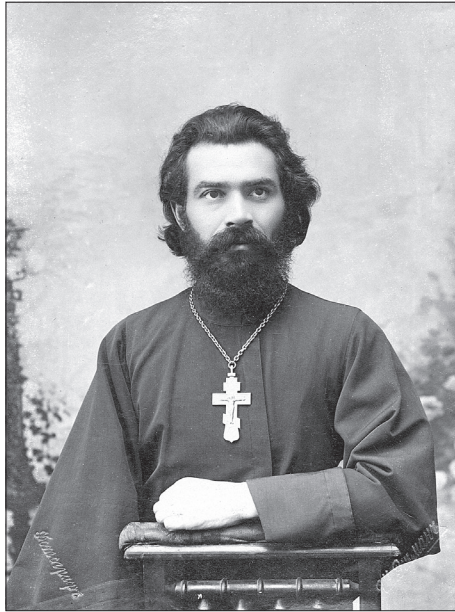
Память 13/26 декабря

16 января 1919 года в газете «Ревельское слово» появилась заметка о злодеяниях, совершенных большевиками в Везенберге (Раквере). Статья называлась «Везенбергский кошмар». В ней сообщалось:

«Приехавшие вчера из Везенберга беженцы рассказывают ужасы о том, что творилось в Везенберге при большевиках, а особенно – при их отступлении. Было арестовано очень много народу, не исключая женщин и детей. Арестовывали всех, кто только навлекал на себя подозрение в контрреволюционности: крестьян-собственников, домовладельцев, бывших чиновников, учителей, священников (православных и лютеранских). Начались расстрелы.

Приговоренных к смерти выводили из тюрьмы, заставляли рыть могилы, устанавливали на краю их и затем стреляли в упор. Всего вырыто было три могилы, в которых нашли себе место десятки трупов. Засыпали могилы кое-как: руки, ноги и головы высывались из-под тонкого слоя песка, точно взывая к небесам об отмщении. Пока известны нам следующие имена расстрелянных: пастор Паукер, православный военный священник о. Сергей Флоринский¹, акцизный чиновник Гессе, доктор Луйк, баронесса Гюнэ, содержатель конно-почтовой станции Аарон, председатель земледельческого общества Рейзенберг, домовладелец Пуйклаук. Расстреляна одна крестьянка вместе с своим трехмесячным ребенком».

Через три дня, 20 января, редакция «Ревельского слова» поместила на своих страницах краткий некролог об убиенном протоиерее Сергии Флоринском, составленный врачом того полка, в котором служил пострадавший пастырь. «Меня, – писал доктор, – служившего вместе с о. Сергием в 151-м пехотном Пятигорском полку, особенно поразило это известие. Далекий от партийных воззрений, знавший только свой долг пастыря, глубоко уважаемый и любимый всеми, о. Сергей явился одной из невинных жертв большевистской, зверской вакханалии. Прослужив в 151-м пехотном Пятигорском полку около 16 лет и выступив вместе с полком на театр военных действий с начала мировой войны, о. Сергей участвовал во всех сражениях, награжден был многими боевыми отличиями, в том числе и крестом на Георгиевской ленте. Теперь он принял мученическую кончину не в открытом

бою, а из-за угла и только потому, что он – священник, что он не мог быть сторонником большевистской власти. Не могу не отметить той любви, которой он, добрый, отзывчивый, заслуженно пользовался у всех солдат и сослуживцев без различия национальностей. Для нас, знавших о. Сергия, его имя останется незабвенным. Спи мирно, чистый человек, ты – искупительная жертва наших ужасных дней. Бывший врач 151-го пех. Пятигорского полка д-р М. К.».

Отец Сергей действительно был любим и глубоко уважаем теми, кто его окружал. Когда в марте 1918 года народный комиссариат приказом № 39 уволил из военного ведомства все полковое духовенство, отец Сергей

«по постановлению госпитального комитета и по желанию всего состава служащих» был оставлен «на службе в госпитале с окладом жалованья 400 р. в месяц»². Многозначительный и красноречивый факт. К тому времени нравственное разложение в русском народе если и не достигло своего апогея, то было уже необратимым. Духовенство как класс утратило свой авторитет. Неуважение к Церкви и Ее служителям было обычным, бытовым явлением. Высшие и низшие чины действующей армии не являлись исключением в этом трагическом общерусском отрицании исконных основ национальной жизни. Армия, пожалуй, была даже авангардом этого движения. Главной движущей силой февральского переворота, как известно, оказалась именно армия. Хлебный бунт, вспыхнувший в Петрограде и послуживший толчком революции, был спровоцирован запасными частями, не желавшими отправляться на фронт. Ставка, т. е. русский генералитет, воспользовавшись беспорядками в столице, а также условиями военного времени, абсолютно не допускавшими политическую борьбу, принудила Государя отречься от престола. Тем удивительнее на этом апостасийном фоне выглядят случаи единства полковых священников со своей армейской паствой. Ничем, кроме как исключительными моральными и душевными качествами пастырей, их объяснить невозможно.

Эти единичные примеры верности Христу и Родине в то время, в обстоятельствах надвигавшегося конца, казались совершенно бессмысленными, ибо что они могли изменить? Россия была обречена. Но сегодня они

являются предметом нашего пристального внимания и тщательного исследования. Потому что подобное молчаливое стоическое противостояние трагизму истории, духу времени и всеобщему отступлению превращало этих, не изменивших себе, людей в подлинных героев Руси святой, в нестигаемых носителей великой христианской идеи. Как говорится, чем беспрощетнее ночь, тем ярче свет от мелькающих звезд. Увидеть этот свет, озариться и просветиться им, удержать его в своей душе и укрепить им свою веру – все это является религиозной необходимостью православных христиан нашего, последнего времени.

Священномученик Сергей Феодорович Флоринский родился в Суздале 4 марта 1873 года в семье священника городской Космодемьянской церкви³. По окончании в 1893 году Владимирской семинарии он поступил на должность учителя в Яксаевское земское училище Суздальского уезда. По обычаю того времени ряд лет выпускник семинарии Сергей Флоринский преподавал в учебном заведении, и только в 1900 году, 28 января, распоряжением о. протопресвитера военного и морского духовенства был определен на вакансию священника к церкви 151 пехотного Пятигорского полка⁴. Получив назначение, он подает прошение на вступление в брак с дочерью протоиерея лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка девицей Елизаветой Ивановной Смоленской. (Митрофорный протоиерей Иоанн Смоленский, выходец из Владимирской губернии, был выдающимся пастырем своего времени. Он пользовался расположением и особым доверием Царской семьи, которая поддерживала с ним связь посредством переписки даже во время Екатеринбургского заключения.) 9 февраля в Петергофской Петропавловской полковой церкви состоялось венчание раба Божия Сергея и рабы Божией Елизаветы⁵. Спустя два месяца, 5 марта, епископом Гдовским Вениамином (Муратовским) викарием Санкт-Петербургской епархии, Сергей Феодорович Флоринский был рукоположен во иерея за Божественной литургией в Исаакиевском кафе-

Суздаль. Вид города с колокольни Ризоположенского монастыря

дральном соборе С.-Петербурга⁶. Прямо из Петербурга новопоставленный иерей отправляется на место своего служения, в Гродненскую губернию, в местечко Береза-Картузская, где был расквартирован 151 пехотный Пятигорский полк. Об этом полке имеется историческая справка следующего содержания:

«151 пехотный полк был сформирован 28 ноября 1863 года. После формирования полк был расквартирован на Кавказе, в станице Подгорная. Жизнь полка мирно протекала до войны с турками в 1877-1878 г.г., в которой молодой полк принял боевое крещение и сразу поставил себя наряду со старыми боевыми частями. В награду за подвиги, мужество и храбрость, проявленные в продолжение войны, Государь всемилостивейше жаловал полку Георгиевские знамена с надписью «За взятие Карса 6 ноября 1877 г.» После окончания войны полк был поставлен на стоянку в крепость Ардаган, где и простоял до 1894 года. В сентябре 1894 года полк по распоряжению Военного Министерства был переведен в Варшавский военный округ и расположен в м. Картуз-Березе Гродненской губернии, где и протекала его мирная жизнь до японской войны 1904-1905 г.г. С объявлением этой войны полк выделил из себя 7-ю роту. Целый год полк посылал от себя на пополнение частей, ведущих войну, отдельные команды солдат и офицеров. Всегда это были добровольцы, вызывавшиеся сражаться за честь Родины на дальних полях Манчжурии. В 1908 году полк был переведен в г. Ковель. В 1910 – обратно в Картуз-Березу. В начале войны 1914 года полк вошел в состав 5-й армии и был направлен в Холмскую губернию против австрийской армии»⁷.

Своего отдельного храмового здания полк не имел. Полковая церковь, устроенная тщанием военно-инженерного ведомства и вмещавшая до 600 человек, располагалась в одном из флигелей воинской части. От находящихся в другой половине флигеля цейхгаузов (склада оружия, обмундирования, снаряжения и т.п.)

Суздаль. Церковь св. бесср. Космы и Дамиана

храм отделялся каменной стеной. Алтарь церковный был пристроенным, с главкой, а потолки – высоко поднятыми. Над входом в алтарь, с северной стороны, была возведена колокольня. Священник со своей семьей жил тут же, в части, в казенной квартире, находившейся в офицерском доме. Приход отца Сергия насчитывал 2445 лиц мужского пола, из военных, и 112 пола женского. Здесь же, в военном городке, располагался и штаб полка. Церковным ктиторм при церкви состоял полковой капитан Антоний Михайлович Волин⁸.

Роль полкового священника в царской армии была немаловажной. На военном духовенстве лежала обязанность религиозно-нравственного просвещения войска. От деятельности священника во многом зависел боевой дух армии. Патриотизм русского ополченца определялся его чувством к Богу, Царю и отечеству, тремя величинами, слагавшимися в его душе в единое, неразрывное целое. Пастыри русских полков призваны были заботиться о внутреннем облике солдата и офицера, о поддержании в войске начал религиозной жизни, без которой и Царь, и Отечество становились понятиями отвлеченными, не наполненными ни смыслом, ни содержанием. Однако выполнять эту высокую и идеальную задачу в 1900-х годах, в условиях охватившего страну кризиса, разрешившегося первой революцией, было нелегко. Один из полковых протоиереев в 1898 году в своем рапорте протопресвитеру военно-морского духовенства, искренне переживая и принимая близко к сердцу все, происходящее в армии, с горечью писал:

«Военное начальство не только мало содействует в пастырском влиянии на нравственность нижних чинов, но иногда своими распоряжениями и парализует религиозно-нравственные наставления священника. Например: священник учит нижних чинов проводить воскресные и праздничные дни, по заповеди Господней, свято, а военное начальство на канун этих дней назначает в офицерских собраниях музыкальные и

Петергоф. Церковь свв. апп. Петра и Павла лейб-гвардии Уланского полка, где венчался протоиерей Сергей Флоринский

танцевальные вечера; в самые праздники, в часы литургийные, назначаются телесные осмотры; о постах и говорить нечего – прямо предписывается варить в ротах мясную пищу в постные дни, кроме дней говения; жениться нижним чинам не позволено, а посещать дома проституции не запрещается; вызов на дуэль, учит священник, есть грех против 6-й заповеди Господней, а военное начальство разрешает таковые вызовы, кончающиеся нередко убийством. При такой обстановке дела могут ли пастырские наставления и беседы священника со своими пасомыми иметь надлежащее благотворное влияние на умы, сердца и волю воинских чинов?»⁹ Из приведенной жалобы кадрового полкового протоиерея нетрудно заключить, что

служение военного духовенства в мирное время сопряжено было с немалыми трудностями.

Война меняла весь уклад полковой жизни и поставляла каждого военного пастыря в непосредственной близости от мученической черты. Характер и условия пастырской деятельности на поле брани требовал от каждого полкового иерея сугубой веры, мужества, готовности жертвовать собой. Духовного дерзновения, постоянного самоотречения. Русский священник видел свою обязанность в поддержании воинского духа среди солдат. «Как бы ни был кто тверд духом, но не может человек спокойно относиться к ужасному призраку смерти, витающего над головой положительно на каждом шагу, – писал журнал «Вестник военного духовенства» – Слишком велик ужас

этого призрака, чтобы можно было спокойно чувствовать себя». В такие минуты и нужен был ободряющий и вселяющий веру голос пастыря. Но для этого он и сам должен был быть выше страха смерти, иначе слова его оказались бы бездейственными и бессильными укрепить души, охваченные ужасом кровопролития. И многие пастыри, вдохновляемые высшей силой, становились стражами воинской совести своего полка. «Священник 154 Дербентского полка, Павел Иванович Смирнов своим мужеством и

Сергей Федорович и Елизавета Ивановна Флоринские. Фото 1900 г.

спокойствием в трудную минуту так поднял дух полка, что, увлеченный своим пастырем, полк не только преодолел опасность, но и одержал победу. Имя о. Павла после этого стало геройским для всей Кавказской армии»¹⁰. Подробная летопись всех подвигов духовенства царской армии могла бы занять немалое количество страниц...

Но далеко не все было благополучно в деятельности полкового духовенства и на театрах военных действий. Полностью отсутствовало организационное начало в военной жизни армейского священства. К началу русско-японской войны каждый полковой священник действовал по своему усмотрению. Прот. Г. Шавельский в своих воспоминаниях пишет: «В русско-японскую войну можно было наблюдать такие картины: один священник – храбрый и жаждавший подвига – забирался в передовой окоп и ждал момента, когда ему можно будет пойти с крестом впереди; другой пристраивался к отдаленному, недостижимому для пуль и снарядов перевязочному пункту; третий удалялся в обоз 2-го разряда, обычно отстоявший в 15-30 верстах от части. Последний устранял себя от активной роли во время сражения, но и первые два не приносили той пользы, которую они должны были принести»¹¹.

Отец Сергей в русско-японскую войну вместе с войсковыми частями своего полка выступил на театр военных действий. 31 июля эшелон доставил солдат на линию фронта, и молодому полковому пастырю впервые пришлось участвовать в военных действиях. Послужной список отца Сергея скупой и официально отмечает маршрут следования войскового соединения: «3 августа 1905 года прибыл в Харбин. 6 августа прибыл с эшелоном на станцию Гунчжулин. 8 августа продвигался с полком на левый фланг к дер. Ендятруль. 25 октября прибыл на зимние стоянки к ст. Лошагоу, к дер. Юдунтунь». Чуть меньше года продлилось пребывание отца Сергея в действующей армии. 4 июня 1906 года он вместе с полком выступил на европейскую часть России и через месяц был уже в Каргуз-Березе¹².

Во время русско-японской войны 1904-1906 г.г., как отмечала периодическая печать, «военное духовенство оказалось во всех отношениях на высоте своего положения. В течение всей кампании духовные пастыри поддерживали в войсках религиозно-нравственный дух, внушая как офицерам, так и нижним чинам бодрость и терпение. Всюду и всегда они совершали богослужения, давая возможность воинам помолиться и причаститься Святых Таин. Местом богослужения бывали не только бараки, палатки, но и равнины, ущелья, горы, траншеи; служили у лафетов пушек, имея в виду не свою безопасность, а удобство для нижних чинов помолиться, не отлучаясь из окопов с позиции. Во время боев священники, не обращая внимания на рвущиеся снаряды, посещали траншеи, где совершали молебны и кропили св. водой солдат. Они напутствовали больных, за недостатком фельдшеров и санитаров перевязывали раненых, здоровым напоминали

о долге и присяге сражаться за веру, царя и отечество. Все время вместе с другими они терпеливо переносили все неудобства, невзгоды, страдания походной и боевой жизни»¹³. Служение на фронте священника 151 пехотного полка иерея Сергея Флоринского, как и многих других, было отмечено двумя наградами: орденом св. Анны 3 степени за понесенные труды походной жизни и памятной бронзовой медалью на Александрo-Георгиевской ленте¹⁴.

После окончания войны полковая жизнь вступила в свое обычное русло: регулярные богослужения в храме, пастырские беседы с воинскими чинами, катехизация, поучения, совершения треб, семейные хлопоты. Но память еще долго хранила увиденное и пережитое на фронте. Душевные потрясения, вызванные войной, вряд ли изглаживаются из души. Их следы остаются в человеке до конца его земных дней.

Всего восемь лет мирной полковой жизни, отделявших японскую войну от германской, отпущено было Промыслом Божиим русскому воинству. В это время 151 полк на два года был переведен в г. Ковно, а затем вновь в 1910 году переместился в Каргуз-Березу. В этот же период короткой междувоенной передышки у отца Сергея и матушки Елизаветы родилось трое детей: старший сын Николай, дочь Варвара и младший сын Феодор¹⁵. Когда Федору исполнилось два года, началась Первая Мировая война.

В 1914 году полковые пастыри отправлялись на фронт со строго разработанной и одобренной съездом военного духовенства инструкцией. В ней указывалось, что во время боя каждый полковой священник должен находиться на передовом перевязочном пункте, где обычно скопляются раненые, а ни в коем случае не в тылу. «Но и к этому пункту священник не должен быть привязан: он должен пойти и вперед – в окопы и даже за окопы, если этого потребует дело. Помимо общеизвестных обязанностей священника: совершения богослужений, напутствований, погребений, наставлений и ободрений, инструкция возлагала на священника много таких обязанностей, о которых и не помышляли его предшественники. Строевому священнику вменялось в обязанность: помогать врачам в перевязке раненых, заведывать уборкой с боевого поля убитых и раненых, заботиться о поддержании в порядке воинских могил и кладбищ, извещать возможно обстоятельнее родственников убитых, организовывать в своих частях общества помощи семьям убитых и увечных воинов и т.д.»¹⁶. Мемуаристы, писавшие о полковых священниках, отмечают необыкновенную самоотверженность, бесстрашие и воодушевленность, проявленную военными пастырями во время военной кампании 1914 года. Сам Государь Император удивлялся их героизму. «Я никогда не слышал ничего подобного о работе духовенства. Отовсюду слышу самые восторженные отзывы о нем», – говорил Николай II¹⁷. Даже верховный главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич,

Молебен в войсках в годы Первой Мировой войны. 1916 г.

человек весьма сдержанный и не расточавший лишних похвал, заметил однажды: «Нам нужно поклониться в ноги военному духовенству за поддержку, какую оно оказывает нам в тяжелую годину войны»¹⁸. В каждом номере журнала «Вестник военного духовенства» помещались рассказы очевидцев о действиях священников на поле брани. Читая эти небольшие по объему заметки, приходишь к выводу о том, что многие из них являлись как бы ангелами-хранителями своих полков. Чтобы не быть голословными, приведем лишь два примера:

«Его бы место, пока пальба в разгаре, – в обозе второй очереди, – писал журнал об одном из полковых батюшек. – А он под самыми пулями прогуливается... Тяжелораненого причастит, над умирающим прочтет отходную. Солдаты: «Уходи, батюшка! Не ровен час – зацепит!» А он им с невозмутимостью: «Не имеют права, бо я нейтральный и при исполнении священнических обязанностей». «Да ведь шальная какая-нибудь хватить может», – урезонируют офицеры. «И шальная не имеет права без Господней на то воли. А ежели Его воля...» И ходит себе все время преспокойно, точно на церковной площади. Однажды прогуливался чуть ли не под самой линией австрийских окопов. Только кричал им все время: «Не смей в меня стрелять! Не смей стрелять! Бачишь – я с крестом». И действительно, ни одно австрийское ружье не выстрелило»¹⁹.

Другой священник прибыл на линию фронта на праздник Пасхи. В ответ на пение пасхального тропаря австрийцы открыли огонь. Тогда «священник остановился, затем быстро выскочил из окопов и скрылся в темноте. Прошло несколько минут, затем вдруг, точно по команде, прекратилась стрельба из австрийских окопов, стало тихо. Солдаты тщательно всматривались вдаль: ничего не было видно. Все были уверены, что священник погиб. Вдруг из темноты долетели звуки пасхального гимна. Еще несколько минут и, встреченный дружным «ура»,

священник прыгнул в окоп. Кругом него собираются, начинают его расспрашивать. Он как-то конфузливо улыбается и только твердит: «Ничего, братцы, ничего. Разговляйтесь спокойно. Они мне поклялись сегодня не стрелять...» Больше священник не хотел рассказывать»²⁰.

Как и многие другие полковые священники, отец Сергей Флоринский был проникнут стремлением подвижнического, подлинно христианского служения русскому воинству. Его походная деятельность в Первую Мировую войну была отмечена тремя наградами: орденами св. Анны 3 степени, св. Владимира 4 степени и наперсным крестом на Георгиевской ленте. Последняя награда была вручена ему самим Николаем II, о чем в его послужном списке имеется запись следующего содержания:

«Государь Император по всеподданнейшему докладу Синодального обер-прокурора, согласно определения Святейшего Синода, в 1-й день июля 1916 года в царской ставке Всемиловитейше соизволил за отлично-усердную службу и особые труды, понесенные во время военных действий, на пожалование золотого наперсного креста на Георгиевской ленте из Кабинета Его Императорского Величества»²¹. Протопресвитер военного ведомства Г. Шавельский в своих воспоминаниях говорит, что для получения этой награды требовался особый подвиг. Командир 151 полка полковник Д.Л. Ардазиани в своем письме протопресвитеру по поводу наградного креста очень высоко отзывался об отце Сергии. «Не говоря о совершенном подвиге»²², – писал он, – который удостоен уже санкции высшего начальства, сообщая Вам, что отец Сергей примерный пастырь во всех отношениях, незаменимое духовное лицо на поле брани и прекрасный человек»²³.

Самоотверженное служение военного духовенства ни в коей мере не могло, конечно, предотвратить надвигающиеся роковые события, имевшие для России трагические последствия. Февральская революция 1917 года, свергнувшая с российского престола Государя Императора и положившая конец царской армии, застала 151 Пятигорский пехотный полк в местечке Бичуны-Пурвишка Иллукстского уезда Курляндской губернии. Сверху, от новых демократических властителей, один за другим последовали распоряжения, деморализующие войска. Началось неудержимое разложение регулярных частей царской армии. Положение полкового духовенства день ото дня становилось все хуже и хуже. Вот что сообщал в своем рапорте благочинному один из полковых священников о тех трудностях, с которыми ему приходилось сталкиваться после февральского переворота: «В 170 пехотном Молодечненском полку мне было выражено

недоверие за мою деятельность как священника на полковом митинге 21 мая с. г. Причина солдатского недоверия – моя упорная борьба с брошенными в солдатскую массу лозунгами большевизма: «дойдой войну», «братание с австро-германцами», «недоверие к офицерам», «выборное начальство» и др. Замечая к себе доверие старых солдат, несмотря на предостережения справа и слева, я шел все сильнее против поднятых лозунгов. Поводом к выраженному недоверию послужила раздача мною 16 мая религиозно-нравственных листков, иконок. Листки, мною просмотренные, все говорили или о христианской личной жизни по Евангелию, иконах, о церковных праздниках двенадцатых; не могло быть ни одного листка, и не было, противореволюционного; по крайней мере, культурно-просветительская комиссия, куда они были направлены, не могла найти ни одного предосудительного по содержанию листка. Членом культурно-просветительской комиссии (фамилии не называю) было положительно заявлено мне, что теперь уже не имею права раздавать ни религиозно-нравственных листков и брошюр, ни Евангелий, ни крестиков, ни образков, ибо это неревolutionно. 21 мая на солдатском митинге мне было выражено недоверие, как преданному старому режиму. 23 мая (будний день) пулеметная команда просила меня служить молебен и 2 акафиста и выразила мне свое возмущение постановлением митинга. Причем некоторые лично мне сочувственно заявили, что лучше для меня уехать в другое место, чтобы не случилось какого-либо насилия надо мной. <...> Недоверие к «попам» переходит не только во враждебное отношение лично к нам, как священникам, но и к богослужению и молящимся солдатам, которые и ныне готовы слушать «поповские басни». Почему на богослужении бывает очень мало людей, 10-

За службой в походном полковом храме (иерей Константин Богоявленский)

50 человек. При этом я не раз замечал выделяющиеся фигуры солдат с ухарским видом в фуражке, шагах в десяти от молящихся, по сторонам и даже впереди, явно вызывавших священника на какой-либо инцидент»²⁴.

В таких условиях деятельность полкового священника становилась бессмысленной, а пребывание в революционизированных войсках небезопасным. Все чаще и чаще на стол протопресвитера военного ведомства ложились прошения от священников с просьбами об увольнении из армии. В качестве примера приведем одно из них. Оно было составлено иереем, ушедшим на фронт из самых искренних побуждений и с глубокой болью взиравшего все, происходившее в русской армии после февральской революции. «С 25 февраля с. г. я добровольно нахожусь в действующей армии при 19 драгунском Архангелогородском полку. Деятельность моя как священника протекла при самых исключительных обстоятельствах военной жизни: позорное отступление из Галиции, нарекания на командный состав, потеря солдатами совести и Бога, преследование людей здравого смысла, скептическое отношение к молитве и враждебное отношение к духовенству – все это выбило меня из колеи и обезоружило духовно. Я добровольно шел в действующую армию защищать честь Родины от врага, а не лицедреть грабежи, убийства и всякого рода насилия над личностью. Признаюсь, как честный человек, что я устал душой, и работы плодотворной, вероятно, в полку не принесу. Не желая получать определенное содержание за «прозябание» в действующей армии, я покорнейше и слезно прошу освободить меня от несения настоящих обязанностей в действующей армии»²⁵.

Ничуть не лучше было положение и отца Сергия Флоринского. 151 Пятигорский полк, где он служил, увы, не являлся исключением из общего правила. 22 июня 1917 года пастырь этого полка был переведен на священническую вакансию в 29 полевой запасной госпиталь. 6 июля

Полковая церковь на фронте. 1915 г.

о. Сергей прибыл на место своего нового назначения с зачислением в штатные списки госпиталя. В тот момент госпиталь располагался в Эстляндии, в Везенберге (Раквере) и занимал здание городской гостиницы. В штате кроме священника состояло 4 врача, 4 фармацевта и 3 сестры милосердия, а на лечении в нем находилось чуть более ста раненых солдат²⁶. Здесь, как и на предыдущем месте своего служения, отец Сергей своими качествами пастыря и человека в скором времени покорила сердца всех сотрудников госпиталя. Когда через 6 месяцев после его назначения, в январе 1918 года, последовал приказ народного комиссариата об увольнении всего духовенства из военного ведомства, то госпитальный комитет решительно воспротивился этому постановлению новой власти и вынес решение об оставлении отца Сергея на службе в госпитале «по желанию всего состава служащих» с окладом жалованья 400 руб. в месяц²⁷. Всего шесть месяцев понадобилось работникам госпиталя, чтобы по достоинству оценить личность нового пастыря и бесстрашно встать на защиту полюбившегося батюшки от безбожных декретов большевизма.

Недолго пришлось прослужить отцу Сергию в 29 полковом госпитале. В феврале месяце 1918 года ввиду окончательного распада русской армии и беспрепятственного продвижения германских войск вглубь России Эстляндия была занята немцами с немедленным установлением на территории Прибалтики жесткого оккупационного режима. 22 марта госпиталь был расформирован, и отец Сергей остался в чужой стороне без всяких средств к существованию. Положение усугублялось еще и тем, что новое правительство, взяв под контроль все православное духовенство Прибалтийского края, не давало отцу Сергию разрешения на выезд из страны для возвращения на родину. А о получении такового он хлопотал неоднократно. 7 июля 1918 года с отца Сергея немецкой властью был снят надзор, и он подал несколько прошений об отъезде в Россию. Однако комендатура не нашла возможным удовлетворить просьбу русского пастыря. Тогда 30 августа отец Сергей отправляется в Ревель в надежде, что при личной беседе ему удастся склонить немецкое командование к положительному разрешению вопроса. Но осторожное военное руководство, вероятно, опасаясь, что кадровый полковой священник, оказавшись в России, непременно проинформирует сторону противника о положении вещей в крае, и на сей раз ответило

отказом. Пробыв два дня в Ревеле, отец Сергей вернулся ни с чем в Везенберг²⁸.

Между тем, семья Флоринских, проживавшая в то время в Петергофе, голодала в прямом смысле этого слова и с нетерпением и надеждой ждала возвращения везенбергского невольника. «Ты вот думаешь приехать горку строить, — писала в письме своему супругу матушка Елизавета Ивановна, — а бедные ребятки теперь и не помышляют о каких-либо развлечениях. Теперь у них один хлеб на уме и одна забота: как и чем наполнить свое

брюшко. Теперь мы голодаем в буквальном смысле этого слова <...> Тяжело думать, что папочка наш больше не поднимется, сегодня с ночи весь день ему особенно тяжело. Руки и ноги распухли ужасно. Он лежит уже больше месяца. Боимся за него ужасно, жаль старичка, а он, главное, все это время так нежен и так жалеет меня и деток наших — все позовет бабушку и твердит ей, чтоб она чем-нибудь подкармливала ребятку. Приезжай

скорее, может, застанешь его еще. Папа все время шибко ждет тебя. Ты пишешь, что ходишь в опорках, и я тоже недалеко ушла от тебя. Ходьбы у меня много, и я все время с мокрыми ногами. Удивляюсь, как еще не стужусь. Думаю, что это Господь хранит меня для стариков, им я нужна так же, как и деткам. <...> Будь здоров, еще раз крепко целую тебя и с нетерпением ждем. Любящие тебя твои Е., В. и Ф. Флоринские. Завтра 22 пойду с Федей к обедне, буду его приобщать, а Варю оставляю помогать бабушке, да и письмо это она снесет на почту, да и в очередь сходит. Она теперь все умеет сделать. И не узнаешь дочку»²⁹.

Это письмо, датированное 21 октября 1918 года, было одним из последних. Германские военные власти, закрывшие границу для о. Сергея, не препятствовали все же его переписке с родственниками и знакомыми, проживавшими в России. Совсем иначе повела себя власть Я. Анвельта — главы Эстляндской Трудовой Коммуны, — сменившая немецкую оккупацию в Эстонии в конце ноября 1918 года. При большевиках переписка для отца Сергея стала невозможной. 29 января 1919 года матушка Елизавета, доведенная до отчаяния молчанием мужа и безысходностью своего положения, обратилась к протопресвитеру военного духовенства: «Ваше высокопреподобие! — писала она, — обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой. Я, жена протоиерея³⁰ бывшего 151 пехотного Пятигорского полка, в настоящее время нахожусь безо всяких средств к существованию и буквально умираю,

Везенберг (Раквере). Петербургская ул.

с двумя малолетними детьми, от голода. Муж мой до декабря 1918 года находился в плену в г. Везенберге Эстляндской губернии. В настоящее время неизвестно, где он находится, так как вот уже 2 месяца не имею о нем никаких сведений. Письма, которые я ему посылаю, возвращаются ко мне назад. Будьте добры оказать мне посильную материальную помощь³¹, имея в виду мое тяжелое положение. Живу я в настоящее время у матери, вдовы прот. Смоленского, в г. Новом Петергофе, Ольгинская ул., д.10, кв. 1. Жена протоиерея Елизавета Флоринская»³².

Матушка отца Сергия не могла, конечно, знать, что в декабре 1918 – январе 1919 в Прибалтике в связи с аннулированием советской стороной Брест-Литовских соглашений хозяйничали красные комиссары. Военное поражение Германии в войне обернулось активизацией революционных сил в крае. 15 ноября в Петрограде на заседании эстонской секции РКП(б) был образован Временный комитет Эстляндии из 11 человек, задачей которой стал захват власти в Эстонии. Перебравшись в г. Ямбург (г. Кингисепп), комитет обнародовал воззвание, в котором провозглашал свержение власти немецких оккупантов и «восстановление трудовым народом Советской власти»³³. «Исходя из поставленных политических целей, Главное командование Красной армии считало необходимым скорейшее продвижение советских войск вслед за уходящей германской армией. Для выполнения этой задачи на северо-западе началось усиление ревельского и псковского направлений. Сюда были переброшены латышские, эстонские и финские части. Основной удар наносился на нарвско-ревельском направлении, а вспомогательный – на псковско-валкском»³⁴.

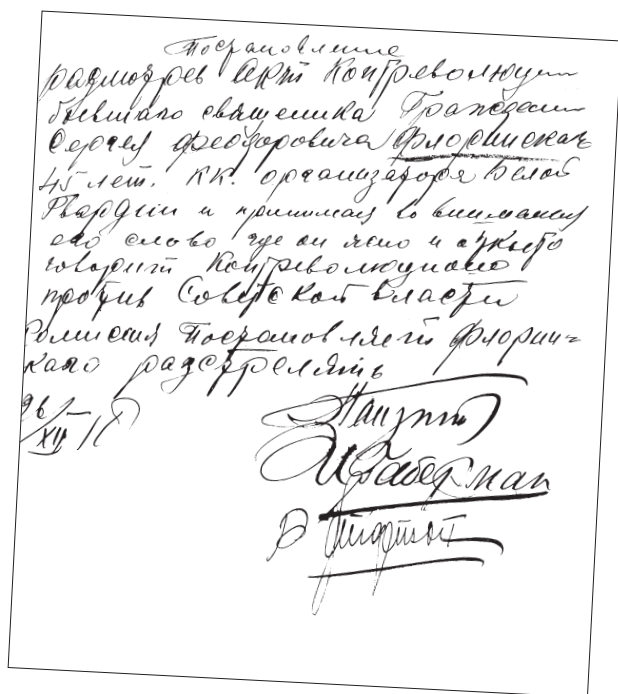
Войска Красной армии «освободили» Везенберг 16 декабря 1918 года. Через три дня протоиерей Сергей был арестован как представитель старого реакционного режима и как подозрительное лицо, находящееся в Эстляндии без определенного рода занятий. Вдобавок его обвинили в том, что он был причастен к формированию частей белой гвардии северо-запада России.

Белогвардейские части, которых так боялись большевики, начали создаваться в Прибалтике еще при немцах и по их инициативе. «Исходным пунктом, из которого

зародилось и потом стало развиваться дальше все Белое движение на северо-западе России, был Псков. Предчувствуя полный развал своего фронта и желая дать возможность в дальнейшем, по уходе немцев, самим псковичам отстоять свою территорию от большевиков, немецкое командование незадолго до ухода стало формировать во Пскове русскую добровольческую армию, помогая в этом деле советами, деньгами и снаряжением»³⁵. Но, во-первых, до Везенберга дело не дошло. Пункты записи добровольцев «...появились в Острове, Режице (Резекне), Двинске, Валке, Юрьеве, Риге, Митаве, Либаве и Ревеле»³⁶. А во-вторых, идея эта не находила должного отклика у местного населения. «Формирование русской армии в Пскове, – пишет историк А.В. Смолин, – воспринималась как германская затея. Для многих патристически настроенных русских офицеров, прошедших германскую войну, служба под присмотром вчерашнего врага считалась неприемлемой. <...> Сказывалась и общая усталость от войны, и нежелание воевать. Кроме того, определенный эффект давала большевистская агитация. Все это привело к тому, что, как отмечал в своем донесении от 25 октября 1918 года начальник контрразведывательного бюро штаба корпуса, «у населения к большевикам нет ненависти, а потому собрать сколько-нибудь значительное число честных граждан в ряды армии невозможно»³⁷. Посетивший 22 ноября Псков полковник А. П. Родзянко вспоминал: «Поезд пришел рано. Я пошел по улицам и встретил много как солдат, так и офицеров вновь формирующихся частей. Старый кадровый офицер, всю жизнь проведенный в строю, часто уже по первому впечатлению может определить, что можно сделать из данного солдата, и это первое впечатление редко бывает ошибочным: разнузданного, ободранного, невоинского вида солдат и офицеров, попадавших мне навстречу, было совершенно достаточно для того, чтобы

Везенберг (Раквере). Лес Палермо, где большевиками были расстреляны жители Везенберга. Среди убитых – протоиерей Сергей Флоринский. Январь 1919 г.

Постановление большевиков о расстреле
протоиерея Сергия Флоринского

понять, что псковское формирование есть не более, как авантюра»³⁸. Прослуживший в Императорской армии 16 лет отец Сергей Флоринский также сразу оценил происходившее, и потому на допросе сказал: «Белую гвардию, набранную из местных жителей, с мобилизованными и регулярными войсками не сравняю»³⁹. Мог ли он принимать деятельное участие в этом деле, представлявшемся ему недостаточно серьезным?

Никакого расследования по делу арестованного большевистская «комиссия по борьбе с контрреволюцией» не проводила. На следующий день после ареста, 20 декабря, отец Сергей был допрошен, а уже 26 декабря комиссия вынесла постановление о его расстреле. Следственная процедура заняла всего пять дней и состояла из одного единственного допроса. Лишить человека жизни без всякого разбирательства, только по подозрению и только потому, что он является представителем «реакционного» мировоззрения, для большевиков было делом обычным. «Считаю одно: вина моя в том, что я священник, в чем и расписываюсь», – заявил отец Сергей в конце своего единственного и краткого допроса, протокол которого занял всего одну страницу рукописного текста⁴⁰.

Неколебимая и твердая решимость умереть за свои убеждения и свое пастырство слышится в этих скупых словах везенбергского мученика. Две войны прошел отец Сергей со своим полком, и, несмотря на то, что не отсиживался при сражениях в тыловых обозах, остался жив. Промысл Божий хранил его неврежденным от вражеской пули для получения мученического венца. Перед лицом насильственной и бесчеловечной расправы он ничем не посрамил своего иерейского достоинства. «Я священник,

и, если Богу угодно, готов принять за это смерть», – таков был смысл его благородного, мужественного и спокойного ответа представителю антихристовой власти, который по своей сути ничем не отличался от ответов мучеников первых веков христианства на предложения карательных органов отречься от Христа.

Примечания

¹ Расправа с «классовым врагом» происходила в три приема. Приговоренных вывозили в лес Палермо, находившийся недалеко от города. Первая «партия» заключенных, среди которых был и отец Сергей, была расстреляна 30 декабря 1918 года.

² Эстонский Государственный архив (в дальнейшем – ЭГА), Таллинн, ф. 28, оп. 1, д. 226, л. 142.

³ РГИА, ф. 806, оп. 4, д. 2551, л. 11.

⁴ ЭГА, там же, л. 141.

⁵ РГИА, там же.

⁶ ЭГА, там же.

⁷ РГВИА, ф. 2765, оп. 2, д. 365, л. 1 – 2.

⁸ РГИА, ф. 806, оп. 10, д. 294, л. 7.

⁹ РГИА, ф. 806, оп. 4, д. 2055, л. 20.

¹⁰ Протопресвитер Г. Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996, т., с. 104.

¹¹ Там же, с. 91.

¹² ЭГА, там же, л. 145.

¹³ Журнал «Летопись войны с Японией», № 82, с. 1588.

¹⁴ ЭГА, там же, л. 141.

¹⁵ РГИА, ф. 806, оп. 10, д. 294, л. 7.

¹⁶ Протопресвитер Г. Шавельский, указ. соч., с. 94.

¹⁷ Журнал «Вестник военного духовенства», СПб, 1915, № 22, с. 679.

¹⁸ Там же.

¹⁹ № 11-12 за 1915 год, с. 379 – 380.

²⁰ Там же, с. 378.

²¹ ЭГА, там же, л. 142.

²² За какой подвиг был награжден о. Сергей наперсным крестом, установить не удалось.

²³ РГВИА, ф. 2765, оп. 2, д. 309, л. 201.

²⁴ РГИА, ф. 806, оп. 5, д. 10115, лл. 70, 71, 72.

²⁵ Там же, л. 126.

²⁶ РГВИА, ф. 11130, оп. 1, д. 17, л. 106.

²⁷ ЭГА, ф. 28, оп. 1, д. 226, л. 142.

²⁸ Там же, л. 180.

²⁹ Там же, л. 153, 156, 157.

³⁰ Возведен в сан протоиерея определением Синода от 29 апреля – 12 мая 1917 года.

³¹ Протопресвитер удовлетворил просьбу и распорядился выдать единовременное пособие в размере 100 рублей.

³² РГИА, ф. 806, оп. 5, д. 10544, л. 47 – 48.

³³ Революция, гражданская война и иностранная интервенция в Эстонии. (1917 – 1920). Таллинн, 1988, с. 414.

³⁴ А. В. Смолин. Белое движение на северо-западе России. СПб, 1999, с. 38.

³⁵ В. Горн, Гражданская война на северо-западе России. Берлин, 1923, с. 33, 34.

³⁶ А. В. Смолин, указ. соч., с. 29.

³⁷ Там же, с. 31.

³⁸ В. Горн, указ. соч., с. 35.

³⁹ ЭГА, ф. 28, оп. 1, д. 226, л. 150.

⁴⁰ Там же.

ИЕРЕЙ ИОАНН ПЕТТАЙ, СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ВАЛКСКИЙ (1894–1919)

Память 14/27 января

К числу эстонских мучеников, убиенных в 1919 году, следует отнести о. Иоанна Петтая, служившего в православном эстонском Галлистском приходе¹ в местечке Пенникюль (Пенуя) Перновского уезда Лифляндской губернии, лежащем в километре от нынешней границы Эстонии с Латвией.

Родился о. Иоанн 1 января 1894 года. В метрической книге Кароленской церкви Рижской епархии за 1894 год в статье под № 3 значится следующая запись: «Первого января родился, а шестнадцатого крещен Иоанн. Родители его: волости Каролен крестьянин Михаил (Мик) Яковлев (Юков) Петтай и законная жена его Мария Константинова (Котрева), оба православного вероисповедания. <...> Таинство крещения совершал священник Антон Кааль»².

Сын батрака кароленского поместья, Иван Петтай по окончании Рижского духовного училища в 1910 году поступил в Рижскую Духовную семинарию, в которой учился до 1 мая 1915 года. За год до выпуска Иван Петтай вынужден был подать прошение об отчислении из семинарии³. Окончанию учебного заведения помешала Первая Мировая война. В связи с приближением фронта Рижская Духовная семинария, как и многие другие административные и прочие учреждения губернии, эвакуировалась в Нижний Новгород. Условия жизни и содержания в семинарии из-за переезда в глубь России поменялись. Студенты лишились возможности проживания в семинарском казенном корпусе, и для продолжения учебы должны были оплачивать комнату или часть комнаты в частных квартирах Нижнего Новгорода. Журнал «Рижские епархиальные ведомости» так обрисовывал картину семинарского быта после переезда из Риги: «Отсутствие помещения для общежития вынудило наших питомцев ютиться на частных квартирах, т. е. нанимать отдельные комнаты от жильцов. <...> Но самым больным местом нынешнего нижегородского жилья является их недоедание и даже положительное голодание. <...> Казенное пособие каждый воспитанник получает или 16 р. в месяц (полный пансионер), или 11 р. (полупансионер). Этих денег едва может хватить на наем приличной комнаты с освещением и самоваром, и то, если два воспитанника будут жить вместе. На все же остальное нужно добавить

известную сумму из какого-либо другого доходного источника. Размер всех ежемесячных расходов семинариста определился к концу учебного года в 25–29 р. Значит, каждый воспитанник, получив казенный паек в 11 или 16 р., должен восполнить его суммой от 9 до 14 р. К сожалению, далеко не все имеют возможность дополучить эту сумму от своих родных или приобрести случайным заработком. Получки из дому у многих ежемесячно ограничиваются лишь 5–8 р. Хорошо, что у иных сохраняется какой-то заработок от прежнего лета. Другим же постоянно приходится мучительно ломать голову, у кого бы занять пару рублей, чтобы не помереть с

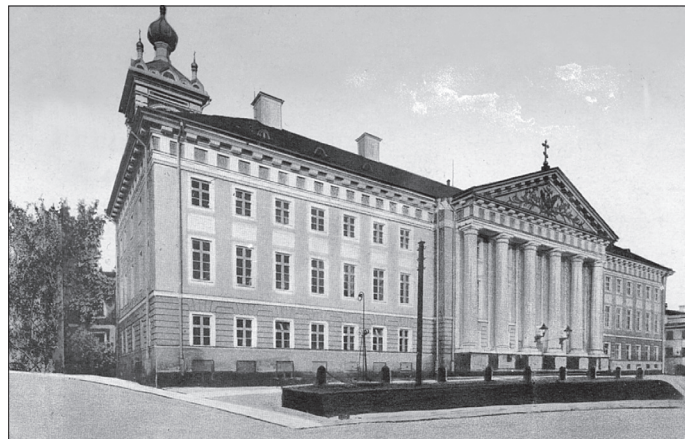
голоду»⁴. Студент 5 класса Рижской семинарии Иван Петтай являлся выходцем из самых малоимущих слоев эстонской бедноты, и в силу этой причины продолжать духовное образование в Нижнем Новгороде был не в состоянии.

С сентября 1915 года Иван Петтай становится студентом юридического факультета Юрьевского (Тартуского) университета. Здесь учиться пришлось еще меньше: всего два семестра, т. е. один учебный год. В мае 1916 года он был отправлен в Петроград, во Владимирское юнкерское училище, т. к. действующая армия к тому времени испытывала острую нехватку военнослужащих, особенно офицерского состава. Через полгода, в октябре месяце, Иван Петтай, отучившись в училище по ускоренной программе, получает чин прапорщика и отправляется на фронт, в действующую армию. Служить пришлось сначала в 245, а потом в 99 пехотных полках. В июле 1917 года прапорщик 99 Ивангородского пехотного полка И. Петтай был госпитализирован в связи с получением ранения. Лечиться пришлось долго, до декабря месяца. По причине государственного переворота и смены власти в полк Иван больше не вернулся, а проживал с этого времени в имении Каролен, у родителей, помогая отцу в его многотрудной жизни⁵.

Вместе с тем, желание стать священником не исчезло. Несмотря на то, что в дореволюционной России не рукополагали в священный сан без соответствующего образования, Иван не оставлял надежд на занятие вакансии церковнослужителя в каком-либо приходе губернии. Окружавшая жизнь в канун революции мало располагала к церковной

Рижская духовная семинария. Фото нач. XX в.

Юрьев. Университет. Слева – звонница домовая церкви св. блгв. кн. Александра Невского. Фото 1910-х гг.

деятельности. Пастырский путь в той трагической действительности не обещал ничего, кроме «терний и волчец». Но характер времени, каким бы тяжелым ни был, не заглушал в душе Ивана стремления служить Церкви Христовой. В августе 1918 года Рижский епархиальный совет извещал Ивана Петтая: «Рижский епархиальный совет дает вам знать, что резолюцией Его Преосвященства, Преосвященнейшего Платона, епископа Ревельского, управляющего Рижской епархией, от 2/15 августа за № 718, согласно желанию прихожан Галлистской церкви и вашему прошению вы назначены на вакансию к означенной церкви. По вступлении в брак с беспрепятственным лицом имеете явиться к рукоположению августа 18/31 дня 1918 года. Член Епархиального совета свящ. А. Лаар. Секретарь протод. К. Дорин»⁶.

Иерейская хиротония Иоанна Петтая была совершена в канун праздника Покрова Пресвятой Богородицы, 13 октября по новому стилю⁷. Военное время внесло большие беспорядки в приходскую жизнь Эстонии. На многих приходах священники отсутствовали. Церковные дела находились в расстройстве. Это и побудило владыку Платона пойти на исключительный шаг и рукоположить не окончившего семинарию Иоанна Петтая во пресви-

тера. Приход храма в Пенуя, куда получил назначение о. Иоанн (иначе – Галлисте⁶), объединял православных эстонцев из ряда деревень и по численности был невелик. Всехсвятская церковь прихода вмещала не более 300 человек и была выстроена в 1875 году на средства, отпущенные казной. При храме имелся причтовый дом, куда и переехал жить о. Иоанн с матушкой Ксенией, приходская и вспомогательная школы.

Поначалу новопоставленный иерей в отправлении богослужения и требоисполнения был руководим о. Владимиром Алликом, настоятелем ближайшего храма, располагавшегося в селении Каркси-Нуйя⁸. Это наставничество было тем полезнее, что о. Владимир несколько лет служил в Пенуяской церкви и хорошо знал обстановку в приходе. Епархиальный совет вскорости по рукоположении известил о. Иоанна о том, что документ о поставлении в иерея будет выдан ему «по получении от вашего руководителя (т. е. о. Владимира Аллика – *прим. автора*) надлежащего удостоверения в достаточном усвоении совершения богослужения и треб»⁹. Но документу этому не суждено было попасть в руки молодого пастыря эстонского прихода.

В середине декабря, на второй месяц после иерейской хиротонии о. Иоанн получил письмо от своей сестры, проживавшей с родителями в Каролен, о том, что отец его болен, а мать находится при смерти. Отслужив Божественную литургию в праздник Рождества Христова, отец Иоанн 7 января выехал из Пенуя в г. Валк с намерением добраться оттуда до имения Каролен. 11 или 12 января он предполагал вернуться обратно на приход. В Валк удалось добраться только к 11 часам вечера¹⁰. Откуда было ему знать, что г. Валк к тому времени уже был занят частями Красной армии и что в городе был установлен комендантский час? Но если бы даже он и располагал такими сведениями, мог ли он оставаться на месте в Пенуя, имея на руках письмо от родных, наполненное тревогой за жизнь матери?

По прибытии в город Валк о. Иоанна задержал военный патруль и направил его в валкскую тюрьму для установления его личности. Заключение продлилось три

С.-Петербург. Юнкерское Владимирское училище, в котором 1915-1916 гг. учился Иоанн Петтай. Молебен на плацу училища

недели. Что же удалось узнать об арестованном комиссару Эстляндской Коммуны за этот срок?

Следователь Микельсон допрашивал арестованного два раза: на следующий день после ареста, 8 января, и спустя 10 дней, 18 января, после того как получил необходимые для следствия ответы из соответствующих инстанций на свои посланные запросы. Эти два протокола допросов по существу ничем друг от друга не отличаются. На последнем допросе о. Иоанн более подробно рассказал все то, что показал 8 января: что он до революции служил прапорщиком на фронте, что был ранен и госпитализирован, что в октябре был рукоположен во пресвитера к церкви в дер. Пенуя, что едет домой в Каролен к болящей матери и что не был осведомлен о том, что Валк занят красными войсками¹¹.

Те ответы, которые следователь Микельсон получил из Кароленской волости, не только подтверждали справедливость показаний подследственного, но и содержали в себе просьбы освободить священника Иоанна Петтая: «Кароленский волостной исполком рабочих в Верроском уезде сим удостоверяет, что гражданин Кароленской волости Ян Микков Петтай родился 1 января 1894 года, действительно сын мызного батрака имения Каролен, который состоял в последнее время священником в Пеникюльской православной церкви Перновского уезда и должен был приехать на родину в Кароленскую волость к своим родным, ибо мать его при смерти, в начале сего января месяца, который по прибытии в г. Валк арестован и ныне находится в аресте». А внизу под текстом удостоверения была сделана многозначительная приписка в надежде, что она сыграет свою роль в вынесении приговора: «Петтай защищал интересы рабочих»¹². Этот документ датируется 16 января. Через два дня председатель Кароленского волостного совета безземельных и рабочих депутатов Ян Летус направил еще одну бумагу в защиту арестованного, в которой сообщал, что Ян Петтай «всегда держал в слове и действиях сторону бедных и безземельных»¹³. Не только представитель новой власти просил за Петтая. Просили и рабочие имения Каролен: «Просим освободить, — писали они, — Иоанна Петтая из его настоящего заключения. Он жил среди нас, и мы можем смело засвидетельствовать о том, что он — нашего товарища Михаила Петтай сын и никакой вины, заслуживающей на-

Пеникюль (Пенуя). Церковь всех Святых

зная тяжелое положение этого класса, всегда оставался верным ему». Интересно, что и на этом прошении имела приписка органов местной власти: «Кароленский исполком безземельных и рабочих депутатов удостоверяет, что прошение жены Яна Петтая согласуется с действительностью и при этом сей комитет заявляет желание — освободить Яна Петтая из-под ареста»¹⁵.

Следователь Микельсон, проводивший расследование не слишком добросовестно и тщательно, в обвинительном заключении умолчал обо всех этих бесконечных мольбах простого народа, интересы которого защищали красные комиссары. «По показаниям Петтая, — резюмировал Микельсон, — он из Пеникюль ехал к своим родным в имение Каролен, чтобы повидаться с отцом и матерью. Что это не соответствует действительности, подтверждает заявление от чрезвычайного уполномоченного совнаркома Эстляндии при 2 Новгородской дивизии, что поп Петтай из местечка Пенуя подлежит выселению из пределов Эстляндии в 24 часа»¹⁶. Бесконечные завере-

Пеникюль (Пенуя). Интерьер Всехсвятского храма

ния председателя Кароленской волости и рабочих имения о том, что Петтай следует к больной матери, показались ничего не значащими представителю советского правосудия. Такие мелочи можно в расчет не брать. Можно также не обращать внимания и на доводы элементарной логики. Ибо каким образом «поп Петтай» мог узнать о том, что «подлежит выселению», если войска Красной армии до Пенуя не дошли? Но даже слишком неразборчивый страж нового порядка Микельсон, решавший судьбы людей, в обвинении написал: «Предлагаю Ивана Михайловича Петтай держать в заключении до водворения полного спокойствия в Латвии».

Однако те, кто должен был водворить это «спокойствие», решили дело по-своему. Безо всяких пояснений,

Валк. Псковская ул.

протоколов и прочей делопроизводственной мороки неизвестная рука прямо на обложке дела о. Иоанна Петтая размашисто и наискосок начертала: «**р а з с т р.**», что на языке коммунистического правосудия могло означать только одно – «расстрелять»¹⁷. Не надо никакого следствия и приговора. Поп, только потому, что он поп, не может быть другом простого народа. Представителям новой власти лучше знать, кто должен и может быть истинным другом тех слоев населения, которым они принесли новое счастье на кончиках своих штыков.

Сын наемного рабочего-батрака, о. Иоанн Петтай никак не подходил к категории классового врага. Не мог он также озлобить лидеров большевизма своими обличительными проповедями: слишком недолго пробыл он настоятелем скромного эстонского прихода. Четырежды заступалась за него эстонская беднота, но эти отчаянные попытки смягчить «вождей трудового народа» и вызвать невинного страдальца из тюремного заключения оказались безрезультатными. Чем же он вызвал к себе такую беспощадную агрессию? Только одним: своим иерейским крестом и своей священнической рясой. Несмотря на свое социальное происхождение, он являлся

идейным врагом революции, выразителем и служителем той ненавистной большевикам религии, которая подлежала по их мнению безжалостному истреблению. Только этим и можно объяснить причину насильственной смерти о. Иоанна в самом начале его пастырского пути.

Почти три месяца продлилось служение Богу и людям этого молодого священника. За такой короткий срок он не смог, конечно, стать пастырем стада Христова в полном смысле этого слова. Его кратковременное земное служение Церкви Божией было прервано внезапным вмешательством темных сил. И все-таки Промысл Божий привел его к той чести, которую никто, по слову апостола, не приемлет сам по себе. Осознавая ограниченность и несовершенство своих попыток понять непостижимое, вникая и вдумываясь в действия неизреченного Разума Господня, мы можем предположить, что священник Иоанн Петтай был приведен Высшим Промыслом к иерейской хиротонии не для того, чтобы окормлять духовно свою паству и самому постепенно, год за годом, возрастать в этом служении Богу и человеку. Мученическая кончина эстонского иерея, пролившего свою кровь за Христа в свои 25 лет, «досрочно» соделала его небесным молитвенником, ходатаем и покровителем чад Христовых, пребывающих посреди умножающихся беззаконий века сего. По необъяснимым для разума человеческого решениям Божиим ему суждено было стать еще одним горним предстателем у престола Господня о всей полноте Церкви Христовой, вступившей на рубеже второго и третьего тысячелетия в один из сложных периодов земного своего существования.

Примечания

¹ Галлист (эст. – Халлисте), местность в южной части Эстонии (Вильяндиский уезд), прежде – в Перновском уезде Лифляндской губернии. Упоминается уже в XIII веке в «Хронике Ливонии» под названием Алистегунде. Предположительно, ранее центр Галлистской волости был в Каркси. Галлистская церковь впервые упоминается под 1504 годом. После реформации – центр лютеранского прихода. Во второй половине XIX века был образован православный Галлистский приход, центром которого стало селение Пенюкюль (эст. – Пенуя), где была выделена земля для постройки православного храма, возведенного здесь в 1872-1873 гг. и освященного в честь Всех Святых. В 1960-х гг. храм в Пенуя был закрыт и разорен; и поныне богослужения здесь не совершаются.

² Эстонский Исторический архив. Тарту, ф. 402, оп. 1, д. 20548.

³ Латвийский Государственный архив (ЛГА), ф. 24, оп. 2, д. 27, л. 189.

⁴ Рижские епархиальные ведомости. 1916, апрель месяц, с. 125, 126, 127.

⁵ ЛГА, там же.

⁶ Там же, л. 186.

⁷ Там же, л. 189.

⁸ Там же, л. 186.

⁹ Там же, л. 187.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 190.

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 195.

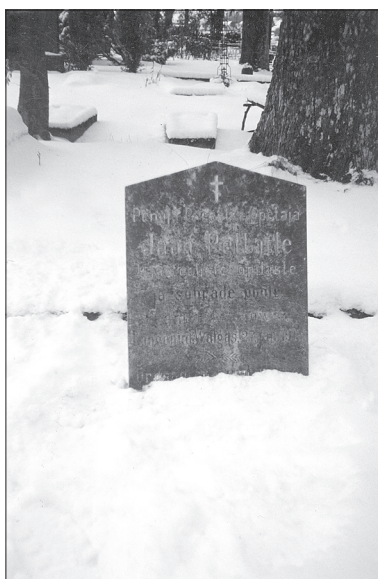
¹⁴ Там же, л. 194.

¹⁵ Там же, л. 192.

¹⁶ Там же, л. 196.

¹⁷ Там же, л. 193.

¹⁸ Там же, л. 185.

Валга. Могила о. Иоанна Петтая на 1-м Тартуском кладбище. Надпись на плите: «Пенуяский настоятель Иоанн Петтай. От сотрудников, учеников и друзей. Жертва большевиков. Погиб в Валге 27 января 1919. Блаженны изгнаны Правды ради...»

БЛАГОТВОРИТЕЛИ

А.В. Иванен

БАРОН А.Л. ШТИГЛИЦ

*Отец мой и я нашли свое состояние в России.
Если она окажется несостоятельной, то и я готов
потерять вместе с нею свое состояние.*

Барон А.Л. Штиглиц

Семейство Штиглиц

История Свято-Троицкой церкви в Ивангороде на Парусинке напрямую связана с фамилией Штиглиц. Наш исторический очерк многое потерял бы без рассказа о корнях этой известной фамилии.

Известно, что в 1798 году Фредерика Луиза Штиглиц (урожденная Маркус), вдова Лазаря Штиглица, придворного советника князя Вальдекского, продала свой дом в Арользене (Германия) и переехала жить к своему старшему брату. Старший сын Луизы Штиглиц – Иоганн – учился в Геттингенском университете, где завязалась его многолетняя дружба с Вильгельмом Гумбольдтом, другой сын – Фридрих – перебрался в северную Словакию, потом в Венгрию, а прочие три брата, – Николай, Бернгард и Людвиг – вынуждены были искать счастья на новой родине – в России, где появились в то время возможности для предприимчивых и настойчивых молодых людей.

Бернгард Штиглиц обосновался в Кременчуге, где занялся винным откупом и разведением овец-мериносов. Он был счастлив потомством – имел шестерых детей, старший из которых, Николай, перебравшись в Петербург, дослужился до чина тайного советника и был женат на Юлии Грейг, родственнице знаменитых адмиралов Грейгов.

Николай Штиглиц предпочел столицу, где занял высокий пост на государственной службе и имел довольно значительный торговый дом. Он не был женат, но имел внебрачного сына Якова Богданова. Дела Николая шли, видимо, неплохо, поскольку он не раз оказывал финансовую поддержку младшему брату, Людвигу Штиглицу, который приехал в Россию несколько позже других братьев, в 1803 году, по поручению владельца банкир-

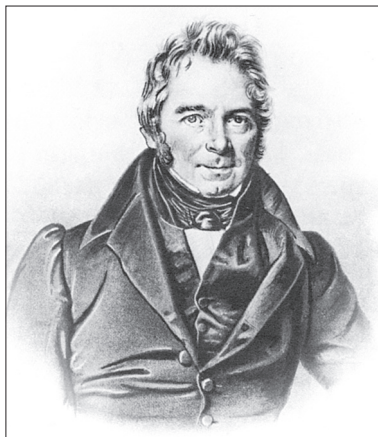

Барон А.Л. Штиглиц

ского дома Клейна¹. Людвиг получил на первых порах от брата Николая капитал в 100 тыс. рублей ассигнациями и основал свой собственный торговый дом. Но уже через полтора года дело заглохло и, пожалуй, остановилось бы совсем, если бы не два обстоятельства – настойчивость старшего брата и характер самого Людвиг. Брат продолжал поддерживать Людвиг деньгами (а потом и вовсе завещал ему все свое состояние) и советами. Неожиданно успеху дела помогла война с Наполеоном и континентальная блокада Англии. Благодаря содействию таких влиятельных фигур, как Канкрин, Нессельроде и Бенкендорф, Людвиг Штиглиц сумел извлечь для своего дела

значительные выгоды. Соперником Людвиг на бирже был банкир барон Ралль, но он обладал вспыльчивым характером, чем вредил своему делу². Напротив, о характере Людвиг Штиглица рассказывали легенды. Одна из них повествовала о том, как молодой Людвиг, оказавшись в крайне сложном финансовом затруднении, решился обратиться за кредитом к некоему влиятельному лицу, но получил отказ. Господин, отказавший Людвигу, наблюдал из окна за тем, как поведет себя молодой предприниматель, и был поражен его самообладанием. Выйдя на улицу, Людвиг остановился, нагнулся, поднял с земли булавку, воткнул ее в лацкан своего сюртука, сделав вид, что все обстоит нормально и дела идут не так уж худо. В итоге кредитор, интуитивно почувствовавший в Людвиге незаурядного предпринимателя, послал за ним и выдал нужную сумму³.

В 1817 году, к тому моменту, когда финансовые дела барона Ралля окончательно зашли в тупик, наиболее влиятельным человеком на бирже оказался Людвиг Штиглиц. В двадцатые годы его авторитет значительно

Барон Людвиг Штиглиц

возрос. Он получил возможность оказывать исключительное влияние на финансовую и промышленную жизнь России, он же стал главным кредитором государственной казны, что принесло ему европейскую известность в финансовом мире. Во внимание к таким обстоятельствам и в вознаграждение услуг, оказанных пра-

вительству, 22 августа 1826 года, в день коронавания Николая I, Людвиг Штиглиц получил баронский титул, а спустя два года был причислен к первостатейному петербургскому купечеству. Благодаря этому его значение на всемирной бирже возросло, и в тридцатых годах барон Людвиг Штиглиц уже мог равняться с известным гамбургским банкиром Соломоном Гейне. Деньги нужны были барону отнюдь не ради самих денег. Промышленное развитие России – железные дороги, паровозные линии, передовые области индустрии – вот те области, куда Штиглиц вкладывал деньги. Он владел сахарными заводами, ему принадлежали Невская и Екатерингофская бумагопрядильные мануфактуры в Петербурге, он был одним из создателей паровой линии между Любеком и Петербургом. В 1841 году он заключил первый российский государственный заем в 50 миллионов рублей серебром на постройку железной дороги из Петербурга в Москву. И при всем этом Людвиг Штиглиц вкладывал деньги в просвещение и социальную сферу. Значительные суммы Штиглиц вносил на содержание Технологического института и двух училищ – Коммерческого и Торгового мореплавания. На его счет существовали дом призрения нищих, детская больница и образцовый приют.

Смерть настигла его внезапно 6 марта 1843 года, в расцвете сил, в возрасте 55 лет, «от нервного удара».

В день его похорон по просьбе купечества высочайшим соизволением в знак траура была закрыта биржа. Сами похороны, согласно желанию барона, происходили очень просто, без всякой пышности. Гроб «покрыт был венками, которые любовь детская сплела ему из свежих цветов. Не было ни гербов, ни корон баронских. За гробом ехала не траурная великолепная карета, а обитая черным сукном скромная колясочка, в которой обыкновенно ездил покойный. Большая часть присутствующих провожала шествие пешком. Когда колесница выехала на Невский проспект, ей должно было остановиться. Вся эта широкая улица до перекрестка Литейного наполнена

была народом. И далее по пустынным в обыкновенное время улицам, ведущим на Волково поле, стояли густые толпы»⁴. Похоронили Людвиг Штиглица на Волковом лютеранском кладбище.

Наследником многомиллионного состояния и торгового дома «Барон Штиглиц и К^о» стал единственный сын Людвиг – Александр Штиглиц.

Слова отца в духовном завещании были полны нежности и заботы: «Любезный сын мой Александр! Имение, которое тебе оставляю, как ты увидишь по партикулярной книге, весьма значительно, имя, которое носишь, – второй для тебя капитал. Вот плоды неутомимых усилий двух поколений, носивших это имя, превосходного дяди твоего Николая, основателя нашего благосостояния, и собственных моих, которому счастье весьма покровительствовало. Сохрани это имя, дабы оно перешло и к тем, которых однажды после себя оставишь. <...> Духовным завещанием этим я, как видишь, ни в чем тебя не ограничиваю, потому что я тебя знаю и имею к тебе полное доверие. Знаю, что ты употребишь большое состояние твое благородным и мудрым образом. Намерен ли ты продолжить торговое дело, это от тебя зависит... Я на твоём месте посвятил бы <себя> занятиям различными фабриками, имениями, учениями, путешествиями и проч.»⁵. Однако Александр Штиглиц думал в тот момент совершенно о другом.

Александр Штиглиц

Александр был вторым сыном Людвиг и его жены Ангелики, урожденной Готшалк-Дюссельдорф. Он родился в 1814 году. Случилось так, что их старший сын, Николай, на которого отец мечтал возложить бремя финансовых дел, умер в 1833 году. Александру, видимо, готовилась иная судьба. Он учился в Дерптском университете, где штудировал латынь и древнегреческий, был поклонником Шиллера и Гете и вовсе не помышлял о карьере финансиста. Надо заметить, что и общий дух Дерптского университета мало способствовал прагматическим умонастроениям. Что и говорить, незадолго до Александра Штиглица здесь учились Н.М. Языков, В.И. Даль и В.А. Соллогуб. Частым гостем университетских стен был В.А. Жуковский. Всю первую треть XIX в. Дерпт (Тарту) был своеобразным очагом русской культуры в Эстонии, здесь жили видные поэты и писатели и даже сформировалась своя поэтическая школа. Здесь же готовили педагогический состав для высших заведений России. Кроме того, по отзывам многих современников, в Эстонии в то время дышалось много свободнее, чем в России. Даже Пушкин, мыкавшийся неподалеку в Михайловском, выстроил со своим другом А.Н. Вульфом план побега в Дерпт. Мы не можем наверняка сказать, что Александр Штиглиц мечтал стать поэтом, но то, что поэтический дух эстона-русских широт не миновал его сердца – это несомненно.

Однако, вернувшись в 1840 году после окончания университета в Петербург, Александр вынужден был пересмотреть свои планы. Три года он, повинаясь воле отца, провел у него в конторе, а после смерти Людвига Штиглица на плечи Александра внезапно обрушилось непосильное бремя – 30 миллионный капитал, торговый дом и доля придворного банкира. Ничего удивительного, что Александр Штиглиц возроптал. Его подавленность, видимо, была столь сильна, что самому Николаю I пришлось милостиво уговаривать юного барона не бросать семейное дело. Ведь кредиты казны, масса торговых операций государственного значения были обеспечены одним единственным залогом – именем Штиглицев. Видимо, помня завещание отца – бережно хранить семейное имя, – да присущее Штиглицам ответственное отношение к делу склонили Александра к непростому выбору – он принял на себя дела.

К слову сказать, финансово-экономическая ситуация в России в тот момент была не из простых. Император Николай I наследовал от Александра I значительное расстройство финансовых дел, возникшее вследствие войны 1812 года. В стране ходили как серебряная монета, так и бумажные ассигнации. В военный период ассигнаций было напечатано слишком много, поэтому они уже не покрывались серебром. Это повлекло обесценивание бумажных денег и, как следствие, двойной стандарт при расчетах, путаницу, обманы при сделках и общую неустойчивость рубля. К сороковому году при участии генерала Е.Ф. Канкрин и М. М. Сперанского была разработана программа по реорганизации финансовой системы страны, в результате которой мифические ассигнации должны были заменить реальные деньги, подкрепленные серебряным запасом государства⁶. Но успех мог быть гарантирован лишь при одном условии – доверии к государственному банку. Имя, вызывавшее доверие на тот день, было одно – Штиглиц. Без преувеличения можно сказать, что выбор Александра Штиглица в тот момент для страны стал судьбоносным.

Уступив просьбе императора, Александр Штиглиц приступает к занятиям и довольно быстро постигает механику финансового дела. Его упорство, энергия и спокойный, даже замкнутый характер не мало способствовали успеху дел (легенда гласит, что ежедневно приходивший к нему в течение 15 лет парикмахер ни разу так и не услышал его голоса!). В дополнение к описанию характера барона надо заметить, что несмотря на огромное состояние, на положение в обществе, респектабельность, положенную человеку такого уровня (барон жил в шикарном особняке на Английской набережной в Санкт-Петербурге), он был человеком непритязательным в быту и, по словам современников, оставался «необыкновенно скромн, не кичился и не блистал богатством». Скоро значение торгового дома

«Штиглиц и К°» возвысилось еще более. Особенно ценны были услуги барона, оказанные правительству, благодаря которым последнее в течение десяти лет последовательно, один за другим получило пять заграничных займов⁷. Значение Александра Штиглица как банкира выросло настолько, что его называли «королем Петербургской биржи». Став «королем», он занимал должность председателя биржевого комитета в течение 13 лет. Газеты того времени отмечали, что имя его пользуется такой же всемирной известностью как имя Ротшильда, с его векселями, как с чистыми деньгами, можно было объехать всю Европу, побывать в Америке и Азии. Александр унаследовал от отца не только черты характера и деловую хватку, он верно понял общую идею развития отцовского дела – деньги не могут быть самоцелью, они – кровеносная система экономики. Поэтому помимо торгового дома он получил в наследство от отца Екатерингофскую и Невскую бумагопрядильную мануфактуры в Петербурге, но, стремясь расширить текстильное дело, в 1845 году он купил фабрики разорившегося Общества Нарвских мануфактур (речь о них пойдет далее). Одним из ярких дел Александра Штиглица стало строительство на его деньги в 1857 году железной дороги в Петергоф с веткой в Красное Село, за что был награжден орденом св. Станислава 4-й степени. Будучи поборником технического

Барон Александр Людвигович Штиглиц

С.-Петербург. Особняк барона А.Л. Штиглица на Английской наб.

*Надежда Михайловна Юнина
(в замужестве Половцова)*

прогресса и, как мы уже отмечали, горячим сторонником промышленного развития России, Александр Штиглиц хорошо понимал роль и значение транспортных коммуникаций для развития индустрии. Поэтому в том же году Штиглиц выступил в качестве учредителя Главного общества российских железных дорог, которые должны были связать земледельческие районы России

с Петербургом, Москвой, Варшавой и побережьями Балтийского и Черного морей⁸.

Высокий строй ума Александра Штиглица обнаруживает и то, что в трудный период Крымской войны он не остался равнодушен к нуждам русской армии. В знак признательности за пожертвование 300 тыс. рублей серебром на нужды армии в 1854 году барону А. Штиглицу был пожалован чин статского советника.

Александр II, принявший корону не в лучшие времена, также решил заручиться поддержкой знаменитого финансиста. В 1856 году, при коронавании, барон А. Штиглиц получил чин действительного статского советника.

Однако сколь росло влияние барона как при дворе, так и в деловых кругах, столь же увеличивалось всеобщее недовольство его конкурентов, соперников, а быть может, и завистников. Общественное мнение купцов воспротивилось произвольному и противному общему торговому интересу назначению биржевого курса, заговорили и о пагубном влиянии барона на устранение из обращения монет, приписав это значительным высылкам золота за границу. Лица, нуждающиеся в переводе платежей за границу, жаловались на чрезмерную комиссионную плату; многие негоцианты требовали учреждения при Петербургской бирже специального комитета, который бы определял биржевой курс. Одним словом, речь шла о том, что зарождавшиеся рыночные отношения требовали исключения монополии.

В 1858 году подули новые ветры – сменилось управление министерством финансов; в начале следующего года свои услуги правительству предложил Ротшильд; очередной заем, переговоры о котором сначала велись с А. Штиглицем и его компаньонами, вдруг был заключен, минуя его, с другим торговым домом. Да и

финансовая ситуация в России в начале шестидесятых вновь ухудшилась. Последствия Крымской войны не могли не сказаться на экономике. Бумажные деньги вновь обесценились, финансовые реформы 1863 года упорядочили систему, однако государственный бюджет в равновесие не привели, вокруг железных дорог и казенных денег вилося немало недобросовестных дельцов, эксплуатировавших дело для своей наживы...

Видимо, эти трудности, а также склонности юношеских лет жизни, стали причиной того, что, начиная с 1860 года, Александр Штиглиц начал постепенно отходить от коммерческой деятельности. Сначала он ликвидировал все банковские дела и перешел на государственную службу. Чтобы удержать такого крупного финансиста в России, Штиглицу предложили пост управляющего вновь созданного Государственного банка, а в 1862 году он был произведен в чин тайного советника⁹. Однако к 1866 году желание отойти от дел оформилось окончательно – он решил ликвидировать дела, уступив концессии и железнодорожные подряды компаньонам. Капитал в сто миллионов давал Александру Штиглицу свыше трех миллионов годовых, что было достаточно для того, чтобы заняться главным делом жизни – меценатством.

Решение барона может показаться странным – в 52 года, в расцвете сил, имея неограниченные финансовые возможности, вдруг уйти на покой, – но лишь в том случае, если не брать во внимание интересы молодости, которые, видимо, до времени хоронились в душе Александра Штиглица. Интерес к искусству не оставляли барона всю жизнь. Известно, что он испытывал особенную любовь к театру и музыке: не пропускал ни одной значительной премьеры. Однако в практическом смысле барон решил поддерживать не музыку и театр, а живопись и художественные ремесла. Очевидно, они имели прямое отношение к промышленности и индустрии, где Александр Штиглиц чувствовал себя как рыба в воде.

*С.-Петербург. Библиотека в доме барона
А.Л. Штиглица. Акварель Л. Примацци. XIX в.*

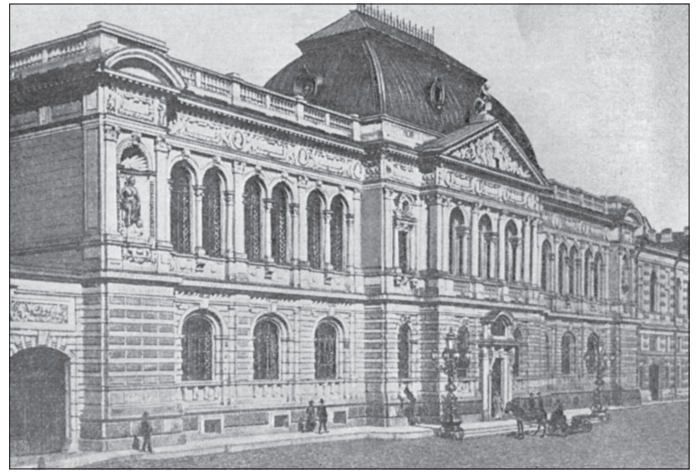
Человеком, непосредственно подвинувшим Штиглица к меценатству, был Александр Александрович Половцов, зять барона. У Александра Штиглица и его жены Каролины Логиновны (в девичестве Мюллер) был один ребенок – сын Людвиг, умерший в младенчестве. Они удочерили и воспитали приемную дочь Надежду (бывшую плодом любви, если верить легендам, великого князя Михаила Павловича и фрейлины императорского двора). По этому поводу сохранилось предание, что Надежду Михайловну (в девичестве Юнину) барон нашел в колыбели, прогуливаясь в саду своего дома.

Александр Александрович Половцов был скромным учительским сыном. В юности он познакомился в училище правоведения с графом Николаем Кушелевым-Безбородко, который и ввел Половцова в высший свет. В дом Александра Штиглица Александр Половцов попал в качестве репетитора дочери барона. В наследство от рано умершего графа А. Половцову досталась прекрасная библиотека и обширные связи. К ним прибавилось и весьма приличное приданое, которое А. Штиглиц дал к свадьбе Надежды Михайловны, а также особняк на Большой Морской в Петербурге, где до недавних пор располагался Дом архитекторов.

Если перечислять заслуги А. Половцова перед Россией, то в первую очередь нужно сказать, что он был членом Государственного совета, одним из первых учредителей Русского исторического общества, а затем его председателем; под его наблюдением велось множество изданий, среди которых следует выделить большой биографический словарь русских деятелей. Словом, Александр Половцов был человеком недюжинных познаний и широких взглядов. Скорее всего, именно он обратил внимание Штиглица на то, что в России нет высококвалифицированных специалистов для бурно развивавшейся художественной промышленности. Систематическое образование в этой области на тот момент можно было получить лишь в двух местах – в Строгановском художественном училище в Москве и Обществе поощрения художников под покровительством Великой Княгини Марии Николаевны в С.-Петербурге. Понятно, что для огромной России этого было явно недостаточно.

6 января 1876 года барон А.Л. Штиглиц передал в Министерство финансов один миллион рублей «ради развития художественной стороны отечественной промышленности». На эти деньги решено было создать училище технического рисования, где должны были готовить «ученых рисовальщиков для ремесел и мануфактур, а также учителей рисования».

Александр II, ценивший инициативу и искренний патриотизм, так выразил свое отношение к задуманному делу: «Барон Александр Людвигович, Министр финансов довел до Моего сведения, что в память трудов покойного отца Вашего на поприще промышленности

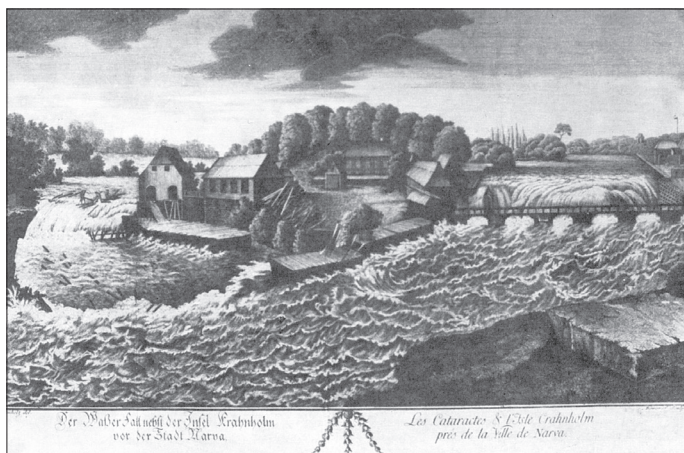
С.-Петербург. Училище технического рисования барона Штиглица. Фото нач. XX в.

и торговли, Вы предложили передать в ведение Министерства финансов капитал в миллион рублей для устройства и содержания в С.-Петербурге Училища технического рисования и что желаете, чтобы этому учебному заведению присвоено было Ваше имя.

С удовольствием изъявляя согласие на принятие этого значительного пожертвования и на присвоение предполагаемому Вами учебному заведению наименования «Училище технического рисования барона Штиглица», Мне приятно выразить Вам особенное благоволение Мое за этот подвиг просвещенной благотворительности Вашей. Всеблагий Господь да дарует Вам возможность узреть плоды доброго дела, Вами предприемлемого, которое навсегда послужит воспоминанием о полезной деятельности Вашей»¹⁰. 9 января 1876 года – день, когда Александр Штиглиц получил сей императорский рескрипт – считается днем основания училища.

В Петербурге в Соляном переулке началось возведение специального здания для этих целей, с большим центральным залом, крытым стеклом, для ежедневных упражнений учащихся в живописи. Здание было готово в 1881 году. Сохранилось оно и до сей поры. Фасад украшает золотая мозаика, на которой значится: «Центральное Рисовальное Училище Барона Штиглица»¹¹.

Дело на этом не остановилось. Очень скоро Александр Половцов и директор училища академик архитектуры Максимилиан Месмахер убедили Александра Штиглица пожертвовать еще пять миллионов рублей на учреждение при училище специального музея, который должен был стать для учащихся своеобразным наглядным пособием по разным видам ремесел и искусства с древнейших времен до середины XIX века. «Собрав в своем музее образчики всех отраслей художественно-промышленных производств, – говорил А.А. Половцов, – а в своей библиотеке изображение всех наиболее примечательных творений прикладного искусства, преподавая ученикам своим средства оценивать и усваивать наилучшие стороны столь обширной

Нарвские водопады. С гравюры 1780 г.

области человеческого творчества, училище стремится направить все это на достижение возможно совершенного изящества в предметах не только исключительной, но и повседневной жизни»¹². Месмахер сам спроектировал этот музей. Интерьеры залов воспроизводили художественно-историческую среду различных этапов мировой культуры.

Надо отметить, что эти суммы, направленные на развитие русского искусства, были колоссальным по тем временам пожертвованием. Сам Александр Штиглиц не дожидаясь открытия музея. После его смерти закупками коллекций у частных лиц и на аукционах занялся сам Александр Половцов. Он покупал для музея уникальные образцы тканей, шитья, мебели, шпалер, фарфора, стекла, майолики. Все это необходимо было для того, чтобы учащиеся могли непосредственно изучать, не отходя от учебных мольбертов, шедевры искусства; постоянное, непосредственное общение с произведениями было жизненно необходимо для учебного процесса. Музей получился уникальным и едва ли не одним из богатейших музеев страны. Кстати, именно здесь экспонировались найденные Генрихом Шлиманом сокровища древней Трои. Спустя несколько лет после смерти барона, главный зал училища украсила беломраморная скульптура работы Марка Антокольского, изображающая сидящего в кресле Александра Штиглица. Одетый в камень, он как бы присматривал за работой учеников¹³.

Благотворительность Александра Штиглица не замкнулась только на рисовальном училище. Он неоднократно оказывал помощь различным учебным заведениям и приютам: Коммерческому училищу, детскому приюту в Коломне, Чесменской военной богадельне, глазной клинике на Моховой. Но особенными заботами барон одарил любимый им Ивангород.

Парусинка

История этого района Ивангорода неразрывно связана с нарвскими водопадами. Река Нарова в этом месте

разделяется небольшим, в 12,2 га островом Кренгольм, слева и справа от острова широкие обрывистые утесы из местного плитняка образуют два русла, каждое из которых обрывается отвесной скалой. Высота падения воды не так велика – 5 метров, однако по совокупной ширине нарвские водопады считаются крупнейшими в Европе. Водопады и окрестные виды неизменно привлекали сюда путешественников. Огромный бурлящий поток воды, особенно сильный в период паводка, ее упругая и, кажется, неодолимая мощь, разносящийся на несколько километров вокруг гул, брызги, сверкающие на солнце радугой, завораживали. С XVI века письменные источники, рассказывающие об Ивангороде и Нарве, непременно упоминали красоты нарвского водопада. И уж конечно же, нарвские водопады воспевали поэты и писатели.

Однако не только красоты привлекали сюда. Люди практичные стремились использовать энергию падающей воды для производственных целей.

Начало использования энергии нарвских водопадов относится к эпохе средневековья. В письменных источниках XVI в. упоминаются находившаяся здесь старая мельница ивангородского наместника и мельница некоего Федьки Чуткина¹⁴. Самые ранние из известных нам изображений водопадов относятся к XVII в. в книгах Антона Гютеэриса и Адама Олеария, где показана лесопильная мельница с двумя водяными колесами.

Первые предприятия-мануфактуры возникли в Нарве уже в 1630-х годах. Наиболее успешно изготовлялось волокно из льна и конопли. Сырье доставлялось, вероятно, из Псковских земель. В середине XVII в. более крупные предприятия стали возникать поблизости от водопадов. В 1649 г. нарвским бургомистром К.Поппельманом и ренгмейстером Й.Перссоном у водопада на левом берегу реки было основано крупное предприятие по обработке медного сырца, предназначенного для продажи в Россию. Производилась также распиловка бревен на брусья и доски. В этом же году вблизи водопада было основано еще одно предприятие по обработке кожи¹⁵.

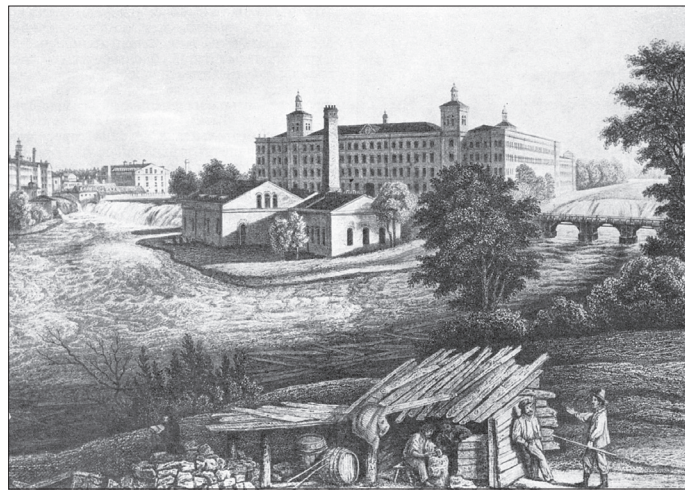
Побывавший на водопадах Петр I нашел, что они чрезвычайно удобны для строительства предприятий, которые можно приводить в действие энергией падающей воды. В связи с основанием Петербурга и усиленным строительством флота, в Ивангороде и Нарве активизировалось развитие лесоперерабатывающей промышленности: к середине 20-х годов XVIII в. здесь работало уже семь лесопилен. Стоимость земель в районе водопадов, ввиду их прибыльности, была довольно значительной, и владели ими наиболее богатые нарвские купцы. Островом Кренгольм с давних пор владели купцы Сутгофы. Во второй половине XVIII в. на острове находилась дача Карла Сутгофа и две мельницы-лесопильни. К концу XVIII в. относится и появление в районе водопадов первого текстильного

предприятия: в деревне Йоала на левом берегу была построена небольшая суконная фабрика. В 1782 году на ней работало 23 человека. Фабрика просуществовала недолго, но вскоре появились новые аналогичные предприятия.

В 1820 году купец Пауль Момма купил находившуюся на правом берегу, на землях Бенедикта Крамера, мельницу «Крамерсмюле» и перенес сюда свою фабрику из деревни Луцк под Ямбургом. Вторая суконная фабрика была основана в 1822 году на Георгиевском острове взамен расположенных здесь кузницы и медеплавильни. Братья Шварц перевели сюда свое предприятие из Петербурга, а в 1832 году в деревне Йоала начала работать фабрика Йозефа Нюссера. Из этих трех фабрик самой жизнеспособной оказалась фабрика П. Моммы. Стимулировать развитие промышленности на энергии нарвских водопадов должен был правительственный указ от 28 мая 1830 года, предоставлявший большие льготы тем, «кто отныне заведет на нарвском водопаде значительные фабрики или заводы, водою действующие»¹⁶. Число фабрик стало резко увеличиваться. Несомненным преимуществом для развития промышленности в этом регионе было, конечно же, наличие хорошо опробованных транспортных узлов, выгодное геополитическое положение, а также соседство столицы, представлявшей собой крупный рынок сбыта.

В 1836 году суконная фабрика П. Моммы перешла во владение акционерного общества, получившего название «Общество Наровской мануфактуры». В число девяти учредителей, помимо купцов (среди которых были прежней владелец фабрики П. Момма и владелец земли Б. Крамер), вошли высокопоставленные лица – министр иностранных дел граф К. Нессельроде, начальник III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии граф А. Бенкендорф, а также уже известный нам придворный банкир Л. Штиглиц, отец Александра Штиглица¹⁷.

Новые владельцы Суконной фабрики постарались модернизировать производство. Было построено новое деревянное производственное здание, установлено в качестве двигателя новое водяное колесо мощностью 500 лошадиных сил. Это колесо имело диаметр 9 м, ширину 7,5 м и просуществовало вплоть до 1874 года, когда его заменили турбиной. На первом этаже производственного корпуса разместились 18 суконных катальных машин, на втором – 18 прядильных машин. Число ткацких станков достигало 150. На фабрике работало около 500 человек. Однако через несколько лет общество разорилось. Вероятно, одной из причин его краха был пожар, вспыхнувший в главном здании 15 декабря 1845 года. Пожар произошел от неисправности одной из печей в сушильне и, как свидетельствуют архивные документы, «все строение с машинами, в оном находившимися, сгорело до основания». Только

Нарва. Вид на водопады и Кренгольмский остров. Слева – Суконная и Льнопрядильная фабрики барона А.Л. Штиглица. Гравюра В. Ставенхагена. 1867 г.

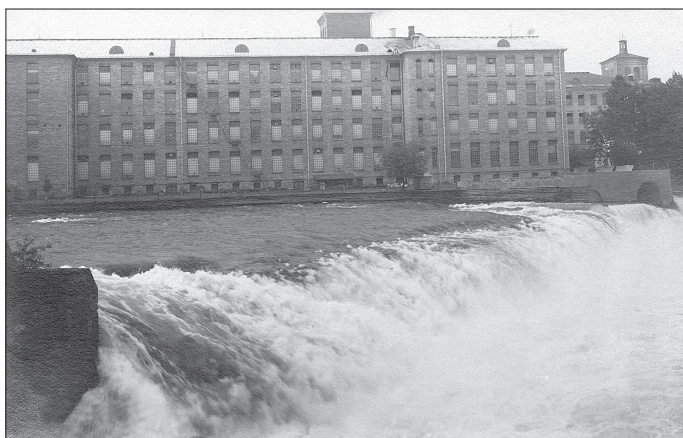
несколько машин удалось спасти¹⁸.

Расцвет фабрики и всей Парусинки связан с именем Александра Штиглица, который выкупил в 1845 году у акционерного общества Суконную мануфактуру.

Александр Штиглиц начал прежде всего с того, что разобрал деревянные строения мануфактуры и построил новые корпуса из местного плитняка. Здания эти сохранились до сих пор. В 50-х годах XX в. они были переоборудованы под жилые дома. Два ряда этих зданий сейчас образуют улицу Текстильщиков на Парусинке. Большинство фабрик первой половины XIX в. строились таким образом, что их корпуса располагались по периметру дворов. Линейное же расположение корпусов Суконной мануфактуры обусловило возможность расширения фабрики за счет их удлинения; и, действительно, в конце XIX в. к торцам обоих корпусов был сделан ряд пристроек.

А. Штиглиц произвел также замену оборудования фабрики на более современное. Усовершенствование производства обеспечило значительное увеличение объема выпускаемой продукции – в 1865 году было выработано вдвое больше сукна, чем в 1850. Потребность в продукции фабрики была велика, ведь сукно шло в основном на нужды армии.

В 1848 году вышло правительственное решение о предоставлении льгот по развитию льняной промышленности в России. А. Штиглиц, доверив руководство производством на Суконной фабрике своим компаньонам, членам семейства Пельцер, приступил к строительству новой фабрики – льноперерабатывающей. Новая фабрика строилась рядом с Суконной, несколько выше по течению реки. Руководил строительными работами британский поданный Фома (Томас) Киннель. Датой основания фабрики считается 15 апреля 1851 года. Корпуса Льнопрядильной фабрики, как и Суконной, были возведены из местного плитняка, что придает им

Нарва. Водопад. Вид от Парусинки на Кренгольм

характерную выразительность и монументальность. Из технических подробностей добавим лишь, что обе фабрики были построены по новой для России каркасно-стенной технологии, которая хорошо зарекомендовала себя в Англии. Обе фабрики были любимым детищем Александра Штиглица. Их развитию он уделял очень много внимания, часто и подолгу жил на Парусинке в своем имении. Несмотря на то, что барон, как мы уже отмечали, в основном отошел от дел в 1866 году, фабрики продавать он не спешил. Лишь в 1880 году они перешли во владение новых акционерных обществ, но даже тогда А. Штиглиц не бросил труды своей жизни на произвол судьбы. Учредителями «Товарищества Нарвской Суконной мануфактуры» были А. Штиглиц и Н. Пельцер, а «Товарищества Нарвской Льнопрядильной мануфактуры» – А. Штиглиц и Ф. Киннель.

В 1881 года на льнопрядильной фабрике налаживается производство джутовой ткани. К 1905 году число рабочих на ней достигает 2500 человек, а по объему производства она вышла на третье место среди предприятий льняной промышленности России. Основной продукцией фабрики была парусина для нужд флота (отсюда название «Парусинка», сохранившееся до сих пор за всем фабричным районом Ивангорода), но выпускались также палаточная ткань, джутовые мешки и парусиновые нитки. В Петербурге, на берегу реки Карповки, фабрика имела отделение по производству брезента. Товарный знак фабрики – овал с надписью «Товарищество Нарвской льнопрядильной фабрики барона А.Л. Штиглица» с двуглавым орлом внутри, венчал изящный трехмачтовый парусник.

Продукция предприятия отмечалась на самых престижных выставках как в России, так и за рубежом. В числе наиболее весомых наград стоит назвать Большую серебряную медаль Санкт-Петербургской международной выставки (1861 г.), серебряные медали Парижских выставок 1868 и 1878 гг., две золотые медали Антверпенской выставки (1883 г.), Большую золотую медаль Московской выставки Льяного дела (1911 г.).

Обе фабрики имели градообразующее значение. Вокруг мануфактур сложились два самостоятельных поселка. В каждом, помимо жилых казарм, имелась своя школа, больница. В 1895 году при мануфактурах были организованы рисовальные классы, являвшиеся филиалом Центрального Рисовального училища в Петербурге. В классах занимались как дети, так и взрослые. В 1904-1905 гг. здесь училось 617 человек. Идея классов заключалась в том, чтобы проложить до провинции центральную идею столичного училища. Ее суть очень четко изложил на годовичном акте по случаю двадцатипятилетия училища Александр Александрович Половцов: «Воспроизводя формы внешнего мира, изучая законы возникновения этих форм, рисование является выразителем в этой сфере воззрений, впечатлений, мыслей не только живущего, но и отжившего человечества; а если так, то не представляет ли оно особенную важность для нашего отчества».

Географические, климатические, исторические, подчас случайные обстоятельства несомненно тяготеют над трудовую жизнь русского человека в большей, чем над его соседями, степени. Правда, борьба с препятствиями закалила наш народный характер; ведомые нашими державными вождями, мы рядом всяческих побед в течение многих веков неустанно шествуем вперед; обеспечением труда от неправды создается русское богатство, но дело придания этому богатству художественной формы, можно сказать, еще находится в зародыше.

Облагорожение внешних форм русской производительности, внесение в нее и усиление элемента изящной красоты – вот задача, лежащая в основе деятельности нашего училища. <...>

Пусть не одни дворцы и палаты останутся хранителями предметов увеселяющих глаз, возвышающих душевное настроение; пусть напротив всякое жилище русского труженика и семья его озарится светлым лучом искусства, требующем не драгоценных материалов, хотя бы изобилующих в нашей родине, но исключительно общедоступного в исполнении гармонического сочетания линий и красок»¹⁹.

Что можно сказать о социальном положении рабочих на фабриках Штиглица? Как известно, Кренгольмская мануфактура, основанная в 1857 году на левом берегу Наровы Людвигом Кнопом, прославилась на всю Россию своими революционными выступлениями. Особенно много шума наделала стачка 1872 года. А что же фабрики Штиглица? Там тоже бунтовали? Оказывается, нет. Мало того, в материалах комиссии, учрежденной для разбирательства причин, приведших к стачке на Кренгольме, фабрики Штиглица фигурировали как образцовые с точки зрения условий труда. Например, в секретном рапорте исполняющего делами эстляндского губернатора прокурор В. Желехов высказал мнению Министерству юстиции, что с устранением

прежнего управляющего Г. Кольбе, отличавшегося крайне строптивым нравом, будут устранены и главные причины недовольствия рабочих; «от действия нового фабричного начальства будет зависеть дальнейшее положение дела в Кренгольме, и если Ю. Андре (новый управляющий) возьмет пример с находящейся на другом берегу Наровы, против Кренгольма, фабрики барона Штиглица, на которой порядок никогда не нарушался, то спокойствие на Кренгольмской фабрике может считаться обеспеченным»²⁰.

Надо сказать, что одной из причин, вызвавших стачку 1872 года, была эпидемия холеры. Администрация Кренгольма растерялась и не смогла оперативно ликвидировать вспышку болезни. Как явствует из сообщения эстляндского губернатора М.В. Шаховского в Медицинский департамент, впервые холера появилась на Суконной фабрике барона Штиглица, где умер от нее возвратившийся за несколько дней до этого из деревни рабочий, посетивший там своего брата, также умершего от этой болезни. Оттуда эпидемия и перекинулась на Кренгольм. Быстрому распространению болезни «способствовало крайне тесное размещение рабочих и невыразимая нечистота в занимаемых ими казармах». Губернатор Шаховской, докладывая министру внутренних дел А.Е. Тимашову, отмечал, что эпидемия на фабриках Штиглица ограничилась семью случаями, «благодаря отличному на этой фабрике порядку»²¹.

В связи со стачкой выплыли на свет и другие неблагоприятные дела. Губернатор особенно обратил внимание на чрезмерный труд, эксплуатацию рабочих, особенно детей, а также разврат, который достиг «чрезвычайных размеров вследствие размещения на ночь в одних и тех же комнатах лиц обоего пола». На фабриках А. Штиглица подобного не допускалось. Для холостых, бессемейных женщин и девушек здесь были отведены отдельные здания. То, что на фабриках А. Штиглица ситуация была несравнимо лучше, доказывает и письмо одного из рабочих в редакцию газеты «Ээсти постимэс», в котором автор говорит, что «на суконно-льняной фабрике другие правила, и людей не так изнуряют работой, как на Кренгольме»²².

Камнем преткновения в революционных разбирательствах между администрацией и рабочими были и непомерные штрафы за порчу машин, опоздания и т.п. Та самая комиссия, о которой говорилось выше, докладывая министру внутренних дел, отмечала, что «ежемесячная выдача денег собственно рабочим простирается, по сведениям, доставленным управлением мануфактуры за 1870 год, до 35 тыс. рублей серебром, а цифры штрафов и вычетов достигли, по словесному заявлению фабричного начальства, в последнее время суммы в 500-900 рублей серебром и более в месяц. Сравнивая эту сумму штрафов при 5000 рабочих Кренгольма с тем количеством, которое взыскивается на

Ивангород. Панорама Парусинки. Современный вид

соседней Лenoпрядильной фабрики Штиглица, – при 800 рабочих всего 50 рублей в течение целого года, разъясняется вполне недовольствие рабочих, выразившееся на Кренгольме в нынешнем году... Впоследствии же, когда постоянный прилив рабочих обеспечивал собою непрерывное действие фабрики, не представляло уже более необходимости поддерживать искусственным образом заработную плату, и фабричное управление, не изменяя этой установленной платы, нашло возможным уменьшить ее посредством применения во всей силе системы штрафов; причем средний заработок каждого из рабочих не только не превышал заработка на соседних фабриках Штиглица, но нередко даже значительно понижался против сего последнего».

Любопытно, что при составлении правил Кренгольмской мануфактуры на будущее, ее администрация взяла в качестве образца правила Суконной мануфактуры. Примечательно и то, что штрафные деньги, собираемые с рабочих на фабриках А. Штиглица, согласно правилам расчетной книжки, употреблялись на расходы по библиотеке для школы, на покупку газет и частично на содержание школы.

Дети тоже работали на фабриках А. Штиглица, однако те, кому не исполнилось 14 лет, обязаны были посещать школу – неделю в дообеденное время, неделю в послеобеденное. Хозяева же Кренгольма заставляли детей работать по 13 часов в день.

Каким-то образом А. Штиглицу удалось даже установить минимальную плату за арендуемые рабочими жилые помещения. Отдельное жилье с дровами и водой обходилось семейным в 2 руб. 75 коп., в то время как на Кренгольме аналогичная площадь без дров и воды стоила 3 руб. 25 коп.

Все вышесказанное говорит о том, что барон Александр Штиглиц был для своего времени очень незаурядным человеком. С одной стороны, капиталист, крупнейший банкир, прямой обязанностью которого было наращивать капитал самым быстрым и эффективным способом; богач, владелец фабрик и заводов, железных дорог; человек влиятельный при дворе, облаканный высочайшим вниманием и имевший полное право, с позиций своего времени, смотреть на многих свысока.

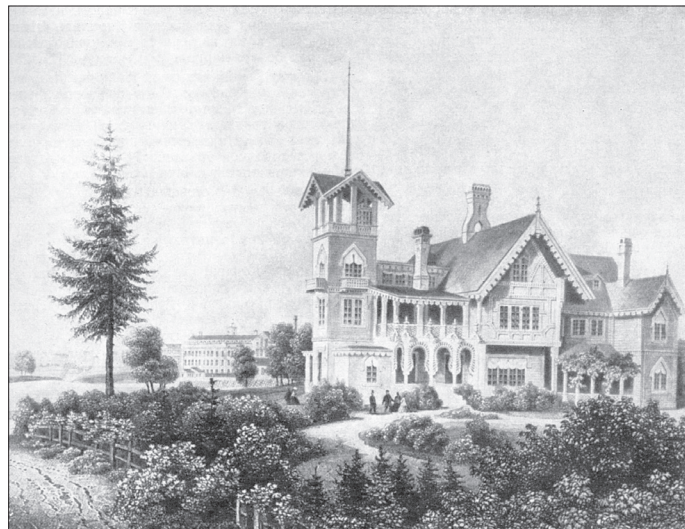
С другой стороны, крупнейший меценат, жертвовавший деньги на просвещение, культуру, церковь; образованный, энергичный, деятельный и вместе с тем невероятно скромный человек; умный предприниматель, знавший, что нельзя всю жизнь грести только под себя, что социальный фон жизни рабочих, культура труда напрямую связаны с производительностью, в конце концов, патриот России, новой родины Штиглицев. Однажды на скептическое замечание одного из финансистов о недоверии к российским финансам Штиглиц ответил: «Отец мой и я нашли свое состояние в России. Если она окажется несостоятельной, то и я готов потерять вместе с нею свое состояние»²³.

В связи с общей замкнутостью жизни Александра Штиглица, мы не можем с уверенностью четко определить его религиозные взгляды, но ясно одно – он был христианином. Образ Бога в человеке ему несомненно был виден. Поэтому нельзя считать, что его благотворительность была продиктована лишь стремлением пустить пыль в глаза, откупиться от непростых социальных проблем, отгородиться фешенебельным фасадом от насущных потребностей дня. Скорее всего, он, по большому счету, никогда и не разделял свои деловые и культурные интересы. Можно предположить, что его деятельность как до того как он решил отойти от дел, так и после 1866 года, была мотивирована известной евангельской мыслью – вера без дел мертва есть; христианские идеалы могут и должны быть воплощены каждым человеком в жизнь, а талант зарывать в землю грешно. Иных объяснений для, казалось бы, парадоксальной, но на самом деле внутренне глубоко мотивированной деятельности Александра Штиглица – нет. Поэтому жизнь его и с точки зрения современников, и особенно с позиций сегодняшнего дня представляется полной глубокого смысла и высокого нравственного содержания.

Имение на Парусинке

Александр Штиглиц умер 24 октября 1884 года от воспаления легких. Похороны были пышные. 29 октября при огромном стечении народа состоялся вынос тела барона из особняка на Английской набережной. Поскольку барон был лютеранином, то отпевали его в лютеранской церкви Петра и Павла, что на Невском проспекте. А на следующее утро состав из десяти вагонов увез покойного в Нарву, в его имение, где он и завещал себя похоронить. Здесь поезд встретили рабочие Суконной и Лenoпрядильной мануфактур, на своих руках они несли гроб с телом хозяина до самой церкви. Шествие было многолюдным, торжественным и печальным.

Имение барона Штиглица на Парусинке представляло собой обширный парк, примыкавший к реке, Лenoпрядильной мануфактуре и рабочему поселку. Из него

Нарва (Ивангород). Имение барона А.Л. Штиглица в парке Лenoпрядильной мануфактуры. 1852 г. Гравюра В. Ставенхагена. 1867 г.

широкая дубовая аллея вела к загородному дому барона.

Сегодня ландшафт парка выглядит иначе. С юга парк ограничивает водохранилище, с запада – старое (сухое) русло Наровы и Лenoпрядильная фабрика, с востока – подводящий канал Нарвской ГЭС, с севера – жилая окраина Парусинки. Нынче парк запущен, поскольку представляет собой тупиковое место, однако прежде он был одним из самых респектабельных мест Нарвы. В 1852 году Александр Штиглиц построил здесь летнюю резиденцию, в которой жил сам, потом его наследники. Это было одно из самых фешенебельных зданий в округе. Дом был деревянным, сделанным под русскую старину, в духе национально-исторических традиций. На гравюре художника В. Ставенхагена, датированной 1867 годом, здание представляет собой двухэтажную постройку, увенчанную башенкой, с открытыми террасами, балконами. Здание было богато декорировано ажурной резьбой по дереву²⁴. Незаурядным был и интерьер дома. Здесь разместились частная коллекция живописи и произведений искусства, которую собирали как Александр Штиглиц, так и его наследники Половцовы. Дача состояла из двух зданий – собственно особняка и дом для обслуживающего персонала; оба строения были соединены стеклянной галереей. Кроме того, с внутренней стороны к особняку примыкал небольшой застекленный зимний сад²⁵.

Неудивительно, что именно здесь останавливались Высочайшие особы в своих поездках по северо-западу страны. Например, Императора Александра III, совершавшего свой официальный визит в Нарву по случаю политической важной встречи с германским императором Вильгельмом II и состоявшихся здесь войсковых маневров в августе 1890 г., решено было разместить именно на даче барона Штиглица как в одном из самых респектабельных, по местным меркам, помещениях.

Несомненным украшением этих мест был и водопад, находившийся поблизости. Поэт и журналист Константин Случевский в 1886-1887 г. путешествовал по северо-западу России в свите Их Императорских Высочеств Великого Князя Владимира Александровича и Великой Княгини Марии Павловны. По ходу поездки Случевский писал путевые очерки, стремясь в них показать страну с позитивной стороны. В июле 1886 г. Случевский увидел эти места такими глазами: «... Путь шел по хорошеньким аллеям, и здания фабрик, возвышавшиеся над пучиной Нарвского водопада, не замедлили подняться перед нами. Несмотря на свое большое историческое прошедшее, полное самых долгих и спорных войн, при встрече двух мировоззрений – славянского и германского, Нарва в настоящую минуту питается, если можно так выразиться, своими мануфактурами, колоссальнейшими созданиями современности, как бы сдавившими водопад, одно из роскошнейших явлений нашей северной природы. Право, трудно разобраться в тех впечатлениях, которые невольно одолевают посетителя: жалеть ли о дикой пустынной красоте водопада, навсегда утраченной, удивляться ли или радоваться могуществу мысли человека, одолевающей неизмеримые силы природы и загораживающей своей торговой предприимчивостью эту чудесную красоту? Сто тысяч лошадиных сил шумит в водопаде налицо, так как он низвергает по 60 000 куб. футов в секунду, а на 1000 сил нужны 600 куб. футов; всеми мануфактурами, стоящими над ним, взято в работу только 10 000 сил (7000 Кренгольмскою и 3000 барона Штиглица), следовательно девять десятых могущества водопада еще и сегодня потрачиваются на безумный рев и грохот, на бесполезное подтачивание несокрушимых скал, и нет никакого сомнения в том, что все эти силы долгое время гуляющими не будут <...>».

Водопад был действительно символом города (Нарва и Ивангород представляли собой тогда единое целое). Постоянный гул падающей воды был естественным фоном жизни южной части города, а в тихую погоду шум водопада слышался даже в Липовой Ямке.

Судьба усадьбы не была счастливой. Если парк, в особенности дубовая аллея, еще сохранились неплохо, то от дачи не осталось и следа. Половцовы владели дачей и после революции. Жили они в Париже, куда вывезли наиболее ценные произведения искусства из убранства дачи. Оставшееся было продано с аукциона в 1937 году в ходе всеэстонской правительственной кампании в отношении имущества иностранных граждан²⁶. В 40-х годах здание особняка стояло заколоченным, а в служебном флигеле на втором этаже находилась квартира священника (четыре комнаты и кухня), две комнаты принадлежали управляющей, на нижнем этаже размещались двухкомнатная квартира псаломщика и однокомнатная – сторожа²⁷. После Второй Мировой войны

на даче квартировали советские офицеры НКВД. Затем дача частично обгорела. А в 1972 году была пущена на слом²⁸. Сегодня фундамент усадьбы едва различим среди зарослей парка.

После строительства Нарвской гидроэлектростанции смолк и водопад. Вся его мощь и красота направлена теперь в прагматичное русло.

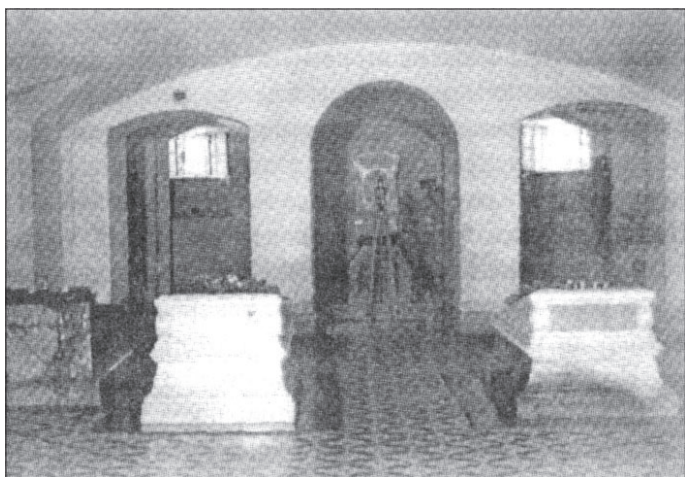
Храм Живоначальной Троицы

Свято-Троицкую церковь барон Александр Штиглиц распорядился построить над могилой жены как фамильную усыпальницу. Когда Каролина Штиглиц была уже близка к смерти, митрополиту Исидору²⁹ направили соответствующее прошение. Но баронессе пришлось похоронить еще до закладки храма, которая состоялась 22 июня 1873 года, а уже 17 августа 1875 года сам митрополит Исидор освятил церковь в честь Живоначальной Святой Троицы³⁰. Архитектор храма Александр-Георг Иванович Кракау (1818-1888), был одним из самых крупных зодчих Петербурга. С 1850 г. он – академик и с 1859 г. профессор, архитектор Дирекции Императорских театров. В Петербурге по его проектам построены Балтийский вокзал, здание Училища технического рисования барона Штиглица, а также особняк барона А. Штиглица на Английской набережной.

Церковь стала, пожалуй, самым ярким архитектурным сооружением этих мест. В своих воспоминаниях о храме настоятель храма о. Ростислав Лозинский писал: «Тенистые аллеи с каменными арочными мостиками вели к храму, стоящему в глубине парка. Близость воды, зелень деревьев и тишина создавали особое умиротворяющее настроение идущих на богослужение. Зеленый убор парка составляли разнообразные деревья и многочисленные кусты, среди которых выделялся «Царский дуб», огороженный чугунной решеткой. В 1937 г. от

Нарва (Ивангород). Церковь Св. Троицы – усыпальница барона А.Л. Штиглица. 1876 г. Арх. А. Кракау. Фото начала XX в.

Нарва (Ивангород). Свято-Троицкая церковь. Общий вид склепа баронов Штиглицев. Фото 1930-х гг.

входа в парк до церкви было проведено электрическое освещение»³¹. Нужно заметить, что вся церковная жизнь середины XIX в. в Нарве была сосредоточена в двух центрах – городском Спасо-Преображенском соборе и на Ивангородской горке, где с 1750 г. стояла церковь во имя иконы Божией Матери «Знамение», к ней же в 1854 г. была пристроена церковь во имя свт. Николая Чудотворца. Между Нарвой и Ивангородом, в Ивангородской крепости, имелись еще два старейших храма – Успенский и Никольский. На Ивангородском кладбище был еще и небольшой храм во имя св. апостолов Петра и Павла, выстроенный здесь в 1859 г. Таким образом, основные духовные центры были значительно удалены от Парусинки, что создавало для рабочих ряд неудобств. Поэтому Свято-Троицкая церковь явилась логическим завершением всего комплекса рабочего поселка на Парусинке. Александр Штиглиц, покровитель искусств и ремесел, думая о благе страны и рабочих, заботясь о развитии образования, конечно же понимал, какое огромное значение имеет духовное просвещение народа. В ряду просветительских учреждений храм и в те времена, да и сейчас, имеет центральное значение.

Интересно отметить и такую деталь. В Нарве в то же самое время также размышляли о строительстве храма для рабочих Кренгольма. Инициатива исходила от эстляндского губернатора М.В. Шаховского-Стрешнева и архиепископа Рижского и Митавского Вениамина. Св. Синод, внимательно рассмотрев вопрос, дал на это свое согласие при условии, что управление Кренгольмской мануфактуры возьмет на себя письменное обязательство содержать причт. Однако отношения между правлением Кренгольма и эстляндским губернатором были довольно натянутые, и задуманное строительство Кренгольмской Воскресенской церкви удалось осуществить лишь спустя пятнадцать лет. Ничего подобного не было при сооружении храма на Парусинке. Дело шло споро, на все работы ушло чуть более двух лет. Это доказывает, что у Александра Штиглица было

вполне ясное представление о том, зачем нужен храм. В храме Живоначальной Троицы воплотились, видимо, как личное переживание барона в связи со смертью супруги, так и сочувствие и желание помочь людям. На Кренгольме происходила борьба разных сил, храм там в конце концов построили, но после значительных политических препирательств³².

Храм расположился в южной части парка. Как писал сам архитектор, за образец был взят московский храм Николы на Бересеневке (XVII в.)³³. В плане он представлял собой крест. Выполнен из кирпича и оштукатурен. На каждом кирпиче стоят буквы «БШ» – барон Штиглиц. Основной конструктивный прием, выбранный архитектором, заключался в сочетании двух основных стилизирующих элементов – арки и прямого угла. Этот противоречивый, казалось бы, прием позволил архитектору добиться основной цели – сделать храм легким, ажурным, а вместе с тем нарядным и изящным.

Церковь стала блестящим украшением всего комплекса построек на Парусинке, эстетическим центром для всей округи. Она была прекрасно вписана в ландшафт, хорошо просматривалась от фундамента до кончика креста, а живой парк был как бы оправой для драгоценной жемчужины. Особенно удивительно храм выглядел зимой, когда белый снег подчеркивал линии ветвей, а светлый храм казался полупрозрачным волшебным замком. В это время как нельзя лучше работала идея архитектора – передать форму через мягкие полутона и тени. Нельзя не сказать и об удивительном созвучии высоких пирамидальных елей, посаженных рядом, с шатровой колокольной храма. Храм стал словно продолжением растительной жизни. Поэтому он и не нуждался в дополнительном декоративном украшении, обязательной частью которого являлись ветви и плоды, как символы жизни. Эта удивительная гармония природы и храма – самый верный признак того, что и заказчик, и архитектор были людьми не только одаренными, но и глубоко понимавшими неброскую, но выразительную

Усыпальница баронов Штиглицев. Современный вид

красоту природы России.

Сегодня храм воспринимается совсем не так. И не только потому, что его архитектурные достоинства трудно понять вследствие разрухи. Сам ландшафт местности резко изменился: высохшее русло реки, дамба и другие технические сооружения водохранилища, подводный канал, кривые заборы, запущенный парк, убогие сараи – все это как бы задвинуло храм подальше от человеческого взора. Еще совсем недавно храм находился на территории гидротехнических сооружений Нарвской ГЭС, был огорожен и вовсе недоступен. Это было несомненной культурной потерей и для Ивангорода, и для Нарвы.

Вход в склеп, располагавшийся под всем пространством храма, был оформлен в стиле древнерусских княжеских палат. Собственно сам вход представляет собой небольшой портал, стилизованный под терем, крытый двускатной крышей, примыкающий к северной стене храма, в котором одна из лестниц ведет наверх, непосредственно в храм, а другая – вниз, в склеп. Таким образом, в усыпальницу можно было попасть как через отдельную наружную дверь, так и непосредственно из храма³⁴, что было безусловно удобно при церковном поминании усопших храмоздателей.

Внутренний объем склепа представляет собой довольно обширное помещение с относительно высоким сводчатым потолком. Кроме усыпальницы здесь находилась и сторожка. Восточная часть склепа, находящаяся под алтарем, отделена от основного объема тремя арками, создавая предпосылку для возможного сооружения здесь нижнего храма. Эта часть храма освещалась через два окна в восточной стене. Стены склепа были оштукатурены, окрашены в светлые тона и покрыты лаконичной декоративной росписью в стиле верхнего объема храма. Пол крыт плиткой.

Первой, как мы уже отмечали, в усыпальнице была погребена баронесса Каролина Штиглиц. Ее могилу прикрывала массивная мраморная гробница белого цвета, расположенная южнее продольной оси храма. Севернее оси – могила барона Александра Штиглица (похороненного здесь 30 октября 1884 г.), крытая надгробием также из белого мрамора и по форме повторяющее надгробие Каролины – поверхности, на которых лежали венки, наклонены под углом относительно уровня пола, задняя часть каждого надгробия оформлена двумя волютами, по всему периметру надгробия украшены лаконичной резьбой, перекликающейся с наружным декором храма. В дополнение к этой беломраморной

симметрии на западной стене склепа разместилось скульптурное Распятие, причем крест был выполнен из черного, а фигура Христа из белого мрамора; у восточной стены на мраморном постаменте находился оплечный барельеф лика Спасителя в терновом венце с нимбом над головой из белого мрамора, добытого в итальянском городе Каррара, славящегося своим мраморными разработками. О. Ростислав Лозинский отмечает в своем очерке, что обе работы выполнены итальянским скульптором³⁵. К сожалению, и барельеф, и мраморное Распятие к сегодняшнему дню утрачены³⁶.

Здесь же в усыпальнице находится могила приемной дочери Александра Штиглица – Надежды Михайловны Половцовой, завещавшей себя похоронить у ног Александра Штиглица. Завещание ее было выполнено, ее надгробие бело-розово-желтого мрамора расположено несколько левее могилы Александра Штиглица и несколько смещено к ногам барона относительно поперечной оси пространства склепа. В восточной части склепа, под алтарем, после своей смерти в 1909 году был похоронен и Александр Александрович Половцов. Его надгробие было выполнено из финского гранита темно-коричневого цвета.

Надгробия украшали серебряные венки, укрепленные на щитах, крытых черным бархатом.

Первоначально храм был собственностью семьи Штиглиц, а затем и Половцовых, поэтому прихода своего не имел. Богослужения проводились здесь лишь в воскресные и праздничные дни. Приход был открыт по просьбе местных рабочих лишь в 1922 году. Приходская жизнь продолжалась в храме вплоть до начала 50-х годов. Во время строительства Нарвской ГЭС (1951-1955) церковь оказалась в зоне строительства и использовалась под склад. С этого момента началось ее варварское разрушение. После создания Нарвского водохранилища храм оказался буквально на самом берегу обширного водоема, уровень воды в котором был выше уровня склепа. Этот фактор, а также постепенное разворовывание крыши привело к тому, что усыпальница оказалась затопленной. Несмотря на то, что храм находился в охраняемой, режимной зоне, никакого должного присмотра за ним не было. Все, что могла отодрать рука варвара, – все было унесено и разграблено. Сорвана мраморная плитка с пола, расстрелян картон Бруни, согнуты и сломаны кресты на куполах, в поисках «драгоценностей» опрокинуты надгробия... До 1997 года храм являл собой памятник глумливого

*Христос в терновом венце.
Барельеф в склепе
баронов Штиглицев.
Фото 1930-х гг.*

отношения не только к Богу, но и к подлинным патриотам России, к своему народу.

В 1997 году храм возвращен церкви. Настоятелю прихода, о. Александру Салыкину, вместе с немногочисленными прихожанами за эти годы удалось сделать поистине чудо: отремонтирована крыша, ремонтируется

фасад и интерьер, регулярно совершаются богослужения, а главное – приведена в порядок усыпальница храмоздателей. Глядя на это удивительное преображение храма, верится, что вера, дела и думы истинных патриотов России, благодаря Промыслу, не пойдут прахом, ибо Бог поругаем не бывает.

Примечания

- ¹ Штиглиц М.С. Семья Штиглиц в Петербурге.// Нева, № 8, 1998, с. 222-226.
- ² Журнал Общепольных знаний. С. 451.
- ³ Штиглиц М.С. Указ. соч. С. 222-226.
- ⁴ Русский художественный листок, №6, 1853.
- ⁵ Штиглиц М.С. Семья Штиглиц в Петербурге.// Нева, №8, 1998, с. 222-226.
- ⁶ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Учебник русской истории. СПб, 1993, с. 676-677.
- ⁷ Журнал Общепольных знаний. С. 451.
- ⁸ Штиглиц М.С. Указ. со. С. 222-226.
- ⁹ Там же. С. 222-226.
- ¹⁰ Половцов А.А. Речь, произнесенная статс-секретарем Половцовым на годовом собрании Центрального Училища технического рисования барона Штиглица 9 января 1902 года. СПб, 1902, с.2.
- ¹¹ В советские годы, правда, училищу присвоили имя Веры Игнатьевны Мухиной (она известна как автор знаменитой скульптурной группы «рабочий и колхозница»), не имевшей к училищу никакого отношения. Переименование носило исключительно идеологический характер, его целью было стремление стереть имя Штиглица из истории и культуры России. В настоящий момент училищу возвращено имя барона Штиглица.
- ¹² Половцов А.А. Указ. соч. С.3.
- ¹³ Судьба училища в XX веке была непростой. В октябре 1918 году оно было преобразовано в Государственные трудовые учебные мастерские декоративных искусств, в 1922 году слившиеся с Академией художеств. Коллекция музея в 1923 году превратилась в Первый филиал Государственного Эрмитажа, в результате чего лучшая часть коллекции оказалась в фондах Эрмитажа. Костюмы, вышивку, ковры забрал музей антропологии и этнографии, музей Академии художеств – скульптуры, Зоологический – коллекции бабочек и растений, Русский музей – картины и миниатюры. В 1945 году было принято решение воссоздать Высшее художественно-промышленное училище, однако значительная часть музейной коллекции так и не вернулась в родные стены. В 50-х годах беломраморную статую барона по непонятным причинам отправили в Новгород. См.: Семенова Наталья. Блеск и нищета уникального музея.// Огонек, №44, 1991.
- ¹⁴ Новгородские писцовые книги. Т. 5. СПб, 1905, стлб.569. См. об этом подробнее: Косточкин В.В. Крепость Ивангород. – Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952, с. 238-239.
- ¹⁵ Коченовский О. Нарва. Градостроительное развитие и архитек-

тура. Таллинн, 1991, с. 41.

¹⁶ РГИА, ф. 560, оп.1, № 533, л. 130.

¹⁷ РГИА, ф. 1263, оп.1, № 1046, л. 100-101.

¹⁸ ЦГИА СПб, ф. 253, оп. 3, № 52.

¹⁹ Половцов А.А. Указ. соч. С.3.

²⁰ Кренгольмская стачка 1872 г. Сборник документов и материалов. Таллинн. 1952.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Штиглиц М.С. Указ. соч. С. 222-226.

²⁴ Старк В. Усадьба на границе./ Санкт-Петербургские ведомости, СПб, 1993.

²⁵ Лозинский Р. Р. Памятник архитектуры, живописи и скульптуры Нарвская Свято-Троицкая (Штиглицкая) церковь. Тула, 1976 г. Рукопись.

²⁶ Старк В. Указ.соч.

²⁷ Лозинский Р. Р. Указ.соч.

²⁸ Старк В. Усадьба на границе./ Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1993.

²⁹ Исидор (Никольский), митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский (1860-1892).

³⁰ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. X, СПб, 1885, с.348.

³¹ Лозинский Р. Р. Указ. соч.

³² См.: Иванен А.В. Сто лет Нарвскому Воскресенскому собору. СПб, 1996.

³³ ЦГИА СПб, ф.256, оп.3, № 2792.

³⁴ В настоящий момент в ходе реставрации внутренний вход в усыпальницу из внутреннего пространства храма закрыт кирпичной кладкой, однако очертания входа хорошо видны на северной стене.

³⁵ Лозинский Р.Р. Указ. соч. С. 5.

³⁶ О. Ростислав Лозинский отмечает, что мраморное Распятие после Второй Мировой войны хранилось в нарвском Воскресенском соборе. «Особенную тревогу вызывает судьба мраморного изображения Распятого Христа, – пишет он. – При снятии фигуры Христа с черного мраморного Креста ... кисть руки Спасителя была отбита. Вот уже много лет это изумительное творение итальянского скульптора находится в полутемном подвале Воскресенского собора среди строительного материала (доски с острыми гвоздями, листы железа, бочки с цементом и др.). Священнослужители собора к этому подвалу отношения не имеют, а миряне полагают, что оно чугунное и не оказали Распятию ни уважения, ни забот». Лозинский Р.Р. Указ. соч. С. 7

БЫЛОЕ

*Архимандрит Алексей (Чернай)**

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Начало революции и Белая Армия

В январе 1917 года, когда мы с Соней¹ вернулись после Рождественских каникул из Луги в Петроград, все, по крайней мере, наружно, казалось спокойно. В этом году я должен был сдавать выпускные экзамены, и подготовка к ним занимала почти все мое свободное время.

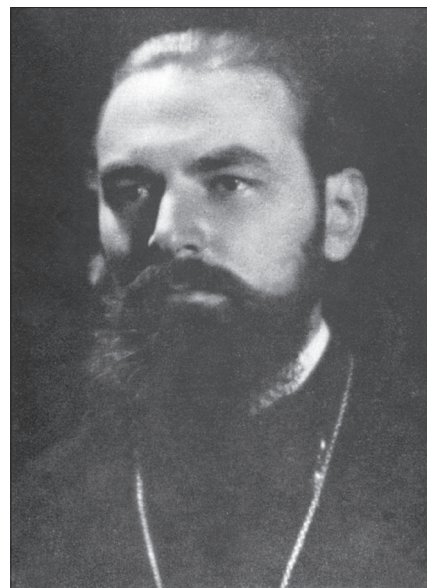
В одном из своих писем мама сообщала мне, что друг моего отца Петр Александрович Миллер будет в Петрограде такого-то числа, в феврале, по делам и, как всегда, остановится в гостинице «Бельвью», и что, если я приду туда в назначенное время, он передаст мне посылку «на подкрепление сил».

Итак, я направлялся после школы к Невскому проспекту, когда заметил большое стечение жандармерии на площади у Казанского собора. Жандармы были на конях, в полном вооружении, и у них был очень воинственный вид. Они были наготове, чтобы двинуться вперед.

Такое необычное зрелище поразило меня, но я был еще больше поражен, когда идя по Невскому, по направлению к Николаевскому вокзалу, увидел как бы черную тучу с реющими над ней красными флагами, приближающуюся, тоже по Невскому, к Зимнему дворцу. То была огромная толпа людей, запруживающих улицу, двигавшаяся как лава, от которой исходил зловеющий гул. Тем временем жандармы выстроились тесными рядами по Невскому, преграждая путь наступавшим и сдерживали своих лошадей. Видя, что прохожие убегают, кто куда может, я растерялся и, слыша выстрелы, побежал окольным путем в гостиницу, где нашел очень озабоченного и расстроенного Петра Александровича. Ему, видно, было не до меня... Перестрелка росла, и позднее мы узнали, что эта демонстрация стоила многим жизни. В то утро на всех пекарнях появились вывески: «Хлеба нет», но так как его было сколько угодно за день до того, многие не придали этому значения.

* В миру – Алексей Николаевич Чернай (1899-1995). Подробнее об архим. Алексие см. «Санкт-Петербургские епархиальные ведомости», вып. 18, стр. 53.

¹ Софья Николаевна – сестра архим. Алексия

*Священник
Александр Чернай
(впоследствии –
архимандрит
Алексий). 1927 г.*

Следующим шоком для меня и всех учащихся было известие, что выпускные экзамены будут не в конце мая, как всегда, а в феврале. Пришлось засесть за учебники и зубрить, как никогда. Слава Богу, экзамены прошли благополучно и я получил аттестат зрелости...

Первые дни после отречения Государя от престола в Луге, куда я вернулся на летние каникулы из Петрограда, было более-менее спокойно. Власть перешла в руки Временного правительства. Отец был очень огорчен переворотом, но уважал некоторых членов нового правительства; он считал их теоретиками без практического опыта и боялся, что такие люди не смогут справиться с колоссальной задачей управления всей Россией. Он терпеть не мог Керенского, которого считал выскочкой, демагогом, щеголявшего своим квасным патриотизмом только для продвижения своей карьеры любой ценой. Тем не менее судопроизводство продолжалось, по крайней мере вначале, как в мирное время.

Кажется, в конце февраля родители получили тревожные вести от тети Жени из Москвы. Она писала, что дядя Саша при сопровождении царского поезда во время отречения Государя арестован и находится под домашним арестом из-за его отказа принести присягу Временному правительству. Затем ввиду этого ему

Луга. Вид на город и Воскресенский собор из Заречья со стороны реки Луги

было предложено подать в отставку, что он и сделал немедленно, не доверяя новому правительству, и что он очень удручен всем происходящим. Через некоторое время арест был снят, но не долгое время пробыл он на свободе – только до падения Временного правительства в октябре 1917 года.

Как только большевики захватили власть, дядя был арестован чекистами и послан на принудительные работы, кажется, в Донском монастыре. В то время ему было около 70 лет и возить тяжелые тачки, нагруженные кирпичом, было не легко, ни в каком смысле. Он проработал так больше года. В 1919 году, когда Деникиным был взят Орел, в Москве царил террор. Очень многие из «политических» арестантов были расстреляны. В их числе оказался и дядя Саша. Тетя Женя долго не знала, жив ли он или нет, и когда узнала, наконец, – то только голый факт смерти, без дат и без подробностей.

В 1918 году, вскоре после захвата власти большевиками, в Петрограде, как и в Москве наступил голод и террор: аресты, обыски, расстрелы. Жили в неведении того, что случится на следующий день, или даже через час, и почти все, кроме комиссаров и красноармейцев, жили в страхе, что могут быть схвачены в любой момент – обыкновенно ночью.

Керенский – с его визгливым голосом и истерическим выкрикиванием избитых фраз был забыт, и новый кумир, – Ленин с ассистентом Троцким, заняли его место. На мою

долю выпало услышать голоса всех трех, в разное время, на Невском.

Керенский разрушил дисциплину в армии своими указами, особенно пагубным был приказ № 1. Ленин же и Троцкий завели такую дисциплину по всей стране, что погубили сотни тысяч невинных людей.

В квартире моего дяди, Константина Васильевича Елпatieвского был произведен обыск. Была реквизирована вся его великолепная коллекция книг с особенно ценными книгами на исторические темы. Неизвестно, что с ней стало, а его уводили на допрос по несколько раз, всегда по ночам. Дядя Костя с семьей перебрался на свою дачу в Павловске, чтобы выбраться из петроградского «омута». Повсюду свирепствовал голод. Люди пухли от него и падали замертво, где попало... Испытав ужас революции и предчувствуя неизбежность новых пыток, дядя Костя бросился под поезд и погиб на седьмом десятке лет.

В том же 1918 году был арестован мой отец, в Луге, после обыска. Чекистов к нам привел его же бывший писарь из судебной канцелярии, ставший комиссаром во время большевистского переворота. Во время обыска он усердствовал больше всех, переворачивая все вверх дном. Папу увели в его генеральской шинели с зелеными отворотами и обитыми черной материей пуговицами с эмблемой «Закон» и такими же петлицами. Мне никогда не забыть его скорбного лица с выражением почти детской растерянности, когда его, председателя суда с таким человеческим правосудием, вершившего судьбы других, выводили, грубо подталкивая в спину. Мы же стояли беспомощные, в слезах, поддерживая едва стоявшую на ногах, почти бесчувственную маму.

Отец не был расстрелян, как это было бы, почти наверное, в Петрограде, потому что в начале большевистского режима террор не успел еще распространиться на провинциальные города, такие как Луга. Не хватало палачей. В наступившем хаосе суд перестал существовать. Кто мог, бежал, другие, как папа, сидели в тюрьме. Обращение с заключенными, хотя и суровое, без поблажек, было все же мягче, чем в больших центрах, и нам было разрешено передавать посылки с папиросами и кое-какой едой, хотя сами мы жили в обрез. Все мы, особенно мама, которая страшно исхудала, тревожились за папу, чтобы не перевели его в Петроград или в один из лагерей.

Дядя архим. Алексия Александр Львович Чернай. Расстрелян большевиками в 1919 г.

Брат архим. Алексия Николай Николаевич Чернай

Страшным и неожиданным ударом было известие об убийстве Государя и всей его Августейшей семьи. Просто не верилось, что такое гнусное преступление против Помазанника Божия могло произойти в России, в те времена – еще самой религиозной стране в мире...

Вспомнилось мне также, как я ходил в Зимний дворец, по средам, во время войны, – день, когда Великие Княжны, Ольга и Татьяна, принимали корпию и вязанные вещи для раненых их госпиталя в Царском Селе, где обе они и Государыня работали как сестры. Вижу их светлые лица, как будто они передо мною. Великие княжны были такие разные по наружности, но обе жизнерадостные, особенно Ольга. Было что-то такое сердечное в ее приветливой улыбке, когда она, взяв принесенное, благодарила и выдавала расписку о получении. Что поражало, оставляя неизгладимый след в памяти, при встрече с Великими Княжнами, была их непринужденность и чарующая простота в обращении со всеми – от мала до велика.

И вспомнился мне въезд Государя в Москву, всего четыре года тому назад, в начале войны, восторженное поклонение, окружавшее его и его семью; глубокое почитание и любовь русского народа, когда он во время своих поездок соприкасался с простыми русскими людьми...

Большевики захватили власть, но когда крестьянам не отдали обещанную им землю, а рабочим заводы и производство в их владение, первоначальный революционный пыл стал пропадать, и большевикам путем террора пришлось добиваться повиновения, на которое не было доброй воли.

Но не все склонили голову, как послушное стадо. Во многих местах, как в Кронштадте, вспыхнули восстания, которые были подавлены с беспощадной жестокостью. Гонения были направлены не только против бывших членов правительства, аристократии, «недорезанных буржуев», но и против тех, «кто не с нами».

Одними из первых пали жертвами те самые либералы, которые готовили революцию и потом ужаснулись детищу, которое произвели на свет.

«Керенщина» развратила и развалила армию. Миллионы верных сынов своей родины были убиты или искалечены во время войны. Но и среди оставшихся военных, не только офицеров, но и солдат, было много верных своей присяге и готовых ценою своей жизни свергнуть ненавистную власть.

*Командующий Северо-Западной
Белой армией генерал Н.Н. Юденич*

Таким образом, в разных частях России стали формироваться, сперва как подземные ручейки, просачивающиеся наружу и сливаясь, образуя реки, «белые» отряды, которые впоследствии становились частями Белой армии. Одна из этих армий под командой генерала Юденича освободила от красных большую территорию и в 1919 году внезапно захватила Лугу... Белых встречали с трехцветными флагами. Радости, даже ликование жителей не было конца. Казалось, что черные тучи гнетущего страха исчезли навсегда.

Первым делом были освобождены все «политические» заключенные в тюрьмах. Трудно передать радость изможденного папы и нашу, быть снова вместе. Мама просто светилась и все мы пошли в собор, чтобы отслужить благодар-

ственный молебен об освобождении папы и избавлении от безбожной власти.

Вначале Белое движение было успешным и многообещающим. На северо-западе, в новообразованных в 1918 году республиках: Эстонии, Латвии и Литве, а также в Финляндии, власти и население сочувствовали белым, и эстонская армия сражалась против красных. Поэтому эстонское правительство поощряло формирование у себя Белой армии.

На юге в центре страны продвигался генерал Деникин, в Сибири укрепился адмирал Колчак... Заняв Лугу, ген. Юденич устроил свой штаб в нашем просторном доме и сразу выпустил воззвание вступать в его армию на защиту родины. Молодежь отнеслась с большим подъемом к его призыву, и многие записывались добровольцами, считая это своим священным долгом.

Я тоже горел желанием доказать на деле, а не на словах, мои чувства и был зачислен в артиллерию 5 (особого) Георгиевского полка. Мне сразу выдали английскую форму с нашитым на левом рукаве трехцветным треугольником и белым крестом под ним (как символом Белого движения). Я также получил фуражку с русской кокардой, и мне дали выбрать себе коня. Лошадка попала молодая, еще не выезжанная, и сперва часто показывала свой норов. В дальнейшем она выправилась и стала спокойной и послушной в походах.

Как я был счастлив выполнить свой долг перед Родиной! С каким нетерпением я ждал первого боя с красными! Когда я приехал домой в полном вооружении, отец благословил меня, мамочка же и сестрицы всплакнули, но были горды, что я стал добровольцем.

Поскольку наш дом был самым подходящим по

размерам и избран для штаба полка, то его командир, полковник Абузин, разрешил мне держать свою лошадь при себе, а мне оставаться в отчем доме до выступления в поход. По утрам я выезжал в полк, стоявший в казармах, где нас, молодых добровольцев, обучали стрелять в цель из пистолета и винтовки. У меня был свой наган. Вначале мы учились стрелять по мишеням пешими, а после на лошадях, на ходу. После нескольких маневров я получил похвалу от нашего взводного.

По вечерам офицеры вместе с командиром ужинали у нас. Командир был очень веселый и любил шутить. Однажды за столом, мигнув моему отцу, он обратился ко мне: «Ну, ваше благородие, а как стрельба? Не подстрелили еще ухо лошади?..».

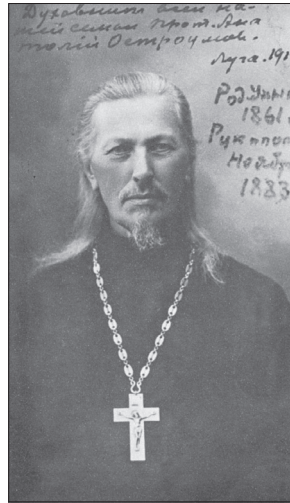
Через несколько дней предстояло выступить в поход. Мама, не раз, подходя, обнимала и крестила меня. Няня Паша только вздыхала, а сестры окружали меня особой заботой. В общем, я стал центром внимания в нашей семье.

Накануне отъезда я должен был уже с вечера отправиться в свой полк, так как выступление было назначено до рассвета. После ужина началось прощание со всеми. Дома все крестили меня со слезами на глазах. Только в этот момент у меня екнуло сердце и я понял, что ведь и впрямь я, может, больше не увижу никого из них, никогда.

Няня Паша стояла поодаль, утирая слезы концом своего белого передника. «Ну, пора, барыня!» – обратилась няня к маме. – «Да присядьте все, хоть на минутку!». Все сели молча на несколько секунд... Вышли провожать... На дворе поджидала моя оседланная лошадка. Вскочил я на нее, отворили ворота, и я выехал, покинув навсегда родной дом, где было столько тепла, радости и беззаботной жизни. Все, все, что только могло быть дано нам, детям, было сделано для нас нашими дорогими родителями. А теперь... теперь... что ждет меня? Так думал я, удаляясь от всего, что было мне мило.

Стоял теплый ясный сентябрь. Я ехал полушагом через темный лес. За лесом начинался полигон, а за ним и стоянка нашего полка и артиллерии.

Разнуздав коня, я отдал его дежурному солдату. Было уже после одиннадцати часов. Скоро и полночь, а в четыре часа надо собираться в поход. Было темно, все спали, а я лежал на койке, и перед мной проходили картины из прошлого. Дом со всеми родными был еще так близок, но казался уже таким далеким, и не было возврата, чтобы еще, хоть раз, обнять тех, которые были для меня дороже всего. Так говорил во мне голос сердца, а разум отвечал: – «Не раскисать теперь! Ведь я уже воин, надо думать не о себе, а о спасении Родины!».

Настоятель лужского собора протоиерей Анатолий Остроумов, духовник семьи Черной

Мне так и не удалось заснуть под храп и свист сладко спавших однополчан. Только перед самым рассветом, когда заходящая луна заглянула в окно нашей казармы и скоро скрылась, я немного задремал.

Все мы вскочили, услышав дежурного, громко играющего «сбор». На дворе уже выстраивался в ряды и по колоннам Георгиевский полк в боевом порядке... Вот и наша артиллерия. Все выстраиваются, каждый держа под уздцы своего коня, ожидая команды «по коням».

Все в порядке. Вестовой держит лошадь командира полка, а второй – лошадь командира батареи.

Раздается команда взводных: «Смирно! Равнение на право!». Неторопливо подходят командир полка и командир батареи, проходят по фронту и поздравляют с походом. Полку подается команда: «Стройся!». Командиры быстро садятся на своих коней. Командир батареи командует батарее: «По коням!». Тотчас же загрели лафеты и закрипели колеса орудий. Артиллерия двинулась вперед, а за ней, по команде командира полка «шагом марш!», замаршировал Георгиевский полк, затянув полковую песню: «Взвейтесь, соколы, орлами...».

В душе моей было смятение. К радости сознания, что я исполняю свой долг, примешивалась грусть разлуки с близкими. Мы ехали по дороге, так знакомой мне: я знал каждую тропинку, луга, реку с ее извилинами, поросшими плакучими ивами и камышами берегами. Вот мы проехали, загромыхав, по мосту и уже едем по ту сторону реки. Я смотрел на все вокруг в последний раз, прощаясь со всем, и рой воспоминаний еще такого недавнего прошлого, вытесняя все другое, терзал меня.

Вдруг раздался звук удара соборного колокола. Я снял фуражку и перекрестился. Посмотрел на часы. Было ровно шесть. Звонили к ранней обедне. Как дорог был мне Лужский собор с его добрым, сердечным настоятелем, отцом Анатолием Остроумовым, которому я так любил прислуживать. Наш семейный духовник и любимый батюшка также благословил меня на подвиг стать добровольцем... Теперь этот колокол собора как бы провожал меня.

Первый бой под Гатчиной

Туманное утро. Мы уже на подступах к Гатчине, но даже в бинокль еще трудно рассмотреть город. Посланы разведчики. Ждем, прислушиваемся – не началась ли еще ружейная или пулеметная стрельба? Но пока все тихо кругом.

Наша батарея занимает позицию. На пригорке стоят наши четыре орудия. Все готовится к бою. Видим,

как Георгиевский полк рассыпается в цепь и, то залегая, то вставая, продвигается к подступам города и с ним Колыванский полк.

Вот послышались отдельные выстрелы, один за другим, все учащаясь, и, наконец, по всему фронту открылась интенсивная стрельба. Вскоре затрещали и пулеметы. Нашей батарее подана команда: «Приготовиться», а затем: «Прицел... Наводка такая то – Огонь!».

И тут заговорили наши орудия, застияла веером снарядов окопавшихся красных! Ружейная и пулеметная стрельба со стороны противника стала понемногу стихать. Наши же полки с громким «ура» ринулись на окопы противника при поддержке нашей артиллерии, поражающей его беглым огнем.

Взрывы снарядов, трескотня пулеметов, несмолкаемое ура – все смешалось в одно... Красные были обращены в бегство. Бросив свои позиции на подступах к Гатчине, преследуя противника, наши части ворвались в город, и после недолгих боев на улицах города Гатчина была занята, и в ней развевались наши, национальные, русские флаги.

Мирное население с восторгом встречало вступавшие полки Белой армии.

Пулково

Заняв Гатчину, мы начали продвигаться к Пулковским высотам. После незначительного сопротивления красные оставили Пулково, эту чрезвычайно важную позицию, уже на подступах к Петрограду, который должен был быть взят по приказу главнокомандующего генерала Юденича, 22 октября, в день иконы Божией Матери Казанской.

С каким душевным трепетом мы все ожидали этот день! И так близок был Петроград – ведь наша артиллерия стояла на Пулковой горе! В бинокль была хорошо видна столица. Войска были раскинуты широким фронтом на подступах к Петрограду. Кроме нас здесь были: Конно-Егерский полк и также эстонские части, которые держали левый фронт после того, как они соединились с нашими. Все выглядело совсем радужно, и мы строили планы о том, что будет, когда мы освободим Петроград.

Вдруг 20 октября 1919 года вышел приказ верховного правителя, адмирала Колчака о «Единой, неделимой России». Было велено расклеивать этот приказ повсюду.

21 октября был ясный осенний день. Генерал Юденич делал смотр войскам. Сам большой патриот, он взывал к нашему чувству любви и долга к родине. Настроение в армии было и так приподнятое. Все было готово для наступления на Петроград на рассвете 22 октября.

В ночь с 21 на 22, из штаба было получено донесение о том, что левый фланг армии прорван, так как эстонские части обнажили его и что высадившиеся матросы, у Красной Горки, ударили по флангу и ведут

Пулково. Крест памяти воинов Северо-Западной армии

наступление. Никаких английских крейсеров, чтобы помочь нам с моря, вблизи не оказалось.

Дурные вести, облетевшие всех, готовившихся к победоносному концу, нанесли страшный удар нашей армии. Сразу рухнули все надежды, как только был получен приказ к быстрому отступлению на Ямбург. Иначе наша армия могла быть отрезанной.

Еще до рассвета потянулись колонны нашей отступающей армии. Зловещая канонада и стрельба доносились слева...

Отступление и наступление

Трудно было оправиться от такого удара. Было бесконечно тяжело. Пропал боевой дух. Слева наши сражались, чтобы задержать наступление красных. Сзади, за отступающей армией, тянулось, покидая свои места, население: кто на лошадях, кто с котомками, пешком. Все смешалось в одну, медленно двигавшуюся массу.

Отступали на Волосово-Ямбург. В Волосове присоединились к нашим частям беженцы из Луги. Среди них оказались мои родители, сестры – Агния, уже сестра милосердия, Лиля, Соня, старший брат Коля и самый младший, Левушка.

Наступали осенние сумерки. Стал моросить дождь. Скоро совсем стемнело. Громыхали колеса орудий и повозок обоза. То и дело темное небо освещалось вспышками и слышалась отдаленная канонада. Позади виднелись зарева от пожаров – там горели наши склады с амуницией и провиантом, оставленные в Гатчине, а также составы товарных поездов.

Все ехали или шли молча. И у всех были, наверно, те же тяжкие думы – что-то ждет впереди? На то не было ответа, и мы шли просто в неизвестность, к границам Эстонской независимой республики, на днях еще воевавшей с красными. Сердце билось тревожно. Мой конь шел опустив голову, как бы понимая это положение.

*Колонны беженцев на железнодорожном мосту
через Нарову. 1919 г.*

ние. Временами я погружался в дремоту и снилось мне светлое, невозвратимое прошлое. Я просыпался, и вновь меня подавляла окружающая реальность.

На рассвете добрались до Ямбурга, но здесь нас ожидало еще одно неожиданное препятствие: Ямбургский мост через реку Нарву находился под обстрелом красных и вступить на него, значило быть мишенью. Целью красных явно было навести панику в наших отступающих частях и среди беженцев.

Действительно, среди беженцев поднялась сильная паника, ибо мост был единственным путем переправы, а другого моста не было. Необходимо было прекратить панику среди них, а также и среди солдат. Инициативу в этом нелегком задании взял на себя командир 5 Георгиевского полка полковник Абузин, всегда хладнокровный, решительный, бесстрашный. Бывало, во время сильной перестрелки он ходил по окопам и шутил с солдатами, укрепляя их дух своим примером. Поэтому солдаты его любили, величая его «наш лихой командир».

Под его руководством переправа через мост прошла благополучно. Перебегало по несколько человек, пока наши стреляли в красных. Таким образом успешно прошла артиллерия и другие военные части.

В Ямбурге расположились на несколько дней. Как армии, так и беженцам раздавались провианты в английских и американских консервах.

На короткое время я снова был вместе с моими, со всей моей семьей, в домике, отведенном для полковой канцелярии. Положение было совсем неопределенное. Ямбург сделался центром скопления войск и беженцев. Все надеялись попасть в независимую Эстонскую республику, чтобы там укрыться от красных, которые наступали, численно превышая наши силы. Не было никаких новых приказов от верховного правителя с одной стороны, а с другой – разрешения от эстонских властей переходить через границу.

Но вот, после нескольких дней тревожного ожидания был получен приказ из штаба: всем частям, отсту-

павшим в Ямбург, погружаться в эшелоны. Погрузка состоялась в полночь, и длинный эшелон отошел от станции в полной темноте. Только уже в пути мы узнали, что высадка – в Кривых Луках. Тут и остановился наш состав; был отдан приказ всем быть в боевой готовности. Поспешно выгружались Георгиевский, Колыванский и Конно-Егерский.

Оказалось, что был план: обойти красных и ударить им в тыл. Все двигались молча, тарахтела только наша батарея. На рассвете вошли в село в Гдовском направлении. В эти сутки красных нигде не встретили.

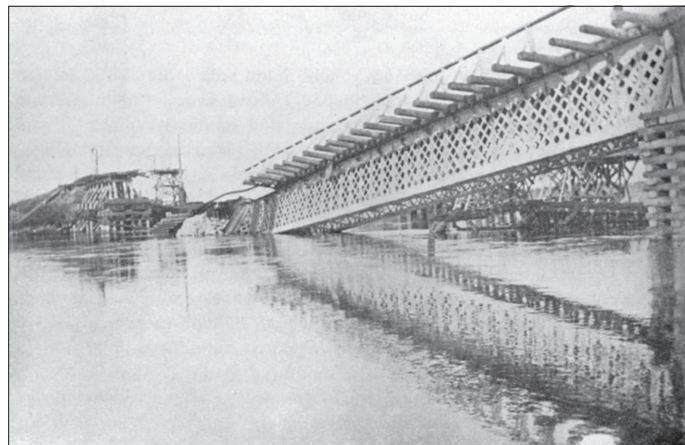
В том же селе были получены сведения, что в следующей деревне большое скопление красных. Только впоследствии мы узнали, что находимся в окружении.

Было решено, в штабе, наступать и, во что бы то ни стало, прорвать кольцо, захватив это стратегически расположенное село. Начались атаки, одна за другой, отбиваемые красными. Линия обороны на подступах к селу Никольскому была укреплена несколькими рядами красных окопов.

За все предыдущие сражения не было стольких потерь среди юных героев наших полков. Бой за село Никольское продолжался около суток. Наша Георгиевская батарея непрерывно устилала беглым огнем укрепления красных, при поддержке которой наши части прорывали одну линию за другой, занимая окопы противника.

Весь бой происходил, как на ладони. В замаскированном месте, на холме, поросшем кустарником и леском, находился наблюдательный пост, откуда командовал батареей командир, к которому я был послан телефонистом и должен был передавать команду командира на батарею. Этот бой остался в моей памяти. Нас тоже осыпали снарядами красные. Было много недолетов и перелетов, но были и попадания в цель. И как много наших пало в этой битве!..

Наконец, наступил вечер – темный, сырой. Затихла стрельба с обеих сторон. Было что-то жуткое в ночной тишине. Наши части заняли все линии перед селом, и санитары подбирали раненых и убрали тела убитых.

Взорванный мост через реку Плюссу. Январь 1919 г.

На наблюдательный пункт прибыл командир полка и совещался с командиром батареи, который предполагал, что у противника происходит перегруппировка, чтобы ударить на нас неожиданно, возможно с тыла. Решено было возобновить атаку на умолкнувшие позиции красных, а батарею передвинуть на более выгодную позицию и открыть огонь, при атаке на село. С левого фланга Колбванского полка были подвезены две гаубицы. И вот, затрещали наши пулеметы, послышалось громкое ура, когда началась атака из последнего окопа, занятого нашими солдатами. Наши бежали цепью и были уже около села, застигнув красных врасплох. Те, действительно, собирались сделать перегруппировку.

Наши снаряды метко настигали бегущих красных, покидавших село Никольское. Прорыв был завершён. Было взято много пленных – голодных красноармейцев. Уже пробило полночь, когда мы вошли в село Никольское. По приказу командира с пленными обращались по-братски. Их велено было накормить из походных кухонь. С какой жадностью они ели, хватая английские и американские консервы и белые буханки хлеба!..

Тогда я в первый раз видел расстрел трех коммунистов-партийцев, которых выдали сами пленные. У них были с собой даже партийные билеты. Все они были молодые, с виду спокойные. Их поставили к стенке амбара. Я не мог смотреть, как смотрели другие, только слышал три залпа из винтовок и потом увидел их, лежащими навзничь.

Большая часовня у церкви была полна убитыми в этом бою. Тела лежали одно на другом до самого потолка. Отпевал батюшка всех сразу. То был духовник Конно-Егерского полка. В Никольском мы простояли около четырех дней. Необходимо было сделать передышку. В походном лазарете было много раненых, но, слава Богу, не было очень тяжелых, только перевязки.

В селе реквизировались повозки и заменялись некоторые лошади для транспорта раненых.

Итак, после отдыха мы снова в походе по направлению к эстонской границе. По дороге встречали красных, не в большом числе, и выбивали их из деревень, пробивая себе путь.

Жаркие бои шли под Нарвой. Красные сосредоточили там крупные силы, чтобы захватить Эстонию. Только тогда эстонцы поняли, что, оставив фронт у Красной Горки и оголив левый фланг армии ген. Юденича, наступавшего на Петроград, они были причиной разгрома этой армии, сражавшейся в разных местах из последних сил. Поэтому армия должна была отступать к границе свободной Эстонии, по пятам которой наступала Красная армия, перебросившая свои главные силы на этот фронт.

Следующий бой с красными при Устье Нарвы проходил при таком численном превосходстве красных,

Рузрушенная Нарва. 1919 г.

что после больших потерь мы оказались прижатыми к Эстонской границе и принуждены были ее перейти. Командующий Эстонской армией приказал разоружить оставшиеся части Юденича, которые отказались сдать оружие и из-за этого началась перестрелка с эстонскими пограничными частями.

Уведомленный о происшедшем, генерал Юденич послал петицию эстонскому главнокомандующему с протестом. Это остановило разоружение, но все наши части были брошены, в первую голову, на нарвский фронт. Там, на самых подступах к Нарве, сражаясь с красными, они проявили высокую доблесть и боеспособность, чем оказали сильную поддержку эстонским войскам. Много наших полегло, снова, в этой отчаянной битве за Нарву, которая часто переходила в рукопашную схватку.

Большинство эстонских войск стояло в резерве, и вся тяжесть боев пала на наши полки. Нарва была спасена. Благодаря этой победе эстонцам удалось заключить выгодный для них мир, а остатки наших частей были разоружены и отправлены этапным порядком на лесные работы, разработку торфа и т. п.

И вот, мы в казармах; на нарах – солома. Нам дают похлебку. Среди нас свирепствует тиф!.. Сколько лишений и унижений пришлось пережить в то время нам всем! К разоруженным воинам прибавлялись беженцы. Все перемешалось...

Эстонцы вместо благодарности возненавидели нас, так помогавшим им, и дали нам кличку – «курят партизан» (черт партизан).

Двойная потеря

Трудно передать словами душевное состояние большинства из нас, переживших этот поход, закончившийся так бесславно, после стольких надежд на победу и готовность каждый момент отдать свою жизнь за Родину, ради освобождения ее от красного ига.

Была поздняя осень, уже вторая половина ноября, а

*Деревня Долгая Нива прихода Криюши на реке Нарове
после боев. 1919 г.*

мы все шли днем и часто ночью по грязным, непролазным дорогам, так как снег еще не выпадал и шли дожди.

Сестра моя Агния была при нас как сестра милосердия, так как многие заболели тифом. Мыться было при тех условиях невозможно, и нас заедали вши. Недалеко от фермы, где нашли временный приют у доброго эстонца мои родители и остальные члены нашей семьи, в недалеком расстоянии от станции Кабала, тиф поразил и мою сестру. Она вдруг не могла больше двигаться, и у нее поднялся сильный жар. Что делать? Где ее уложить? Не боясь заразы, она самоотверженно смотрела за другими, стараясь подбодрить тех, кто падал духом... И вот, заразилась и свалилась сама!

Стояла промозглая холодная ночь. Я бросался туда-сюда, чтобы найти ей ночлег. Сарай, где были другие тифозные, был переполнен. Добрый стрелочник, к которому я побежал за советом сжалился и мы перенесли больную к нему в будку. Она горела в жару и была без памяти.

Никакой связи с родителями не было. Добраться до них, чтобы сообщить им, вместо того чтобы идти с другими «пленными» на лесные работы, было невыполнимо. На следующее утро нас отправили, как обычно, работать в лесу, но близко от Кабалы и, на мое счастье, еще ближе к ферме, где, как рассказала мне Лиля, находилась моя семья.

По окончании работ я пошел искать своих и с большим трудом отыскал старую хату, где они приютились. Первое, что я увидел, открыв незапертую дверь, была моя мама, на коленях молящаяся перед нашей семейной иконой Казанской Божьей Матери, всюду, всегда сопровождавшую мою мать. Папа стоял у маленького окна, вглядываясь в темноту. Он был в своей, уже изрядно потертой, генеральской шинели. Остальные сидели на лавке у стола. В избе было холодно несмотря на то, что там находилось пять человек. Видно, не было дров, чтобы затопить жалкую печурку.

Радость встречи была затемнена тревогой о Гунечке

(Агнии) и беспокойством обо мне, так как я едва стоял на больных распухших ногах и вид у меня был, наверно, незавидный. Поделившись со мной своей скудной пищей, мама уложила меня спать на полу. Она собиралась на следующий день к Гунечке.

Ночью стало морозить и пошел снег. Утром все было покрыто белой пеленой, и снег, залепивший оконца хаты, продолжал падать с посеревшего неба. Брат затопил печурку. Выдавали только одну охапку дров в день. Надо было экономить. Мама готовила манную кашу для Гуни. У папы был совсем непривычный для него, растерянный вид.

Вдруг распахнулась дверь и на пороге появилась вся опушенная снегом Лиля. Глаза ее были красные от слез. Закрыв дверь, она стояла, не произнося ни слова...

«Что же ты молчишь? Ну, что же – папа подошел к Лиле и, взяв ее за плечи и потрясая их, проговорил потрясающим голосом – ну, говори скорей, что сейчас с Гунечкой?». (Я не сказал родным, как плохо было сестре, а только чем она заболела, чтобы их не испугать).

Мама стояла не шелохнувшись и только смотрела на вторую сумку с монограммой Гуни, которую держала Лиля. «Гунечка умерла... Она выбежала ночью вся в жару; я гналась за ней, пока она не упала на снег, и принесла ее на руках в будку, а как положила на койку, то увидела, что она уже скончалась. Она там и лежит. Я только закутала ее в одеяло». Тут Лиля, отвернувшись к двери, разрыдалась.

Не смею описывать, что переживали дорогие родители, которые даже не могли предаться своему горю наедине... Надо было сразу принимать решение – как и где хоронить. Ведь нельзя было оставлять тело Гунечки у стрелочника... Кругом поля и леса. Никто не мог собраться с мыслями. Все плакали. В это время зашел хозяин, фермер, чтобы спросить – не надо ли чего? Брат Коля сказал ему, что случилось. Добрый эстонец пошел нам навстречу и тут же, в своем амбаре, сколотил из своих досок что-то наподобие гроба. Он дал нам свою телегу и лошадь, и мы поехали: он, Коля и я, чтобы взять и предать земле останки Гунечки – в поле.

Все молчали, только хозяин подгонял лошадку. Стрелочник уже ждал нашего приезда и ласково принял нас; он прослезился, когда мы вынули Гунечку из одеяла и стали заворачивать в чистую, привезенную от мамы простыню. Смерть не исказила еще нашу красавицу сестру. Ее расплетенные темно-каштановые косы обрамляли ее прекрасное, как из белого мрамора лицо. Она лежала с немного закинутой головой; глаза с длинными черными ресницами, были закрыты, и весь ее хрупкий облик выражал как бы какое-то скорбное недоумение. Мы стали на колени помолиться.

Когда мы выносили тело, стрелочник сказал, перекрестясь – «А хорошая, должно быть, была барышня! За другими смотрела, себя не жалела. Вот Бог и прибрал

ее, чтоб душеньке ее в раю жилось, а не на грешной нашей земле...».

Уложили Гунечку в гроб, заколотили его и двинулись снова в путь, подыскивая подходящее место, чтобы вырыть яму. Много помог добрый эстонец. Земля еще не глубоко промерзла, только первые слои, потом шла рыхлая земля. Не глубока, как полагается, была могила. Опустили гроб. Коленопреклонно спели, как могли, будучи в слезах, «Со святыми упокой...» и «Вечную память» и засыпали гроб землей. Так и осталась еще одна безымянная могилка в чистом поле и на холмике, над ней мы воткнули наскоро сколоченный деревянный крест.

Как было тяжело и грустно расставаться с дорогой сестрой, да еще без обряда отпевания просто зарыть в землю. Ведь Гунечка была уже невеста, любила всей своей девственной душой и была любима...

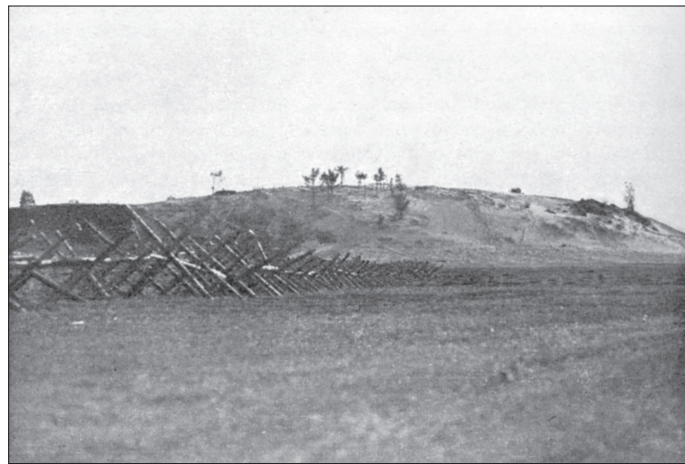
Мы ехали обратно. Просветлевшее, когда мы ехали к стрелочнику, небо, снова заволокло тучами. «К ночи опять будет снегопад, да какой!» – сказал в раздумье наш возница. Мы молчали, и вспомнился мне любимый романс Гунечки, который она часто и дивно пела, вкладывая в него всю душу: «Забыты нежные лобзания», который кончался словами: «на век разделит друг от друга, покрыв нас снежной пеленой».

Как мы ни искали после – никогда не удалось нам найти место упокоения нашей дорогой Гунечки.

В конце декабря родители и вся семья выехали из деревни около Кабалы, переехав в Евье, где находился в то время комитет по устройству беженцев Назимова. Туда на работу был первым приглашен мой брат Коля. Меня же отпустили с работ из-за больных ног, и я остался с родными.

Мы уезжали со станции Кабала вечером. Кругом лежал глубокий снег; был сильный мороз, и снег искрился под ярким лунным светом. Проезжая мимо поля, где мы похоронили Гунечку, мама крестилась и благословляла белую даль... Мы были недолго в Иевве. Представился Богом данный, благоприятный случай. Однажды в беженском комитете отец встретился со старшим из братьев Елисеевых, у которых был известный на всю Россию гастрономический магазин на Невском проспекте, куда в дореволюционное время, приезжая в Петроград, отец всегда заходил и как-то близко познакомился с братьями, особенно со старшим, который постоянно бывал в магазине и питал особую симпатию к моему отцу. Кроме того, встречались они также у дяди Кости Елпатиевского, которого оба Елисеєва почитали и любили, присылая ему в день его именин разные сласти и прочее.

Когда я жил в Петрограде и ходил в гимназию, папа присылал мне карманные деньги, иногда по несколько рублей сразу. И я ходил к Елисеевым полакомиться их шоколадом и ароматной пастилой, которыми меня угощали бесплатно милые Елисеєвы, хотя я всегда

«Чертова гора» близ Усть-Наровы, в боях за которую принимал участие А. Чернай. Фото 1919 г.

старался заплатить.

Встретив папу очень сердечно и узнав о всем пережитом нами, а также о дяде Косте, трагически погибшем, и о его семье, Елисеев пригласил всех нас перебраться в его имение недалеко от курортного городка Тойла, на берегу моря, и поселиться в их доме, где, как он выразился, «хватит места с излишком для всех».

Родители с благодарностью приняли это совсем неожиданное предложение.

Новые надежды и разочарование

После всех скитаний и самых примитивных бытовых условий дом Елисеевых показался нам просто дворцом. Он стоял над крутым обрывом, над самым морем. С его огромной террасы во всю длину фасада, открывался вид на море со всеми оттенками его причудливых вод. Терраса была уставлена мраморными вазами со множеством разных цветов, а вековой парк с всевозможными породами растений и деревьев поражал своей обширностью и красотой.

В доме, казалось, было бесконечное количество комнат, обставленных не только комфортабельно, по последней заграничной моде, но даже роскошно. К сему надо добавить еще отлично подобранную библиотеку, где можно было найти самый разнообразный выбор книг. В глубине парка стояла церковь с золотыми куполами и с художественной мозаикой внутри. Каждое воскресенье, когда было возможно, в этой церкви совершалось богослужение протоиереем Пятсом, братом президента Эстонской республики.

Все вокруг нас было к нашим услугам, и мы чувствовали себя, прямо как в сказке. Ничем не нарушаемая тишина, кроме плеска моря, так как наши милые хозяева отсутствовали, предоставив все нам. Все это и свобода от повседневных забот по хозяйству было как благотворный бальзам, наложенный на незаживающие раны.

Увы! Этот рай не был долговечным. Однажды

управляющий имением пришел, чтобы сообщить нам, что нам надо уезжать, т. к. он уезжает сам, что имение Елисеевых отобрано эстонским правительством; земля будет разделена между крестьянами, а усадьба с парком предназначена для летней резиденции президента.

Известие было весьма неприятным, ведь мы только начали оживать. Через несколько дней мы получили письмо от Елисеева с подтверждением, что он больше не хозяин и что имение перешло во владение эстонского правительства.

Не оставалось ничего другого, как срочно искать новое местожительство. Вскоре мы переехали в Тойла и сняли там небольшую дачу вблизи от моря. Хорошо, что дома сдавались с мебелью – хотя одной заботой и расходом меньше!

В Тойла проживало немало беженцев, кроме обычных летних дачников. Находился там тогда поэт Северянин, всегда ходивший в оригинальных костюмах с яркими галстуками. Он был человек настроения, и когда в хорошем – был весел и простодушно остроумен. Он подружился с моими сестрами, часто заходил к нам и любил беседовать с моим отцом.

Северянин был интересным собеседником и привлекательным человеком из-за его благодушия. Одно время он увлекался моей сестрой Соней, красивой, изящной и грациозной. У нее были очень выразительные карие глаза, и Северянин как-то написал ей стишок в ее альбом. Не помню его весь, но начинался он так:

Ваши темные очи,
Как ночь глубоки,
И как яркие звезды
Блистают они!

Немало приятных вечеров провели мы, особенно молодежь, в Тойла. Собирались у нас или у знакомых

*Плюхтицы. Крест на братской могиле
воинов-северозападников, умерших
от ран в лазарете монастыря*

в интимном кругу, где Северянин часто читал нам свои произведения. Петя Арсеньев, пианист-виртуоз, брат жены Коли – Олечки, доставлял нам много наслаждения своей игрой. Днем ходили на прогулки, все вместе, купались и проводили дни, почти как в мирное время, хотя в гораздо более скромном масштабе.

Мое пребывание в Тойла оказалось коротким. В Польше формировалась армия, именовавшаяся – «Третья Армия генерала Врангеля». Рассылались воззвания вступить добровольцами в эту армию. Она должна была идти на соединение с войсками ген. Врангеля, ведущим тогда наступление на Перекоп, пользуясь тем, что Польша еще воевала с Советами и Красная армия как раз подходила к Варшаве.

Я тотчас записался и, попрощавшись с родными, отправился в Ревель. Оттуда наши добровольче-

ские части отплыли на пароходе «Саратов» в Данциг. Из Данцига нас направили к месту формирования армии в Проскуров. Как только формирование было закончено, мы влились в боевые части, медленно продвигаясь к Житомиру.

Армия ген. Врангеля теснила красных с Перекопского перешейка, а наша Третья шла на соединение с ней.

Шли кровопролитные бои между поляками и красными под Варшавой с неравными силами – в пользу красных. И вот по предложению Советов, польское правительство заключило с ними мир. Одним из условий этого мира, гарантирующего полную независимость Польши, было интернирование Белой армии, оперирующей на территории Польши. Это условие было принято, и в результате все наши части были разоружены, отправлены в Познанскую область и посажены под арест на форту Стефана Батория.

НОВОМУЧЕНИКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ

Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после.

Екклесиаст, I, 2

Баронский уезд

Самый западный уезд С.-Петербургской губернии, Ямбургский, часто в XVIII-XIX и в начале XX века называли Баронским уездом – по обилию поместий и имений старинных русско-немецких дворянских родов, зачастую титулованных, издавна проживавших на этих землях. Некогда бывший частью древней Водской земли, позднее – Водской пятины Господина Великого Новгорода, в средние века он не раз становился ареной кровопролитных сражений между Русью и ее западными соседями, приходившими сюда утверждать мечом свои права на эти земли. Издавна, еще со времен первой проповеди св. равноап. княгини Ольги, эти земли входят в удел Руси, и постепенно в них утверждается святая православная вера, к ней обращаются и некогда языческие местные финские племена (водь, чудь, ижора), строятся первые погосты. Одновременно с коренным русским дворянством в крае водворяются дворянские роды, вышедшие из Скандинавии (Швеции, Дании), Прибалтийского края, Германии. Немало их переселилось сюда и получило вотчины в XVII веке, когда после Смутного времени край почти на столетие был оторван от России и входил в состав Шведского королевства.

Тогда здесь появляются многочисленные роды потомков древних рыцарских фамилий: бароны Штакельберги, Корфы, Врангели, Адлерберги, Тизенгаузен, Роткирхи, Рауш-фон-Траубенберги, Таубе, Меллер-Закомельские, Краузе, фон Рейтельн, Коцебу, графы Сиверсы и другие, многие из которых позднее станут верой и правдой служить православному Царю и русскому государству.

Позднее к ним наряду с представителями родовитых русских семей присоединятся и выходцы из западных земель, выслужившие дворянство уже при русском дворе (роды Блок, Веймарн, Пельтцер, Штиглиц и другие), которые будут пожалованы именьями в уезде в XVIII и XIX веках.

Многие из этих немецких родов к началу XX века обрусееют, представители различных ветвей и генеалогических линий их станут православными и, по воспоминаниям духовников и близко знавших их архипастырей Православной Церкви, «хорошими православными», многие станут ее верными чадами, даже запечатлеют свою верность Царю и Христу Спасителю своей мученической кончиной.

За последние три столетия ими будет внесен большой вклад в отечественное сельское хозяйство и промышленность, открыты различные попечительства и благотворительные общества, выстроены храмы, церковно-приходские и сельские школы для крестьянских детей, устроены санатории и приюты, летние детские дачи, улучшены условия быта жителей, выстроены железные и автомобильные дороги. Трудно переоценить вклад этих семейств в светскую и духовную культуру С.-Петербурга и России.

Родовые гнезда их были сокровищницами отечественной культуры, средоточием бережно сохранявшихся веками произведений искусства, исторических, духовных и культурных ценностей, а также центрами образцового ведения сельского хозяйства.

В трагические для России годы I Мировой войны семьи эти дали многих воинов-героев, защищавших Россию в войне с Германией и Австро-Венгрией, оставшихся до конца верными Царю и Отечеству, не в пример иным представителям военной элиты, выходцам из старинных русских родов. Многие юноши из этих семей, перед которыми лишь открывался жизненный путь, пали на полях сражений Великой войны.

Гражданская война 1918-1920 гг. положила конец сложившемуся укладу жизни в имениях и селах Ямбургского уезда, как, впрочем, это произошло и по всей России. Усадьбы, парки и владельцы погибли в вихре красной смуты и братоубийственной войны, став жертвами междоусобицы и дьявольской ненависти восставших против Бога и Царя. К 1920 г. на территории уезда из более пятидесяти имений хозяева остались лишь в пяти (старая баронесса Тизенгаузен, вдова барона Владимира Евгеньевича (1865-?) – в имении Смердовицы (Вруда), семейство Кох – в Коноховицах, Александра Николаевна Крузе – в Березняках, Игумновы – в Валговицах и баронесса Анна Аполиinarieвна Притвиц – в Рабитицах). Видимо, они не успели покинуть родные места, либо ехать им уже было некуда. Проживание их на территории собственных имений, реквизированных советской властью, рассматривалось как нежелательное, сами владельцы именуются властями «неблагонадежными». Их дальнейшие судьбы неизвестны, и лишь немногие сумели уцелеть в вихре революции.

Ивангород. Надгробия баронов Штакельбергов на Петропавловском кладбище

В настоящее время лишь заброшенные парки, полуразрушенные храмы да семейные склепы напоминают о былом величии родов Ямбургского – «баронского» уезда. Что-то еще удерживают в памяти потомки этих фамилий, проживающие в С.-Петербурге или за пределами России.

Благодарная память о тех, кто хранил и любил эту землю, кто любил Бога, Царя и Россию, подвигает нас к тому, чтобы сказать слово благодарности тем, кто завершил свое земное поприще здесь, на этой земле, мученической, страстотерпической кончиной.

ТОРОСОВО. БАРОНЫ ВРАНГЕЛИ

Род баронов Врангелей – старинный и знатный дворянский род датского происхождения, известен с начала XII столетия. Более всего представители семейства выдвинулись на военном поприще: в Дании, Швеции, Германии, Австрии, Голландии, Испании и впоследствии в России. Они дали семь фельдмаршалов, более тридцати генералов и семь адмиралов. В 1709 г. на поле Полтавской битвы осталось лежать 22 представителя рода; они воевали тогда, конечно, еще на стороне шведов – но уже к концу XIX века представители русских линий баронов Врангелей занимали первое место (40 человек), шведских – второе (37), а прусских – третье (11). В 1930-е годы в Эстонии выходил даже особый журнал «Acta Wrangeliana» на разных языках.

Остзейская и русская линии рода баронов Врангелей, впоследствии дворян Эстляндской, Лифляндской и С.-Петербургской губерний, берут свое начало от вассала датского короля Вольдемара II – Тука Вранга, под командованием которого в 1219 г. был оставлен гарнизон Ревеля (эст. – Таллинн),

принадлежавшего тогда, как и вся Эстляндия, Дании.

В С.-Петербургской губернии роду баронов Врангелей принадлежали пожалованные еще в

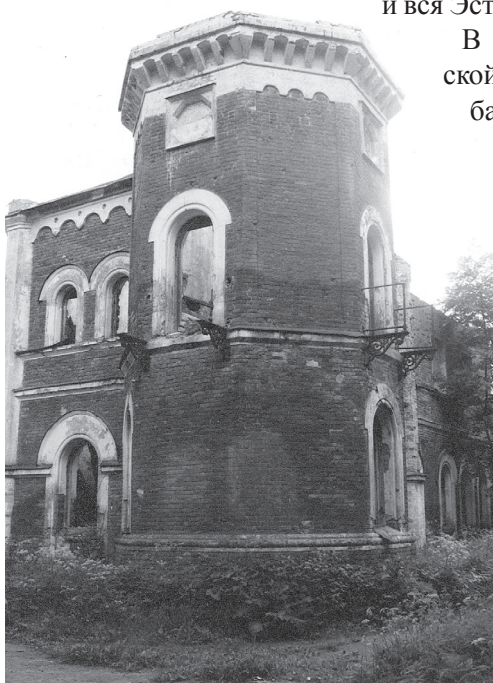

Имение Торосово. Современный вид

шведское время Герману фон Врангелю, барону фон Люденгоф († 1669) имения Терпилицы и Торосово, находившиеся во владении рода с 1653 г. Его сын, Георг-Густав (1662-1734) и жившие позже наследники: Георг Иоханн (Георгий Иванович; 1727-1774) сын его, Карл-Герман (Ермолай Иванович; 1769-1821), бароны Врангели, и их потомки продолжали владеть этими вотчинами вплоть до начала XX века, ознаменовавшегося произошедшими здесь трагическими событиями 1918 года.

Среди злодейств, совершенных большевиками под Петроградом в 1917-1918 годах, следует назвать убийство двух братьев баронов Врангелей и их родственников – матери и сына князей Оболенских. Все они были жившими в Ямбургском уезде потомками прадеда А.С. Пушкина А. П. Ганнибала, родственниками поэта, проживавшими в своих поместьях. Одна из дочерей «Арапа Петра Великого» София Абрамовна Ганнибал (1759 – 1802) вышла замуж за Адама Карповича Роткирха. Их внучки София (1798-1827) и Ольга (1801-1879) – сначала старшая, а после ее смерти младшая – становятся женами Александра Федоровича Веймарна (1791-1882), впоследствии действительного статского советника и кавалера ордена Св. Андрея Первозванного.

Младшая из дочерей Роткирхов Вера Адамовна (1786-1812) стала женою Александра Ивановича Рауш фон Траубенбер-

Торосово. Здесь, в своем имении был убит барон Георгий Михайлович Врангель († 1918)

Барон Николай Николаевич
Врангель (1882-1915)

га. Одна из дочерей от этого брака Дарья (1807-1851) в ноябре 1830 г. обвенчалась в Ямбургском соборе с бароном Георгием Ермолаевичем Врангелем (16.10.1804 – 2.10.1868), директором департамента Министерства юстиции, предводителем дворянства Ямбургского уезда. Он похоронен близ Преображенской церкви в с. Раскулицы. В 1854 г. он присовокупляет к имению Терпелицы в Ямбургском уезде (где он родился) старинное родовое поместье баронов

Врангелей Торосово, пожалованное им еще 8 октября 1653 г. шведской королевой Кристиной и находившееся некоторое время в XVIII веке у других владельцев.

У баронов Врангелей родилось семеро детей, связавших род с самыми громкими русско-немецкими фамилиями – баронов Корфов, князей Голицыных, Куракиных, графов Шуваловых, баронов Штакельбергов. Среди их потомков – знаменитый белый генерал барон Петр Николаевич Врангель и его брат, известный искусствовед барон Николай Николаевич, судьба которых связана с этими местами.

Их дядей был третий из семерых детей Георгия Ермолаевича барон Михаил Георгиевич Врангель (1836-1899), генерал-лейтенант, одно время финляндский генерал-губернатор, женатый на баронессе Шарлотте Корф (1848-1919). В 1847 г. им была построена деревянная церковь Казанской Божией Матери в селе Ославье Ямбургского уезда, прихожанами которой были бароны Врангели (разрушена в 1940-х гг.). При участии его брата, барона Александра Георгиевича, в 1883 г. была устроена богадельня в с. Клопицы для жителей местного прихода. Из пятерых детей барона М.Г. Врангеля четвертый, морской офицер лейтенант Дмитрий Михайлович Врангель (1881-14.05.1905), погиб на крейсере «Жемчуг» в Цусимском сражении. Его старший брат Павел умер пятнадцати лет в 1883 году. Оставшихся двух братьев в их собственных домах убили опьяненные революцией разнузданные подонки. В августе 1918 г. был убит барон Михаил Михайлович (р. 1874 г.). О вдове его, урожденной графине Шуваловой, и двух дочерях сведения отсутствуют.

Более известно о другом из братьев – мученике бароне Георгии Михайловиче Врангеле (7.02.1876 – убит 21 февраля 1918), он внук Дарьи Александровны, в замужестве баронессы Врангель, троюродной сестры А.С. Пушкина. Он находился в своем доме в имении Торосово Петергофского уезда (ныне Волосовского

района). Существующая ныне в Торосово усадьба с великолепным пейзажным парком была создана в середине XIX века для его отца барона М.Г. Врангеля. В парке и на территории хозяйственной зоны сохранились помимо усадебного дома каменные постройки различного назначения, в том числе конюшни, скотный двор, амбары и т. д. Двухэтажный кирпичный дом был поставлен на возвышенном месте среди парка, он и в нынешнем своем

полуразрушенном виде производит впечатление. Ассиметричный в плане, с многочисленными выступами ризалитов, террас, башен, разновысотный в своих отдельных частях он как-то по особенному выразителен и гармонично вписывается в парк, остатки которого с аллеями дубов, лиственниц и лип дают понятие о былом.

Владелец усадьбы барон Г.М. Врангель, конечно, понимал всю опасность, оставаясь в родовом имении, не защищенный ни законом, ни какой-либо охраной. Большевики, как всегда, опирались на деклассированные, преступные элементы в округе. Но бежать он не хотел. 21 февраля Георгий Михайлович находился в комнате второго этажа, в торцовой части дома, окруженный семьей, которую составляли жена и четверо малолетних детей, им было от года до шести с половиной лет: Юрий (1910), Нина (1911), Лев (1912) и Борис (17.02.1917–1995). Ни в чем не повинные, они ждали в страхе тех, что среди бела дня ворвались в дом. На глазах жены и детей барон Г.М. Врангель был зверски убит. Баронессе Марианне Львовне, урожденной княжне Голицыной, (р. 1881) с детьми удалось бежать в Петроград, где старший мальчик после увиденного лишился рассудка и умер в 1919 году. Сына Льва и дочь Нину вдова спасла и увезла за границу, где сама она скончалась много позже († 1943 г., Брюссель). Младший сын Борис в годы II Мировой войны по линии НТС добровольно остался в России для работы среди русских людей на Родине (Ред.). Проживал в Риге, затем во Пскове, весной 1945 г. юношей был арестован и большую часть жизни провел в заключении. После освобождения в 1950-х гг. он женился на той, что проявила к нему, отверженному, милосердие. Жили в ссылке под Иркутском, затем во Пскове, где Борис Георгиевич Врангель служил псаломщиком при Никольской церкви в Любятове, на окраине города, а затем в Старо-Вознесенской церкви. Скончался он в июле 1995 г. и погребен во Пскове на Мироносицком кладбище.

Барон Петр Николаевич
Врангель (1878-1928)

Н.К. Телетова

ВЕЙМАРН

В западной части Ямбургского уезда на линии Балтийской железной дороги, связавшей в 1857 году С.-Петербург и Ревель, существует станция Веймарн, названная так по фамилии старинного русско-немецкого рода Веймарнов.

Фамилия Веймарн (Weymarn) происходит, согласно родословной, от старинного дворянского рода Веймер или Веймарн из Веймерсхейма в округе Гунценхаузен (район Ансбаха в Средней Франконии), но, тем не менее, документально

это не подтверждается. Родоначальником фамилии является Антон Веймар, купец, домовладелец в Любеке и казначей герцога Вильгельма Курляндского. После свержения герцога Антон Веймар спасается бегством из Курляндии сначала в Гапсаль, затем в Пернов, где становится братом Большой Гильдии и продолжает торговую деятельность. Он запечатывает письма гербом Веймарнов, который подтвержден гербовым дипломом. Вряд ли можно предположить, что этот диплом, которого уже нет и который был найден в его наследственных бумагах и выдан в 1650 году Аренсбургским земельным судом, был жалованной дворянской грамотой. Внуки Антона Веймара, Иов (1641-1697) – купец, член городского совета, глава парламента в Аренсбурге, и Антон (†1703) – купец в Аренсбурге и владелец имения Арруст, 21.12.1693 были возведены королем Карлом XI в достоинство шведского дворянства. В дворянской грамоте упоминается дворянское происхождение братьев только «по линии матери» и сказано, что «их самих считали дворянами и оказывали им дворянские почести».

Оказавшийся с начала XVIII в. в пределах России, род Веймарнов обосновался со временем в Ямбургском уезде С.-Петербургской губернии (Веймарнам принадлежали, в частности, имения Сяглицы и Беседа, в 1846 г. П.А. Веймарном была выстроена вместо обветшавшей деревянной XVIII в. каменная церковь Воскресения Христова с приделом свв. апп. Петра и Павла в с. Яблоницы Ямбургского уезда). В большом поместье Павла Александровича Веймарна (1822-1897) Беседа в конце XIX в. им было выстроено на свои средства для обучения крестьянских детей трехэтажная каменная сельскохозяйственная школа.

В феврале 1918 г. сестра П.А. Веймарна, кн. Лидия Александровна Оболенская, рожд. Веймарн (1849-1918), с сыном

Убиенная
на станции
Веймарн
кн. Лидия
Александровна
Оболенская, рожд.
Веймарн (1849-
1919)
с внучкой
Екатериной
(дочь Бориса
Васильевича
Безобразова
и кн. Софьи
Владимировны
Оболенской)

кн. Михаилом Владимировичем ввиду приближения красных войск, двигавшихся к Нарве из Петрограда, решили покинуть свое имение, выехав на ближайшую железнодорожную станцию Веймарн. Их поместья (князьям Оболенским принадлежали имения Пустомержа, Ястребино и земли пустоши Клин и дер. Мануйлово) находились близ станции, названной по фамилии владельцев – девичьей фамилией кн. Л.А. Оболенской.

Мать и сын князя Оболенские были убиты прямо на станции Веймарн молодым матросом-большевиком. Эти двое убиенных кн. Оболенских, так же как и барон Георгий Михайлович Врангель, закопаны неведомо где, дом расстрелянных князей Оболенских в Ястребино стал использоваться в 1920-х гг. под «кооперацию», другой – продан, а хозяйственные постройки сданы новой властью в аренду.

По свидетельству полковника Олега Андреевича Баннер-Фогта, проживавшего в 1918 г. в имении Яблоницы Ямбургского уезда, на ст. Молосковицы большевиками в это же время был убит его двоюродный дядя Б.В. Безобразов (им. Ястребино). (Полковник. О.А. Баннер-Фогт. Сборник «Финляндские драгуны». Воспоминания. Сан-Франциско. USA. Cl. 1959 г.)

Ястребино.
Могила
кн. В.В. Оболенского

Между тем в Ястребино, на фамильном кладбище Веймарнов и князей Оболенских, возле Никольской церкви, среди старинных надгробий до сих пор сохранился каменный памятник на могиле супруга княгини Лидии Александровны Оболенской-Веймарн – Владимира Владимировича, статского советника, с датами: 1841-1903. Среди других памятников и тот, которым отмечена еще одна троюродная сестра Пушкина – Ольга Павловна Веймарн, в девичестве Шемиот.

Никольская церковь была закрыта в

1937 г., а служивший здесь священник о. Александр (фамилия неизвестна) арестован. Позже пожар уничтожил убранство храма, до сего дня сохранились лишь стены церкви и заросшее жасмином, цветами и травами кладбище.

В нескольких верстах от церкви и места погребения кн. В.В.Оболенского и Веймарнов, в б. поместье П.А.

Веймарна Беседа, сохраняется памятник роду Веймарн – выстроенная ими сельскохозяйственная школа. Школа действует и ныне, а при ней существует музей, от заведующей которым Р. М. Голубевой и местного старожила, краеведа Н. Е. Геросимова получены некоторые сведения о Беседе и ее владельцах.

Н.К. Телетова

ГУНГЕРБУРГ (УСТЬ-НАРОВА)

Жертва красного террора сын гунгербургского (усть-наровского) священника гимназист Алексей Покровский

Зимой 1918 года при взятии войсками Красной армии Нарвы в Гунгербурге (Усть-Нарове) несколько лиц стали жертвами бесчеловечной расправы. Среди них – сын местного священника гимназист Алексей Покровский. Его отец, священник Николай Покровский, деятелями большевизма был занесен в список «изменников». Известный пастырь из Ревеля (Таллинн) о. Александр Бежаницкий писал в Феллин (Вильянди) сестре своей матушки Александре Ивановне Раевской: «...Оставаться в Нарве, как многим казалось, было очень опасным, вследствие чего многие опять прибыли к нам в г. Ревель. Так, например, о. Николай Покровский из Усть-Нарвы вторично приехал в Ревель, но теперь с женой. Сына его 18-ти лет гимназиста убили. Семейство Андресона из Нарвы (священника Кренгольмской церкви – прим. автора) также приехало в Ревель»¹. Более подробные сведения о событиях тех дней содержатся

Гунгербург (Усть-Нарова). Курзал

в воспоминаниях нарвитянки В. М. Кругловой, супруги известного нарвского врача. Вот что она пишет:

«В Усть-Нарове в восемнадцатом году был высажен с корабля морской десант, участником его был бывший житель Усть-Наровы Жорж Клемент, сын хуторянина из Вайвара. По его команде были расстреляны несколько жителей поселка, в их числе вдова начальника маяка Половцева, сын священника гимназист Алексей Покровский. Расстреливали их на паровой пристани, предварительно привязав на шею веревки с камнями. Тела падали в реку. Впоследствии тела были подняты со дна и захоронены.

Кто же такой был Жорж Клемент, по приказу которого убито около десяти усть-наровцев? Вот что рассказывал о нем его двоюродный брат Дидрих Клемент, работавший в Усть-Нарове почтовым начальником. В Вайвара, откуда все Клементы были родом, Жорж в детстве приводил всех в негодование своей садистской жестокостью: мучил, издевался над животными и раз, ни с того ни с сего, зарезал отцовскую свинью.

До революции – это житель Усть-Наровы. Будучи студентом одного из петербургских институтов, он

Усть-Нарова.
Князь-Владимирская
церковь,
настоятелем
которой
служил
о. Николай
Покровский.
Взорвана
в 1944 г.

летом на охоте где-то в усть-наровском лесу застрелил из охотничьего ружья своего товарища, тоже студента. На суде Жорж заявил, что произошло это случайно. Вероятно, были данные, доказывающие преднамеренное убийство, так как он был арестован и посажен в тюрьму. Во время революции был освобожден, вошел в командный состав красных, стал комиссаром. Но в начале двадцатых годов попал под трибунал и был расстрелян»².

Небольшая заметка местной газеты с горечью подтверждала эти факты кровавого произвола: «Под лед были брошены в Гунгербурге, – писал корреспондент, – сын священника Покровский, Мартин Конов, Подолецкая и др. За что? Про это не спрашивают. Властями вновь завоеванного края объявились Анвельт, Пегельман, Кингисепп»³.

Свящ. Влаислав Кумыш

Примечания

¹ Частный архив А. В. Дормидонтова. Таллинн. Письмо свящ. А. Бежаницкого от 13.02.1919.

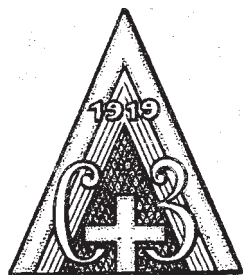
² В. М. Круглова. Тепло прошедших дней. 1998, с. 5.

³ «Былой Нарвский листок», 1924, № 5.

Список заложников

1) Пейсере А. А.	- 45 лет. Конон.
2) Пейсере Р. Б.	- 50 лет. Конон.
3) Покровский Н. И.	- 50 лет. свящ.
4) Сидорова П. И.	- 45 лет. Конон.
5) Конон Р. Б.	- 45 лет. Конон.
6) Конон М. И.	- 40 лет. Конон. Конон.
7) Душнев В. В.	- 40 лет. Конон.
8) Тосиман А. А.	- 30 лет. Конон.
9) Анвельт А. А.	- 38 лет. Конон.
10) Конон Р. Б.	- 33 лет. Конон.
11) Конон Р. Б.	- 30 лет. Конон.
12) Конон Р. Б.	- 30 лет. Конон.
13) Конон Р. Б.	- 30 лет. Конон.
14) Конон Р. Б.	- 30 лет. Конон.
15) Конон Р. Б.	- 30 лет. Конон.
16) Конон Р. Б.	- 30 лет. Конон.
17) Конон Р. Б.	- 30 лет. Конон.
18) Конон Р. Б.	- 30 лет. Конон.
19) Конон Р. Б.	- 30 лет. Конон.

Список Усть-Наровских заложников

АГОНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ

Из тяжелых воспоминаний*

Я намерен попытаться описать агонию Северо-Западной армии генерала Юденича, самой маленькой антибольшевистской армии (около 20000 бойцов), которая, несмотря на свою малочисленность, была воодушевлена таким великим энтузиазмом, что совершила редкое из чудес: она подкатилась к воротам своего Китежа – Петрограда и с священным трепетом крестилась на залитый солнечными лучами золотой купол св. Исаакия.

Но это, увы, было высшим достижением этой армии. Чудесный мираж заволкли тучи большевистских полчищ Троцкого, к которому подошли крупные резервы, и 20 октября 1919 года началось общее наступление красных и частичное отступление белых, которые, оказавшись одиночками, лишенными помощи союзников, через две недели были вогнаны в пределы Эстонии, где ждал их не менее страшный и беспощадный враг – торжествующая виш. Для многострадальной армии открылась новая, жуткая страница истории, полная описаний невероятных по жестокости ужасов и страданий, которые еще ждут своего Данте.

На вратах Нарвы можно было смело начертать слова великого итальянского поэта:

* Публикуется в сокращении

Ивангород. Дом купцов Лаврецовых, в котором в 1919 г. помещался штаб Северо-Западной армии

Здесь входят в скорбный град к мучениям,
Здесь входят к муке вековой,
Оставь надежду всяк сюда идущий.

Моя скромная задача – привести для будущего историки интервенций некоторые данные, относящиеся к агонии Северо-Западной армии, свидетелем коей я был в качестве редактора «Вестника Северо-Западной армии», члена боевого санитарного отряда, боровшегося в Нарве с тифом, и члена общественной ревизионно-контрольной комиссии по ликвидации Северо-Западной армии.

Горящая Нарва после обстрелов большевицкой артиллерии

Руины Нарвы

Причины падения северо-западного дела

Не беря на себя задачу описывать историю возникновения Северо-Западной армии, ее правительства и целой сети политических интриг, окутавших эту армию, я не могу не коснуться вкратце причин, повлекших за собою гибель белого дела на северо-западном фронте.

Немецкая газета «Estandische Zeitung» писала: «Начатое наступление Северо-Западной армии неожиданно в короткое время при незначительных потерях достигло величайших результатов. Только что получена весть, что Гатчина и Красное Село взяты доблестными войсками Северо-Западной армии. Этим, кажется, предreshена судьба Петрограда. Падение Петрограда будет иметь для большевистской власти катастрофические последствия».

Эстонская газета «Maalut» писала:

«В последнее время следовало бы говорить о тех, кто играет первую роль в настоящем ходе событий, — это белые войска. Самое ядро русских войск состоит из полков, сформированных в Ревеле и Пскове и перешедших весною из красных войск уроженцев Вятской и других губерний. Эти войска обнаружили в боях величайшую храбрость. В техническом отношении великолепно снаряженная, заново одетая и обутая, находясь под предводительством сведущих вождей, армия эта образует силу, с которой большевикам приходится серьезно считаться».

Прежде всего: был ли на месте генерал Юденич? Г. Кирдецов по должности редактора юденичевского официоза «Свобода России» давал генералу Юденичу следующую восторженную характеристику:

«Герой Кавказа — единственного фронта, где русская армия за эту войну не имела поражений. Не при дворе, не в канцеляриях добывал он себе чины и ордена, с мечами и бантами. Заслужил он их в боях с врагами земли русской. Завоеватель Эрзерума — безумно смелой атакой в три дня взявший эту неприступную твердыню в лютый январский двадцатиградусный мороз, — он решил в первый раз в жизни начать борьбу с врагом лютейшим из лютых. Юденич в Финляндии, где он принялся за

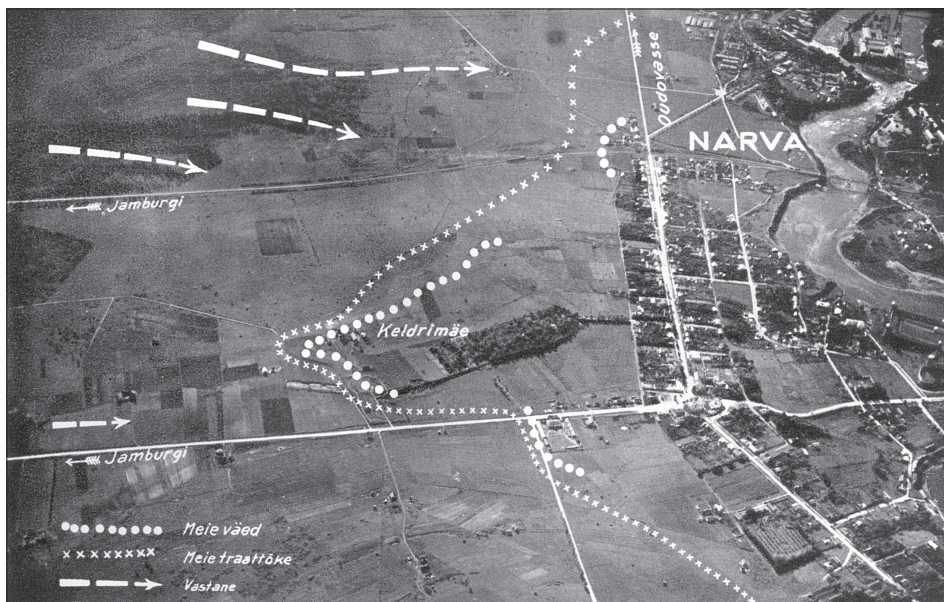
создание нового фронта. Он упорно долбил Европу — требуя помощи, а помощь все не шла.

И так тянулось долгих нескончаемых семь месяцев. Помощь не шла, а дело росло и крепло. Северо-Западная армия настолько оправилась, что уже в мае (1919 года) решилась предпринять смелое наступление, которое генерал решительно остановил, зная, что если малочисленной Северо-Западной армии и удастся войти в Петроград, то без снаряжения и продовольствия ей там не удержаться, — и несчастный город снова очутится во власти большевиков. Молчал и продолжал долбить Европу.

И совершилось наконец то, чего так давно ждала наша истстрадавшаяся Родина, — один за другим стали прибывать транспорты, везя все необходимое и для армии, и для населения. Генерал уже в Ревеле. И снова засел он за работу. Меньше чем в месяц армия была и одета, и обута. Эта трудная работа была проделана бесшумно и методически. И вот генерал, уже на фронте, смело берет командование в свои руки. Всего пять дней, как началась операция, и Северо-Западная армия подходит к Петрограду. В четыре дня поднялся генерал в глазах всех на недосягаемую высоту».

Отступление

Горсть белых войск, занимая фронт в 250 верст, около 20 октября 1919 года стояла у ворот Петрограда. Станции Александровская и Горелово были ею заняты. Гатчина, Красное Село и Ропша осталась позади. Впереди играл солнечными лучами величественный купол св. Исаакия. Но в это время Белую армию уже окружали собранные Троцким красные войска. Из Петрограда были брошены курсанты, блестяще оборудованные броневые поезда красных прорезывали все пространство между Петроградом — Тосно — Гатчиной — Красным Селом и Лигово, осыпая белых снарядами. Кроме того действовал и красный флот при поддержке Кронштадта, который понял, что англичан бояться нечего: 2 английских монитора постреляли по Красной Горке и ушли за снарядами... в Лондон.

Фронт красных войск
на окраинах осажденной Нарвы.
Ивангородский форштадт. 1919 г.

Белая армия оказалась почти со всех сторон под огнем. Красную Горку эстонцам взять не удалось. Красные уже угрожали глубокому тылу белых войск, заняв Ропшу и Кипень. (Белые принуждены были начать отступление. Оставлены все позиции у Петрограда. Затем Красное Село и другие важные пункты, а 31 октября оставлен Гдов. Под напором превосходящих сил красных отступление шло по всем направлениям к Нарве. Белые в порядке, но быстро катились к эстонской границе. Вот тут-то и начались героические страдания этой доблестной армии.

Голодная, раздетая, уставшая от непрерывных боев, храбро защищавшая вместе с эстонцами Нарву, Северо-Западная армия у эстонских границ встретила эстонские штыки с приказом не переходить эстонской границы. Пошли длительные и унижительные для русского командования просьбы разрешить русским отдохнуть в Ивангороде (Нарва) и в деревнях на правой стороне Наровы. Эстонское командование, забыв заслуги русских (защита Ревеля, эстонских границ и Чудского озера и пр.), жестоко отказывало в отдыхе. Изнуренные белые войска, еле живые, продолжали тесниться у границ Эстонии и отбиваться от превосходящих их численностью красных сил, наступающих с Гдова.

И только 16 ноября последовало «милостивое» (но с условиями Бренна – полное разоружение) разрешение перейти русским на левый берег Наровы, оружие оставлялось только тем частям, которые соглашались вести дальнейшую борьбу с большевиками. Через Нарову разрешалось пропустить только запасных, пленных и проч.

<...> Тяжело быть оскорбленным врагом, но еще тяжелее испытывать оскорбление со стороны своих вчерашних союзников. Эстонские части пропускали через границу русских мелкими отрядами, и здесь организованный грабеж эстонцев не знал удержу. Отнимали не только оружие и пулеметы, но грабили обозы, отнимали лошадей, сбрую, снаряжение, деньги

и личные вещи. Несчастные русские, несмотря на зимнюю стужу, буквально раздевались, и все беспощадно отнималось. С груди срывались нательные золотые кресты, отнимались кошельки, с пальцев снимали кольца. На глазах русских отрядов эстонцы снимали с солдат, дрожащих от мороза, новое английское обмундирование, взамен которого давалось тряпье, но и то не всегда. Не щадили и нижнее теплое американское белье, а на голые тела несчастных

побежденных накидывались рваные шинели.

Конечно, такое возмутительное отношение со стороны бывших союзников вызывало глубокое негодование русских солдат, которые, гонимые позади большевиками, предпочитали смерть в бою с этими грабителями, и в тылу были нередки случаи вооруженного сопротивления надругательствам эстонских солдат. Но и те части, которые оказались на левом берегу Наровы, в пределах Эстонии ожидала еще худшая участь. Измученных, больных и голодных не впускали в жилые помещения, а загнали в лес и болота, где несчастные при морозе в 10 градусов должны были провести несколько ночей буквально под открытым небом. К этому надо прибавить, что среди солдат были женщины и дети беженцев. Что испытали загнанные как звери в лес русские – не трудно себе представить. Множество люди замерзло, многие умерли от истощения. В этом мрачном лесу впервые зашевелила свои отвратительные лапки тифозная вша.

Находясь в кошмарных условиях, лишенные обозов с провиантом, не имеющие телефонной связи со штабом, некоторые части армии решили спастись от неминуемой гибели от голода и мороза и самовольно оставили дремучий лес и двинулись по железной дороге к ст. Иевве (по направлению к Ревелю). Эстонская печать сейчас же пустила провокационные слухи, что, де, Северо-Западная армия идет на Ревель, дабы повторить авантюру Бермондта и уничтожить самостоятельность Эстонии. Навстречу были двинуты эстонские войска. В результате – дальнейшее разоружение нескольких полков и батарей и дальнейшие грубые и враждебные действия по отношению к несчастной, голодной и безоружной армии. Только после настойчивых просьб командования Северо-Западной армии и вмешательства английской миссии через несколько дней были выведены загнанные в лес русские части и размещены по населенным пунктам. А в это время большая часть

Северо-Западной армии мужественно защищала вместе с эстонцами Нарву от нападающих большевиков.

Конечно, дезорганизация Северо-Западной армии росла. Лишенные всякой помощи, казалось, оставленные людьми и Богом, русские солдаты потеряли веру не только в союзников, но и в свое начальство, чем воспользовались агитаторы большевиков. Начались выступления солдат против офицерства, то есть повторились в маленьком масштабе времена Керенского. Были случаи убийства командиров полков и лиц из штабного состава.

Ограбленные эстонцами русские части были вынуждены иногда а свою очередь прибегать к грабежам эстонского мирного населения, ибо им оставалось либо умереть от голода и холода, либо силою добывать себе пропитание.

Нарва. Осада города и мир с большевиками

Нарва, ставшая могилой многих тысяч русских солдат и беженцев, уже раньше играла мрачную роль в русской истории. Под Нарвой было разбито шведами и бежало русское войско, построенное по образцу партизанщины. В реке Нарове потонула когда-то целиком конница Шереметева, а в 1918 году прибывшие сюда на помощь белым эстонцам финны устроили зверский погром: они с ивангородского моста и крепости сбрасывали в быстро текущую Нарову большевиков, в число которых зачастую попадали просто русские люди, жившие в Нарве. На улицах публично производились казни, и сотни раскроенных черепов обгащали кровью нарвские тротуары. Этого кровавого события до сих пор не могут забыть русские.

В середине ноября громадная красная армия под личным командованием Троцкого начала штурм Нарвы. Нарву буквально засыпали большевистские снаряды. Самый опасный день для Нарвы был 17 ноября. Гул непрерывных артиллерийских выстрелов сливался в какой-то жуткий протяжный вой. Эстонские бронепоезда работали день и ночь. Энергично дрались эстонцы, стойко и не жалея своей жизни, бросались в атаку и русские части. Бесперывно бухали с Нарвской крепости три больших орудия — наконец со стороны большевиков выстрелы стали затихать... Большевики не выдержали безумных атак и отошли, оставив под стенами Нарвы 60 000 трупов своих бойцов. Итак, Нарва была спасена героизмом не только эстонских, но и белых русских частей. Нарва привела историю к почетному миру в Юрьеве, но, увы, почет был только для эстонцев, но не бывших их союзников — северо-западников; русским, сражавшимся бок о бок с эстонцами, был уготован нарвский мешок со вшами, куда после нечеловеческих глумлений эстонцы впустили несчастные, измученные непрерывными боями Белые части.

Мрачные ворота Нарвы, как в ловушке, захлопну-

лись для северо-западников, вогнанных в громадные бараки-гробы, начался последний и самый жуткий круг страданий.

4 декабря в Юрьеве начались переговоры между эстонской делегацией во главе с Иваном Поской и большевистской во главе с Иоффе. 2 февраля 1920 года мирный договор был ратифицирован эстонским Учредительным собранием.

Радость в Эстонии по этому случаю была велика. Все ликовали, кроме брошенных во вшивый мешок воинов Белой армии, которая явилась виновницей этого выгодного для Эстонии мира.

Русская Белая армия, благодаря «милости» союзников и неразумной тактике русских политических и военных руководителей в Париже и Гельсингфорсе, удачно исполняла реальную работу по изъятию из огня войны каштанов в пользу эстонцев.

Плоды мира эстонцы взяли себе, а бывшему союзнику — русской армии — предоставили свободу умереть.

Что эстонцы считали для русских жизнь невольничьей роскошью, доказывает, их дальнейшее отношение к участи Северо-Западной армии, когда они стали фактическими господами этой армии. Наградив своих вождей, военных и политических, орденами, а солдат землею, Эстония наградила геройскую русскую армию тифозной вшой. Этой «свободой смерти» воспользовалась добрая треть находившейся на территории Эстонии Северо-Западной армии. Осинovým колом в могилу эстонской неблагодарности послужил приказ ушедшего в отставку главнокомандующего генерала Лайдонера от 28 марта, в котором последний, воздавая должное храбрости своей армии, выражал благодарность и всем участвовавшим в войне: финнам, англичанам, французам, американцам и даже незначительным отрядам шведов и датчан, и лишь имя Северо-Западной армии, чьи трупы послужили удобрением для эстонской независимости, не нашло себе места в этом приказе эстонского генерала.

Финские войска в Нарве. 1918 г.

Беженцы

Судьбу несчастной армии разделяли и беженцы, то есть мирные граждане Псковского, Гдовского, Ямбургского уездов и той части Петербургской губернии, которая побывала в руках Северо-Западной армии. Что пережили и перечувствовали несчастные беженцы, хорошо описал известный общественный деятель, бывший член Государственной думы доктор Н.А. Колпаков, участник «переселения народов» из Петербургского района.

Как принималась беженская лавина в Нарве, хорошо описывал в своем докладе беженскому съезду другой деятель помощи беженцам, М.И. Соболев, и, будучи участником беженского движения, я свидетельствую, что беженцы, как только вступали на территорию Эстонии, попадали в невозможно тяжелые условия исключительно потому, что для обеспечения и устройства беженцев в пути не было предпринято решительно никаких средств и мер, очевидно, из-за неожиданности этого поистине исторического дела. Эшелоны с беженцами из-под Ямбурга и Гдова, вслед за первым, стали приходить в Нарву почти ежедневно и насчитывали в себе каждый раз сотни людей – мужчин, женщин и детей. Но беженцы хлынули в Нарву не только по железной дороге, но и по шоссе, или с живым инвентарем своего хозяйства, а железнодорожные служащие приезжали и с большим скарбом своего домашнего хозяйства. Не всегда было возможно прибывших беженцев отправить из Нарвы в пределы Эстонии в день их прибытия или хотя бы на следующий день. Некоторые эшелоны задерживались на ст. Нарва II по несколько дней. Какого-либо приемного пункта, кроме двух тесных, грязных, наполненных к тому же солдатами, барачных для беженцев не было: или открытое небо, или же, в лучшем случае, холодный вагон без печи. Достать кипятку, не говоря уже о горячей пище, беженцу было невозможно.

Откуда появилась тифозная вша?

По общему мнению, вшу принесли с собой чины красной армии, взятые в плен белыми или добровольно перешедшие на сторону Северо-Западной армии, ибо тиф еще до похода на Петроград уже более года гулял по голодным районам России. Первые отдельные случаи тифозного заболевания, если не ошибаюсь, были обнаружены у красноармейцев, перешедших на сторону белых у ст. Волосово, но тогда на это не обратили никакого внимания. Только 15 ноября 1919 года в госпитале Красного Креста (Нарва) доктор Колпаков установил наличие тифозных больных.

Этот «госпиталь» только по недоразумению можно было назвать госпиталем, так как помещался он во втором этаже казармы для рабочих. Это помещение было густо набито ранеными и больными. Эпидемия начала быстро распространяться, а в начале декабря обнаружены были первые случаи сыпняка, который стал уже молниеносно распространяться, тогда-то и

Нарвская Голгофа. 1919 г.

начался настоящий ад в нарвском мешке; власти, как всегда при массовых несчастиях, оказались застигнутыми врасплох. Они ничего умнее не могли придумать, как ту же завязать нарвский мешок, чтобы никто не мог оттуда вылезть и разнести заразу по остальным частям Эстонии. А между тем в Нарву больные прибывали на подводах, пешком, а то и просто ползком. Больных начали класть, не записывая и не считая, на холодные каменные полы парусиновой и суконной фабрик. Когда все полы были покрыты больными, их клали в вестибюль, на площадках лестниц, под лестницы. А больные, как саранча, все прибывали и прибывали. Начавшись в районе прядильной и суконной фабрик, эпидемия стала повальной и, быстро охватив весь правый берег Наровы, перешла на левый, в эстонские части, так что к 20 декабря все госпитали в Нарве были переполнены и больные оставались там, где их застигала ужасная болезнь.

Вскоре после появления эпидемии начал заболеть и умирать госпитальный персонал. Санитарные эстонские и русские власти заматались, но каких-либо радикальных мер борьбы с эпидемией не принималось. Все дело сводилось к бумаге и к участию в бесчисленных комиссиях в Ревеле, где начальство жило спокойно. А между тем Нарва постепенно обратилась в громадный гроб с мертвыми и живыми людьми. Неподготовленность и малое количество лечебных заведений, про которые шла слава как о неизбежных очагах смерти, были причиной того, что заболевшие солдаты и беженцы мрачно бродили как тени по городу, ища приюта. Вследствие этого зараза еще больше распространялась. К середине февраля 1920 года одна ивангородская часть Нарвы имела 7730 человек больных, а всего в Нарве насчитывалось в самый разгар эпидемии более 10 000 тифозных.

Положение обреченных и борьба с тифом

Помню, в Петрограде на Литейном проспекте был «Театр Ужасов», куда ходили любители сильных ощущений. Пьеса «Мороз по коже», однако, совершенно бледнела перед тем ужасом, который я испытывал в Нарве при посещении в начале февраля «госпиталя» —

парусиновой фабрики, которая, в полном смысле этого слова, была гробом живых и мертвых людей.

Представьте себе невысокое здание в 180 арш. длины, 18 арш. ширины, 5 арш. высоты. Вонь и смрад ужасные. Вентиляции нет. Врача также, а бывшие в дивизии врачи все свалились в общую вшивую кучу. В этом бараке-гробе шевелилось 1016 больных. На всех была лишь одна полуживая сиделка, сама с температурой не ниже 37,9, и 16 санитаров. Эти полуживые люди едва успевали подать несчастным кипяток, о чае нечего было и думать.

Поэтому нет ничего удивительного, что около барака шныряли спекулянты-мальчишки, которые продавали несчастным снег по 7–10 марок за котелок. Питались обреченные на смерть лишь хлебом. 90 процентов больных даже не имели возможности вымыть руки и лицо. Баня была недостижимой мечтой. Между живыми на полу лежали застывшие трупы. Больные сами выносили трупы из барака на двор или улицу, где складывали их в кучи, откуда их забирал автомобиль-грузовик и свозил их на кладбище в поле. Среди солдат можно было видеть бродящих как тень офицеров, решивших умирать с теми, с кем они несли радости и невзгоды войны. Они сначала самоотверженно ухаживали за больными товарищами, на свои средства покупали им лекарства, клюкву, но вскоре сами свалились в общую кучу. Удел один – смерть. Выздоровливающих, как оказалось, был весьма незначительный процент. Накрытые шинелями, а то и тужурками, на холодном каменном полу лежали несчастные, громко бредя в жару. Я видел на полу брошенное белье, которое, казалось, шевелилось от тысячей ползущих насекомых. Эти ползущие рубахи и кальсоны преследовали меня несколько ночей. Постепенно вся Нарва чувствовала себя во власти страшной и всемогущей вши. Это вездесущее насекомое положительно сводило с ума всех еще здоровых людей. Все говорили только о вшах. Все хотели поделиться друг с другом мыслями, но все боялись друг друга. Одна мысль неотступно сверлила мозг: а вдруг при рукопожатии насекомое переползет на меня <...>

Санитарный отряд, сообщая с санитарным управлением открыв новый госпиталь на Ивангородской стороне, исхлопотал разрешение на открытие помещения для выздоравливающих, которые сотнями уныло бродили по пустым улицам Нарвы, не находя себе убежище. Бродило, впрочем, и много «живых трупов». «Живые трупы» даже подкидывались в чужие дворы. В старое доброе время подкидывали младенцев, а а кошмарной Нарве – трупы. В тщетных поисках места, в переполненных больными лазаретах идет с одной улицы на другую «живой труп». Шатается от слабости. Температура 39 с дробью.

Потеряв надежду найти себе место в лазаретах, бывший воин заходит во двор, где сваливается под навес какого-либо сарая. Дворник дома находит тело

несчастливого и, рассуждая подобно пушкинскому мужику в «Утопленнике»:

Суд наедет, отвечай-ка;

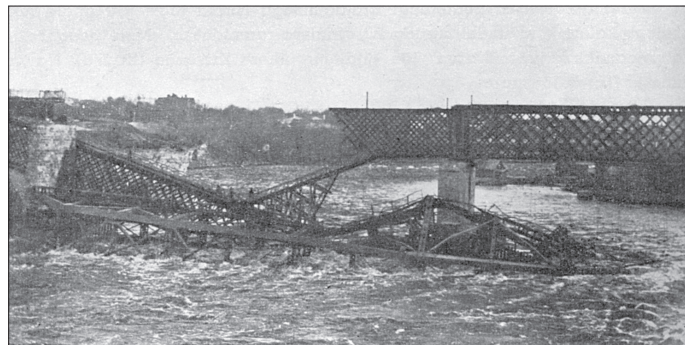
С ним я век не разберусь...

– бросал труп через забор в соседний двор, ибо кому была охота платить большой штраф за непредъявление тифозного в больницу. Случалось, что «труп» гулял дальше по другим дворам, пока не попадал на улицу, где его подхватывал грузовой автомобиль, развозящий трупы по кладбищам. Бросали «подкидышей» и в бараки соседним лазаретам, или наоборот. Так, в русском Ямбургском лазарете было обнаружено, что количество трупов в покойницкой или около нее увеличивалось несоразмерно с количеством умиравших. Например, в покойницкую доставлялось 10–12 трупов, а при подсчете там оказывалось 30–40. При расследовании обнаружилось, что санитары соседнего барака подкидывали трупы на двор Ямбургского лазарета: возни меньше.

Трупы, трупы и трупы. Наконец, жители Нарвы так привыкли к этому зрелищу, что уже не разбегались при появлении грузовика, наполненного трупами.

А между тем вша медленно и упорно ползла по телам молодых и старых, энергичных и слабых, оставляя за собою печать смерти. На улицах Нарвы, в этом городе смерти, тихо и мрачно. Кино и театры давно закрыты. Всюду мелькают только гробы и гробы. Порой на улицах я сталкивался с жуткой картиной: на дровнях дощатый простой гроб. У гроба сидят трое маленьких детей – все, что оставил после себя покойный. Часто можно было видеть десяток трупов, небрежно брошенных друг на друга. Ужасный груз. А живые, оторванные от родины люди уныло брели с тяжелым вопросом в голове: когда-то наступит их черед лежать на этих дровнях. А колокол уныло и беспрерывно звонил, и казалось, что он плакал о былом, о забытых грезах, навеянных февральской революцией... Все исчезло, исчезло, как мираж. Одна смерть и страдания остались и напоминают ежеминутно о себе. Бреду с тяжелыми размышлениями за гробом одного доктора. Вдруг кто-то дернул меня за рукав:

– Господин, нет ли у вас горсточки клюквы. – Смотрю, передо мною стоит а помятой шинели человек. Запекшиеся губы, блестящие глаза. Шатается.

Нарва. Взорванный мост через реку Нарову. 1919 г.

Догадываюсь – тифозный. Клюквы нет, ибо она уже недели две как исчезла в городе: всю поели тифозные. Предлагаю на извозчике ехать в лазарет. Испуганные глаза. На лице ужас.

– Ради Бога, не выдайте. Только не туда. Там, я знаю, – верная смерть. Я офицер – северо-западник... хотел бы еще жить. – С трудом уговариваю ехать в новый госпиталь, где условия пребывания сносны. Отвез. Приехал домой – дома не лучше.

У меня в комнате двое тифозных – племянник и капитан Островского полка. Оба мечутся на кроватях в бреду. Лег спать, но заснуть не мог. Тифозные вскакивают с кровати и начинают бродить по комнате, наводя на меня ужас своими бредовыми кошмарами. Капитан властно кричит, командуя полком. Он грозит уничтожить красные дивизии под Москвой. Мой Женя плачет навзрыд, стоя на коленях перед большим горшком с цветами. Он умоляет не расстреливать его, так как у него мать и братья в России. Волосы становятся дыбом...

Утром иду в санитарный отряд. Узнаю обычную новость: умер врач Иванов. Врачи умирают один за другим, выбыло из строя 60 процентов. Не меньше умерло сестер милосердия. Умер студент Заблочкий, умер генерал Ежевский, один из редких генералов, не оставивший армии в дни ее агонии. Поделились мыслями о покойниках, но долго говорить нельзя. Надо работать не покладая рук. Получилось сообщение, что открыт новый очаг тифозных – на бывшем лесном заводе Зиновьева. Самоотверженный доктор П. Н. Федоров, М. И. Соболев и я отправляемся туда. Здания завода расположены на низине Наровы под Ивангородской крепостью. Завод как бы скрыт от человеческих взоров. Нам и в голову не приходило, что в этом запущенном помещении могут быть люди. Оказались и тут люди, но полуживые – тифозные.

То, что мы увидели в зиновьевской клоаке, превзошло наши самые мрачные ожидания. Когда мы открыли дверь в коридор флигеля, то в открытую дверь потянуло дыханием смерти. Смерд, кучи грязи... Водопровод замерз и бездействует. В первой небольшой комнате на табуретах, ящиках, а то и на голом полу валялись в бреду, накрытые шинелями, скромные работники свинцового ущелья – наборщики.

Лихорадочные взгляды, полные муки и безысходного горя, скользнули

по нашим лицам. «Господи, люди, дайте пить и спасите от вшей», – слышали мы от больных. Пока доктор Федоров осматривал больных, мы вошли в другую комнату. Там на трех кроватях лежали по двое наборщиков и печатников «Приневского края». Среди них корректорша с девочкой пяти лет, с впалыми щеками и худенькими, как палки, ручками. Вот жена, еще недавно ухаживавшая за мужем, свалилась, подкошенная болезнью, в кровать, к метавшемуся в бреду мужу. Рядом в полутемной клетушке на полу лежит семья наборщика, который в бреду поминутно вскакивал и отмахивался от преследующего его кошмара.

На ящике – девочка семи лет тяжело дышит, свесив ручонки на пол. У тощей груди полуживой женщины годовалый ребенок играет солдатской пуговицей. Он один среди этих полуживых людей сохранил улыбку. Эти 17 человек еще 3 месяца тому назад бросали свинцовые буквы в гранки, которые гордо будили Россию к восстанию против большевиков и призывали к новой, свободной жизни. А теперь они лежали бессильные, брошенные не только посторонними людьми, но и своими руководителями.

«Хижина дяди Тома» в эстонском издании

В конце февраля 1920 года состоялось полное расформирование Северо-Западной армии, и она была обращена в беженскую массу, имея в своем составе около 13000 больных и выздоравливающих, а 2 марта, то есть сразу же после расформирования к после того; как окончательно выяснилось, что никакой надежды на отправку армии на юг вследствие сложившейся политической обстановки нет. Учредительное собрание Эстонской демократической республики утвердило следующее обязательное постановление о лесных работах:

§ 1. Для заготовления необходимого минимума топлива и материала для вывоза правительство республики вправе в течение 1920 года призвать на принудительные лесные работы 15000 мужчин.

Примечание: К лесным работам приравнивается резка торфа и ломка горючего камня.

§ 2. На принудительные лесные работы будут призваны мужчины из всех городов и уездов на разных основаниях.

§ 3. Призыву подлежат все трудоспособные мужчины 18–50 лет. В первую

Нарвский железнодорожный вокзал после обстрела большевицкой артиллерией

очередь призываются лица без определенных занятий. От призыва на работы могут быть освобождены мужчины, которые расходуют всю свою рабочую силу, занимаясь в своем или чужом хозяйстве в земледелии, ремеслах, промышленности или торговле, государственные служащие и служащие самоуправлений, а также лица, фактически занятые интеллигентным трудом, как врачи, адвокаты, инженеры и т. д.

§ 4. Срок принудительных работ исчисляется в 2 месяца или соответствующим количеством выполненной работы.

§ 5. Находящимся на принудительных лесных работах выдается солдатский паек по интендантским ценам, вознаграждение производится по системе сдельной оплаты, принимая во внимание местные условия почвы и леса, по соглашению между центральным комитетом по топливу и комиссаром труда на государственных работах.

§ 6. Принудительные лесные работы обязательны для всех мужчин в пределах Эстонской республики, независимо от подданства.

§ 7. Не явившиеся на лесные работы подвергаются аресту или заключению в тюрьму до 1 года или штрафу до 100000 марок, причем арест и заключение могут совмещаться с денежным штрафом. Кроме того, виновные отправляются на лесные работы принудительно.

§ 8. Помещения для работающих отводит местное самоуправление, в случае необходимости путем реквизиций.

Конечно, нетрудно было догадаться, против кого был направлен этот закон. Его с головой выдала фраза о лицах «без определенных занятий» и цифра «15000 мужчин», то есть приблизительное количество еще уцелевших от тифозного кошмара чинов Северо-Западной армии.

Правительство «демократической республики», не издав еще законов, регулирующих условия труда при лесных заготовках и не установив охрану здоровья и труда, буквально отдало 15000 русских людей в рабство предприимчивым подрядчикам. Это рабство усугублялось еще тем обстоятельством, что эстонское правительство предусмотрительно озаботилось не выдать на руки чинов расформированной армии паспортов или свидетельств с правом передвижения то Эстонии, вследствие чего русские очутились на положении беспаспортных, то есть, с точки зрения обывателя, обратились в бесправных париев, с которыми можно было делать все что угодно. Таким образом, в наш просвещенный XX век получился своеобразный институт белого рабства, который был санкционирован Учредительным собранием, где было значительное число социалистов.

Признаю безусловно за Эстонией право на труд расформированной русской армии, нашедшей приют в Эстонии, для которой русская беженская масса была обременительной, но условия труда, примененные в лесах, именно и дают мне право назвать их рабовладельческими, чего никакое правительство, а тем более демократическое с социалистическим оттенком (министр внутренних дел – социалист) допускать не должно было. Вот это-то положение, а не принудительность привлечения русских к работам и является позорным для бывшего эстонского правительства.

Умолчание в законе положений об охране труда и здоровья и вообще о системе работ привело на практике и уродливой с правовой точки зрения форме взаимоотношений между эксплуататорами и рабочими: мобилизованная на основании этого закона рабочая сила «без определенных занятий» поступила в полное распоряжение частных подрядчиков, для которых извлечение предпринимательской прибыли явилось альфой и омегой всего этого позорного предприятия.

И чинам бывшей армии все-таки ничего не оставалось, как идти в новый дантовский круг страданий, изготовленных им немилосердной судьбой, ибо для них, буквально прикрепленных к определенным районам, сплошь зараженным тифом, местные работы казались единственным выходом из тяжелого положения.

Понятно, при наличии такого закона беспаспортным чинам бывшей армии предъявлять свои условия сотнями появившимся вампирам-подрядчикам или выработывать с ними письменные соглашения не приходилось. При создавшемся положении несчастные русские парии были согласны на любые условия, лишь бы вырваться из того района, где тифозная вша еще проявляла себя и откуда, вследствие отсутствия паспортов, нельзя было вырваться, а перенести второй раз возвратный тиф многим не хотелось. Правда, был еще единственный, неоднократно практиковавшийся и постоянный исход: отправка в советскую Россию, то есть на верную смерть. Поэтому нет ничего удивительного, что бывший воин Северо-Западной армии, находясь между тифозной Сциллой и большевистской Харибдой, предпочитал плыть по единственно указанному ему фарватеру к лесным работам.

<...> Сырой и болотный воздух, конечно, не действовал благотворно на людей. только что перенесших тифы разных наименований. На гигиеническую обстановку рабочих администрация совершенно не обратила внимания. Помещения для жилья комитетом отводились в деревнях, имениях и в бараках военного времени, а за отсутствием вблизи работ жилых помещений – в сараях, чуланах и т. п. Помещения для артельного жилья редко чистились и дезин-

Памятник на братской могиле воинов-северозападников на мызе Ййзаку. Восстановлен в 2000 г. Обществом русской культуры в Эстонии

фицировались. Особенно грязью отличались бараки: там было полно насекомых. Спали люди на соломе, на полу и нарах.

В нежилых помещениях ночью холодно, сыро. Баня не всегда доступна. Стирка – за отсутствием мыла – роскошь санитарии.

Санитарного надзора почти не было за исключением двух-трех мест, где на 600 рабочих было 2 фельдшера или один санитар.

Ко всему этому надо прибавить, что несчастные рабы к концу работ остались почти без белья и обуви, несмотря на то, что снабжение бельем и обувью было оговорено в устных условиях с подрядчиками. В результате многие оказались без обуви и белья, что лишало их возможности приискания себе нового заработка, таким образом рабочие оказались прикрепленными к лесу.

Такой полузвериный быт, вполне понятно, становился не под силу самым стойким людям, прошедшим огонь и воду человеческих страданий. Живя по целым месяцам в лесу, потеряв вследствие беспаспортного состояния всякие связи с культурным миром и не видя с другой стороны забот о себе, эти «лесные люди», брошенные всеми и ничем не спаянные между собой, постепенно тупели и дичали. Они невольно стали искать исход в бегстве или в бесшабашном пьянстве, в чаду самогонного угара они со слезами на глазах вспоминали «минувшие дни», как вместе сражались у врат Петрограда. Как они, оставленные теми, кто их поддерживал и подстрекал к славному подвигу освобождения мира от большевизма, попали в нарвский гроб, откуда далеко не милостивая судьба да сильный организм вытянули их, чтобы снова бросить в дремучие леса на кормежку упырей-подрядчиков.

К стыду некоторых офицеров Северо-Западной армии надо сказать, что были и такие, которые сами сделались подрядчиками и, увы, в своих эксплуататорских наклонностях не уступали эстонским предпринимателям. Образовались так называемые трудовые артели (Стрекопытова, Ветренко и др.). Стрекопытов (командир тульского отряда), по словам его жертв, жал своих рабов не меньше других подрядчиков. Рабочие вырабатывали едва ли больше 30 марок на еду, но и эти деньги они не получали в срок. Немало офицеров было в роли надсмотрщиков, на которых лежала обязанность поддержания дисциплины, то есть почти жандармские функции, что, конечно, было недостойно офицерского

звания. Правда, идея остаться со своими солдатами была хороша, но она у многих «офицеров-надсмотрщиков» приняла недостойные формы «погонщиков рабов».

Эстонское правительство, как я указал выше, намерено было привлечь к работам 15000 человек, но в конце концов такого количества среди бывших солдат Северо-Западной армии не нашлось, оно едва ли собрало

более 5000 солдат и беженцев, то есть лишь одну треть. Такое малое число работающих заставляло центральную власть употребить все силы, чтобы погнать на работу бывших военных чинов армии из категории «безработных». Насколько серьезные меры принимались властью, доказывают нижеприводимые документы:

М.В.А. Начальник главного управления полиции

28 мая 1920 г. И, 01770 Ревель.

Начальнику Везенбергской уездной полиции.

Предложить северо-западникам, а также и беженцам приступить к работе, в противном случае должны взять для себя визы для выезда. В Эстонии нет места для празднующихся иностранцев. Уездной земской управе принять желающих.

Подписи

<...> Привожу копию приказа уездным начальникам полиции командира эстонской дивизии, стоявшей в Нарве, генерал-майора Тыннисона.

«У меня имеются сведения, что многие солдаты, офицеры и чиновники вывешей Северо-Западной армии поселились среди беженцев, выдавая себя за военно-беженцев, таким образом, получают корм и шляются кругом без работы.

Ни один солдат, офицер и чиновник вывешей Северо-Западной армии не есть военнопленник и не может жить среди беженцев.

Обязываю начальников уездной полиции в 7-дневный срок из среды беженцев выслать всех подобных шляющихся; которые не желают работать и работою в Эстонии снискивать себе пропитание, такие пусть идут в Россию.

Отправки через границы совершает комендант города Нарвы, каждый день в распоряжении которого посылать всех подобных шляющихся. Об исполнении мне донести и вместе с отчетом о том, в каком полицейском участке и сколько было подобных шляющихся.

Нарва, 14 мая 1920 года. №1180.

Генерал-майор Тыннисон. С подлинным верно: урядник Лийма.

Братская могила
воинов-северозападников. Ивангород.
1920 г.

Тон приказов, обычный в обращении с русскими, говорит за себя.

Результат всей лесной и торфяной кампании не был так ужасен для русских, как тифозная кампания, ибо смертность от дезинтерии и других болезней была незначительна. Эстония получила выгоду от тысяч кубических сажень дров и торфа, подрядчики нажи-

ли громадные суммы денег от «выжимания» русского почти бесплатного пота, а русские «лесные и болотные жители» не только не приобрели себе одежды и обуви, но и последнее износили в работе, но за то получили память на долгое время в виде эксплуататорского обращения с ними.

Г.И. Гроссен (Нео-Сильвестр)

...И увидел я вдали смертное ложе, и что умирают победители, как побежденные, а побежденные, как победители. И что идет снег и земля пуста. Тогда сказал я: Боже, отведи это, Боже, удержи. И победа побледнела в душе моей. Потому что побледнела душа. Потому что где умирают, там не сражаются. Не побеждают, не бегут. Но остаются недвижимыми костями, и на них идет снег. И мы невидимые кости. Не задержал, не отвел. Значит, так надо...

В.В. Розанов

«Страшная стремительность, с которой Северо-Западная армия ринулась на Петербург, действительно вряд ли имела примеры в мировой истории, исключая разве легендарные суворовские марши».

А.И. Куприн

ТАЛАБСКИЙ ПОЛК

В памятную осень 1919 года на острие главного удара, который Северо-Западная армия направила на красный Петроград, в числе других формирований был и один из лучших ее полков – Талабский. Этот полк первым ворвался в Красное Село, овладел Гатчиной, вплотную подошел к Царскому Селу. Именно воины Талабского полка, писал А. Куприн, уже видели блестящий на солнце «купол св. Исаакия Далматского». Есть в его повести такая характеристика полка: «Основной кадр его – это рыбаки с Талабского озера. У них до сих пор и говор свой собственный: все они цокают... А в боях – тигры».

Как же появился этот «рыбацкий полк» в составе белой Северо-Западной армии, что привело рыбаков Талабских островов, что на Псковском озере, в ряды сражающихся за Белую идею в гражданской войне? Ответы на эти вопросы можно найти в документах, ныне хранящихся в псковских архивах.

Осенью 1918 года во Пскове и других городах, находившихся под контролем германского военного командования, началось формирование Псковского добровольческого корпуса, ставшего основой вначале Северной, а потом Северо-Западной армии. В Белую армию записывались не только офицеры, дворяне-монархисты, купцы, учащиеся псковских училищ, но и местные крестьяне. Причем не столько из деревень, расположенных на оккупированной немцами территории, сколько из тех, которые находились на советской стороне.

Объяснялось это тем, что к тому времени в глазах деревенского мужика полностью дискредитировала себя

политика «военного коммунизма», то есть проводимые большевиками меры внеэкономического принуждения. Только в октябре-ноябре 1918 г. крестьянскими волнениями в стране было охвачено 136 уездов из 286. Не обошла крестьянская война и Псковскую губернию, население которой тогда на 93% состояло из крестьян. Как следует из сообщений Псковской губчеки, крестьяне массами переходили на сторону Белых через демаркационную линию.

Тогда же, в октябре месяце, и произошли на Талабских островах события, положившие начало знаменитому полку Белой армии. Согласно официальной версии, которая десятками лет кочевала по разным изданиям, дело выглядело якобы так: во время отправки молодых рыбаков, мобилизованных в Красную армию, на материк, несколько сынков богачей, сговорившись,

Остров Талабск (Залит)

поотстали на своей лодке и повернули к Пскову, где находились белогвардейцы. Белые тут же сформировали карательный отряд и под покровом ночи на пароходах высадились на острова. В неравном бою с их превосходящими силами красноармейский гарнизон был разбит, а белогвардейцы установили на островах жестокий террор: арестовали коммунистов, пятерых из них утопили в озере (именами руководителей – Я. Залита и И. Белова – позднее были названы соответственно острова Талабск и Верхний), стали грабить население и т.д.

О том же, что предшествовало всем этим событиям, официальная историография предпочитала умалчивать. А между тем, уже в первых донесениях, поступивших в Псковскую губчеку в 20-х числах октября, отмечалось, что еще до белогвардейского десанта на островах вспыхнуло восстание рыбаков против советской власти, вызванное отсутствием продовольствия и соли. Система «обязательного товарообмена», при которой крестьяне не только не имели прибыли, но еще и оставались в долгу у государства, больше всего ударила по рыбакам. Для них, занимавшихся только рыбным промыслом и не имевшим обрабатываемой земли, жизнь без свободного обмена продуктами была невыносима.

Рыбаки пытались бунтовать еще летом 1918 года, даже арестовали членов комбеда, но тогда на острова прибыла рота красноармейцев во главе с чекистом Рейтером и бунт талабчан был подавлен. Но и в последующие месяцы население островов в бессилии взывало к властям, как, например, в резолюции общего собрания рыбаков Талабска в конце сентября: «Жизнь для рыбака стала совершенно невозможной, грозящей голодной смертью... Население голодает и подвоза хлеба положительно нет».

В октябре, чтобы не повторить прежней ошибки, талабчане задумали обратиться за помощью прямо в Псков. А поскольку острова нельзя было покидать без разрешения властей, воспользовались мобилизацией в Красную армию. То, что свержение советской власти готовилось рыбаками заранее, подтверждает донесение председателя Псковского губисполкома от 24 октября

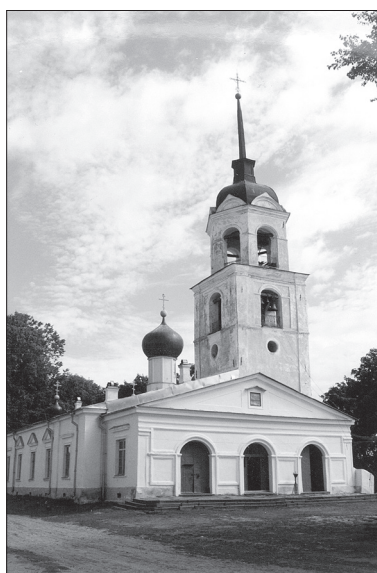
*Талабская
икона Божией Матери*

чтобы весь большевистский «гарнизон» повыскакивал полураздетым с поднятыми руками для сдачи. Тотчас же раздался на колокольне маленькой церкви набат, и все жители острова радостно высыпали наружу, приветствуя белых».

Это же подтверждала и советская газета «Псковский набат», поместив в номере от 26 декабря 1918 года, уже после взятия красными частями Пскова, заметку о 53

красноармейцах талабского гарнизона, которые не только не сопротивлялись белому десанту, состоявшему из 22 человек, но и участвовали потом в набегах «разбойничьих шайк» на Спасо-Елиазаровский монастырь.

Документально подтверждается и реакция рыбаков на прибытие белых на острова. Так, в сведениях, полученных псковскими чекистами через свою агентуру 23 октября, сообщалось: «Жители Талабска все (подчеркнуто нами – О. К.) присоединились к белой гвардии. Гарнизон Талабска ныне составляет от 1 тыс. до 1500 человек. Там же отмечалось, что население островов получило помощь продовольствием: хлебом, чаем, сахаром и прочим, что на островах идет усиленная мобилизация в белую гвардию жителей от 19 до 45 лет, а по берегам устанавливаются

*Талабск. Церковь свт. Николая
Чудотворца. Набат с ее
колокольни послужил сигналом
к началу восстания талабских
рыбаков*

орудия разного калибра и пулеметы».

Выдающаяся роль в организации и формировании Талабского полка принадлежит его командиру генерал-майору Борису Сергеевичу Пермикину (1890-1971). Доброволец трех войн – Балканской, Первой Мировой гражданской, обладавший большим военным опытом, Б.С. Пермикин сразу оценил значение Талабских островов как очень удобного плацдарма для нападения на восточный берег Псковского озера, в тыл красным частям.

И вся дальнейшая судьба Талабского полка была тесно связана Северо-Западной армией. В дни побед и поражений добровольческой армии талабцы – ее гвардия – всегда были в самой гуще сражений, и если отступали – то последними, даже в свой гибельный час сохраняя честь и славу лучшего полка Белой армии.

В составе Северо-Западной армии состоял броневой поезд «Талабчанин», название которого происходило от острова Талабск на Псковском озере. Поезд этот был укомплектован добровольцами, жителями острова.⁸

...У самого истока Наровы, там, где воды Чудского озера вливаются в широкое русло реки, на правом ее берегу, у села Скамья, стоит деревянный памятный крест – Русский северный голубец, – установленный летом 1999 года Ямбургским Братством архистратига Михаила. На одной стороне креста – икона новомучеников Российских, на другой, обращенной к реке, памятка о Талабском полку, принявшем здесь, на берегах Наровы, свой последний бой. В декабре 1919, обезоруженные, обманутые, прижатые к воде, воины-талабцы оказались под перекрестным огнем эстонских и красноармейских пулеметов, установленных на противоположных берегах реки. Сколько их тогда погибло, теперь уже никто

Талабск. Часовня на берегу Псковского озера

не скажет. Только сохранились рассказы, передаваемые изустно, о том, что после расправы с полком вода в незамерзающей реке была красной от крови. Да еще в памятке, что на кресте, выделены слова: **«Имена же их Ты, Господи, веши».**

О.А. Калкин

Примечания:

¹ Нева. 1992. №1. С. 219.

² Государственный архив Псковской области (ГАПО), ф. Р-590, оп. 2, д. 9, л. 35.

³ Журибеда Ж. Судьба рыбацкого причала. Л. 1987. С. 36-41.

⁴ ГАПО, ф. Р-530, оп. 1, д. 15, л. 2.

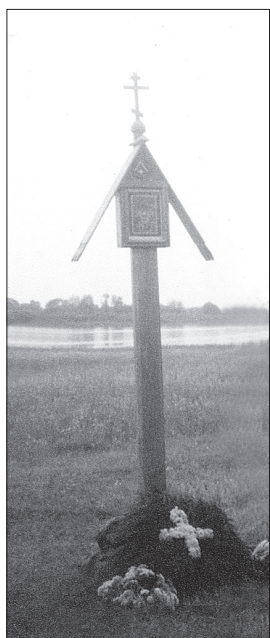
⁵ Там же, ф. Р-590, оп. 2, д. 9, л. 54.

⁶ Там же, ф. Р-590, оп. 2, д. 9, л. 36.

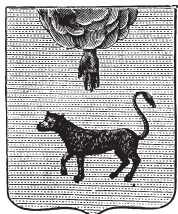
⁷ Там же, ф. Р-590, оп. 2, д. 9, л. 36-37.

⁸ Н.З. Кадесников. Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом... СПб. 1991. С. 44.

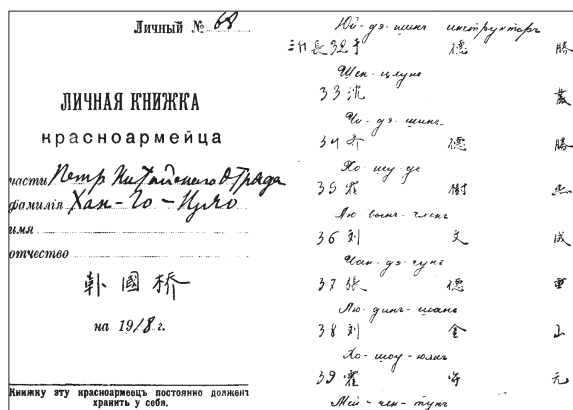
СКАМЬЯ

Здесь в конце ноября – начале декабря 1919 г. погиб Талабский полк. После изматывающих многодневных боев, прижатые красными к реке Нарове, воины-талабцы перешли на эстонский берег. Здесь, у колючей проволоки, эстонские части их разоружили, но, не пропуская безоружных людей в тыл, поставили их под пулеметы и погнали назад. С восточного берега их встретил кинжальный огонь красных. Не сдаваясь в плен, талабцы умирали в водах студеной реки (на середине Нарова была еще свободна ото льда). Эстонцы стереляли со своего берега. Часть воинов продолжала сопротивляться, сражаясь врукопашную против вооруженных людей. Так горсть храбрых талабцев погибла в водах Наровы у села Скамья. Тела их находили в плавнях, в водах реки и во льду ниже по течению (у селений Сыренец (эст. – Васкнарва) и дер. Ямы) до весны 1920 г. По свидетельству Ю.Д. Шумакова († 1996), известного деятеля русской культуры в Эстонии, чудом спасся и выжил после расстрела Талабского полка перекрестным огнем эстонских и красноармейских пулеметов офицер-талабец Кузьмин. Разоруженный, раздетый и тяжело раненный, он лежал у воды среди тел убитых воинов. Красные не добились его, сочтя мертвым. Когда сгустились декабрьские сумерки, он пополз с места расстрела в плавни ниже по течению. Здесь его нашла местная крестьянка-эстонка, принесла домой, выходила и поставила на ноги. Позднее они поженились и до 1950-х годов проживали в Черном Посаде (Муствеэ). Благодаря этому чудом спасшемуся воину-талабцу (вероятно, были и другие) мы знаем о событиях в Скамье и гибели Талабского полка.

ПСКОВ

ЯМБУРГСКИЕ СТРАДАЛЬЦЫ

полка. Летом 1919 г. он погиб на фронте: попав вместе с лейтенантом Боком в плен к красным в районе Ямбурга, офицеры были зверски замучены.

Тело лейтенанта Моисеева было вскоре найдено белыми, причем оказалось, что лейтенантские погоны были прибиты к плечам шестью большими гвоздями, по одному над каждой звездочкой погон.

Н.З. Кадесников. «Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917-1922 гг.». СПб. 1992. С. 43.

В плен на Нарвском фронте, по всей видимости, попали части 2 и 3 дивизий Северо-Западной армии (во 2 дивизию входили Талабский, Островский, Уральский и лейб-гвардии Семеновский полки). Произошло это между 7 ноября 1919 г. (эвакуация Ямбурга) и 17 ноября (пик штурма Нарвы большевиками, штурм города продолжался до 28 ноября н. ст.) 1919 г.

Ямбург (Кингисепп). Церковь во имя иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радосте», справа от входа в которую были погребены Белые воины

СВИНОЕЖА

Наша задача – напрячь все наши силы для борьбы словом и делом с разлагающими силами антихристианского и антирелигиозного марксизма. Только сохранив в себе чистыми те идеалы, за которые столько наших друзей пало на поле брани, мы сможем найти в самих себе терпение и перенести все тяжелые испытания, связанные с условиями настоящей жизни.

Князь А.П. Ливен

За окраиной села Ложголово (б. Гдовского уезда С.-Петербургской губернии), неподалеку от местной Георгиевской церкви лежит среди полян и перелесков урочище Свиноежа – лесной взгорок, осененный тенью вековых сосен.

Под сенью их ветвей среди леса стоит большой деревянный крест, посвященный памяти расстрелянных здесь большевиками Белых воинов, – около 250 нижних чинов и офицеров преимущественно 5 (Ливенской) дивизии Северо-Западной Добровольческой Белой армии генерала Н.Н. Юденича. Попавшие в плен в ноябре 1919 г., они были расстреляны здесь, за селом, среди соснового леса, в глухом урочище – подальше от глаз.

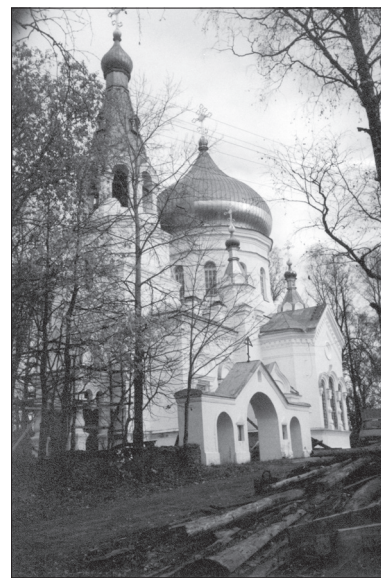
В с. Ложголово в августе-октябре 1919 г. размещался штаб Ливенской дивизии, сформированной на территории Петроградской губернии в мае-июне 1919 г. в основном из ее уроженцев на базе отряда светлейшего князя Анатолия Павловича Ливена, который первоначально начал создаваться в Либаве в январе 1919 г. из русских подданных, проживавших в Латвии, и бывших русских военнопленных при содействии Курляндской обороны края, под командованием местного уроженца князя А.П. Ливена.

*И вот из рва, из терпкой муки,
Где по дну вьется терпкий дым,
Дрожа протягиваем руки
Мы к вашим саванам святым...*

З. Гиппиус, 1918

К июню 1919 г. отряд, входивший в состав антибольшевицких (русско-немецких) войск в Латвии, был переброшен под Нарву и Ямбург и передан в распоряжение Северного корпуса и под командование генерала Н.Н. Юденича. По его личному распоряжению, в формируемую на основе отряда дивизию принимались офицеры и добровольцы исключительно из числа русских подданных. К июню 1919 г. Ливенская дивизия состояла преимущественно из уроженцев северо-западных губерний России.¹

Из «Памятки Ливенца»² (записки относятся к сентябрю-октябрю 1919 г., когда Ливенская дивизия

Село Ложголово. Церковь вмц. Георгия Победоносца. Современный вид

стояла в селе Ложголово): «Мы шли сюда с полной готовностью отдать свою жизнь на благо всем нам дорогой Родины...

Одушевленные горячим желанием победить или умереть, с неудержимым порывом бросились все вперед на большевиков, занимавших укрепленную позицию, и, несмотря на упорное сопротивление, опрокинули их». (Об июльских боях 1919 г.)

17 июля 1919 г. они приняли первый бой на реке Луге у деревень Погляди и Корячи и одержали первые победы, о которых командир дивизии отмечал: «Храни вас Господь Бог, и да послужит этот первый бой на новом фронте началом будущих успехов на пути освобождения России от ига поработителей-большевиков».³

Летом-осенью 1919 г. Ливенская дивизия держала фронт на реке Луге и принимала участие в боях на территории Петроградской губернии: в Ямбургском, Петергофском, Царско-сельском и Гдовском уездах. После отступления от стен Петрограда дивизия, дошедшая до Стрельны и Лигово, вновь оказалась в селе Ложголово.

Из «Памятки ливенца»: «7 сентября 1919 г. Подъем в 4 часа утра. В 6 часов вышли всем обозом на Ложголово. Дорога скверная, но дивная местность. Густые леса, водятся медведи.

21 сентября 1919 г. Ложголово. Ходим каждое воскресенье в церковь. Церковь красивая, стоит на возвышенности. Она всегда полна военными. После обеда было солдатское представление с военной музыкой. Офицеры пили кофе в собрании штаба дивизии. Вечер провели на поле, где потешались разными играми. Принимали участие чины штаба, подполк. Р., подпор.

Ложголово. 1919 г. Воины-ливенцы: Орен, Геймансон, Бочарников, Кожухов, Лубгин, Плотников

Келлер, штабной врач, сестры милосердия и др.».

Взятые в ноябре 1919 г. в плен офицеры и нижние чины дивизии (около 250 человек) были в ноябре 1919 г. расстреляны в урочище Свиноежа близ села Ложголово.

«Лесной взгорок, а на нем две вековые сросшиеся у основания сосны. Сейчас лишь пень остался», – вспоминает уроженец села Ложголово Владимир Иванович Тараканов со слов своей матери Александры Степановны Таракановой, рожденной Лукичевой (1895-1980), которая вместе с другими сельчанками, сестрами Полиной и Анной Андреевыми-Павловыми и другими, чьи потомки и сейчас проживают в селе Ложголово и С.-Петербурге, лично принимала участие в погребении расстрелянных.

«У сосны стоял станковый пулемет «Максим», из которого большевики расстреливали пленных воинов. Они стояли здесь связанные перед обрывом, а их расстреливали. С флангов – цепи красноармейцев, они достреливали и докалывали штыками еще живых. Лишь одному раненому, кажется, удалось спастись. Он приполз в соседнюю деревню Загорье. Местные жители не выдали его на расправу преследователям. Дальнейшая судьба чудом спасшегося воина неизвестна».

Для погребения убитых красные мобилизовали крестьян села Ложголово. Они, преимущественно молодые женщины, которым под силу было справиться с переносом и погребением тел погибших воинов, хоронили убиенных. Груды залитых кровью тел в исподнем белье. Стар и млад. Красные расстреляли всех, не пожалев даже двух десятков мальчишек.

Ложголовские крестьяне посылали ребятишек в село за покрывалами, простынями и тканями, покрывая ими ряд за рядом тела сброшенных в ров Белых воинов. Лишь нескольких офицеров хоронили в гробах. У многих были связаны руки.

Потом всю жизнь местные крестьяне, погребавшие Белых воинов, боялись кому-либо рассказывать об этом, тем более что в 1930-х гг. немало семей из с. Ложголово были высланы, некоторые арестованы и расстреляны, с ними и последний, служивший до закрытия храма священник о. Михаил Иевлев († 1937).

Из рассказа старейшей 91-летней жительницы деревни Загорье Прасковьи Ивановны Полевой (1909 г. р.) об этих событиях, запечатлевшихся в ее детской памяти: сало (американское, в банках), которым кормили сельчан белые, и расстрелы кормильцев:

Ложголово. Крест на могиле воинов-северозападников

«Вереницы связанных между собой веревками пленных белых воинов в исподнем белье, у каждого в руках по вобле. Ночь под арестом в просторном купеческом доме, а наутро каждый, выходящий на смерть, мог лишь напоследок, проходя мимо загорьевской часовни проститься «в вещь сем» с сослуживцами и жителями села.

После расстрела один раненый бежал в лес. Красные не стали его преследовать: «Итак, весь в крови, сам помрет». Тело его нашла в лесу крестьянка, искавшая заблудившуюся корову. Когда нашла ее, та стояла у тела убитого. Здесь его и схоронили, могилу уже не найти...»

79 лет братская могила воинов-севрозападников пребывала в полном забвении и поругании от безбожной власти. Ровное место, никогда не подумаешь, что здесь случилось подобное, лишь овражки осевшей земли обозначают места захоронения православных воинов, которые так и не стали отцами и дедами.

Мощные корни сосен покрыли пространство над телами русских воинов, взяв под свою защиту от людского беспамятства, безразличия и тупой ненависти. Вековые сосны – немые свидетели и вечные часовые.

11/24 июня 1998 г. над могилой белых воинов в урочище Свиноежа усердием I Отдела РОВС в России

Жительница дер. Загорье Прасковья Ивановна Полевая у поклонного креста в Ложголово

(Ямбург, С.-Петербург) был установлен осьмиконечный православный крест.

По материалам С.Г. Зирина

Примечания

¹ А.В. Смолин. Белое движение на Северо-Западе России. СПб. 1999. С. 151-154.

² Памятка Ливенца. Рига. Изд. «Саламандра». 1929. С. 179.

³ Там же.

Духовенство С.-Петербургской епархии, ушедшее в 1919 году с Северо-Западной армией генерала Н.Н. Юденича

Священник Михаил Воскресенский (с. Чирковицы)
Священник Аркадий Никольский (с. Ястребино)
Священник Александр Каменев (с. Яблоницы)
Священник Александр Филомафитский (с. Новопятницкое)
Священник Павел Катус (с. Котлы)
Священник Евгений Флеров (Копорье, Преображенский собор)
Священник Александр Балясников (с. Бегуницы)
Священник Николай Солодовников (с. Дубяги)
Священник Михаил Сиротин (с. Ремедье)
Священник Владимир Преображенский (с. Гвоздь)
Священник Михаил Ласкеев (Пятницкая церковь Гдовского уезда)
Протоиерей Анатолий Остроумов (Луга, Екатерининский собор)
Священник Алексей Васильков (с. Логовье)
Священник Николай Павский (с. Щир)
Священник Василий Благодатский (с. Медвежье)
Протоиерей Иоанн Богоявленский (Гатчина, Павловский собор)
Священник Александр Савин (Красное Село)
Священник Иоанн Цветков (Красное Село)

Б.А. Медем

Все теперь против нас,
Будто мы и креста не носили,
Словно аспиды мы
Бусурманской крови.
Даже места нам нет
В ошалевшей от горя России
И Господь нас не слышит,
Зови – не зови...

Вот уж год мы не спим,
Под мундирами прячем обиду,
Ждем холопскую пулю
Пониже петлиц,
Вот уж год как Тобольск
Отзвонил по Царю панихиду
И предали анафеме души убийц.

Им – не Бог и не Царь,
Им – не боль и не совесть,
Все им: тюрьмы долой,
Да пожар до небес.
Знать, судьба нам – читать
Эту страшную повесть
В воспаленных глазах матерей да невест,

И глядят нам во след
Они долго в безмолвном укоре,
Как покинутый дом
На дорогу из тьмы.
Отступить дальше некуда
Сзади – Японское море.
Здесь кончается наша
Россия и мы.

В красном Питере кружится,
Бесится белая вьюга.
Белый иней – по стенам московских церквей.
В белом небе ни радости нет, ни испуга,
Только скорбь Божий Матери
В белой лампадке ночей.

Юрий Борисов

ПЕРЕД БОЕМ

Закатилась зорька за лес, словно канула,
Понадвинулся неба холодный сапфир.
Может быть, и просил брат пощады у Каина,
Только нам не менять офицерский мундир.

Затаилась речка под низкими тучами,
Зашипела тревожная черная гать.
Мне письмо написать не представилось случая,
Чтоб проститься с тобой, да добра пожелать.

А на той стороне комиссарский редут только тронь, а ну!
Разорвет тишину пулеметная смерть.
Мы в ненастную ночь перейдем на ту сторону,
Чтоб в последней атаке себя не жалеть.

И присяга верней, и молитва навязчивей,
Когда бой безнадежен и чуда не жди.
И холодным штыком мое сердце горячее,
Не жалея мундир, осади, остуди.

Растревожится зорька пальбою да стонами,
Опрокинется в травы вчерашний корнет.
На убитом – шинель с золотыми погонами,
Дорогое сукно спрячет сабельный след.

Да простит мне все то, что я кровью своею испачкаю,
И все те, обо мне чья память крепка,
Как скатится слеза на мою фотокарточку
И закроет альбом дорогая рука.

Юрий Борисов

Промыслом Божиим в изгнанье ушедшие,
Белые воины – свечи, горевшие
Верой в победу над силами злыми,
Но Бог повел вас путями иными.
Долг свой исполнили, честь защитили,
Пред силой безбожной главы не склонили.
Белые воины – свечи горевшие,
С дымом кадильным в вечность ушедшие.

Только так... Так плачут бури...

Я узнал кто это. Это они, обманутые жизнью. Ваши, мои, наши – русские бойцы, разбросанные теперь по свету – от Африки до Калифорнии, от Боснии до Парижа, до Марселя, до... Где конец? Это наши дети и наши братья. Это Россия!

Москва, октябрь... Растерявшаяся власть молила: защищайте! Революция в опасности! – им крикнула... Им это слово было теперь совсем чужое: не Россия!.. Россию защищали они на фронте! Но они пошли, кто мог. Иные не захотели защищать издевку.

Потом... потом годы борьбы: Юг, Север, Ледяной поход, Сибирь, Урал, Кубань... и Крым.

Они стекались, пробивались, сочились – из... Красного полона. Их ловили!.. Поднимали восстания. Их тысячами расстреливали по подвалам, в лесах, в полях, на улицах. .. Они искали свою Россию!..

Чем исчерпать взятый ими подвиг!

Три года они бились – в пожаре... Не было оружия – они его добыли... С голыми руками пошли они... и доходили до Орла, от Юга до Казани, от океана до Петрограда с Запада... Им ставили капканы, их предавали... Многие спаслись от смерти. И потом иные швыряли им: «белогвардейцы», «погромищики»! Их расстреливали в спины. Сотни тысяч их погибли в боях, брошены в овраги, в ямы, в реки, в моря... В плечи и глаза им забивали гвозди...

И они ушли из России, в себе понесли Россию, – несут в себе доселе.

Кто напишет о них достойное слово?

История уже написала. Записанное не замажешь. Напишет снова великий Нестор – Россия, напишет глухое к страстям время... И преклонятся.

И.С. Шмелев.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

А.В. Туркул

БАКЛАЖКИ

Известно, что плечом к плечу с офицером и студентом ходили в атаки в наших цепях гимназисты, реалисты, кадеты — дети Добровольческой Армии. В строю вместе шли в огонь офицеры, студенты, солдаты из пленных красноармейцев и дети-добровольцы.

Мальчишки-добровольцы, о ком я пытаюсь рассказать, может быть самое нежное, прекрасное и горестное, что есть в образе Белой армии. К таким добровольцам я всегда присматривался с чувством жалости и немного стыда. Никого не было жаль так, как их,

и было стыдно за всех взрослых, что такие мальчуганы обречены вместе с нами на кровопролитие и страдание. Кромешная Россия бросила в огонь и детей. Это было как жертвоприношение.

Подростки, дети русской интеллигенции, поголовно всюду отзывались на наш призыв. Я помню как, например, в Мариуполе к нам в строй пришли почти полностью все старшие классы местных гимназий и училищ. Они убежали к нам от матерей и отцов. Они уходили за нами, когда мы оставляли города. Кадеты пробирались к нам со всей России.

Русское юношество, без сомнения, отдало Белой армии всю свою любовь, и сама Добровольческая Армия есть прекрасный образ русской юности, восставшей за Россию.

Мальчуганы умудрялись протискиваться к нам через все фронты. Они добирались до кубанских степей из Москвы, Петербурга, Киева, Иркутска, Варшавы. Сколько раз приходилось опрашивать таких побродяжек, загорелых оборвышей в пыльных, стоптанных башмаках, исхудавших белозубых мальчишек. Они все желали поступить добровольцами, называли своих родных, город, гимназию или корпус, где учились.

— А сколько тебе лет?

— Восемнадцать, — выпаливает пришедший, хотя сам, что называется, от горшка три вершка. Только головой покачаешь.

Мальчуган, видя что ему не верят, утрет обезьяньей лапкой грязный пот со щеки, переменется с ноги на ногу:

— Семнадцать, господин полковник.

— Не ври, не ври,

Так доходило до четырнадцати. Все кадеты, как сговорились, объявляли, что им по семнадцати.

— Но почему же ты такой маленький? — спросишь иной раз такого орла.

— А у нас рослых в семье нет. Мы все такие малорослые.

Конечно, в строю приходилось быть суровым. Но с какой нестерпимой жалостью посмотришь иногда на солдата во все четырнадцать лет, который стоит за что-нибудь под винтовкой — сушит штык, как у нас говорилось. Или как внезапно падало сердце, когда заметишь в огне, в самой жаре, побледневшее ребяческое лицо с расширенными глазами. Кажется, ни одна потеря так не била по душе, как неведомый убитый мальчик, раскинувший руки в пыльной траве. Далеко откатилась малиновая дроздовская фуражка, легла пропотевшим донышком вверх.

Мальчуганы были как наши младшие братья, часто они и были младшими в наших семьях. Но строй есть строй. Я вспоминаю, как наш полк подходил боевым строем к селу Торговому. С хутора Капустина, что правее железной дороги, загремела стрельба.

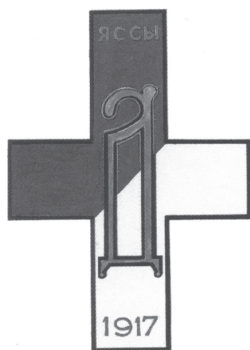
Четвертая донская сотня Второго конного офицерского полка, шедшая впереди, бросилась на хутор в атаку. Внезапно навстречу донцам поднялось огромное облако пыли. По-видимому, встречной атакой понеслись красные. Когда серая мгла слегка рассеялась, мы увидели, что в пыли скачут на нас причудливые горбатые тени. Это от стрельбы и огня бежали с хутора верблюды. Долговязую верблюжью силу мы переловили.

Четвертая сотня ворвалась на хутор. Красных выбили. К Капустину подтянулся весь полк. Быстрая река мчалась за хутором. За ней залегли красные. Девятая рота полковника Двигубского кинулась атаковать деревянный пешеходный мост. Красные из-за реки атаку отбили. Рота залегла у моста под пулеметным огнем. Стылали раненые, воздух сухо гремел от огня. Весь полк лег цепями вдоль речного берега. Бой разгорался.

День был сверкающий, жаркий. Люди в цепях задыхались от духоты. Моя вторая рота была в резерве. У нас, на счастье, была прохлада и тень; мы стояли под стеной огромного кирпичного сарая. В сарай первая батарея вкатила полевое орудие, в стене пробили брешь, и наша пушка открыла по красным пулеметам беглый огонь.

Красные пушку заметили, сосредоточили огонь на сарае. Все артиллеристы и начальник орудия полковник Протасович были переранены, на их удачу легко. Этот поединок длился долго; сарай гудел, сотрясался. Но от каменной стены шла такая приятная прохлада, что моя рота, уставшая после ночного марша, отдыхала и в этом грохоте. Кто спал стоя, прислонясь к стене, кто сидел на корточках, с винтовкой между колен. Вот когда я по-настоящему понял поговорку «и пушками не разбудишь».

Я тоже дремал, поеживаясь, правда, от близкого пушечного грома. Внезапно послышался резкий окрик командира, полковника Жебрака:

– Капитан Туркул! Я воспрянул на ноги.

– Или вы не видите, что едет главнокомандующий? Пыльный Жебрак стоял передо мною, вытирая платком усы и брови. Моя рота с лязгом поднималась на ноги и строилась вдоль сарая. У многих со сна были довольно растерянные лица.

Я посмотрел в блещущее поле. К нам, с тыла, поднимая тонкую пыль, скачет на сером коне гене-

рал Деникин со штабом, под желто-черным георгиевским значком. Значек трепещет на солнце над головами конвойцев куском расплавленного золота.

– Немедленно в атаку, вброд! – крикнул мне Жебрак.

Никто из нас не знал, есть ли брод и какая глубина, но я проворно вынул из кармана бумажник, портсигар, часы, умял все в фуражку, чтобы не промокло, и скомандовал:

– Рота, за мной!

Червонный значок блистал все ближе. Каждому казалось, что седой главнокомандующий смотрит только на него. Я бросился с берега, за мной, выбивая шумные каскады воды, вся рота. Я ухнул неудачно, сразу попал в яму, ушел под воду с головой. Вынырнул, отфыркиваясь. Какое ослепительное солнечное дрожание, как звучно гогочут над водой пулеметы красных. Я пустился вплавь. Рядом со мною, чихая как пудель, плыл с пулеметом Льюиса поручик Димитраш. Рыжеватая мокрая голова Мелентия блистала на солнце. Я почувствовал под ногами вязкое дно.

Три взвода в моей роте были офицерские, а четвертый мальчишеский. Все воины четвертого взвода были, собственно говоря, подростками-мальчуганами. Мы их прозвали баклажками, что то же, что фляга, необходимая принадлежность солдатской боевой амуниции. Но в самой баклажке, мирно и весело побрякивающей у солдатского пояса, ничего боевого нет.

Удалые баклажки кинулись с нами в реку, но тут же все поголовно ушли под воду. Ребятам четвертого взвода, пускавшим пузыри, по правде сказать, приходилось все время помогать, попросту вытаскивая их из воды, как мокрых щенят.

Вода была до подмышек. Одни наши мокрые головы да вытянутые руки со сверкающими винтовками были видны над водой. Под бешеным огнем мы переправились через реку. Мокрые, сипло дыша, выбрались па берег, и надо было видеть, как наши мальчуганы, только что наглотавшиеся воды и песку, с удалым «ура» кинулись в атаку на красные цепи, залегшие у берега, на дома, откуда дробно стучали пулеметы.

Красные отхлынули. Мы взяли хутор. Потерь у нас было немного, но все тяжелые: было восемь раненых в воде в головы и в руки. Река, которая было замутилась и покраснела от крови, мчалась снова со свежим шумом. Девятая рота, едва мы перешли реку, пошла лобовой атакой на мост. Мост взят. А впрочем, генералом Деникиным уже описана в его записках вся эта удалая атака.

После боя, на зеленом лугу, полуголые, смеясь и выкручивая и выжимая рубахи и подштанники, как радовались все мы и как были счастливы, что нашу атаку наблюдал сам главнокомандующий. Мы слегка посмеивались над нашими баклажками.

Генерал-майор
Михаил Гордеевич
Дроздовский

– Не будь баклажек, – говорили в роте, – куда там перейти реку. Спасибо четвертому взводу, помог; всю воду из реки выхлебал... Баклажки не обижались.

Вспоминаю, какие еще пополнения приходили к нам на походе. Одни мальчуганы. Помню, под Бахмутом, у станции Ямы, с эшелонном первого батальона пришло до сотни добровольцев. Я уже командовал тогда батальоном и задержал его наступление только для того, чтобы их принять. Смотрю, а из вагонов посыпались как горох самые желторотые молокососы, прямо сказать птенцы.

Высыпались они из вагонов, построились. Звонкие голоса школьников. Я подошел к ним. Стоят хорошо, но какие у всех детские лица! Я не знаю, как и приветствовать таких бравых бойцов.

– Стрелять вы умеете?

– Так точно, умеем, – звонко и весело ответило все пополнение.

Мне очень не хотелось принимать их в батальон – сущие дети. Я послал их на обучение. Двое суток гоняли мальчуганов с ружейными приемами, но что делать с ними дальше, я не знал. Не хотелось разбивать их по ротам, не хотелось вести детей с собой в бой. Они узнали, вернее почувствовали, что я не хочу их принимать. Они ходили за мной, что называется, по пятам, упрашивали меня, шумели как галки, все божились, что умеют стрелять и наступать.

Мы все были тогда очень молоды, но была невыносима эта жалость к детству, брошенному в боевой огонь, чтобы быть в нем истерзанным и сожженным.

Не я, так кто-нибудь другой все же должен был взять их с собой. Со стесненным сердцем я приказал разбить их по ротам, а через час, под огнем пулеметов и красного бронепоезда, мы наступали на станцию Ямы, и я слушал звонкие голоса моих удалых мальчуганов.

Ямы мы взяли. Только один из нас был убит. Это был мальчик из нового пополнения. Я забыл его имя. Над полем горела вечерняя заря. Только что пролетел дождь, был необыкновенно безмятежен и чист светящийся воздух. В долгой луже на полевой дороге отражалось желтое небо. Над травой дымила роса. Тот мальчик в скатанной солдатской шинели, на которой были капли дождя, лежал в колее на дороге. Почему-то он мне очень запомнился. Были полуоткрыты его застывшие глаза, как будто он смотрел на желтое небо.

У него на груди нашли помятый серебряный крестик и клеенчатую черную тетрадь, гимназическую общую тетрадь, мокрую от крови. Это было нечто вроде дневника, вернее, переписанные по гимназическому и кадетскому обычаю стихи, чаще всего Пушкина и Лермонтова. Странно, запомнились мне две строчки, кажется, из «Евгения Онегина»:

Гонимы вешними лучами
С окрестных гор уже снега...

А что было дальше, я теперь забыл. Я сложил крестом на груди совершенно детские руки, холодные и в каплях дождя.

Тогда, как и теперь, мы все почитали русский народ великим, великодушным, смелым и справедливым. Но какая же справедливость и какое великодушие в том, что вот русский мальчик убит русской же пулей и лежит на колее, в поле? И убит он за то, что хотел защитить свободу и душу русского народа, величие, справедливость, достоинство России.

Сколько сотен тысяч взрослых, больших, должны были бы пойти в огонь за свое отечество, за свой народ, за самих себя, вместо того мальчугана. Тогда ребенок не ходил бы с нами в атаки. Но сотни тысяч взрослых, здоровых, больших людей не отозвались, не тронулись, не пошли. Они пресмыкались по тылам, страшась только за свою в те времена еще упитанную человеческую шкуру.

А русский мальчуган пошел в огонь за всех. Он чуял, что у нас правда и честь, что с нами русская святыня. Вся будущая Россия пришла к нам, потому что именно они, добровольцы — эти школьники, гимназисты, кадеты, реалисты должны были стать творящей Россией, следующей за нами. Вся будущая Россия защищалась под нашими знаменами; она поняла, что советские насильники готовят ей смертельный удар.

Бедняки-офицеры, романтические штабс-капитаны и поручики, и эти мальчишки-добровольцы, хотел бы я знать, каких таких «помещиков и фабрикантов» они защищали? Они защищали Россию, свободного человека в России и человеческое русское будущее. Потому-то честная русская юность — все русское будущее — вся была с нами. И ведь это совершенная правда: мальчуганы повсюду, мальчуганы везде.

Я помню, как в том же бою под Торговой мы захватили у красных вагоны и железнодорожные площадки. У нас бронепоездов тогда еще не было. И вот в Торговой наши доблестные артиллеристы и пулеметчики устроили свой скоропалительный и отчаянный бронепоезд. Простую железнодорожную платформу загородили мешками с землей и песком и за это прикрытие вкатили пушку и несколько

пулеметов. Получился насыпной окоп на колесах.

Эту товарную площадку прицепили к самому обыкновенному паровозу, не прикрытому броней, и необычайный бронепоезд двинулся в бой. Каждый день он дерзко кидался в атаки на бронепоезда красных и заставлял их уходить одной своей удалю. Но после каждого боя мы хоронили его бойцов. Тяжелой ценой добывал он победы.

В бою под Песчанокоской на него навалилось несколько бронепоездов красных. Они всегда наваливались на нас числом, всегда подавляли нас массой, человеческой икрой. Наш бронепоезд неумолкая отстреливался из своего легкого полевого орудия. Разметало все его мешки с песком, разворотило железную площадку — он все отбивался. Им командовал капитан Ковалевский. От прямых попаданий бронепоезд загорелся. И только тогда он стал отходить. Он шел на нас как громадный столб багрового дыма, но его пушка все еще гремела. Капитан Ковалевский и большинство команды были убиты, остальные переранены.

Горящий бронепоезд подходил к нам. На развороченной железной площадке, среди обваленных и обгоревших мешков с землей, острых пробоин, тел в тлеющих шинелях, среди крови и гари, стояли почерневшие от дыма мальчишки-пулеметчики и безумно кричали «ура».

Доблестных убитых мы похоронили с боевыми почестями. А на другой день новая команда уже шла на эту отчаянную площадку, которую у нас почему-то прозвали «Украинская хата»; шли беззаботно и весело, даже с песнями. И все они были юноши, мальчишки по шестнадцати, семнадцати лет.

Гимназист Иванов, ушедший в Дроздовский поход, или кадет Григорьев — запишет ли кто и когда хотя бы только некоторые из тысяч всех этих детских имен?

Я вспоминаю гимназиста Садовича, пошедшего с нами из самых Ясс. Был ему шестнадцатый год. Быстроногий, белозубый, чернявый, с родинкой на щеке, что называется шибздик. Как-то страшно подумать, что теперь он стал настоящим мужчиной, с усищами.

В бою под Песчанокоской прислали ко мне этого шибздика от взвода для связи. В Песчанокоскую мы вошли после короткого, но упорного боя. Моя вторая рота получила приказание занять станцию. Мы подошли к ней в темноте. Я отправил фельдфебеля, штабс-капитана Лебедева, со второй полуротой осмотреть станцию и пути. Тогда-то Садович и попросил у меня разрешения тоже посмотреть, что делается на станции. Я разрешил, но посоветовал ему

Офицеры-дроздовцы. В центре сидят генерал Антон Васильевич Туркул и его мать Софья Антоновна Туркул

Группа офицеров-дроздовцев (в центре генерал-майор А.В. Туркул, слева от него дивизионный благочинный о. Федор Каракулин)

быть осторожным.

Полурота шла по путям. Садович метнулся к станции. Стояла глубокая тишина. Станция, по-видимому, была оставлена красными. Я приказал ввести туда всю роту, а сам пошел вперед. Шаги глухо раздавались в пустых станционных залах. Я вышел на перрон. Там маячил один подслеповатый керосиновый фонарь. Кругом налегла черная ночь.

Вдруг мне показалось, будто какая-то тень промелькнула в желтоватом круге света; в потемках послышался шум, глухая возня, подавленный крик:

— Господин капитан, госпо...

Я увидел, как трое больших напали на четвертого, маленького, и узнал, вернее почувствовал, в маленьком нашего шибздика. Я побежал туда с маузером в руке. Садовича душили. Выстрелами я уложил двоих. Третий нырнул в темноту, но Садович уже очнулся и кинулся за ним. Глухо топоча, они пронеслись мимо меня в потемках. Я слышал их быстрое дыхание. Садович нагнал третьего и с разбега заколол его штыком.

Эти трое были красной засадой, оставленной на станции. Здоровые, с бритыми головами, в кожаных куртках, вероятнее всего красноармейские чекисты. Я и теперь не могу понять, почему они сразу не прикололи маленького Садовича, а навалились на него втроем душить. То, как матерые советские каты ночью, при свете станционного ночника, навалились душить мальчугана, часто кажется мне и сегодня олицетворением всей советчины.

Павлик, мой двоюродный брат, красивый рослый мальчик, кадет Одесского корпуса, тоже был баклажкой. Когда я ушел с Дроздовским, он был у своей матери, но знал, что я либо в Румынии, либо пробираюсь с отрядом по русскому югу на Ростов и Новочеркасск. И вот ночью, после переправы через Буг, к нашей заставе подошел юный оборванец. Он называл себя моим двоюродным братом, но у него был такой товарищеский вид, что офицеры ему не поверили и привели ко мне. За то время, как я его не видел, он могуче, по-мальчишески внезапно вырос. Он стал выше меня, но голос у него смешно ломался, Павлик ушел из дому за мной, в отряд. Он много блуждал и нагнал меня только на Буге. С моей ротой он пошел в поход.

В Новочеркасске мне приказано было выделить взвод для формирования четвертой роты. Павлик пошел в четвертую роту. Он потемнел от загара, как все, стал строгим и внимательным. Он мужал на моих глазах. В бою под

Белой Глиной Павлик был ранен в плечо, в ногу и тяжело в руку. Руку свело; она не разгибалась, стала сохнуть. Светловолосый веселый мальчуган оказался инвалидом в восемнадцать лет. Но он честно служил и с одной рукой. Едва отлежавшись в лазарете, он прибыл ко мне в полк.

Не буду скрывать, что мне было жаль исхудавшего мальчишка с высохшей рукой, и я отправил его как следует отдохнуть в отпуск, в Одессу. Там была тогда моя мать. Павлик весело рассказывал мне потом, как мать, которой пришлось жить в Одессе под большевиками, читала в советских сводках о белогвардейце Туркуле с его «белобандитскими бандами», которых, по-видимому, порядком страшились товарищи. Мать тогда и думать не могла, что этот страшный белогвардеец Туркул был ее сыном, по домашнему Тосей, молодым и, в общем, скромным штабс-капитаном.

Когда Павлик открыл моей матери тайну, что белый Туркул есть именно я, мать долго не хотела этому верить. Такой грозной фигурой малевали, честили и прославляли меня советские сводки, что даже родная мать меня не признала.

Павлик, вернувшийся из Одессы, был без руки негоден к солдатскому строю, и я зачислил его в мой штаб. Тогда же, по секрету от Павлика, я представил его к производству в офицерский чин.

В одном бою, уже после нашего отступления, я со своим штабом попал под жестокий обстрел. Мы стояли на холме. Красные крыли сильно. Кругом взметывало столбы земли и пыли. Я зачем-то обернулся назад и увидел, как у холма легли в жесткую траву солдаты связи, а с ними, прижавшись лицом к земле, лег и мой Павлик. Он точно почувствовал мой взгляд, поднял голову, сразу встал на ноги и вытянулся. А сам начал краснеть, краснеть и слезы выступили у него из глаз.

Вечером, устроившись на ночлег, я отдыхал в хате на походной койке; вдруг слышу легкий стук в дверь и голос:

— Господин полковник, разрешите войти.

— Войдите.

Вошел Павлик; встал у дверей по-солдатски, молчит.

— Тебе, Павлик, что?

Он как-то встряхнулся и уже вовсе не по-солдатски, а застенчиво, по-домашнему, сказал:

— Тося, даю тебе честное слово, я никогда больше не лягу в огне.

— Полно, Павлик, что ты...

Бедный мальчик! Я стал его, как умел, успокаивать, но только отпуск в хозяйственную часть, на кутью к моей матери, тете Соне, как он называл ее, убедил, кажется, Павлика, что мы с ним такие же верные друзья и удалые солдаты, как и раньше.

23 декабря 1919 года, ранним утром Павлик уехал к своей тете Соне на кутью. Я проснулся в утренних потемках, слышал его осторожный юный голос и легкий скрип его шагов по крепкому снегу. В то студеное, мгlistое утро с Павликом на тачанках отправились в отпуск несколько офицеров. К ним по дороге присоединились две беженки из Ростова, интеллигентные дамы. Их имен я не знаю. Все они беззаботно тащились по снегу и мерзлым лужам к хозяйственной части.

По дороге, на встречном хуторе, устроили привал. Конюхи распрягли коней и повели на водопой. Тогда-то и налетели на них красные партизаны. Одни конюхи успели вскочить на лошадей и ускакать. К вечеру обмерзшие, окутанные паром,

примчались они ко мне в Кулешовку и растерянно рассказали, как напала толпа партизан, как они слышали стрельбу, крики, стоны, но не знают, что с нашими стало.

Ночью, в жестокий мороз, с командой пеших разведчиков и двумя ротами первого батальона я на санях помчался на тот хутор. Меня лихорадило от необычной тревоги. На рассвете я был у хутора и захватил с удара почти всю толпу этих красных партизан.

Они перебрались в наш тыл по льду замерзшего Азовского моря, может быть, верст за сорок от Мариуполя или Таганрога. Нападение было так внезапно, что никто не успел взяться за оружие. Наши офицеры, женщины и Павлик были запытаны самыми зверскими пытками, оглулены всеми глумлениями и еще живыми пущены под лед.

Хозяйка дома, у которой остановился Павлик, рассказала мне, что «того солдатики, молоденького, статного да сухоруконого, партизаны обыскали и в кармане шинели нашли новенькие малиновые погоны. Тогда стали его пытать».

Кто-нибудь из штабных писарей, зная, что я уже подал рапорт о производстве Павлика в офицеры, желая сделать Павлику приятное, сунул ему на дорогу в карман шинели

малиновые погоны подпоручика.

Подо льдом никого не нашли. Много лет я молчал о мученической смерти Павлика, и долго мать не знала, что с сыном.

Всем матерям, отдавшим своих сыновей огню, хотел бы я сказать, что их сыновья принесли в огонь святыню духа, что во всей чистоте юности легли они за Россию. Их жертву видит Бог. Я хотел бы сказать матерям, что их сыновья, солдаты без малого в шестнадцать лет, с нежными впадинами на затылках, с мальчишескими тощими плечами, с детскими шеями, повязанными в поход домашними платками, стали священными жертвами за Россию.

Молодая Россия вся вошла с нами в огонь. Необычайна, светла и прекрасна была в огне эта юная Россия. Такой никогда и не было, как та, под боевыми знаменами, с детьми-добровольцами, пронесшаяся в атаках и крови сияющим видением. Та Россия, просиявшая в огне, еще будет. Для всего русского будущего та Россия, бедняков-офицеров и воинов-мальчуганов, еще станет русской святыней.

*Из книги А.В. Туркула «Дроздовцы в огне»
Мюнхен. 1948 г.*

ДОН

1

Белая гвардия, путь твой высок:
Черному дулу – грудь и висок.

Божье да белое – твое дело:
Белое тело твое – в песок.

Не лебедей это в небе стая:
Белогвардейская рать святая
Белым видением тает, тает...
Старого мира – последний сон:
Молодость – Доблесть – Вандея – Дон

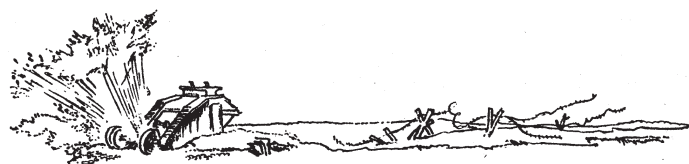
11 марта 1918 г.

2

Кто уцелел – умрет, кто мертв – воспрянет.
И вот потомки, вспомнив старину:
Где были вы? – Вопрос как громом грянет,
Ответ как громом грянет: – На Дону!

– Что делали? – да принимали муки,
Потом устали и легли на сон.
И в словаре задумчивые внуки
За словом: долг напишут слово: Дон.

*Марина Цветаева
17 марта 1918 г.
NB! мои любимые.*

Бури-вьюги, вихри-ветры вас взлелеяли,
А останетесь вы в песне – белы-лебеди!
Знамя, шитое крестами, в саван выцвело.
А и будет ваша память – белы-рыцари!
И никто из вас, сынки! – не воротится,
А ведет ваши полки – Богородица!

*Марина Цветаева
12 октября 1918 г.*

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ

Генералу Н.Н. Юденичу посвящается

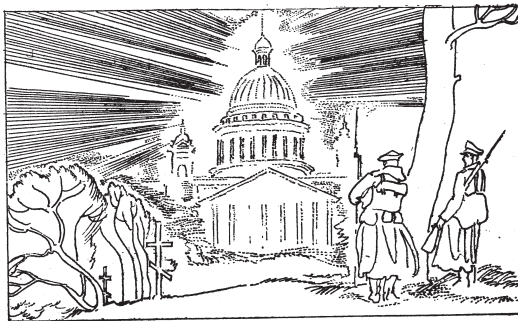
На шинели новые погоны офицерские,
А вчера лишь спороты юнкерские, детские.
От Ивана-города мы дошли до Гатчины
И стоим под Петроградом, всеми одурачены.

Нарукавные шевроны светятся крестами.
Их осталось очень много здесь, под небесами.
Не дойти до Петрограда, не отбить столицу.
На роду написано: нам не возвратиться...

Огонечком светится, как лампада в сумерки,
Купол Исаакия, коль глядеть от Пулковских.
Птицей улетел бы я к городу родному,
Да ненастно небо, а под ним – кордоны...

Кто поляжет в поле, кто в застенках сгинет,
Ну а кто в Эстляндии пропадет без имени.
По северо-западу конница проскачет,
Да растает дымкою. Кто же нас оплачет?

Сергей Мазуренко

А.И. Куприн

КУПОЛ СВ. ИСААКИЯ ДАЛМАТСКОГО

В день вступления Северо-Западной армии в Гатчину высшее командование дает приказ начальнику III дивизии генералу Ветренко: свернуть немедленно на восток, идти форсированным маршем вдоль ветки, соединяющей Гатчину с Николаевской железной дорогой, и, достигнув станции Тосно, привести в негодность Николаевскую дорогу, дабы прервать сообщение Москва – Петербург.

Ветренко послушался прямого приказа. Он продвигается к северу на правом фланге, подпирает слегка наступление Перемикина, затем под прикрытием 2-й армии уклоняется вправо, чтобы занять Павловск. На тревожный телеграфный запрос штаба он отвечает, что дорога Гатчина – Тосно испорчена дождями и что Павловск им необходимо взять в целях тактических. Совсем непонятно, почему главнокомандующий не приказал расстрелять Ветренко и не бросил на Тосно другую часть; вернее всего предположить, что под руками не было резервов.

Но упустили время. Троцкий с дьявольской энергией швырял из Москвы эшелон за эшелонам отряды красных курсантов, коммунистов, матросов, сильную артиллерию, башкиров... Разведка Талабского полка по распоряжению Перемикина быстро пробралась к Тосно. Но было уже поздно. Подступы к станции были сплошь забаррикадированы красными войсками.

Северозападники склонны объяснить непростительный поступок Ветренко его героическим и честолюбивым стремлением ворваться первым в Петербург. Сомневаюсь. Офицер Генерального штаба должен был понимать, что его упущение дало красным возможность усилить свою армию вдвое, да еще прекрасным боевым материалом. Более чем множество других печальных обстоятельств – его преступление было главной причиной неудачи наступления на Петербург.

Товарищеское мнение смягчило его вину, ибо «мертвые сраму не имут», а Ветренко, по слухам, скончался от тифа. А между тем впоследствии оказалось, что Ветренко не только выздоровел, но с женой и малолетним сыном перешел к большевикам. Таким образом, если даже 18 октября он и не замыслил измены и предательства, то, во всяком случае, его поведение в эту пору явилось для большевиков громадной услугой, а для него самого козырным тузом.

Утром я сидел по делу у бессонного капитана Лаврова. При мне пришел в комендантскую молодой офицер 1 роты Талабского полка, посланный в штаб с донесением. Он торопился обратно в полк и забежал всего на секунду пожать руку старому командиру. Он был высокий, рыжеватый, полный, с круглым, потным, безволосым лицом. Глаза

его сияли веселым, рыжим – нет, далее золотым светом, и говорил он с таким радостным возбуждением, что на губах у него вскакивали и лопались пузыри.

– Понимаете, господин капитан. Средняя Рогатка... – говорил он, еще задыхаясь от бега, – это на север к Пулкову. Стрелок мне кричит: смотрите, смотрите, господин поручик: кумпол! кумпол! Я смотрю за его пальцем... а солнце только-только стало восходить... – Гляжу, – батюшки мои, Господи! – действительно, блещит купол Исаакия, он, милый, единственный на свете. Здания не видно, а купол так и светит, так и переливается, так и дрожит в воздухе.

– Не ошиблись ли, поручик? – спросил Лавров.

– О! Мне ошибиться, что вы! Я с третьего класса Пажеского знаю его как родного. Он, он, красавец. Купол святого Далматского! Господи, как хорошо!

Он перекрестился. Встал с дивана длинный Лавров. Сделал то же и я.

Весть эта обожала всю Гатчину, как электрический ток. Весь день я только и слышал о куполе св. Исаакия. Какое счастье дает надежда. Ее называют крылатой, и правда, от нее расширяется сердце и душа стремится ввысь, в синее, холодное осеннее небо.

Свобода! Какое чудесное и влекущее слово! Ходить, ездить, спать, есть, говорить, думать, молиться, работать – все это завтра можно будет делать без идиотского контроля, без выключенного унижающего разрешения, без грубого вздорного запрета. И главное – неприкосновенность дома, жилья... Свобода!

После обеда в корпусном штабе был другой офицер, кажется, Семеновского полка. Он рассказывал, что один из белых разъездов, нащупывающий подступы к Петербургу, так забрался вперед, что совсем невдалеке мог видеть арку Нарвских ворот. Позднее другой разъезд обстрелял какой-то из трамваев, в которых Троцкий перебрасывал пачки курсантов на вокзалы.

Быстротечные, краткие дни упоительных надежд! На правом фланге белые пробирались к Пулкову II, где снова могли бы перехватить Николаевскую дорогу. Слева они заняли последовательно Таицы, Дудергоф, Лигово и докатывались до Дачного, намереваясь начать поиск к Петергофу. Божество удачи было явно на стороне С.-З. армии.

Красные солдаты сдавались и переходили сотнями. Калечь отправлялась в тыл для обучения строю. Надежные бойцы вливались в состав белых полков и отлично дрались в их отрядах. У полководцев, искушенных боевым опытом, есть непостижимый дар узнавать по первому быстрому взору ценного воина, подобно тому как настоящий знаток

лошадей, едва взглянув на коня, узнает безошибочно его возраст, нрав, достоинства и пороки.

Этим даром обладал в особенно высокой степени генерал Перемикин...

Этот необыкновенный человек обладал несомненным природным военным талантом, который только развивался вширь и вглубь от практики трех войн.

Злобности и мстивости не было у белых. Когда приводили пленных, то начальник части спрашивал: «Кто из вас коммунист?» Нередко двое-трое не задумываясь, громко и как бы с вызывающей гордостью откликались: «Я!» — «Отвести в сторону!» — приказывал начальник. Потом происходил обыск. Случалось, у некоторых солдат находились коммунистические билеты. Затем коммунистов уводили, и, таким образом, коммунисты в тыл не просачивались.

Многие коммунисты умирали смело. Вот что рассказывал офицер, которому, по наряду, пришлось присутствовать при расстреле двух коммунистов:

— По дороге я остановил конвой и спросил одного из них, красного, волосатого, худого и злоющего: «Не хочешь ли помолиться?» Он отрыгнул такую бешеную хулу на Бога, Иисуса Христа и Владычицу Небесную, что мне сделалось противно. А когда я предложил то же самое другому, по одежде матросу, он наклонился к моему уху, насколько ему позволяла веревка, стягивающая сзади руки, и произнес тихо, с глубоким убеждением:

— Все равно Бог не простит нас.

Об этом «все равно Бог не простит...» стоит подумать побольше. Не сквозит ли в нем пламенная, но поруганная вера?

Курсанты дрались отчаянно. Они бросались на белые танки с голыми руками, вцеплялись в них и гибли десятками. Красные вожди обманули их уверениями, что танки поддельные: дерево-де, покрашенное под цвет стальной брони. Они же внедряли в солдат ужас к белым, которые, по их словам, не только не дают пощады ни одному пленному, а, напротив, прежде чем казнить, подвергают лютым мукам.

Но и красные солдаты, а впоследствии курсанты и матросы, в день плена, присевши вечером к ротному котлу, не слыша ни брани, ни насмешки от недавних врагов, быстро оттаивали и отрясались от всех мерзостей большевистской пропаганды и от привитых рабских чувств.

— Прохожу я вдоль бивуака, — рассказывал мне один офицер, — вдруг чую, пахнет настоящим табаком, не махоркой. Тяну по запаху, как пойнтер. Смотрю, сидит в кругу незнакомый оборванный солдат и угощает соседей папиросами из бумажного пакета. Спрашиваю — откуда табак? Тот вскочил, видно, прежний еще солдат: «Так что еще утром раздавали паек, ваше благородие».

А один стрелок из рыбаков, не вставая (на отдыхе и за едой стрелки не встают) говорил на чистом талабском языке:

— Он только цикас пересодцы. Есцо сумущаетцы. Ни-цого парень. Оклемаеццы.

А еще дальше пленный солдат объясняет, что терпеть до слез нельзя, когда белые поют... Про «Дуню Фомину» услышал, так и потянуло: — Это тебе не тырнационал...

Большевики, должно быть, понимают, что песня порой бывает сильнее печатной прокламации. Полковник Ставский отобрал в Елизаветине у пленного комиссара донесение по начальству:

«Идут густыми колоннами и поют старые песни...»

Перемикин говорил нередко стрелкам:

— Война не страшна ни мне, ни вам. Ужасно то, что

братьям довелось убивать братьев. Чем скорее мы ее покончим, тем меньше жертв. Потому забудем усталость. Станем появляться сразу во всех местах. Но жителей не обижать. Пленному первый кусок.

— Для большевиков всякий солдат, свой и чужой, — ходячее пушечное мясо. А для нас он прежде всего человек, брат и русский.

Отступление

Нет ничего в мире мудрее, вернее и страшнее русской поговорки: «Пришла беда — отворяй ворота».

Божество удачи отвернулось от самоотверженной горстки железных людей, составлявших Северо-Западную армию. Теперь уже не ошибками полководцев и, подавно, не качеству армии, а лишь стихийному нагромождению ужасных событий можно было приписывать трагическую судьбу.

Наступили холодные, дождливые дни и мокрые ночи, черные, как чернила, без единой звезды. По ночам было видно, как за непроницаемой тьмой дальше полыхали зарева пожаров и бродили по небу, склонясь к земле, длинные, голубоватые лучи прожекторов. И там же воображение рисовало невидимых бессонных героев и страстотерпцев, совершающих, ради счастья родины, несказуемо великий подвиг.

Тревожные слухи дошли об неудержимом откате армии Деникина. Они оказались роковой правдой.

Англичане, обещавшие подкрепить движение белых на Петербург своим военным флотом, безмолвствуют, и лишь под занавес, когда большевики, в безмерно превосходных силах, теснят, окружают Белую армию и она уже думает об отступлении, лишь перед Красной Горкой появляется английский монитор и выпускает несколько снарядов с такой далекой дистанции, что они никому и ничему вреда не приносят.

Англичане обещали оружие, снаряды, обмундирование и продовольствие.

Лучше бы они ничего не обещали!

Ружья, присланные ими, выдержали не более трех выстрелов, после четвертого патрон так крепко заклинивался в дуле, что вытащить его возможно бывало только в мастерской.

Их танки были первейшего типа (времен войны Филиппа Македонского — горько острили в армии), постоянно чинились и, пройдя четверть версты, возвращались, хромая, в город. Французские «Бебе» были очень хороши, но командовали ими англичане, которые уверяли, что дело танков лишь производить издали потрясающее моральное впечатление, а не участвовать в бое. В своей армии они этого не посмели бы сказать. Они развращали бездействием и русских офицеров, прикомандированных к танкам. Один Перемикин умел заставить эти танки продвигаться в гущу боя. Однажды, когда англичане, сидевшие в «Бебе», отказались идти вперед, Перемикин слез с коня и постучался в дверцу. Вышел высокий белокурый офицер в английском военном платье. Перемикин поглядел на него и спросил:

— Кто вы?

Тот отвечал по-английски:

— Офицер британской армии.

Перемикин гневно повысил голос.

— Я спрашиваю: какой вы нации?

— Русский, ваше превосходительство.

— Так передайте англичанам, что если ровно через три

минуты танк не двинется вперед, то я вас всех расстреляю.

Танк двинулся.

Англичане присылали аэропланы, но к ним приклады-вали неподходящие пропеллеры; пулеметы — и к ним несоответствующие ленты; орудия — и к ним неразрывающиеся шрапнели и гранаты. Однажды они прислали тридцать шесть грузовых паровозных мест. Оказалось — фехтовальные принадлежности: рапиры, нагрудники, маски, перчатки. Спрашиваемые впоследствии англичане с бледными улыбками говорили, что во всем виноваты рабочие-социалисты, которые-де не позволяли грузить материалы для борьбы, угрожающей братьям-большевикам.

Англичане обещали американское продовольствие для армии и для петербургского населения; обещали добавочный комплект американского обмундирования и белья, на случай увеличения армии новыми бойцами, переходящими от большевиков. И действительно, эти обещания они сдержали. Ревельские склады, интендантские магазины, портовые амбары ломились от американского хлеба, сала, свинины, белья и одежды; все эти предметы служили предметом бешеной тыловой спекуляции и растрат. В Белую армию одновременно влилось около двадцати тысяч красных солдат и жителей-добровольцев, но все они были разуты, раздеты и безоружны. К тому же их вскоре нечем стало кормить. А английский представитель в Ревеле Мэрч (или Гоф?) уже сносился по телефону с петербургскими большевиками.

Несмотря на то что железнодорожный мост через Нарву, разрушенный большевиками, был восстановлен в середине наступления, продовольствие просачивалось тоненькой струйкой, по капелькам. Не только жителям пригорода невозможно было дать обещанного хлеба, — кадровый состав армии недоедал. На требование провианта из тыла отвечали: продовольствие предназначено для жителей Петербурга, после его очищения от большевиков, и мы не смеем его трогать; изыскивайте местные средства. Удивительная рекомендация: снимать одежду с голого.

Лучше бы англичане совсем ничего не обещали, чем дать обещание и не исполнить его. Голодного не насытит хлебом из папье-маше, жаждущего не напоить морской водой.

С.-З. правительство было бессильно. Из него, вскоре после его основания, вышли покойный ныне В. Д. Кузьмин-Караваев, А. В. Карташев и М. Н. Суворов, возмущенные обращением англичан Мэрча или Гофа с русскими людьми и русскими интересами. В 1920 году они втроем выпустили брошюру о С.-З. правительстве, которую, несмотря на ее деловую сухость, ни один русский не может читать без волнения и гнева. Но авторы ее не могли сказать всего до конца. Всплесловии они упоминают, что многих вещей им в теперешние дни нельзя писать, но что они непременно вернутся к ним при других обстоятельствах. Так и не вернулись.

После этого ухода состав С.-З. правительства оказался ничтожным. Но остался в нем до конца событий один человек, принимавший горячо и близко к сердцу тяжелую

судьбу армии, а также боли, нужды и лишения беженцев. Это — С. Г. Лианозов. Спокойствие его, выдержанность и независимость умели пробивать эгоистическое равнодушие англичан, и за все, что он сделал для русских, глубокая ему признательность.

С.-З. армия изнуряется и тает в бесчисленных боях. Все резервы пущены в дело. Инициатива переходит в руки красных. Дивизия генерала Дзержинского — последний ресурс — подкрепляет правый фланг фронта, но большевики делают на левом прорыв наших войск у Кипени. Ликвидация прорыва поручается генералу Перемикину.

Он с Талабским и Семеновским полками спешно перебрасывается с правого на левый фланг. Он присоединяет к себе в ударную группу еще два полка и два французских танка «Бебе», только что привезенных из Финляндии. Перед вечером (27-го) занимает Первелево, вечером того же дня комбинированным обходом занимает Кипень и шлет в Витино вслед обходной колонны большевиков Конно-Егерский полк. Затем бои в Касково, Сокули, Еолковицы. Приходит на помощь Родзянко с танковым десантным батальоном и со своей личной сотней. Удивительный был воин Родзянко. Он как будто бы, после момента, когда Юденич перенял у него главнокомандование, нигде не состоял и никому не подчинялся. Но едва стоило какой-нибудь части, исполнявшей почти несбыточное назначение, очутиться в тяжелом положении, он, каким-то чудом, являлся на помощь со своей сотней и с прихваченными по пути вспомогательными средствами. Правда, был он по натуре великолепный и нетерпеливый всадник.

Далее идут Малково, шоссе Кипень—Гатчина, Ропша, куда Перемикин врывается на плечах большевиков и захватывает грузовик, орудия и 400 пленных. Затем Высоцкое и Высокая. Генерал Перемикин надеется занять к утру Красное. Но вдруг несчастные события на правом фланге заставляют штаб дать Перемикину распоряжения прекратить всякие операции против Красного Села и принять участие в общем отступлении. Перемикин телеграфировал главнокомандованию: «Передо мной свободная дорога на Петербург. Войду без препятствий». Второй приказ из штаба, и разъяренный лев подчиняется.

Талабский полк покидает Гатчину после всех. Он обеспечивает мелкими, но частыми арьергардными атаками отступление армии и великого множества беженцев из питерских пригородов. Наступает зима. У Нарвы русские полки не пропускаются за проволочное ограждение эстонцами. Люди кучами замерзают в эту ночь. Потом Нарва, Ревель и бараки, заваленные русскими воинами, умирающими от тифа. В бараках солдаты служили офицерам и офицеры солдатам. Но это уже не моя тема.

Я только склоняю почтительно голову перед героями всех добровольческих армий и отрядов, полагавших бескорыстно и самоотверженно душу свою за друга своя.

Из книги «Купол святого Исаакия Далматского»

Москва, 1992 г.

Рисунки Л. Бирюкова

*Нарва. Общий вид города с башней Германовского замка
Ивангород. Вид на крепость. Фото начала XX века*

†
Упокой, Господи, ра-
бов твоих, мирных бежен-
цев и воинов Северо-Запад-
ной армии, пострадавших от
ран и болезней, 1919-1920..
Или же иже.
Мил. Господи.
ВЕЩ